

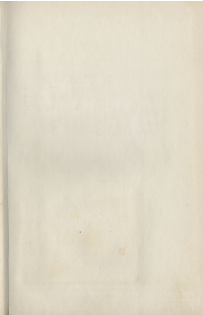
g(c)1

У-472

п

Н.Н.Улащик

Введение в изучение
БЕЛОРУССКО-
ЛИТОВСКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории СССР

9(2)1
У-472

Н. Н. Улащик

Введение в изучение
БЕЛОРУССКО-
ЛИТОВСКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ

Отвественный редактор
доктор исторических наук
В. И. БУТАНОВ

МОСКВА • «НАУКА» - 1987

История Литвы

Биографы посвящена история городов, опубликован в краеведческом научном альманахе в последние годы белорусско-литовской дружбы. Особенно много внимания уделено Сувальской дельте и провинции Бакшаны. Специальный раздел посвящен замечательным литовским историкам провинции М. Стрыйковскому и той части, которая содержит историю Вильнюса князя Литовского. Одна из центральных мест занимает раздел, посвященный происхождению и содержанию донорской части литовской. Вторым в литературе освещены вопросы о городском прошлом, географии и разных городах Белоруссии в XVII—первой половине XIX в.

Редакция: М. В. ВАРШОВСКИЙ, В. А. ЧЕРНЫШОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Белорусско-литовскими называются литовские, в которых выявлены историко-Великого княжества Литовского и которые являются на территории этого государства. |

Первоначально такое литовские назывались только литовскими. Однако О. М. Бодянский, обнаружив в 1846 г. литовские, получившие название литовские Равнинского, высказался, что не следует называть «белорусскими» в Великом княжестве Литовском¹. Это название не прижилось, и несколько времени спустя Н. И. Костомаров, учитывая как и Бодянский язык, назвал эти литовские белорусскими |. Подобное название, длительное время не вызывая споровников, появилось в недавнее время². Сближения к названию «литовские» отнесся Е. Ф. Карский, озаглавивший одну из своих работ «О языке так называемых литовских литавров»³. Против прилагательного «литовские» был и А. А. Шахматов, называвший их «западнорусскими»⁴. Парой случалось, что одна и та же исследовались в одной и той же работе называл литовские то литовскими, то литовско-русскими. Так, И. А. Тихомиров, озаглавивший свою статью «О составе западнорусских, так называемых литовских литавров», в тексте называл их то литовскими, то литовско-русскими⁵. В последнее время Р. К. Ватура и В. Т. Пандурго предпослали называть их литовскими Великого княжества Литовского⁶. В целом их чаще всего называют или литовскими, или западнорусскими.

Почти так же долго выработывались и названия для каждой из литовских в отдельности. Так, первую из найденных литавров называли то литовской, то литовско-Двинской, а в конце концов от неё выростилось название по месту нахождения — Оупрачельская. Вскоре же литовские называются или по месту, где они были найдены

¹ Бодянский О. М. О польских языках в Польской провинции Сибирии. — ЧОИИР, 1846, № 1, с. 7.

² Костомаров Н. И. Лекция по русской истории. СПб., 1861, ч. 1, с. 36.

³ Тихомиров И. А. Белорусские литавры на южной литературе. Минск, 1899.

⁴ Карский Е. Ф. О языке так называемых литовских литавров. — В кн.: Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 398—413.

⁵ Шахматов А. А. Записка о западнорусских литаврах. — ДИАК. СПб., 1891, вып. 13, с. 41.

⁶ Тихомиров И. А. О составе западнорусских, так называемых литовских литавров. — ЧОИИР, 1900, № 1, с. 4.

⁷ Ватура Р. К., Пандурго В. Г. Культура Великого княжества Литовского. — Вост.-история, 1977, № 4, с. 113.

(Ольшанская, Супрасльская, Слуцкая, Великая), или по фамилии владельца (Красивого, Рачинского), хотя применяются и смешанные: «Рачинского, или Польшицкий», «Слуцкая, или Умаровская».

Когда созданы летописи Великого княжества Литовского прекратилось, в Белоруссии около середины XVII в. начали писать городские хроника. Это был последний этап летописания. В настоящее время известны три хроника литовские (Т. Р. Сурты и Турбидвиль, городи Ореста, включившая в себя двенадцать), литовская Пандарного и Аверка, эти и сюда, в аномалии Слуцкая.

Если взять за исходное публикацию И. Н. Давыдовичем Супрасльской летописи (1823—1827 гг.)¹, то окажется, что издание и изучение белорусско-литовских летописей продолжается почти 160 лет. Срок весьма ошеломительный, однако сделано в этой области очень немного.

В работе Р. П. Дмитриевой² зарегистрированы издания летописей на русском, украинском и белорусском языках и исследования о них до 1959 г. — более 2 тыс. изданий. Из них на белорусско-литовские летописи приходится около 66, в том числе примерно в 20 работах белорусско-литовские летописи рассматриваются в связи с изучением какой-то иной летописи. Что касается изданий (включая т. XVII ИСРЛ), в которые включены тексты этих летописей в начале XX в. белорусско-литовских летописей (за исключением Румилевской), то их немного — больше десяти.

Несколько более интенсивно изданием и изучением белорусско-литовских летописей стали заниматься в последние годы. В библиографии за 1960—1972 гг. (является продолжением книги Р. П. Дмитриевой), составленной А. Н. Казаневичем³, исследованы, описаны белорусско-литовские летописи, условно примерно 25.

После 1952 г. вышли в свет т. XXXII и XXXV ИСРЛ, в которых помещены белорусско-литовские летописи⁴, а также несколько исследовательских работ по той же теме. В общем, усилия в деле изучения белорусско-литовских летописей в последние годы невелики.

Недостатком существующей литературы является прежде всего то, что в ней отсутствует начало (это есть, но в крайне урезанном виде), т. е. не осуществлено учет летописей, не сделано их полное описание, не указаны (за некоторыми исключениями) точный адрес, не всегда сообщено, в каком городе, в какой библиотеке или архиве хранится рукопись и где она издавалась ранее, не всегда сообщено, какими способами подготовлены тексты рукописей: редакторы, публикация ту или иную летопись. Таким образом, источниковая база, на которой основаны наши знания об истории страны, изучена мало. А между тем максимальное изучение летописей (как и других источников) должно дать, насколько точно передаст и издавать текст рукописей. Кроме

¹ Указан И. Н. Остерны в публикации Супрасльской летописи. — В кн.: Летописи и хроники, 1926 г. М., 1976, с. 202—214.

² Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. М.: Л., 1962.

³ Казаневич А. Н. Советская литература по летописанию (1959—1972 гг.). — В кн.: Летописи и хроники, 1973 г., с. 204—256.

⁴ ИСРЛ, М., 1972, т. XXXII; М., 1980, т. XXXV.

того, не имея происхождения памятника, не изучив происхождения, находясь в одном сборнике с литовскими (а почти все белорусско-литовские летописи составляют часть сборников, в которых помещены разнообразные материалы исторического, религиозного или художественного характера), нельзя основательно решить вопрос об истории летописи. Отметим это, мы не хотим сказать, что в предпринятой работе все эти вопросы решены, но они, во всяком случае, поставлены.

В литературе известны данные лишь о летописях Красивского, Рачинского, Студской и Быховца — где и когда была обнаружена та или иная рукопись. В результате мы не знаем, кто был составителем летописи, во время какого она создавалась или переписывалась, какими источниками располагали составитель (или переписчик) или произведений, путь, которым летописи попали в транскрипт, где она находится сейчас, и т. д.

Все сказанное касается тех летописей, которыми мы располагаем сейчас. Можно не сомневаться в том, что мы никогда не сможем установить точно, сколько и какие летописи имелись когда-то, однако все-таки в этом направлении сделать можно, свидетельством чего является работа А. Н. Рогова¹⁷ и др.

И. Н. Данилович утверждал, что во времена Сигизмунда (1506—1572) в Великом княжестве Литовском осуществлялось массовое переписывание летописей, ссылки же на источники, потеряровавшие это, в его работе нет¹⁸. Вполне возможно, что чужо об этом сообщал И. Овчинник, которого И. Н. Данилович считал самым крупным специалистом по истории Великого княжества¹⁹, но из работ Овчинника почти ничего не сохранилось. Что же касается условий для сохранения рукописей в эпоху после Сигизмунда, то она была до крайности неблагоприятна.

В Белоруссии до конца XVI в. почти все монастыри были православными, почти большинство из них стало униатскими, кроме того, было создано много католических. Борьба, разгоревшаяся между православными, с одной стороны, униатами и католиками — с другой, привела к тому, что масса рукописей, писавшихся кириллицей в православных монастырях, была уничтожена, масса документов погибла илаважаме от того, на какие явине и каковы крэфтон она была написана. Еще больше книг и рукописей погибло во время бесконечных войн.

В настоящее время не существует ни одной работы, в которой сообщается бы, какие монастыри были в разное время в Белоруссии и какими религиями фонатами, вкваша, утварю, облаченны и т. д.) располагал тот или иной монастырь.

Так же и в отношении крупных феодалов. Известно, что во владениях Ходковичей, Студских, Салог, Ошмянских и других феодалов находились громадные собрания рукописей, книг и вообще культурных

¹⁷ Рогов А. Н. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1906.

¹⁸ Данилович И. Владыкоў і шляхецкіх шляхцкоў історыяў. — In: Мемуары і літ. Клясыка па іста, літвэнка, ітава і чужой іх Вялікі Князьства, 1846, т. 1, с. 14—15.

¹⁹ См. Овчинник ст.: Радзін П. П. Справа па археографіі і істэрыкавазнаўчым історыі ў беларускай феодалавага перыяду. М., 1971 с. 14—15.

известны, но что произошло у них точно, нам неизвестно. Самыми крупными собраниями рассказов Радзивиллы, к которым перешли все собрания князей Слуцких, но работ, в которых было бы особенно культурное значение хотя бы Несомна, «столицы Радзивиллов», нет.

Наши названия фамилии самых крупных феодалов, но многие менее значительные феодалы, даже из среды средней и малой власти, тоже были князья, нередко очень богатыми, в которых хранились и летописи. Примером тому служат имена Югальщины Быльоны и Спывана Хавитонка.

Летописи, которые имеются в наших распоряжении, далеко не всегда сохранились полностью: во многих из них недостает то начала, то конца, а иногда и середины. Уяснить, что утрачено, можно частично путем сопоставления текстов отдельных летописей, а для определения, какие летописи (стард включались сейчас) были в XVI в., больше всего для польские хроники в главном образом хроники Маджа Стрыйковского¹¹.

Ряд белорусско-литовских летописей начинается с легендарного сведения о прибытии 30 семей знатных рыцарей во главе с Палемонем из Италии в Литву. Об этой легенде написано немного, однако достаточно времени на этот вопрос, когда и кем она создана, не ясно, как она изменялась (в разных летописях легенда по-разному подана), неизвестно в процессе включения ее в летописи, содержание какие реальные данные.

Вопросу известности Стрыйковского летописных известий, как и вопросу о происхождении и развитии легенды, в нашей работе отведены специальные главы.

Относительно много внимания в монографии уделено последнему жанру белорусско-литовского феодального (часть белорусского) летописания — городским хроникам, ведь это наиболее изученный этап летописания. Например, самым крупным в содержательном из этих произведений — Югальщинские хроники — видимо лишь в переводе (она написана по-польски)¹², к тому же, перевод сделан с современного варианта и недостаточно квалифицированно. В довершение всего Н. Г. Гортыковский, не знавший о существовании полного списка хроник, приписал летопись Александру и Михаилу Турбинским, хотя на самом деле это произведение начал писать Т. Р. Сурта, продолжил К. Турбинский, а участие Александра и Михаила Турбинских было второстепенным. Сурта, который в предисловии Гортыковского выдает как лицо почти легендарное, продолжает жить в этом жанре до последнего времени. В нашей работе сделана попытка

¹¹ *Chroniczki M. Królów polski, litewski, i moskiewski Rusi...* w Kłobucku 1882. Польское издание вышло вдовой этого труда *Chroniczki M. Królów...* Warszawa, 1898, кн. 1, 2. Далее: Хроника; римские цифры означают часть, страницу — страницы.

¹² Хроника белорусского города Печаныя. Собранные и переведенные Александром Турбинским, ригитом Югальщинской казначейства, во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX в., продолженные его сыном губернским секретарем Михаилом Турбинским/Переведена с польского... Николаем Гортыковским. — ЧОИИР, 1887, кн. 3, отд. 1, с. 1—142. Есть и отдельный оттиск.

увидеть, кем была Сурга в Трубянкове, а также историко созданный монпельвский архивы в целом. Подлинность отсутствуют исследования, касающиеся «Самоско» агумента Ореста. Все, что известно о самом авторе и его работе, основано на кратких сообщениях Ф. Г. Елесского — редактора т. II «Антографического сборника документов»¹¹. Пятибской летописи Пашарного в Америка повествование Балман: она задана в оригинале и в переводе (выписки на польском языке, переведена на русский)¹², однако последователей от ней нет. Что касается Служки (не летописи, а хроника), то она вообще была неизвестна¹³.

Отсутствие литературы о названных памятниках в какой-то мере объясняется их «молодостью» — это произведения поздние, тогда как исследователи в первую очередь изучали и изучают наиболее древние. Другая причина, притом гораздо более существенная, заключается в крайне слабом знании истории Белоруссии вообще. Наличие летописей или хроник не только повышает культурный уровень города, селения, страны в целом, но и отражает многие стороны жизни своего времени вообще.

Городские хроники отличаются от предыдущих прежде всего тем, что они посвящены почти исключительно событиям, происшедшим в самом городе или вообще в своей местности. Кроме того, они написаны или на польском, или на русском языках, тогда как предыдущие писались или на древнерусском, или на старобелорусском.

Учитывая, что о городских хрониках литература отсутствует, данные о их поисках и издавании помещены не в главе второй, как о летописях, а в пятой, содержащей вообще все известное, касающееся этих хроник.

В целом данные монография посвящена разным вопросам, но ни один из них не решен сколько-нибудь полно. Слишком много возникает вопросов, связанных с летописанием, и слишком мало исследована история Белоруссии и Литвы, чтобы можно было написать относительно полную обобщающую работу по этой теме. Поэтому, с точки зрения автора, предлагаемое исследование представляет собой лишь введение в дело изучения названного вопроса.

В монографии рассматриваются летописи и хроники. В чем между ними различия? Вообще, считается, что летопись — это произведение, в которых события описываются за годы (или даже) отсюда в порядке. Хроники же представляют собой сводные рассказы на какой-то отрезок времени, не обязательно в хронологической последовательности, а иногда и вообще без указания лет. Однако белорусско-литовские летописи и хроники под эти определения не подходят. На-

¹¹ Антографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси. Вильна, 1907, т. II, с. IX—X.

¹² В оригинале летописи Пашарного в Америка впервые выписаны в Книжке Сборника летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комитетом для сбора древних актов. Киев, 1888, с. 213—226. Вторично летопись выписана в ПСРЛ, т. XX, № 112 (ч. 1), 1879, с. 192—202. На русский язык летопись переведена А. П. Савиновым Восточная старина. Вильна, 1900, т. I, с. 40—415.

¹³ Русинская хроника выдана в Вильно весте Чаргарайскит в Кривле (Специальный отдел, № 148, л. 529—534).

пример, в старейшей летописи — Супрасльской — часть, содержащая описание событий, происходивших в Великом княжестве Литовском, озаглавлена «Летописець великих князей литовских», но в дальнейшем ведется в виде рассказа без указания годов, т. е. имеет вид хроники. Обозначение «Летописец» для всех произведений, включенных ранее в т. XVIII, а сейчас в т. XXXV ГСРЛ, дано публикаторами независимо от того, как они именовались в рукописи. Название «Хроника Быльниц» дано им первым издателям Т. Нарбутом; оно и закрепилось в литературе, хотя по своему характеру эта хроника почти не отличается, словом, от летописи Радзивилова.

Наданием двух томов белорусско-литовских летописей и написанные исследования о них заняло немало лет, в течение которых ряд лиц оказали нам весьма существенную помощь. Проявите глубокую благодарность В. А. Чечерицкому, пригласившему к печати хроники Быльниц и Сурты — Трубянцкое и сделавшему ряд замечаний по последней рукописи, а также сотрудничавшим институтом истории СССР, славистоведения и балканистика, принимавшим участие в обсуждении рукописей в высшем ряд научных предложений: В. И. Буганову, М. Е. Бельской, Ф. А. Гресулу, В. И. Корсакову, Л. Л. Мрчановой, А. И. Рогову, Б. И. Файра, А. Л. Хоросковича.

Глава первая

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Первым исследователем белорусско-литовского летоисчисления был Н. Н. Давыдович — профессор Вильнского, позже Харьковского, Московского и Киевского университетов.

К этим сюжетам еще раньше обращался А. Л. Шайер, но так как в это время еще ни одна белорусско-литовская летопись не была известна, а выдана лишь статья Ж. Стрыйковского на русском или литовские летописи, то Шайер полностью отверг возможность их существования. Он исходил в этом случае из предположения, что грамотность (т. е. способность выложить письменно свои индивидуальные впечатления) является только с принятым христианством, а так как Литва начала христианизироваться в 1386 г., то лишь с этого времени и возможно было начинать создание своих летописей, тогда как у Стрыйковского статьи на них датованы за гораздо более раннее время. Под Литвой Шайер понимал не только собственно Литву (Литву историко-географическую), но все Великое княжество Литовское, утратив из вида, что в момент христианизации Литвы в состав Великого княжества входили все Белоруссия и большая часть украинских земель, где письменность существовала уже столетия. Кроме того, Шайер под литовскими понимал памятники, созданные на литовском языке, а так как подобная литовской действительности не была, то это и служило ему бы подтверждением его взглядов¹.

Давыдович был во отношении со Шайером в более выгодном положении, так как сам видел и опубликовал первую летопись, сохранившую данные по истории Великого княжества Литовского, — Сутраславскую. В 1836 г. Шарфут сделал палеографические описания древних Вышова и дал ряд ссылок на этот источник². Располагая такой богатой исторической базой, Давыдович написал свои исследования о литовских. Эта небольшая по объему (только двух печатных листов) работа оказалась очень высокой по содержанию³.

Давыдович явился в Сутраславской летописи таким исследователем и настолько обоснованным соображений, что они в ряде случаев не потеряли своего значения и до наших дней; вместе с тем его исследования о языке литовской полны противоречий.

¹ Шаер А. Л. Открытие и публикация Сутраславской летописи. — В кн.: Литовские и прибалт. 1876 г. М., 1876, с. 203.

² Шарфут Г. Давно стародружне писаро Вышавскаго. Вильна, 1836, с. 111, с. 123.

³ Давыдович В. О литовских летописях. — ЖМНП, 1848, № 11, с. 76—114.

Посвященную и после находок Давидовича и Нарбута основным источником знаний о литовском Великом княжестве оставались «Хроника» Стрыйковского, но Давидович в дальнейшем плане работы уделял этой работе, стараясь углубить, какими источниками пользовался зрелост на всем протяжении своего труда, сосредоточив внимание на тех, которые Стрыйковский заимовал русскими или литовскими летописями.

Накратко первую работу о литовских по-русском, Давидович, выдвигая, указывает, что интерес к этим летописям был сильнее всего у тех, кто читал по-польски (я кто часто не знал русского), в 1841 г. опубликовал перевод статьи на польский⁴. Автор отметил, что в период работы некоторые изменения. Действительно, в польском тексте неслучайно изменены формулировка, а также порядок следования некоторых параграфов. Главное же заключается в том, что в переводе акцент подчеркнутый тот в тех местах, где Давидович выступил против Шайнера и Крашевского, которые отрицали наличие литовской, написанных в Великом княжестве Литовском силами жителями этого государства.

Страна еще пять лет, в 1846 г., та же работа под тем же названием была опубликована как бы в качестве выводов ко второму изданию «Хроника» Стрыйковского⁵.

Учитывая, что во всех трех статьях Давидовича повидел в общем одна и тот же текст, они рассматриваются здесь как одно произведение.

Русский текст работы начинается с анализа источников, по основании которых Стрыйковский писал о начальном периоде литовского народа, и содержит утверждение, что этими источниками была литовская списки Христиана (флет сомнения, что история XVI в. потеряла первоначальные действия правосудия и средних на литовца на литовцы первого прусского епископа Христиана, который жил в начале XIII ст.)⁶. Позже она детализировалась, и проверить точность использования ее Стрыйковским для Давидовича оказалось невозможным.

Стрыйковский сообщил, что он пользовался четырьмя литовскими хрониками, однако не назвал их, Давидович, проанализировав его данные и литературу о литовских хрониках, пришел к выводу, что Стрыйковский пользовался не четырьмя, а тремя хрониками: Герарда Литвицкого, Альберта и «Первой литовской хроникой»; что собой представляла четвертая хроника и пользовался ли ею вообще Стрыйковский, Давидовичу установить не удалось⁷.

⁴ Dąbrowski J. Wiadomości o wstąpieniu Henryka litewskiego. — In: *Ateneum*. Włocławek, 1841, t. 8, s. 13—42.

⁵ Dąbrowski J. Wiadomości o wstąpieniu Henryka litewskiego. — In: *Strzykowski M. Kronika polska, litewska, białoruska i węgierska* Włocławek, 1846, cz. 1, s. 31—62. Статья на 78 издании дана по тексту, помещенному в «Хронике».

⁶ Давидович М. Указ. соч., с. 70.

⁷ Там же, с. 70—80. Сведения, хроника Альберта — это рефлексивная хроника (*Ustępowanie Bolesława* / Ed. L. Meyer. Pabianice, 1876). См.: Давидович М. Т. Описание Литовского государства. М., 1859, с. 124.

Историк Литвы Стрыйковский начинает с национальной легенды о бегстве предков литовской знати из Италии в Литву, причем он приводит две версии этого события во двум литовским. Сам источник одинаков эти легенды очень высоко, утверждая, что «Литва и Салиттия (Жамойтия.— *Н. Я.*) имеют корни вымрутены нами как достоверными литовскими»¹. Того же мнения придерживались и Давалонис, писавший, что история Литвы основана Стрыйковским «преднамеренно на двух чисто литовских легендах, на созданных коих [он и] составил свое сочинение»². С первой из них Стрыйковский не сообщил имени, которую же он получил в подлиннике у князя Заславского — владельца селения Великого Берестовица (сейчас в Брестской обл. БССР). Немного из повествования в легенде датчика Нарбута о времени Выхова, Давалонис признал к выводу, что легенда, которая была получена Стрыйковским у князя Заславского, оказалась впоследствии у Балюка и поэтому стала называться временем Выхова. «Смысл и с убеждением,— писал Давалонис,— утверждая, что эта легенда (Выхова.— *Н. Я.*) есть именно та самая, которая названа Выховом и которой лучше я владею; по достоверности Т. Нарбута Стрыйковский не видел и не видел»³. Давалонис был настолько уверен в этом, что даже предлагал переименовать ее в Заславскую. Когда же временем Выхова была опубликована полностью и оказалась возможным сверить ее с тем же самым литовским Заславским, на котором ссылался Стрыйковский, то между временем Выхова и литовским Заславским было обнаружено так много общего, что одну можно было принять за другую. Лишь после тщательного текстологического анализа, проведенного А. Н. Роговым, было доказано, что у Стрыйковского было две или больше очень близких по содержанию литовских, но все же это были разные списки одного и того же произведения⁴.

Опять-таки, используя данные Нарбута и сопоставив с ними, Давалонис попытался восстановить как бы контингент историю создания времени Выхова. Давалонис утверждает, что та часть, в которой излагаются события до правления Майдота, основана частично на народных преданиях, частично на греческих и восточных источниках, частично же просто на соображениях автора. На Польской (Шатильской) и еще какой-то неизвестным дожде литовских историков и русских литовцев, «сравнительно, собранные данные за период правления Майдота — Гедимина; от Гедимина эти легенды, иной издавший Кутрасельской.— *Н. Я.*», а о времени Кайшора и до конца (1306 г.— *Н. Я.*) могут быть произведены самого автора»⁵.

Кроме двух основных, у Стрыйковского, согласно его изложению, являлись еще две весьма достоверные литовские, находившиеся у пред-

¹ Стрыйковский М. *Культура народа, история, география и верования* Край. Варшава, 1848, т. 1, с. 27.

² Давалонис Н. *Указ. соч.*, с. 88.

³ Там же, с. 89—90.

⁴ Рогов А. Н. *Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения*. В., 1966, с. 128, 145, 147 и др.

⁵ Давалонис Н. *Указ. соч.*, с. 94—95.

ивского старосты А. Н. Ходковича. Давалонич считал, что это часть Вильянской летописи¹⁴.

Однако Стрыйковский ответил, что у него, кроме четырех вполне достоверных, была еще «крошка летописки, т. е. путаница, недостоверная (Давалонича, исходя из известных высказываний Стрыйковского, считал, что «крошка» у краинца была несомненной). Из этой летописки Стрыйковский привел цитату на языке оригинала, но польской графиней. Давалонич всерьезно не усомнился в том, что это действительно фразы из летописи XVI в. В ней сообщается, что новгородский князь Рымович после изгнания с победоносной битвы у Могилыво в Новгороде «грабил трех сынов, да ни одного казненного дела из этих сынов было». В том, что Рымович — лицо маркитское, Давалонич не сомневался, но язык фразы вызывал, что она написана в XVI в. Занимаясь источниками XVI в., Давалонич понял, что это действительно отрывок летописи, составленной автором Великого княжества Литовского, и обрушился на своих противников (Шайблера в Крайновской) и не совсем полевой форме. «Пускай же после этого пересят, — писал он, — что краинцы (считали Великого княжества Литовского — *М. К.*) не писали летописей, если подобная, согласно утверждению Стрыйковского, из древности в качестве языка употребляла Литва — не только была [в Литве] древнее летописание, но [она] всегда по-русски, не по-литовски писала с добавлением литовского акцента»¹⁵.

Стрыйковский в самом начале своей работы утверждал, что все использованные им «крошки» были написаны на русском языке, с чем Давалонич полностью соглашался в сотрудничестве со Шайблером и другим исследователем. Языку литовский в работе Давалонич отдал специальный параграф, правда вводящий не совсем привлекательные заголовки: «О литовском языке русских летописей». Этот параграф начинается словами: «Все литовские летописи написаны по-русски, которые Литва в древности употребляла как крошки»¹⁶. Далее говорится о том, сколь велико было воздействие русской культуры. Согласно мнению Давалонича, Литва была со всех сторон окружена русскими (это не точно, так как литовцы граничили частично с родственными им русскими, частично с поляками, а на севере с поляками латышской. — *М. К.*) и поэтому, хотя в свое время литовцы обладали и поднимали себе русские области, они приняли язык русский не язык двора, науки, государственности, права, дипломатии, только с его посредством понимали друг друга и писали летописи¹⁷.

В другом месте Давалонич называет язык, на котором написаны упомянутая выше фразы о князе Рымовиче, русско-литовским первоначальным наречием¹⁸. Если принять положение, что существовало русско-литовское наречие, да еще провинциальное, то следует говорить и о наличии русско-литовского языка. Но дело не явил-

¹⁴ Там же, с. 96.

¹⁵ *См. также* J. Władysław o źródłach historycznych litopisu. — In: *Strzykowski R.* Op. cit., т. 1, с. 28—29.

¹⁶ Там же, с. 28.

¹⁷ Давалонич *М.* Указ. соч., в. 27.

сказывается и на этом. Обращаясь к той же фразе еще раз, Давылович сообщает, что литовские летописцы употребляли для своего произношения чешинский диалект, а сами русские никогда не писали¹⁷. Здесь Давылович хотел подчеркнуть, что русские летописцы (московские, новгородские и др.) писались иным языком, чем литовские; вместе с тем он говорит уже не об акценте а не о провинциальном наречии, а о диалекте, причем не русском, а литовском. Подчеркивая слово «литовский», Давылович таким образом акцентировал внимание читателей на нем, утверждал, что это не ошибка, что автор писал именно то, что хотел, что считал верным. Следовательно, соглашаясь со Стрыйковским, что литовские летописцы писались на русском языке, Давылович тем не менее утверждает, что они писались и на литовском диалекте и на русско-литовском наречии.

Фраза о Рыгольде заимствована из «журнала» летописи, литовские же эта, по мнению Давыловича, отличалась от «журналов» не только содержанием, но и языком¹⁸. Однако, когда была найдена летопись Ручиского, а затем и еще несколько летописей, то оказалось, что фраза о славянском Рыгольде есть в некоторых из них, и хотя в «журнале» Быкова («журналы», основной летописи) сыном Рыгольды назван Риндот, но язык летописи Ручиского и «журнала» Быкова почти одинаков (очень близок к разговорному белорусскому). Значит, и «журнал» Быкова написан не то на литовском диалекте, не то на русско-литовском провинциальном наречии. Вместе с тем, опровергая мнение Нарбута, что «журнал» Быкова (вернее, ее начало) написана на «славянском» (в данном случае на литовском. — *М. У.*) языке, Давылович заявляет: «Для кого и кто писал бы историю ло-дальскай? Он говорил, что если бы они и были литовцами, то их никому было бы читать, так как вкрапленные встатье жронка не читают, а кто умел читать, тот, очевидно, не знал литовского языка¹⁹. Давылович явно преувеличивал степень деиндоевропейзации литовского диалекта (в том же, впрочем, и мейдэ), так как во времена «журнала» Сигизмундовича читались только переклады магнатов и в городе никакой степени среднего и низшего дворянства (палаты).

Чтобы закончить перечисление тех определений, которые давал Давылович языку летописной, добавим, что в одном случае он назвал его русско-польским «с примесью местных произносов»²⁰.

Как все это следует понимать (отдельно различных случаев по одному и тому же вопросу, причем календарному автором очень высокой квалификации)?

Все как почти всё становится понятным, если принять, что Давылович белорусский язык называл литовским. Тогда литовский диалект окажется белорусским диалектом русского языка, тоже с «индоевропейским», тоже с «провинциальным наречием». Мы знаем, что это не наречие а не акцент, но в языке Давыловича белорусский нередко на-

¹⁷ Давылович Г. *Ор. сб.*, т. 28. Подчеркнуто автором. — *М. У.*

¹⁸ Давылович Г. *Указ. соч.*, т. 28.

¹⁹ Давылович Г. *Ор. сб.*, т. 28. Подчеркнуто автором. — *М. У.*

²⁰ Там же.

железта литовскими¹⁴, а не язык литовский, и даже в конце XIX — начале XX в. стоял вопрос, язык ли это (белорусский) или наречие. Правда, будущий уроженец Белоруссии (крайнего юго-запада), Давыдович, казалось бы, должен был разобраться в языке лучше, чем оказался на самом деле, но поскольку получалось так, а не иначе, то можно считать, что, говоря о языке литовский, автор заблуждался.

Давыдович уделял внимание и еще некоторым вопросам. Так, он считал, что литовский писатель-этнографические литвинцы (или-то и писали «с произношением».— *В. В.*). Учетным является его представление о Литве и Руси, которая была утверждена, что он понимал под литовским этнографом¹⁵.

Первоначально, по мнению Давыдовича, в деле создания этнографического памятника роль этнографического списателя юмашевскому Мельнику Гербову, у которого, возможно, была «литовская» литвинка, послужившая Стрыйковскому основным источником в его труде¹⁶. Стрыйковский упустил Стрыйковского литовским в том, что она вышла без дат. Давыдович добавила, что литовские литвинцы известными такую форму у писателя этнографов, которые писали свои этнографы не по видам, а по этнографическим вопросам¹⁷.

Естественно, что в своей работе Давыдович уделял внимание и той литвинке (Сутрапальской), по сравнению с названием.— *В. В.*, которую он назвал в издав, сравнивая ее как «чисто литовскую», дожде никому неизвестную¹⁸. Впрочем, разницу между «чисто литовской» и «чисто литовской» автор не разграничил.

На основании отдельных замечаний, приведенных в литвинке, Давыдович определил, что она написана между 1394 и 1446 гг. Публикатор очень широко привел найденный им материал: «Смело утверждаю, что доселе мы не знаем лучшей и даже древнейшей литовской литвинки»¹⁹.

Заканчивая этот параграф, Давыдович еще раз обратился к Шейнеру со словами: «Следовательно, несовершенство копирования Шейнера, что нет в нем было литовской старе XV или XVI века, ибо этнографическая этнография около 1394 г.»²⁰.

Далее Давыдович останавливался на публикации литвинки, также найденной в свое время в Сутрапальском монастыре и изданной в 1836 г. М. А. Оболенским²¹. Заключительный параграф отведен еще одной «литовской литвинке» — Сафоновича, не изданной и до наших дней²².

¹⁴ Например, в книге «Краткая Россия и был революционный ее народом КТБ., 1899 сказано, что «литовский язык... является частью германской из Черноморья, принадлежит к литовскому г., 312—316.

¹⁵ Давыдович Г. Сп. сд., а. 28.

¹⁶ Давыдович В. Сп. сд., с. 80, 85.

¹⁷ Давыдович Г. Сп. сд., а. 28.

¹⁸ Давыдович В. Сп. сд., с. 181.

¹⁹ Там же, а. 188.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, а. 106—110.

²² Там же, с. 110—112.

Если у Давидовича оказались так много черновых, то в чем значение его труда? Вообще, имя первого, кто выступил в той или иной области, редко забывается, несмотря на то что после появления его работ работа уходит так далеко вперед, что написанные много лет назад труды кажутся мизинцем. Однако работы Давидовича оказались значимы и в наше время, несмотря на некоторый «хрономорфизм».

Важнейшим значением трудом Давидовича заключается в том, что он первым, в притом вполне обоснованно, заявил, что Стрыйковский, ссылаясь на историка, лишь передавал то, что имелось в летописях. Затем, работа Давидовича была напечатана в русском журнале и поэтому стала доступной тем, кто не владел польским языком, на котором в то время печаталось большинство работ по истории Великой княжества Литовского, а именно таким образом большой (по тому времени) круг читателей с обнаруженными лингвистическими способностями. Напечатанными на польском, в частности, в виде введения к хронике Стрыйковского, статьи облегчала (сделала более понятной) читателям много труда чужие языки ист.

• Параллельно со Шайером и Крашевским, Давидович показал, что в Великом княжестве Литовском летописание велось, по крайней мере, с конца XIV в. и что эти труды носили «крайнюю». Он указал и на то, что во времена «бояка Сагановича» в стране «руководилась летописью» и что их в то время по известности перепечатавали, т. е. что народ интересовался своим прошлым. Что касается языка, то Давидович внес в этот вопрос крайнюю путаницу, на своем языке и в наше время.

Пришло отметить лет после выхода последней статьи Давидовича, прежде чем возникло новое исследование, в котором данные о белорусско-литовском летописании состояли лишь в небольшой части работы; автором же был Н. Н. Костомаров¹². Ко времени появления «Летопись» Костомарова было опубликовано несколько ранее неизвестных летописей: в 1846 г. Т. Нарбут выпустил хроника Бельска¹³, известную прежде только в отрывках; в том же 1846 г. Ю. М. Бодянский напечатал отрывки из летописи Радвицкого¹⁴; в 1854 г. А. Н. Пономев опубликовал часть Слуцкой, или Уваровской, летописи¹⁵. Как правило, критиками летописи приводились сличением критике географические сведения, тем не менее довольно общими представлениями об издаваемой ими рукописи.

Костомаров разделил все известные тогда летописи на критиче-скую и полную. К критиче были отнесены Сутраевская и Слуцкая (под критиче понимались только те летописи, которые начинаются с

¹² Костомаров Н. Н. Лекции по русской истории. СПб., 1860, ч. 1, с. 33—38.

¹³ *Chronik der Bistum Radwicz. Wjano, 1846.*

¹⁴ *Radwiczki D. M. O powstaniu miast w Wielkopolskiej gubernii wydawnictwo...* ЧОИИД, 1846, № 1, с. 7—11 (оригинал текста в критиче и нем комментарии).

¹⁵ *Летопись древней великой литовской? Прибалт. и издавшие А. Н. Пономев — Труд. зап. Ист.-инст. Академии наук, 1854, кн. 1, статья III, предисловие — с. 31—37, текст летописи — с. 37—38.*

перечислены языковой Гедимина и указывая, что каждому из них досталось после смерти отца, а вдовой — хроника Бисовода¹².

После выхода «Книжки» Костомарова в изучении белорусско-литовская летописей вступил опять длительный перерыв. Положительным было выставлено обосурологованием, что в дело вмешались Академия наук. В объявлении о предстоящем присуждении десятилетней премии графа Уварова было высказано пожелание, чтобы работа, представляемая на эту премию, была написана о западнорусских летописях. Далее было заявлено, что, хотя Академия не имеет склонности совмещать выбором темы, она могла позволить... обратить особенное внимание ученых на два следующие предмета. Затем сообщалось, что из ряда источников отечественной истории выделяются не последние места западнорусские летописи о Великом княжестве Литовском. Академия выдвигала на решение следующие вопросы, связанные с белорусско-литовским летописанием: I) время составления летописей; II) их состав; III) установление, какие заимствования сделаны из западнорусских летописей как русскими летописцами, так и польскими хронистами¹³.

На премии Академия не останавливалась много, и тогда через два года объявление было повторено¹⁴, но результат был прежний. Лишь в 1881 г. Н. А. Тихомировым была подана работа, озаглавленная «О составе западнорусских, так называемых литовских летописей», однако в печати она появилась лишь спустя 20 лет, в 1901 г.¹⁵

В 80-х годах XIX в. об этих летописях появились небольшие заметки в работах по истории Украины. Так, Н. Молчановский в своем исследовании о Подолье использовал Сутрадьскую летопись, хроника Бисовода и ту часть Службой летописи, которая была подана Пономарем. С летописью Ровинского Молчановский был знаком по копии, принадлежавшей Литвинскому; о том, что сообщал о ней Бодянский, Молчановский не упоминает. Он считал, что хроника Бисовода и Служба летописей местами схожи, а Сутрадьская значительно отличается от них. Это верно, но Молчановский рассматривал источники лишь в части, касающейся Подолья, а так как сведения Сутрадьской летописи в этом месте действительно отличаются от данных хроника Бисовода, то отсюда и сделал такой вывод¹⁶.

Кратко и очень туманно информировал своих читателей о Сутрадьской летописи галицкийский ученый П. Островский, который сообщал, что эту летопись назвал не Давидович, а Соловьевский. Затем выкинул Сергея Оленинча, по докладу которого были переведены лето-

¹² Костомаров В. В. Указ. соч., т. 1, с. 53—58.

¹³ Отчет в десятилетие присуждения награды графа Уварова. СПб., 1870, с. 11. Второй предмет — это вторая тема, предлагаемая историк, который имеет участвовать в конкурсе.

¹⁴ Отчет в двадцатилетие присуждения награды графа Уварова. СПб., 1870, с. 23.

¹⁵ Тихомиров Н. А. О составе западнорусских, так называемых литовских летописей. — ЖМНП, 1901, № 3, 5. Сообщения Тихомирова, что он в 1881 г. получил из его исследования письма Уварова, принадлежали не в копии редакции (на работах Н. Шарановича в С. Савельева) в ЖМНП, 1901, № 2, с. 402.

¹⁶ Молчановский Н. Очерк князей в Подольской земле до 1438 г. — Ученые записки Киевского университета, Киев, 1883, № 3, с. 2—3.

гась, являясь кляпом Друским. Остовский наш лишь издание 1827 г., во ему было известно, что она раньше печаталась в «Валенском дневнике», и т. д.¹⁰

В 1885 г. вышли работы украинского историка В. В. Антоновича¹¹ и Н. Дашкевича¹². Они специально летописали не только Киев, но, изучая историю Украины, критически проверили данные источников, среди которых белорусско-литовские летописи занимали видное место. Больше всего эти авторы уделяли внимание хронике Былова, причем к свидетельству источника о завоевании Гедимином Вильны, Киева и Поднепровья они отнеслись весьма скептически.

В 1885 г. по поводу одной из почти обязательных частей литовской — Повали Витовту — выступил М. С. Грушевичский. Прежде всего он высказался о названии новой их коллекции: «Русские летописи Великого княжества Литовского, — писал Грушевичский, — или русско-литовские, так называемые писанные русским языком летописи, имеющие целью изобразить историю Великого княжества Литовского. Эти летописи содержат важные сведения, но мало научны. Повали, во мнению Грушевичского, имеет характер официальный, ее цель — доказать право Витовта на Великое княжество Литовское»¹³.

В 80—90-е годы XIX в. в дело изучения литовской включились польские ученые И. Шараневич¹⁴, С. Смольск¹⁵ и А. Протаска¹⁶.

Важнейший вывод Шараневича заключается в том, что историк, где создавались белорусско-литовские летописи (все эти авторы называли летописи только литовскими), был Смольск. Но что известно, летописи представляли собой своды, составленные в разное время в различных местах. Шараневич считал, что составители этих летописей до 1446 г. пользовались какой-то старинной летописью, а события начала XVI в. привлекли государственные и частные акты, т. е. документы официальные.

Смольск рассматривал свою работу как истиннонаучную статью к будущему изданию под названием «Русские летописи о польской истории». Цель этого издания — установить взаимосвязи между польскими, русско-литовскими летописями и хрониками. Основными объектами изучения Смольск были Супрасльская и Слуцкая летописи, причем автора больше всего интересовала разница между ними, что в конечном итоге должно было привести к решению вопроса о

¹⁰ Остовский Ф. Неизвестная литература русской. Лодзь, 1867, ч. 1, с. 184—184.

¹¹ Антонович В. В. Эпиграфика на истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885, т. 1, с. 14 и др.

¹² Дашкевич Н. Записки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885, с. 15, 16, 42 и др.

¹³ Грушевичский М. С. Повали или ка Витовту. — В кн.: Зап. Наукового товариства (в. Польские). Лодзь, 1885, т. 8, к. 1, 4.

¹⁴ Szaranowicz J. O literaturze i kronikach polskich XV i XVI wieku w związku o Litwie. Księgi Biblioteki Uniwersyteckiej i Gimnazjalnej. — In: Wstępny i sprawozdania z pracochybu Wydziału Historyczno-Politológicznego Akademii Umiejętności. Kraków, 1882, т. XV, с. 361—425.

¹⁵ Smólski S. Najdawniejsze pozostałości dziejopisarstwa rasko-litowskiego. Wskazie krytyczny. — In: Pamiętniki Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydział Historyczny i Historyczno-Politológiczny. Kraków, 1885, т. VIII, с. 1—55.

¹⁶ Protaska A. Litońskie źródła. Książki krytyczny. Lwów, 1890.

тем, какими источниками пользовались составители этих летописей. Сильва считал, что основными источниками Стурдильской и Стурской летописей были летописи и хроники, составленные в Сильвине, а летописи Великого княжества Литовского; использовались также местные материалы.

Прелюкса полагал, что эти наименования летописей (т. е. летописи, начинающиеся с перечисления сыновей Гедимина), которые много раз перерабатывались и дополнялись, не являются монолитными произведениями, а состоят из двух частей: основной (своего рода рассказа общего характера) и отдельных сказаний, вернее отдельных повествовательных эпизодов. Прелюкса подчеркивал, что часть этого отрывка принадлежит Сильве.

Г В 1901 г. появилась работа Н. А. Тихомирова, написанная в 1881 г.⁶⁶ По сравнению со временем Давидовича количество опубликованных летописей сильно увеличилось (были изданы летописи Стурская, Красницкого, отрывок летописи Рачинского, хроника Выговца), но еще оставались неизвестными летописи Сильвинская, Евревицкая, Румоньевская, хроника Литовская и Жойитская. Тихомиров издал все известные ему летописи на краткие, переходные и полные. К кратким он относ летописи Авраамия (в сущности, только тот раздел, который начинается с перечисления сыновей Гедимина) и указания на то, что остался выводу из них отцов, Стурдильская, Стурская, Летописи Красницкого и Рачинского, наряду с тем что в них содержится легендарное сказание. Тихомиров перечислил в переходные — от кратких и полной. Полной же были им названы хроника Выговца (Тихомиров редко употреблял эти названия, предпочитая также, как источник, издание Давидовича «Стурдильская», издание Половина (Стурская) и т. д.).

Тихомиров считал, что известные ему летописи представляли собой своды, составленные из многочисленных в разное время и разными людьми небольших произведений. «Таким образом, — пишет он, — краткий свод летописей летописи есть произведение, сводное из разных мелких составных частей». Части, из которых состоит краткий свод, следующие: 1) запись о борьбе Ягайло с Кейстутом; 2) запись о князьях Выговца и повествование из русских летописей; 3) Сказания о битве на Ворскле; 4) Повесть о Подолье; 5) Повесть о выговцу; 6) Сказания о борьбе Свидригайла с Сигизмундом; 7) погодные записки о Сильвине и Южной Руси»⁶⁷.

Далее Тихомировым дается краткое изложение содержания летописей Красницкого и Рачинского с указанием, что эти произведения содержат много неизвестных ранее фактов, но особенно пространно изложено содержание хроники Выговца, т. е. «столько» летописи. Автор отмечает, что в ней много легендарного (кроме летописи о прибытии из Италии, легенда о дереве Святого креста, о походе Ольгерда на Москву и др.)⁶⁸. Ряд данных у Выговца (о приходе

⁶⁶ Тихомиров Н. А. Указ. соч. — ЖМНП, 1901, № 3, с. 1—26; № 4, с. 78—116.

⁶⁷ Там же, № 3, с. 3, 4, 7, 26.

⁶⁸ Там же, № 3, с. 53, 56.

Майдота и Найзюка, об убийстве Таштилла) Ташмаров считал действительными по Итальянской летописи. В то же время в архиве Эммануэля находились ряд сообщений, совершенно критичально, отсутствующих в других источниках (о борьбе Савариталла с Сигизмундом, об убийстве Сигизмунда и др.)¹⁴.

Большой раздел работы посвящен заимствованиям, которые были сделаны польскими летописцами Другоским, Вельским, Стрыйковским на католической летописной. Ташмаров отмечает, что эти заимствования были значительными у Гельского и еще более у Стрыйковского, причем обе порой пользовались летописями, которые им неизвестны. Он считал также, что все летописи, которыми пользовались упомянутые польские летописцы, представляли собой лишь отдельные редакции одной и той же летописи. Вспомогателю Ташмаров считал, что Супрасельской летописи у Стрыйковского не было¹⁵, что, добавив от себя, совершенно справедливо. Среди летописи с архивной Стрыйковского, Ташмаров постарался «реабилитировать» этого автора, которого долгие удержали в фальшивке. «Трудно уже поверить, — пишет Ташмаров, — в недобросовестности почтительного каноника, написать его сочинения полураспространенными и желательными веро, так как каноник передавал лишь то, что было известно в летописях»¹⁶.

В 1900 и 1912 гг. вышла две работы польского ученого Яна Якубовского. Первая из них¹⁷ посвящена сбору летописных источников Стрыйковского, а также истории выхода летописи в литературе, касавшейся белорусско-литовского летописания (Якубовский называет эту летопись прежде только литовскими). Он отмечает, что у Стрыйковского, который делал так много ссылки на литовские и русские архивы, трудно определить, где описывается текст, основанный на одной летописи, а называется другой, невозможно также установить, чем различались между собой отдельные летописи, которыми пользовался этот автор. Вместе с тем в работе указывается, что все летописи, бывшие у Стрыйковского, получались с легендарного источника предков литовской шляхты из Рима.

Якубовский указывает на слабость Стрыйковского, высказывая, что он был единственным автором, который пользовался летописями как источниками для своей работы. И действительно же, говорит Якубовский, уже Ян Другоск использовал ту часть летописи, в которой говорится о борьбе между Ягайло и Казимиром, и почти полностью включил этот отрывок в свою работу; то же сделал и Кромер. Знал летописи и Мартин Вельский. Но более поздних авторов летописями пользовался А. Ковалич-Вана, причем и его распоряжения были источниками, Стрыйковскому неизвестные.

Кратко, но с большим знанием дела изложена историография вопроса, причем указаны работы почти исключительно польские

¹⁴ Там же, т. 60, 86, 117 и др.

¹⁵ Там же, с. 86.

¹⁶ Там же, с. 117.

¹⁷ *Jakubowski J., Książki historyczne*. — In: *Więści z dziedziny nauk historycznych i filologicznych* за с. 1909, Włocław, 1910, т. 3, с. 66—77.

авторов. Особо подчеркнуты заслуги Шарквичи, установившего, что литовские князья в Свислочи.

В заключение Якубовский отмечает, что в XVI—XVII вв. литовцы рассматривались не только как историческое происхождение, но и как художественные, а даже в качестве примера он дает в польском переводе рассказ тревника Висловица о походе Ольгерда на Москву.

Вторая работа Якубовского гораздо больше по объему и несравненно богаче по содержанию¹². Содержание ее значительно шире тематики, и в основном она посвящена истории литовщины в Великом княжестве Литовском. Якубовский был единственным дореволюционным автором, который изучал историю литовщины в связи с общим ходом событий в Великом княжестве. Монография начинается с попытки определить место, занимаемое собственно Литвой, т. е. Литвой этнографической, в составе Великого княжества, установить, какой процент территории занимала эта Литва и какую часть населения составляли собственно литовцы. По его расчетам, в XVI в. (около впадения, перед Либлянской устьей) территория, заселенная литовцами, занимала примерно 1/3 всего пространства государства, а население составляло едва ли не половину¹³. Таким образом, по расчетам Якубовского, Литва в середине XVI в. была абсолютным гегемоном по числу, чем Беларусь и тем более Украина.

Второй вопрос, изученный автором, касается государственного языка и языкового своеобразия различных этнических элементов, входящих в состав Великого княжества. Общеизвестно, что Литва, присоединив к себе огромные славянские территории, была кельтской и белорусской. Естественно, что если у подлинного народа языкосность на своем языке существовала уже сотни лет, то победителя вралла его язык. Этот язык Якубовский называет по-разному. Традиционно он называется русским, но в действительности это был разговорный белорусский, который одновременно с подлинником Руси распространялся среди местного языка в Литве. Уже во времена Ягайлы, а возможно, и ранее белорусский язык употреблялся дворян в литовском боярстве¹⁴. Далее он утверждает, что употребляемый в Литве литовско-русский язык выделялся в особый диалект, который, учитывая его первоначальный состав, можно назвать польско-белорусским¹⁵.

¹² *Jakubowski J. Studya nad etnografią państwo litewskiej na Litwie przed Unią Lubelską*, Warszawa, 1913. В монографии существует историографический очерк в обзор литовщины. Основная, предшествующая работа является как бы вводной главой к монографии.

¹³ *Ibid.*, с. 6. По подсчетам автора площадь литовщины в 1341 г. относительно литовской территории относилась к белорусско-украинской как 1 : 2,5, т. е. составляла примерно 28%; в 1430 г., в период наибольшего распространения государства, относительно литовской земли относилась к итальянской как 1 : 2, т. е. примерно 50%, а к южной Либлянской устье — как 1 : 7, т. е. около 14% (Славина Р. А., Мазарко А. Г. Культура Великого княжества Литовского.— *Вопр. истории*, 1937, № 4, с. 95).

¹⁴ *Jakubowski J. Studya...*, с. 12.

¹⁵ *Ibid.*, с. 14.

Национальный вопрос в Литве и отчасти в Белоруссии в начале XX в. принимал острые формы. Среди литовского населения быстро нарастал протест против польского национального диктата. Работы Якубовского (который на самом деле упоминает об этом), очевидно, должны были ответить на ряд важных вопросов современности.

Говоря о начальном этапе литовского национализма, Якубовский отмечает, что первое проявление литовского характера было создано в 1386 г. в окружении Витовта. В переводе на литовский язык оно соотвечало в Королевой метрике¹⁷. (Сейчас оно называется *Ordo regis*.) Следующий этап представлен описанием войны между Свидригайло и Сигизмундом Кейстутиевичем. Писал эту работу сторонник Свидригайло, который, однако, критически относился к некоторым действиям своего князя (князь князь Галыманович, союзник метриковита Герасюка)¹⁸. В целом же войну описал дружно, объективно, не пытаясь спорить. Русь (фрагменты белорусские и украинские земли) от Литвы¹⁹. Дальнейшие литовские работы, тоже писанные русскими, были уже пронизаны пролитовскими чувствами. Это Повесть Витовту и Повесть о Подолме. Приказеи Сигизмунда 1434 г., дававшей русским боярам равные права с боярами литовскими, вел в сближении представляемой высшей класса разных национальностей между собой, в то же время отношения с Польшей в связи с избранием великого князя Казимира короля польским сильно обострились. Дальнейшие этапы литовизации отражают омуты обстановки.

На период правления Казимира приходится появление первого литовско-русского свода, написанного в Сильвесе, который к тому времени стал интеллектуальным центром Литовской Руси (Белорусия и Украина. — *Н. Ш.*)²⁰. Хроника Быхова, по имени Якубовского, составила участка беге год Витовта и Кляшом²¹. Он знал обстановку при дворе, но документами двора не пользовался. Происходил составитель, кого вероятнее, из окрестностей Струды или Новогрудка. «Временами создается впечатление, — пишет Якубовский, — что структура рассказов современного или белорусского²². Общий тон хроника Якубовский объясняет тем, что к началу XVI в. произошла консолидация различных этнических элементов господствующего класса, у которого появились потребности в истории, удовлетворявшей интересы «любви народов» (литовского и белорусско-украинца. — *Н. Ш.*)²³.

В дальнейшем литовизация пошла по двум направлениям: одни литовцы продолжали работать в архиве дуба, т. е. «счастливыми»

¹⁷ Там же, с. 18—21.

¹⁸ Там же, с. 22—28.

¹⁹ Там же, с. 28.

²⁰ Там же, с. 26—27. Значительные места в монографии указаны легендарной частью литовской.

²¹ Книга год Витовта между войсками Великого княжества Литовского и русскими привозила в 1500 г., книга год Кляшом между войсками Великого княжества Литовского и татарам — в 1506 г.

²² Там же, с. 41.

²³ Там же, с. 44.

предания, дополняя их собственными вымыслами, другие же, «более образованные», не ограничивались критической обработкой того, что «загрязнило» работу летописца летописцем⁵². «Более образованными» была полька, в первую очередь Стрыйковский. Подобная характеристика кажется странной, поскольку Стрыйковский сделал ряд приоритетных замечаний в адрес «безграмотных летописцев», но все же писал свою «Критику» на основании данных «безграмотных».

Летописцев, считал Якубовский, назидалось под сильным воздействием капитов, да и сами летописцы являлись чаще в магистерский двор⁵³.

Примером до правления Сигизмунда-Августа князем Литвы (онидия, двора, магистров и отчасти вельмож) был «русский», которому в повседневной жизни соответствовала «белорусщина», причем белорусский являлся как язык собственно Литвы. С правления Сигизмунда-Августа начал распространяться язык литовский, а вместе с тем стало усиливаться национальное самосознание собственно литовцев⁵⁴.

Работой, замыкающей дореволюционный период в деле изучения литовской, является монография Ф. Сувидского⁵⁵ (она, правда, вышла в 1921—1929 гг., но вышла до революции). В смысле полноты использования как самих источников, так и литературы о них Сувидский не имел равных. Кроме литовской, которые помещены в т. XVII ПСРЛ, а также Румянской, этот автор использовал (на крайний мир попал о ней) летопись Баркулабовскую и все те литовские отрывки, в которых упоминается в предисловии к т. XVII ПСРЛ. По сравнению с нашим критиком у него недоставало только критики Литовской и Жмудской. Большой промах Сувидского состоит в том, что он не использовал работ Якубовского.

В начале монографии Сувидского помещен историографический обзор, причем автор проводит структурный анализ точности перевода его предшествовавших литовских текстов. Проверка осуществлена не по рукописям, а по тексту, опубликованному в т. XVII ПСРЛ, но тем как в этом издании текста перевода почти без ошибок, то такая проверка доверлива. В обзоре (в котором сказано много переведено содержащих работ в литве) Сувидский подчеркивает, что вошло еще тот или иной последователь в дело изучения литовской, и дает из критическую оценку (Давидович слишком историчен в своих суждениях; Бодневский, приближая отрывки из литовских Рачинского, ошибся, считая, что это чуть ли не Вышавич; и т. д.). Неза-

⁵² Там же, с. 53—54.

⁵³ Там же, с. 57.

⁵⁴ Там же, с. 63—64.

⁵⁵ Сувидский умер в 1920 г., эти работы издавались посмертно. Часть первая печаталась на русском и украинском языках, причем текст русского издания отличался от с. 64 и образовался из пометов. Часть вторая издания вышла на украинском. См.: Сувидский Ф. Заг (забытый) дитинство як пам'ятки літератури. Київ, 1921—1929. Ч. I, 2. В тексте Сувидский обычно называет изучаемые им литовские летописи.

служению высоко ценится Сушицкий предостерегает Вильнюс, предостерегает издавая Румянецкой летописи; о содержании т. XVIII ПКРЛ и кратких его издавая скалываю очень кратко.

Ко времени выхода в свет работы Сушицкого была как бы узнана классификация белорусско-литовских летописей: их делят на две или три группы, причем группа Биссона всегда включалась в первую группу. В этой группе она всегда была единственной, поэтому Сушицкому не было нужды определять группу, а лишь остальные группы. Он разделил летописи на краткие, сложные и полную. К кратким были отнесены Сутраславская, Слуцкая (Рычовская), Никифоровская, Академическая, Вильнская летописи и летопись Дубровского; к сложным — Румянецкая, Красянского, Археологического общества, Тихомирова, Рачинского, Барановская и Патриаршая летописи; к полной — летопись Вильнюса. Различие между краткими и сложными летописями заключается в том, что в сложных есть легендарное скалываю, тогда как в кратких его нет. Основной краткой Сушицкий считал летопись Сутраславскую, основными сложными — Красянского и Румянецкую⁴⁴.

На установившейся традиции Сушицкий полагал, что центром, где создавались летописи, был Слоним, персонально же все это дело связывалось с деятельностью священника Герасима⁴⁵.

Большое внимание в работе уделено «полной» летописи, причем подробно отмечено, что нового известно в этом памятнике по сравнению с другими. Вместе с тем он отмечал сложность (или бесконечность) легендарной части, причем привел несколько генеалогических таблиц, основанных на материалах разных летописей, чтобы показать, насколько они различаются между собой. Источниками летописи Сушицкий считал скалываю знатных литовских фамилий. Записи скалываю, очевидно, делались в XVI в., для чего использовались книги документов, долговые собственные фантазии.

Сушицкий также попытался дать объяснение ряду географических названий в Литве, которые летописи выводили из имен легендарных героев. Однако сделал это он едва ли удачнее, чем летописцы, так как попытался объяснить названия, исходя не из литовского языка, а из немецкого или русского (название «Керново», по-литовски «Кярново», будто бы происходит от немецкого «Катт», т. е. зерна)⁴⁶.

В главе VII «Повести и рассказы литовской летописи» перечислены 21 произведение, которые, по мнению автора, вошли в состав «Литовской летописи».

В 1838 г. была издава монография А. А. Шапотова, написанная если не целиком, то в значительной своей части до революции. Одна из ее глав посвящена белорусско-литовским (западнорусским) летописям. Здесь автор коснулся незначительно общерусской части, говоря более точно — об источниках Академичурин летописи Сутраслав-

⁴⁴ Сушицкий Ф. Западнорусскі літоўскі на кам'яна літаратура, ч. 1, с. 60, 61, 62, 67 и др.

⁴⁵ Там же, ч. 2, с. 158.

⁴⁶ Там же, с. 179.

скую, Слуцкую (Збаранскую), Никифоровскую, Академическую, т. е. наиболее старые. Шашкатов привел к выводу, что основным источником из были Новгородская 4-я, Софийская 1-я летописи, митрополитский свод, доведенный до 1446 г., и западнорусские летописные источники. Протограф Сутрапальской летописи, считал Шашкатов, составил в Смоленске¹².

После революции первым, кто обратился к белорусско-литовскому летописанию, был В. И. Пачета, комментируя краткие сообщения о них в своей работе, посвященной источникам и историографии¹³. Пачета, в то время ректор Белорусского в Минске и профессор Московского университетов, был первым ученым, прочитавшим (в 1948 г.) курс истории Белоруссии в высшем учебном заведении — в Белорусском народном университете в Москве¹⁴. Очевидно, в связи с чтением этого предмета и был разработана курс по источниковедению истории Белоруссии, белорусско-литовскому летописанию Пачета составил главу «Источники истории»¹⁵. Здесь Пачета перечислил восемь видов источников, первый из них — «литовско-белорусские летописи».

По мнению автора, летописи представляли собой свод отдельных исторических повествований — самостоятельных из украинских летописей со включением в них разного рода народных преданий и сказаний, а также народных записей. Что касается общей их направленности, то автор считал, что они отражали индивидуальность белорусско-литовского народа полками¹⁶, т. е. калиткой польского господствующего класса. Ничего не добавивший к тем сведениям, которые имелись в литературе, но включивший в общую курс источниковедения и историографии России, курс Пачеты знавала читателю с непримычным в то время мнением «Источники (по истории) Белоруссия».

В послереволюционный период несколько небольших (К. Анджонка, Н. Новинца, Н. Жалюса) статей о летописях было помещено в литовской буржуазной печати¹⁷.

В последние десятилетия исследования летописей ведутся главным образом в Белоруссия и Литва. В вышедшей в 1966 г. монографии М. А. Юнас¹⁸ подведены итоги всем осуществленным в этой области исследованиям. Относительно небольшой объем (около 30 печатных листов) вынуждал автора к краткости изложения.

Юнас уделил много внимания вопросу взаимосвязи летописей и историографии, но эти разделы даны в начале глав, причем только в главе «Летопись Волжского княжества Литовского» такой раздел назван историографическим, в остальных случаях разделы имен-

¹² Шашкатов А. А. Описание русских летописных сводов XIV—XVI вв. М., Л., 1928, с. 341—345.

¹³ Пачета В. И. Введение в русскую историю (Источники и историография). М., 1952 (на обложке — 1953).

¹⁴ Пачета В. И. История белорусского народа. — В кн.: Курс белорусоведения. М., 1958—1959, с. 1—86.

¹⁵ Пачета В. И. Введение... с. 76—86.

¹⁶ Там же, с. 76.

¹⁷ Лата М. Lietuvos metraščių. V. I. Vilnia, 1965, p. 54—55.

¹⁸ Там же.

ются «Результаты исследований или «Что известно о традиции Быдзиса». Тот же в общем характер имеет и вступительная часть к главе «Страйковский и его исследования». Таким образом, в работе Юшка вопросы историографии занимают важное место, причем он касается работ и тех авторов, которых предшественники исследователи обычно не затрагивали (фундаменты Аноновича, Нонинса, Желюса, А. Гавалки).

Основное внимание автора сосредоточено на трех вопросах. Первый вопрос — что представляет собой летопись Великого княжества Литовского и Жемойтского. Здесь значительное место уделено легендарной (мифической) части летописей и подробно рассмотрена антиваранка критика легенды. Второй вопрос касается хроника Быдзиса. Тому же вопросу автор посвящает и специальную статью¹⁷. Наконец, третий вопрос касается «Кривака» Страйковского. Здесь автор проанализировал, какие летописи были использованы Страйковским, что из них взято, исходя из личных наблюдений, в какой мере достоверны приводимые им сведения; в той же главе дается обзор использованных данных летописей польскими хрониками Длугошим, Малюховым, Крешевым, М. Бельским.

В 1901 г. вышел перевод на литовский язык хроника Быдзиса, сделанный Р. Яном¹⁸. Работа состоит из предисловия, где подробно изложена историография вопроса, самого текста и комментариев, причем комментарии значительно превышают по объему как текст, так и предисловие, вместе взятые. В комментариях очень подробно и обстоятельно анализируются основные данные хроника.

В Белорусии летописи анализируются В. А. Чернявский¹⁹. Название его труда совпадает с названием книги Суандского, но в основных выводах эти авторы резко расходятся. Суандский продолжает традиции, сложившиеся во второй половине XIX в., Чернявский пытается осмыслить кардинальные вопросы литовистики по-новому, уделяя больше внимания политической обстановке в Великом княжестве Литовском. Существеннейшей новизной, предложенной Чернявским, является классификация летописей. Прямое исследование делала все белорусско-литовские летописи на три группы (критику, сложную и волею), причем в сложной отскаки летописи, в которых сложная легендарно сложная, — Красинского и Ричинского, не было, в сущности, между ними различия. Чернявский полагал, что эти летописи различаются между собой, причем и в части, содержащей легенду. Основной идеей провозглашенной классификации, как полагает Чернявский, состоит в том, что предшествующие исследователи считали, будто это три или две в 1901 редакции, тогда как, по мнению Чернявского, они представляют собой ряд сводов, возникших в результате переработки и объединения в одно целое нескольких отдельных произведений²⁰. Чернявский предлагал разделить все летописи

¹⁷ Юшк М. А. Хроника Быдзиса. — В кн.: Литовские и хроника, 1923 г. М., 1974, с. 220—228.

¹⁸ Lietuvos metraštis. Vokietijos leidykla, Vilnius, 1901.

¹⁹ Чернявский В. А. Белорусские летописи на польском языке. Минск, 1968.

²⁰ Там же, с. 18—20.

на четыре группы, представляющие отдельные литовские княжества. К первой группе он относит литовцев Валуевскую, Дубровскую, Остроградскую, Погодинскую, БАН № 24.А.82 и ЦГАДА № 20/25, составившие «Литвином; великая князь литовская»; к второму союзу (второй группе) — Нисафоровскую, Академическую, Супрасльскую, Студскую; ко второму союзу (третьей группе) — литовцев Красинского Патриарха Б⁶⁶, Телларово, Понявскую (Раливского) и Барановскую; к третьему союзу — князю Бялони.

Большая часть издания Чемарцак уделяет первому союзу, в частности усиленно исследованной обшчественной части этого союза. Здесь автор в ряде случаев вступил в полемику с А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, которые, признавая большое значение Супрасльской и Студской литовской для истории русского летописания, считали, что основным источником для них были Новгородская 4-я, Сафарица 1-я и некоторые западнорусские источники.

Чемарцак, не пренебрегая к окончательный вывод, считает, что первый союз основан на материальной литовской 1448 г. и Московский союз 1469 г. (Троицкий летописец). Затем Чемарцак устанавливает, что известиями составитель белорусско-литовская летописей не имели мезангического характера, а делались весьма селективными: летописец выбирал известия, имеющие отношение к истории Великого княжества Литовского. В тех случаях, когда в русских летописях содержались вымышленные для этого государства или отдельных деятелей характеристики, он исключал их. Летописи сохранили также расторгнутые места, исключал те, которые касались отдельных местностей России, предпочитая давние общегосударственные. Кроме того, соборы, парламенты на ряд лет, он иногда объединял, делая их более контактными. Литовские, используя русские летописи, пытался впервые воссоздать историю Литвы и Литовской Руси (Белоруссия и Украина) в ее связи с историей Руси Московской и в ее взаимосвязи с Русью Киевской.

Для таких выводов автору потребовалось, кроме обычной в таком случае очень кропотливой работы над текстами летописей, основательно изучить политическую обстановку в Великом княжестве Литовском. Особенно необходимо это оказалось тогда, когда потребовалось объяснить некоторые темные места в летописи, например, отношение литовцев к борьбе за Смоленск и Мстиславль между смоленским князем Святославом и Великим княжеством Литовским. Это место летописи написано русским, и не просто православным, а лицом духовным, которое вдобавок цитирует библейские тексты. Вместе с тем это лицо враждебно к смоленскому русскому православному князю и дружелюбно к Литве, исключенной и притесненной католической.

Как и почти все последователи, Чемарцак считает, что большинство произведений, на которых составлена Белорусско-литовская

⁶⁶ Патриарха А. Б. В письмах описаны литовского характера, напечатаны в сборнике № 790 ПИМ. При издании г. XVII ПСРП они были использованы для восстановления недостающих мест в летописи Архиепископского общества.

летании 1446 г., написаны в Сильверсе и что автором этого дела был еваскон (также истронвалит) Герасим, сторонник целостности Великого княжества, сторонник Витовта, а после его смерти и утверждения на престоле Сигизмунда Кейстутиевича тайный его сторонник, за что и в конце концов и был сослан Сандрагайлом. Герасим оказался на стороне катялана Сигизмунда, а не короля Русских земель Сандрагайла потому, что в случае победы последнего славянские земли выйдут бы из состава Великого княжества, а потому, что Герасим предвидел победу Сигизмунда. Литвинсон, очевидно, был левым, близким к Герасиму, оспаривал в своей работе взгляды писателя, потому и оправдал князя Святослава, врага Витовта, к отрицательным библейским персонажам.

Переходя к «Летописцу великих князей литовских», т. е. к той части, которая начинается с переименования князя Гедимина, Чернявский считает, что это произведение состоит из собственно литовских и вставки о Польше и что *Stado najis* является предшественником «Летописца».

Второй след представляет собой сочинение «Летописца великих князей литовских» с «Хроникой Великого княжества Литовского», содержащей легендарные сведения.

Значительные места в монографии уделено хронике Витовта. По мнению Чернявского, составитель хроники заимствовал из «Хроники Великого княжества Литовского и Жмойтского» легендарную часть, немного переработав ее, затем взял ряд известий из Ипатьевской летописи или подобной ей, но потом, добив до реальной истории Великого княжества, пошел вслед за текстом первого свода, а еще далее за вторым. В некоторых случаях составитель хроники непосредственно пользовался Слуцкой летописью. Чернявский допускает возможность того, что рассказ о походе Ольгерда на Москву написан составителем хроники Витовта. Затем отмечается, что хроника содержит много данных, которых нет в других источниках¹⁴.

Последней во времени работы философа является только хроника Витовта является статья Ю. Н. Драгуна¹⁵. Эта работа выделена по объему. Наиболее существенными в ней являются указания на хронологическую неточность хроники.

Автор некро не представляет себе постановление Парламентской генеральной конфедерации от 29 августа 1696 г. о языке чужеземном (т. е. старобелорусского языка польском). Драгун пишет, что «связи с хроникой Витовта была сильна еще до издания закона 1697 г. о введении на территории Белоруссии польского языка и латинского алфавита»¹⁶. Здесь сразу несколько ошибок: упомянутое постановление касалось не одной Белоруссии, а всего Великого княжества Литовского; об алфавите там ничего не сказано, так как об этом не имело смысла и говорить, поскольку поляки пользовались только

¹⁴ Чернявский Я. А. Указ. соч., с. 74—80, 114, 115, 121, 160, 161, 163 и др.

¹⁵ Драгун Ю. Н. О «Хронике Витовта». — В кн.: Вопросы истории. История СССР. То БССР. Дрэнны год и гродны года. Минск, 1951, вып. 8, с. 23—28.

¹⁶ Там же, с. 22.

литовским профитом и, значит, перевод со старобелорусского на польский автоматически означал перевод с карольки на латинку; в постановлении говорится не вообще об обязательном переводе всей письменности Великого княжества на польский, а лишь о том, что решения великого суда великий князь должен писать по-польски²⁴. Ко всему этому стоит добавить, что во времена правления конфедерации этого постановления письменность в Великом княжестве почти целиком перешла на польский, каролькиское же письмо было забыто настолько, что когда приходилось перепечатывать каролькиские тексты, то их переписывали (не вложив ни слова) латиницей (примером этого служит хроника Вышова).

Однако одной большой небрежностью автора было то, что он пользовался не оригиналом хроники, а ее переводом.

* * *

Из историографического обзора видно, что предыдущие исследователи касались в той или иной степени едва ли не всех важнейших вопросов белорусско-литовского летоисчисления. Значит ли это, что поднятые вопросы решены, не говоря о том, что о городских хрониках вообще никто ничего не писал (а это ведь тоже летоисчисление) и все остальные проблемы давно от решены? Впрочем, едва ли они «окончательной форме» будут решены когда-либо, так как каждое поколение исследователей прочитывает источники и дает им оценку по-своему.

²⁴ *Voluntatis legem*. SPb., 1880, t. V, s. 416.

НАХОДКИ И ПУБЛИКАЦИИ ЛЕТОПИСЕЙ

Сутрасльская летопись

Первой из белорусско-литовских летописей была найдена и опубликована Сутрасльская летопись, хранящаяся в Сутрасльском монастыре недалеко от Белостока (сейчас это Белостокские воеводство в Польской Народной Республике).

Сутрасльский монастырь был основан на земле Ходковичей, и история монастыря, в особенности равная ее глава, тесно связана с этой семьей. Затерявшаяся или забытая рукопись была обнаружена профессором Вильнюсского университета Н. Н. Давидовичем.

В создании Сутрасльской летописи решающую роль сыграли две знатные фамилии: князья Одишевичи, по заказу одного из которых летопись была переписана, в Ходковичах, фундаторов монастыря, в которой летопись была обнаружена.

Сборник, содержащий Сутрасльскую летопись, называется (л. 1-а—2 об.) в родословной князей Одишевичей по женской и мужской линиям, в конце же сборника (л. 173) сообщается, когда рукопись была создана, кем и по чьему заказу. Согласно этой записи, переписчик закончил свою работу в 1528 (1519) г. 6 октября на память святого апостола Фомы... князь-дворянин благоверного и христианского князя Симеона Ивановича Одишевича, жена которого княжовалась Еватерия, жена же детей, зана в них и упоминается, не назвали. О себе переписчик сообщил, что он называется Григорий Иванович.

Родословие князей Одишевичей, как оно изложено в начале сборника, связано с князем в начале, чтобы считать его достоверным. В одном случае родословием этой фамилии называется Федор Одиша, жена которого Агрия была графиней князя Михаила Черниговского. По другой версии, родословием фамилии был Иван Одиша, прибывший из Немца и получивший княжеское звание у-во Друцку. (Выражение «у-во Друцку» следует понимать как «недалеко от Друцка» — в восточной Белоруссии.) Далее родословием сообщает, что князь Александр с сыном Григорием уехал в Москву, на отставку своего воеводы и сына князя оставил у-во Друцку¹. О воеводе в Москву несколько Одишевичей сообщает и материал Литовской метрики. Согласно этим данным, родословием Одишевичей был князь Федор, живший в середине XV в. У Федора было четверо сынов-

¹ ПСРЛ. М., 1888, т. XXXV, с. 282—283.

ней, одна из которых, князь Дмитрий, купил именно Гольцове и в то же время стал именоваться Гольцовским. Сын князя Дмитрия (к жене Федора) бежал в Россию¹.

Во всех случаях, когда имеются данные о географическом положении владений Одиановичей или хотя бы указаны их район действий, вымывается восточная Белоруссия или Смоленщина: один из Одиановичей был князь на князю Соколинской², Соколинское же — одна из северной князей Друцкое. В 1535 г. Семан Богданович Одианович получал подтверждение на владения в Полоцком повете³. В 1532 г. Одиановича спорили за владения в том же повете⁴. Другие материалы подтверждают, что владения Одиановичей находились в восточной Белоруссии и что эта фамилия была не принадлежала к верхушке феодалов, но занимала среди представителей этого класса промежуточное место среднего. Из материалов Литовской истории известно, что Богдан Федорович купил вместе с сыном Семаном князя Остроляпы и что он был обязан выставить 28 вооруженных всадников⁵. Когда была совершена погрузка, известно, но подтверждена литовским князем литовским в 1524 г.⁶ Остроляпы находится в Городицком районе Витебской обл., т. е. на севере Белоруссии⁷. Что касается числа всадников, то оно показывает, что Богдан Одианович был богатым человеком, так как один всадник выставлялся с полным крестьянским двором. Значит, у князя Одиановича в 1528 г. было не менее 284 крестьянских дворов. Для сравнения можно сказать, что князь Смоленский по той же системе ставила 40 всадников, а Чарторыйские — 55⁸.

Из летописей известно, что князь Федор Одианович, сторонник князя Свидригайла, в 1431 г. и битве под Шайбулами пошел в плен к Сакигерду Коштыльскому⁹. Возможно, это тот Федор, который, согласно Гольцове, был родственником Одиановичей, а по родословию — правнуку Ивана, происшедшего от Никиты Учиняна, что родство Одиановичей происходило из князей Друцкое, можно принять версию родословия, так как князья Друцкое известны в 1346 г.¹⁰, а значит, существовали раньше и Одиановичи. Если считать на каждом поколении по 25 лет, то, согласно родословию, князь Иван Одианович жил примерно в середине XIV в.

¹ Гольцов А. Федор кнѣзь в Вѣнѣнскѣмъ кнѣзьствѣ Литовскѣмъ в XV—XVI вѣкахъ. Житомиръ, 1887, с. 245, 321, 328.

² ИСРЛ, т. XXXV, с. 261.

³ Одиановичи документно и бумага, хранящаяся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1813, кн. 21, с. 78.

⁴ Там же, с. 261.

⁵ Гольцов А. Ср. сб., к. 213.

⁶ Там же.

⁷ Жуков В. А. Крайняя галлеитическая селитра Белоруссии. Минск, 1973, с. 217.

⁸ По данным Либавского Одиановичей по тому же источнику 1526 г., ставила 50 коней (Гольцов А. К. Литовско-русские связи. М., 1961, с. 337). Данные о Соколинской и Чарторыйском см. в Либавском.

⁹ ИСРЛ, т. XXXV, с. 26, 27, 76, 107, 141, 161, 183, 218 (в Барановской области в 1438 г. — Там же, с. 220).

¹⁰ Гольцов А. Ср. сб., к. 20.

Сторонниками Свидригайла в его борьбе за великокняжеский трон были почти исключительно крупные феодалы, притом главным образом православные, так как второй брат князя была княгиня в браке французская вассалка Великого княжества.

В связи с участием в битве под Олонецкими князь Федор и его близкий лебодышко, что родословие Олонецкой отличают от остальных, что жена великого князя Сигизмунда, победителя под Олонецкими, была дочерью ровняем того князя Григория, который бежал в Москву. Далее в родословии сказано, что князь великий (Сигизмунд Кейстутович — *Н. У.*) приобрел с него князя Михайлушка... А князь великого Жигимонта давали Черторыйские, так великого князя сын Михайлушко шёл до Москвы, и там оварили в княре ¹³. (Оварили — значит отравили. — *Н. У.*) Следовательно, некая связь на близкое родство с князем Сигизмундом, Федор Олонецкий выступил против него, а так как за Свидригайла выступили главным образом феодалы Подонья, Смоленщины и Киевщины, то это может служить еще одним доказательством того, что Олонецы были из тех районов.

Ряд других документов Литовской метрики свидетельствует о том, что представители фамилии Олонецкой были связаны с юго-востоком Белоруссии и Смоленщины. Так, великий князь Казимир пожаловал 6 вол смоленского мыта князю Григорию Олонецкому ¹⁴. В 1481 г. Федор Олонецкий (возможно, тот самый, который пошел в плен в 1436 г.) получил от великого князя Казимира село Прозабы, что за Костыльвином Бабичин было ¹⁵. Из князи Литовской метрики известно, что смоленский боярин князь Иван Олонецкий получал 12 вол дельгами, а князь Семен Иванович Олонецкий — 10 вол ¹⁶.

Все это должно подтвердить выдвинутое ранее суждение, что Олонецы жили в восточной Белоруссии и на Смоленщине и что они принадлежали к богатому землевладельцам.

Был ли Семен Иванович Олонецкий (это имя в известных мне источниках упоминается только один раз), получивший 10 вол, тем самым лицом, по поручению которого была прислана литовская?

К сожалению, ничего о дарении восточных земель, что это или даже нельзя установить, был ли Иван отцом Семена Ивановича. В датированном разделе князи Давид великого князя Казимира, в котором перечислены люди, получившие князи с Олонецкими пожалованиями, записаны «В Трехох, княи 21, иудикт 4». Затем следуют записи о пожалованиях еще девяти человекам; всем им дарения были сделаны из смоленского мыта. После этого comes подыготовил «Боярин смоленский с князи давник, и в числе тех, кому давано, числится оба Олонецы, т. е. здесь совершенно определенно сказано, что Олонецы были смоленскими боярами. Год датации пожалования не указан, но сделано оно было в правление великого князя Казимира, умершего в 1492 г.,

¹³ ПСРЛ, т. XXIV, с. 263.

¹⁴ РИВ, т. 116, 190, с. XXVII, ст. 136.

¹⁵ Там же, ст. 26. Село Прозабы существует в настоящее время в Белорусском районе Полесской обл., а также в Радзивилов и Селишковском районах Поставской обл. (Фролова А. А. Указ. соч., с. 309).

¹⁶ РИВ, т. XXVII, ст. 211.

составом же документа датированы 1488 г.¹⁰ Учитывая наличие слов «годъ 4», можно предположить, что Одишевичи получали свои земли в 1489 г.

Знают, исходя из имеющихся материалов, нельзя утверждать, что Семён Иванович был лавичанин, но почти с уверенностью можно говорить о том, что рукопись была сойдана или в восточной Белорусии, или, что более вероятно, в западной Смолдине.

Какова же путём она пошла в Сутрасль, находящуюся на крайнем западе Белорусии?

В XVI в. Одишевичи занимали разные и довольно высокие посты уже в центральной или западной Белорусии (может быть, это явилось следствием того, что Великое княжество Литовское потеряло Смоленск). Так, князь Семён Богданович Одишевич в 1532—1541 гг. был гродненским городничим, а его сын Андрей в 1549—1556 гг. — мавским городничим, князь Василий и Григорий Одишевичи в 1548 г. были великокняжескими дворецкими, т. е. служили при дворе великого князя.¹¹

Вполне возможно, что представители рода Одишевичей, занимая посты в западной Белорусии (Гродно), привели туда рукопись, переписанную в восточной части, но когда и каким путём она пошла в Сутрасельский монастырь, остается невыясненным.

Если об Одишевичах данные редки и немногочисленны, то этого нельзя сказать о Ходовичах. Давный род, знаменитый в истории Великого княжества Литовского, дал едва ли не самых выдающихся полководцев, не говоря о том, что Ходовичи принадлежали к богатейшим фамилиям в Великом княжестве. Её Ходовичи шлоду с Радзивиллами были известны как самые неурядливые провинции Люблинской унии.

Фамилия Ходовичей происходит от Ходы, что значит в славянском произношении имя Ходор или Федор. Родинамицами Ходовичей является Ходко Юревич, известный с 1436 г. Сын Ходы Иван в 1470 г. был королевским маршалом, в 1476 г. — витебским воеводой, а в 1482 г. — князем воеводой. Во время нападения татар на Киев он попал в плен и умер в плену. Сын воеводы Александр Неакович и был основателем монастыря. В течение почти 50 лет (с 1501 по 1549 г., когда он умер) Александр Ходкович занимал ряд важнейших постов в государстве (заместитель панаши, староста брестский, маршалок, воевода новогрудской и пр.). Из четырех сыновей Александра (из которых старший — Иван — рано умер) Перович с 1538 по 1561 г. занимал посты от деревни одишвицкой до великовского капелана, Григорий с 1544 г. — подканцлер литовского и польского староста, с 1558 г. он уже великой гетман. Григорий был одним из самых известных членов фамилии Ходовичей; Юрий Александрович в 1554 г. был стольником и державной охотником, а в 1566 г. троюлым капеланом.¹²

¹⁰ Там же.

¹¹ *Вилькиш А. Оп. сб.*, т. 314—317.

¹² Там же, т. 36—39, МСЛ, Вильна, 1879, т. IX, с. 458.

У Григория Ходковича, женатого на княжне Вишневецкой, было два сына и две дочери, одна из которых — София — была женой Филом Кюмты, старосты православного и номинального воеводы смоленского, оставившего интересные литературные заметки — письма к разным лицам (умер в 1832 г.). Самый младший из пановой Александры — Юрий — был дважды послом Великого княжества Литовского в Москву; вторично он был женат на дочери князя Юрия Слуцкого.

Ян-Карл Ходкович был польским, а затем великим гетманом в различных войсках¹².

В общем, Ходковичи принадлежали к верхушке знати в Великом княжестве Литовском и как таковые находились в реальных связях с самыми известными фамилиями в этом государстве, в том числе с князьями Слуцкими, располагавшими огромными собраниями рукописей и вообще разном ряде культурных ценностей.

Ни о каком другом монастыре Белоруссии не опубликовано такого количества материалов в столько исследованной, сколько о Супрасльском. Однако фольклориста-литовца, писавшего о нем, не обладали достаточной квалификацией, чтобы осветить значение этого монастыря как культурного центра. Нарочито, русские авторы, преимущественно лишь дилеттанты, интересовались прежде всего религиозной стороной, утверждая, что монастырь находился в запущенном состоянии, тогда была православная, свечки же православные на ушко, если и не пришло в полный упадок, то все же перестал быть ослепит православия в своем районе.

Публикация документов о монастыре началась вскоре после подавления восстания 1863—1864 гг., когда Е. А. Говарский напечатал ряд документов, касавшихся монастыря¹³. Затем архимандрит Нодест опубликовал свое исследование о монастыре¹⁴. Главные внимание им уделено зашифтованной деятельности монастыря, как бывшие места отделе деятельности Бальминского уездного ордена в России. Что касается монастырской библиотеки, то она мало интересовала архимандрита, но, во всяком случае, это был последний автор, который писал о библиотеке по личным наблюдениям. При этом, когда архимандрит писал свою работу, библиотека еще находилась в монастыре, и он частично использовал материалы, которые потом были утеряны.

В 1870 г. были опубликованы важнейшие документы монастыря (в том числе и монастырская летопись)¹⁵. С того времени почти все

¹² Wolf J. *Samochodzie i dyplomacie Wodkiego koczowa Litewskiego, 1686—1796*. Kraków, 1865, s. 90.

¹³ Бистр. *Западной России*. Вильна, 1863/1868, т. 7, в. 1867, кн. 1.

¹⁴ Нодест, архимандрит. *Супрасльский Белоглинский монастырь*. — Бистр. *Западной России*, 1867, кн. 3, с. 75—81; кн. 3, с. 83—117; кн. 4, с. 1—44; кн. 5, с. 75—104; кн. 6, с. 121—148; кн. 7, с. 1—49. Эта же работа архимандрита Нодеста печаталась в *4-й годовщине царствования императрицы* (1863), № 3—4, 11, 22, 1868, № 1, 21, 24; 1867, № 4, 5, 7.

¹⁵ АСД, т. 15.

работы в монастыре базировались на этом подвале: книги архимандрита Николая Далматова¹⁰, Ф. Н. Добрянского¹¹.

О том, какие рукописи находились в монастыре в 20-е годы XIX в., сообщил Давыдович¹². О судьбе пергаменной Супрасльской рукописи в рукописи в монастыре много писал П. О. Бобринский¹³. К сожалению, описания книг и рукописей, которые были в монастыре, сделаны очень кратко (не составляет в этом смысле исключение и работа Давыдовича). Поэтому проверить, что сохранилось от собранной середины XVI в., невозможно.

• • •

Супрасльский монастырь был основан Александром Ивановичем Ходковичем, воеводой виленградским и маршалком Великого княжества Литовского. Первоначально, в 1698 г., монастырь начали строить в местечке, называвшемся «Груды»¹⁴, но уже в 1800 г. его с согласия основателя перенесли на другое, более удобное место на реке Супрасли. В 1803 г. в монастыре уже на новом месте начали строить каменную церковно-крепость Благовещения, ставшую главной архитектурной достопримечательностью монастыря; в середине XVI в. она была расписана внутри фресками. Эта церковь простояла до конца второй мировой войны, когда была взорвана, а оставшиеся детали сожжены на кострах.

Первоначально православный, монастырь в начале XVII в. стал униатским, в нем и пробыл до 1836 г., когда его преобразили в православный. В 1733 г. униатский митрополит Леон Кляка сделал Супрасльский монастырь главной резиденцией ордена Базильянов и основал там типографию. Впрочем, типография при монастыре была еще в XVI в., но затем ее перенесли в Зельудов¹⁵.

В самом начале существования монастыре деловые средства для него выдала А. И. Ходкович, он же снабдил этого для строя, ограда для этого участка земли. К середине XVI в. в монастыре находилась богатейшая собрание драгоценной утвари, роскошных церковных одежд, большое количество книг, украшенных драгоценными камнями, много книг, частью пергаменных, и дорогих переплетках. В приобретении всего этого резиденцию помыслил Александр И. Ходкович (подробно утверждало П. О. Бобринского, Ходкович приобрел для

¹⁰ Далматов Н. Супрасльский Благовещенский монастырь. Историко-статистическое исследование. СПб., 1892. На титульном листе этой книги стоит «Изданной архимандритом Далматовым». Ссылка на книгу обычно делается на Далматова.

¹¹ Добрянский Ф. М. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки церковно-славянских и русских. Вильно, 1889.

¹² Łęczyński Henryk. Wiek XVII w. w dziejach zabytkowego zgrupowania... Sztuka i sztuka Ignacego Dąbrowskiego. Wilno, 1937, s. 328—337.

¹³ Добрянский П. О. Судьбы Супрасльской рукописи: Историко-библиографическое исследование. СПб., 1886; в др.

¹⁴ «Груды», «Груды» — белорусские названия выжженных орденом крестоносцев мест. По архимандриту Модесту, это не «Груды», а «Груды» (Фосты, западной России, 1867, т. II, с. 73). По мнению средневековых исследователей город, городок. Основан архимандрит Модест для выжженных поселений местности — Груды.

¹⁵ Бобринский П. О. Гродненская губерния. СПб., 1862, т. I (Материалы для географии и статистики Гродна, собранные офицерами Генерального штаба), с. 608.

монастыря «боже ста рукописных книг») ¹⁹. В дальнейшем монастырь приобрел еще много и рукописных и «битых» (печатных) книг.

Инвентарь 1557 г. показывает, какими богатствами располагал монастырь в то время. «Ревстрику» (так называл документ, в котором описаны ценности, составлен архимандритом Сергеем Клябарей) не содержит описания всего имущества монастыря — ничего нет о постройках и о содержавшемся там имуществе (мебля, посуда, одежда, обувь и т. д.). В инвентаре указаны расходы на украшение главного храма, в первую очередь на украшение иконой, на приобретение разной церковной утвари и одежды для духовенства, на оплату писарей, делавших расписки и художника, расписывавшего храм, а также на покупку книг.

Перечисляются вещи, полученные в подарок от митрополита Солтана, от «наша троецкая» (А. Н. Ходякович) и других лиц. Среди разных вещей, подаренных митрополитом Солтаном, названа «Климентиево перламутровое сребро» сравненное с золотом. Как подаренное, оно не вошло в общий список книг ²⁰. Еще одна книга — «Летописец верховный» — не вошла в список книг, вдобавок, описание этого «Летописца» странное и заставляет предполагать, что указан не книга, а что-то иное, называемое летописцем: «За летописец верховный, што на таблице, 3 коны троецкы, а золото верховное» ²¹. «Таблица» — это часть иконостаса, которая находится над широкими окнами. «Летописец», находящийся на таблице, всего вероятнее, доска, на которой был вырезан небольшой текст.

В конце инвентаря, являясь весьма значительной частью «ревстрики», перечислены прочие книги. Почти все они были необходимы для церковной службы, и почти все в дорогих переплетках, украшенных драгоценными камнями и золотом ²². В начале идет перечисление шести евангелий, одно из которых «перламутровое старое, новоконьяное сребро, с камнями по всем сторонам». О других не сказано, что они перламутровые, а это, видимо, означает, что они были выписаны на бумаге, но «оделаны» в перламутр. Далее следуют «книги старые». Поскольку перламутровое евангелие тоже названо старым, то, видимо, книгу и старинные книги относятся к старым. Очевидно, «старыми» названы вообще все книги, имеющиеся в монастыре до того, как Сергей Клябарь стал там архимандритом, так как в конце списка сказано: «А всех книг старых 126». Однако и среди «старых» выделяются еще «старые»; например, среди «старых» числятся «Евангелие топяное великое», а затем «Евангелие ризельское старое». Вообще, среди «книг старых» первостепенное место принадлежит тем, которые необходимы для церковной службы, но есть и другие, чрезвычайно популярные в середине XVI в. (одни в том порядке, в каком они перечислены в источнике): «Книга Звараца», «Книга Златая чета», «Две книги оца Маргареты», «Книга Григория Басилева, книга пророцтва», «Книга великая Дионисие Арсинагоуцкая», «Книга Кирилла Иерусалимского», «Книга Григория

¹⁹ Соболевский П. Ф. Сурьфа Сурьфской рукописи, с. 8.

²⁰ Там же, т. IX, с. 20—22.

²¹ Там же, с. 22.

²² Там же, с. 22—23.

Двоеслова, «Книга дружка Григория Двоеслова на парламенте», Далее названы еще «Авостал великой на парламенте», «Книга царственик и летописана», «Книга Кривина», Имярек в монастыре в Ковно-Печерской пещера, и «Книга с именем перудалиноско», и «Книжка Таранковская — конюшника». Все это были, очевидно, книги рукописные, так как в конце списка сказано: «Книг бытих 5».

После перечисления книг старым следует заголовок: «А ты книги новыя, кто за мене, Сергей, прибавлены верою святой». Сергей Кумбурь стал архимандритом в 1832 г. Следовательно, новые книги в количестве 14 были приобретены в течение 26 лет. Неполнота приобретения для тех времен очень высокая.

Заглав. в крестике 1837 г. числятся две «Летописки, одна из которых назидана на тебе, второй же — «Царственик и летописан» — является вполне реальной летописью. Правда, в последующих инвентарях «Летописки» не имеют, но зато появляются «Кривина». Замена заглавка «Летописки» на «Кривина» (в особенности, когда это происходило переписывалась) для второй половины XVI в. и позже была вполне едина и не исключена, и поэтому вполне неслучайна для той рукописи, которая хранится в Супрасле, не является делом исключительным. Но как понимать слово «Царственик»?

В 1544 г. в Супрасле была рукопись, которую М. А. Оболенский, издавая в 1836 г., назвал Супрасльской²² (в т. XXXV ПРЛ она названа Волынской краткой). Нота, что эта летопись находилась в монастыре в 1544 г., указывает также на самой рукописи. «В лето от начала миру 7022-а, — свидетельствует летопись, — индиктиона 2. Септемврием месса 16, в неделю, на память великомученика Пафнамия величание, Жакимурт Август, король польскыи, великим князь литовскыи и иным панята господарь и дедяч, король Жакимуртто сын и Казимир Ягваловича муря, бысть в дому Богородице обители Супрасльской с многими величание святыми»²³.

«Царственик» здесь не упоминается, но подразумевать это название можно. Кстати, оба летописца числятся среди книг оспарива, т. е. приобретенных до 1532 г., Супрасльской же летописи в то время в монастыре не было.

Среди «новых» книг непосредственно церковные, необходимые для церковной службы, занимают гораздо меньшее место, но почти все они религиозного содержания. Обращает на себя внимание, что сильно увеличилось количество книг Библии («Книга Иисус Навин и царств и ней писаныя в дестя», «Книга быти», затем отысканы пять книг пророков, Авостал на литовском языке, «Скульптура проповедка новонаставная, а другая быти», Авосталов три рукописных, а четвертый «быти», книга Федора Студита «от Советов»). Обращает на себя внимание, что среди «новых» книг нет «жюковских». На «новые» можно считать только две «быти», причем можно думать, что Авостал был скарвинского издания.

²² Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую свиряжские летописи. Изд. Р. А. Оболенского, М., 1836.

²³ ПРЛ, т. XXXV, с. 127.

Значит, всего в монастыре в 1647 г. было 208 книг, из них только две «битые». Но после переписки «битых» книг сделана привязка: «А потом еще прибавлено книг новопечатных: Трехбук и десть новых, окладом черным покрет, букви и з воздушного требника старого собрания собраны серебряные на его наложены, а по середине библика и з образом Иоанна Богослова... А то Якош покарсарьбы бывшего квати, которая ся во его смерти остал: Листина в полдоста, Книга Надвздолю в десть, книга Андрея Уродивого в десть»¹⁶.

Наличие новопечатных книг, из огладки которых попали детали старин, может быть, говорит о существовании в монастыре скардаря, о чем так определенно заявила Ф. Н. Добринский¹⁷.

В общем, в 1647 г. монастырь располагал таким количеством утири, книг, украшенных золотом и драгоценными камнями, а также священнического облачения и разных тканей, расшитых золотом или тоже украшенных драгоценными камнями, что оно составляло своего рода музей, собрание которого эквивалентно очень значительную сумму.

Следующая оценка монастырского имущества сделана почти через 50 лет, в 1645 г., когда монастырь был уже уникатским. Инвентарь 1645 г. почти в два раза больше предыдущего, и в нем описаны такие предметы, которые в предыдущем описании, но и на этот раз главное внимание сосредоточено на сакральном церковной утири в одеждах духовенства. Новые являются те, что в ряде случаев являются именитых мастеров, сделанных ту или иную вещь, и чаще названы имена дарителей. Вообще же этот инвентарь гораздо детальнее предыдущего¹⁸.

В инвентаре 1645 г. приведен список книг, новопечатных тогда в монастыре. На этот раз книги перечислены по языкам: латинское, польское и русское. О латинских книгах отмечено, что некоторые из них прибыли из Варшавы в 1630 г., другие — из Гданьска и Тынотина, а том же 1630 г.¹⁹ Среди латинских числится Библия Вулгаты, но в большинстве это были книги светского содержания. Очевидно, все латинские книги были «битые».

На польском языке имелись тропека Сираксовского и проповедания Яна Кохановского, Библия, работа Касьяна Веронетты и др. В целом книг воздушного содержания было больше, чем духовной.

Список книг русских (в оригинале он называется «Рестр описания русских книг в скардару монастыря Сираксовского») указывает на очень большую разницу между количеством русских книг в 1637 и 1645 гг.

¹⁶ АСД, т. IX, с. 34—35.

¹⁷ Добринский Ф. И. Указ. соч. Добринский писал, что в Сираксовском монастыре, пока он был приосвящен, имелись также канцелярия для переписывания рукописей. Переписыванием занимались два дячки и канцелярщик орд рукописейном, конечно, своего назначения или специально для описания книг из братии (Там же, с. 3314). Добринский не дает указания на источник, который, всего вероятнее, и не был, а делает такое заключение, исходя из деятельности других монастырей, но наличие скардаря в Сираксле вполне вероятно.

¹⁸ АСД, т. IX, с. 145—168.

¹⁹ Наличие в монастыре 1645 г. датской из 1630 г. числится, что он в действительности составлен после 1645 г. или, на крайний случай, что в него был введены дополнения.

Во-первых, количество их вообще сократилось. Во-вторых, их описания в 1557 г. роскошно отделанным фолыонтом остались очень мало. Список начинается с перечисления книг друкованных (в предыдущем инвентаре подобные издания назывались «букварь») библей. Затем следуют аналитическое, евангелие, прологи, «Четьи лютые», Книга Печерской пещеры, книга Козьмы Индикоплова и др. Часть из них, видимо, имелись и в 1837 г. Числятся так и «Кройчанка руская», которой не было в инвентаре 1557 г., но начала книги над названием «Царственикх и летописаник». В свое время Н. Далматов высказал предположение, что «Кройчанка руская» — это бывший «Царственик» и что эта рукопись в 1836 г. была издана М. А. Оболенским⁴⁰. Это предположение можно считать вполне вероятным.

24 апреля 1654 г., накануне войны между Речью Посполитой и Россией, Януш Радзивилл, герцог Великого княжества Литовского, был на время из монастыря «Кройчанка» и армянский, на что выдал расписку.

По инвентарю 1668 г. в Супрасле среди книг числилась «кройчанка руская». Значит ли это, что Радзивилл возвратил книгу в 1654 г. книгу, была ли в монастыре в то время две «кройчанки», на которых она осталась, или между 1654 и 1668 гг. в монастырь поступила еще одна летопись фолы Радзивилл не возвращал, остается неизвестным. Нельзя также сказать, если Радзивилл возвратил книгу, то была ли это летопись, изданная впоследствии Оболенским, или та, которая сейчас называется Супрасльской?⁴¹

По сравнению с 1557 г. в 1645 г. не оказалось двух пергаменных евангелий, но появились «Соборник на царствие писавый». Кроме того, добавилось еще «Соборнико 4 на царю писавый». По предположению Далматова, пергаменный «Соборник» — это и была знаменитая Супрасльская рукопись⁴².

Следующий инвентарь составил при армянском Гаврииле Коленде в 1668 г. Как и в предыдущих, в этом инвентаре прежде всего описана церковная утварь, причем она по-прежнему отличалась роскошною отделкой. Как и в инвентаре 1645 г., шесть евангелий и бархатных перышек, оправленные в золото или серебро, описаны среди рамных серебряных вещей⁴³.

Священный книг, как и раньше, находится в конце инвентаря, и книги опять разделены по языкам: литовские, польские и русские.

⁴⁰ Далматов М. Указ. соч., с. 315, примеч.; Супрасльская рукопись, содержащая Илариодскую и Киевскую сощраденные летописи. М., 1836. Шесть страниц упрощенным старославянским шрифтом по инвентарю среди дорогих вещей описано, см. тоже там же (МДЛ, т. IX, с. 187).

⁴¹ Далматов пишет, что это та же самая «кройчанка», рукопись XI в., которой обнародован известный ученый извешеник... М. Вобровским в 20-е годы настоящего столетия, который книг эту оторвал из монастыря и не возвращен» (Далматов М. Указ. соч., с. 188, примеч.). При этом Далматов дает ссылку на книгу П. О. Вобровского «Судьба Супрасльской рукописи». Однако М. К. Вобровский был только специалистом по тому, что рукопись оказалась разрозненной, но никогда не издавал ее. Эта рукопись напечатана лишь в 1904 г. (См. также С. М. Палладина «Супрасльская книга». СПб., 1904. Т. II. Вып. I).

⁴² МДЛ, т. IX, с. 329—330.

Среди латинских грабленых свесские — труды Цицерона, Овидия, Сенеки и др.; среди польских — Литовский статут (его составо, какого года), «Права и привилегии русского народа», труды Ш. Старшольского, М. Балабровского, правовед П. Сорга, евангелия, Библия польская и чешская и др. Русская книга числится только, чем не было в 1837 г. Вместе с тем увеличилось количество печатных (несколько русских книги «друкованыя и «печатаныя, то можно думать, что отмечены все «друкованыя, но не в четыре очень немногие). Среди печатных названа Библия (ее составо, чьего издания), три служебника издания Яковлева, труды историч. и труды шестая, трифология, летоис., Псалтирьная только три: Апостол (очевидно, тот который был еще в 1837 г.), «Сказание» и «Сборник»⁴⁴.

Дальше для краткую справку полнее книг в монастыре по переселенковскому монастыре 1764 г. «По сбирности библиотечника-интер привел только данные на этот год о количестве книг на разных языках, разделен на к тому же по формату. Оказалось книг латинских 836, польских 305, чешская одна (Библия, издание, та же, которая упоминалась в предыдущих монастырях), французская, итальянская и немецкая 152, богословская и философская (номе не указаны) 66, печатных и печатных славянских 102 (надо помнить, что под славянскими понималась и писанные на старобелорусском языке), а всего 1458⁴⁵.

Война 1812 г., очевидно, в какой-то мере затронула монастырь, но об этом не опубликовано никаких документов. О наличии книг после войны можно составить представление лишь по работе Давыдовича, который занимался в монастырском архиве в 1822—1824 гг.

Публикуя Супрасльскую летопись, Давыдович в самой краткой форме сообщил, какие книги имелись в монастыре в это время. Всего, согласно сообщению Давыдовича, там было около 80 томов русских рукописей, преимущественно религиозного содержания. Многие из этих книг были очень красивые. Имелись там рукописи с рисунками, пылкими золотом, а когда-то в монастыре было евангелие, шелками вышитое золотом. Многие из пергаменных рукописей — XII—XIII вв.⁴⁶ По сравнению с 1858 г. собрание монастыря едва ли уменьшалось, тем более что было отмечено наличие очень древних пергаменных рукописей. В общем, сведения Давыдовича о монастырской библиотеке очень кратки и неопределенны. Возможно, он намеревался дать более подробное описание рукописей, но нежданная высылка из Вильно навсегда оторвала его от этого края, и предположенная работа не была выполнена. Даже пергаменные рукописи XII в. не были им описаны. Ничего не сообщил он и в времена выступления в монастыре Супрасльской летописи.

Артёмович Медет в своем труде описывал четыре свесские, старейшие из которых Валентин 1675 г.⁴⁷ Далее сообщается, что «в об-

⁴⁴ Там же, с. 241—242.

⁴⁵ Дальше М. Указ. соч., с. 562—563.

⁴⁶ См. ст. 25.

⁴⁷ Медет, артимвирит. Указ. гет.— Вост. западной России, 1867, кн. 6, с. 127—128.

ном большом зале помещается монастырская довольно богатая библиотека, особенно много рукописных четь-минов, разных служб и поучений, много из них прощало было много книг для составления библиотеки Литовской духовной семинарии (в Вильне.— Н. У.)⁴⁰.

Дальствие отметил, что его предшественник (Дальствие в 1861 г. был архимандритом Суражского монастыря) Венедикт Журовский широко рукою раздавал монастырские документы и книги всем обращавшимся к нему с просьбою об одолжении или⁴¹. Судя по всему, практика раздачи рукописной книгой обращавшимся существовала задолго до того, как Журовский стал архимандритом, так как Суражские рукописи были почти М. К. Бобринским еще в 30-е годы. В 1876 г. архивались в монастыре книги и документы были переданы в Валювскую губернскую библиотеку и в Суражске остались лишь некоторые книги, вероятно всего, богослужебного характера, которых, по данным Дальствия, было 700 экз.⁴²

* * *

Наиболее трагической оказалась судьба древнейшей кармачинской пергаменной рукописи XI в.— очевидно, самой ценной из всего собрания монастыря за все время его существования. Отаривая ее на гранду и затем разделив на части свисаны в поручо очередь с деятельностью М. К. Бобринского, который, впрочем, получил удовольствие из столицы. М. К. Бобринский был университетским и профессором Валювского университета, родным дядей полковника (ранее генерала) Генерального штаба, автора серии работ о Гродненской губернии П. О. Бобринского, который постарался выяснить, как правдоподобно отправка рукописи, почему она была разделена на три части, оказалась в разных местах.

Судя Бобринский была университетской по религии и белорусской по языку. М. К. Бобринский в 1795 г. поступил в Белостокскую гимназию, которую окончил в 1808 г. С 1808 по 1812 г. проходил курс в Главной Валювской духовной семинарии. Еще до окончания этого учебного заведения, в 1811 г., получил степень магистра филологии, в 1812 г.— магистрату богословия, в 1814 г.— магистрату философии. В 1816 г. он стал священником и почти одновременно адъюнктом (преподавателем) Валювского университета. С 1816 г. он — доцент Главной Валювской духовной семинарии, в 1817 г. брестской епархии. В том же 1817 г. Бобринский получил поручение командировать для удостоверения в богословских науках, изучая славянскую церковную и восточных языков⁴³.

⁴⁰ Там же, с. 128.

⁴¹ Дальствие Н. Указ. соч., с. 411.

⁴² Там же, с. 482. Видно, данные Дальствия в том, что в Суражске не остались почти стоющего значения, впрочем, во многих случаях, в Археографической комиссии в 1858 г. находилась рукопись — список Гавриил Давриила, — принадлежавший ранее Суражскому монастырю. В связи с рядом обстоятельств (у списка оказалась у Буяновича в не с трудом возвратил в Белосток (Архив Академии наук ЦСР в Ленинграде, ф. 103, кв. 1, № 894, л. 2—13).

⁴³ Бобринский П. О. Судьба Суражской рукописи с. 1—4.

Во время пятилетнего пребывания за границей Бобровский работал в архивах и библиотеках Савсонии, Ваксарен, Чехии, Далмации, Италии, в Париже, Риме и Вене. При возвращении на родину он, кроме русского и польского, знал германский, славяно-славянский¹⁾ (польский, белорусский), хорватский, болгарский, церковнославянский, греческий, латинский, еврейский, македонский (2), сардинский, арабский, немецкий, французский, итальянский и швейцарский языки, провозглаша же для народа провозгласил на народном чернорусском наречии, т. е. на белорусском языке. По возвращении Бобровский становится (в 1822 г.) экстраординарным профессором Славянского курса в Филейской академии Вильнского университета, в 1823 г. получает степень доктора богословия. В 1833 г. став ординарным профессором, преподает в университете арабский язык. Стремительное продвижение по служебной лестнице неожиданно прерывается: в сентябре 1834 г. он был удален из университета. Его биограф объясняет этот факт непростыми фактами, т. е. конфликтом Вильнянского университета с епископством, но более вероятно, что это было связано с делом филомата, когда из университета удален немолодой профессор.

В 1826 г. Бобровский вернулся в университет, но опять произошло что-то, и он в 1829 г. был назначен владимирским протоиереем Жаровицкой кафедры (Жаровица — местечко в Гродненской губ. — была местная префектура епископского митрополита). В то время шла активная подготовка к ликвидации уники, и назначением в Жаровицу Бобровского, видимо, было связано с этим. После закрытия Вильнского университета в 1832 г. Бобровский какое-то время был профессором богословия в Главной Вильнянской духовной семинарии, изучал итальянскую литературу²⁾.

Западнее длительного время в библиотеках Супрасльского и Жаровицкого монастырей, он обнаружил в Супрасльском одну из самых древних рукописей на славянском языке (древнейшая из славянских памятников, кроме, может быть, Барберанского псалтыря)³⁾.

В 1830 г. знаменитый славист В. Коштар обратился к А. Х. Востокову с просьбой прислать ему копию какой-либо древнейшей церковнославянской рукописи для сравнения с найденной им славянической. Востоков, в свою очередь, обратился к М. К. Бобровскому с просьбой переслать Коштару что-либо из супрасльских собраний⁴⁾. М. К. Бобровский посылал Коштару через посредство проф. Эйхвальда треть Супрасльскую рукопись с условием, что, когда Коштар вернет ее обратно, Бобровский посылет ему вторую треть⁵⁾. Как получалось, что Бобровский — лице вообще для Супрасльского монастыря покровителем — смог взять из монастыря и отправить в Вену часть уникальной рукописи с обещанием прислать еще, остается неясным.

Коштар возвратил первую часть в обмен на вторую, но вторую так и не вернул, и сейчас она находится в библиотеке Люблянского универ-

¹⁾ Там же, с. 4—7.

²⁾ Там же, с. 18.

³⁾ Там же, с. 28—29.

⁴⁾ Там же, с. 35.

сигета. Первая часть впоследствии попала к графу Замойскому в Варшаву, а третья была приобретена Публичной библиотекой в Петербурге. Первая и третья части рукописи были куплены у гродненского помещика Стрельбицкого. Как они попали к нему, тоже неизвестно. Таким образом, рукопись оказалась расчлененной. Однажды она чуть не погибла полностью, когда находилась в доме Бобрковского в Шеремиевском (нынешне в Пружанском у. Гродненской губ.): он упал на диван, ослепив на столе, заваленном бумагами, горючие свечи, свечи упали, начался пожар, бумаги запылали огнем, но рукопись осталась целой¹⁴.

Давылович, публикатор и исследователь Суражской летописи, обнаружил эту рукопись с помещиком М. К. Бобрковским¹⁵. Человек широкого образования и огромной работоспособности, Давылович основной целью своей жизни поставил раскрытие и публикацию источников по истории края Великого княжества Литовского. Помимо старинных рукописей Давылович начал с 20-х годов, причем в очень широкой мере разыскал несколько десятков первого Литовского статута (1529 г.). Продолжая поиски, Давылович обнаружил и в Суражском монастыре летопись (частко литовская... летога писаному великоступною)¹⁶.

Важно сообщалось, что в инвентарях 1557, 1645 и 1668 гг. об этой летописи ничего не было сказано; о книгах, числящихся во инвентарях 1764 г., Давылович сообщает в столь общей форме, что определить, какие именно книги хранились тогда в монастыре, невозможно. Однако можно думать, что если бы там оказалась еще одна «Кривичка», то Давылович обратил бы на нее внимание. В общем, остается предположить, что Суражская летопись попала в монастырь в конце XVIII или даже начале XIX в.

При каких обстоятельствах Давылович нашел эту летопись, не совсем ясно. Известно лишь, что большое участие в поисках принимал М. К. Бобрковский. В одной работе П. О. Бобрковский очень определенно утверждает, что рукопись из груди великого монастырского хлама нашел М. К. Бобрковский в 1823 г. и что он помог Давыловичу приобрести эту летопись¹⁷ (надо полагать, прочитать ее. — Н. У.). Чтобы у читателя не оставалось сомнений в том, кто нашел рукопись, П. О. Бобрковский в другой работе писал, что М. К. Бобрковский «открыл белорусского летописца, известного по польскому изданию Давыловича под именем „Литовского летописца и русской кривичи“ и что М. К. Бобрковский был намерен надать летопись русским шрифтом, однако это осуществить не удалось, так как у каноника не было доста-

¹⁴ Там же, с. 36, 43. В настоящее время в Петерб. библиотеке 118 листов; в Национальной библиотеке в Варшаве — 150 листов; в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — 16 листов (Роман А. М., Суражские книжные центры культурных связей Белоруссии с другими странами — В кн.: Славяне в кругу феодализма. М., 1976, с. 329).

¹⁵ С собраниями Суражского монастыря М. К. Бобрковский впервые ознакомился в 1820—1821 гг. (Бобрковский П. Ф. Судьба Суражской рукописи, с. 7).

¹⁶ Давылович Н. О литовском летописце. — ЖМНП, 1848, № 11, с. 108—109.

¹⁷ Бобрковский П. Ф. Еще заметка о Суражской рукописи. — ЖМНП, 1868, № 4, с. 347.

точных сведения, да и жил он в Шеремете, где печатать было невозможно¹⁰.

Давидовичем «братейства» называли половецким псевдонимом и, кажется, более precisely. Он пишет, что рукопись Сурицкая во время поездки на meno двух раз (последний раз в 1824 г.), в обоих случаях он был там вместе с М. К. Бобровским. Если принять версio П. О. Бобровского, что рукопись была обнаружена в 1823 г. доме пестрой (во время пасхальных каникул), то быстрого, с которой летопись была подготовлена к печати (она стала издаваться в т. III «Великого дворянства» в 1823 г., а этот том был последним в году), кажется невероятной. Давидовичу (если рукопись была обнаружена весной 1823 г.) известно, за четыре месяца было необходимо переписать летопись латинскими буквами, написать предисловие, дать перевод многих слов на польский язык и сравнить текст летописи с соответствующими местами хроники Стрыйковского. Даже учитывая измерения Давидовича первоначально подать мейстеру часть летописи (ру, в которой половецки собраны Великого княжества Литовского), это слишком быстро. Более вероятным кажется предположение, что Давидович и Бобровский встретились в Сурицке (во всяком случае, начали там совместно работу) в конце лета 1822 г., поскольку Бобровский возвратился из польской заграничной командировки в августе 1822 г.¹¹

Давидович писал, что М. К. Бобровский, которого он считал очень высоко, сказал ему при разборе рукописей в Сурицке «обогатившую» поимку и что тот собственноручно переписал рукопись в Вильно. Однако прямо о том, что летопись обнаружил Бобровский, он не говорит, скорее, на работа Давидовича следует, что Бобровский указал ему на наличие в Сурицке огромного количества рукописей, не выделяя особо ничего¹², а в более поздней работе Давидович прямо заявил, что рукопись была «до того никому неизвестна»¹³. В 1820 г., когда Археографическая комиссия размышляла потерянную рукопись и обратилась с запросом к Давидовичу, тот ответил, что аналогично жил в Сурицке рукопись «для собственного моего употребления» в 1822 г.¹⁴ Значит, 1822 год и следует считать тем временем, когда Давидович стал заниматься Сурицкой летописью.

В Вильно с летописью была снята копия (надана, латинским шрифтом), а в 1824 г. рукопись «вкрадчиво» половецкого коллекционерского увлеченного начальства была отослана обратно в Сурицку. В 1823 г. рукопись (или копия с нее) какое-то время находилась в распоряжении увлеченного священника и профессора Вильнского университета М. Сосновского¹⁵.

¹⁰ Забровский А. О. Михаил Карлович Бобровский (1786—1868): Историко-биографический очерк. СПб., 1888, с. 82.

¹¹ Там же, с. 80.

¹² Lapidus: Litwa i Księstwo tatarskie..., с. 2.

¹³ Давидович Н. Указ. соч., с. 181.

¹⁴ Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 133, от. 1, № 184, л. 14 об.

¹⁵ Замыслов А. А. О Сурицкой летописи «вкрадчивого» агента — ЛТМЖ, СПб., 1901, вып. 13, с. 3—4. О том, что происходило в Сурицкой летописью после 1824 г. (после отъезда ее из Вильно в Сурицку), свидетельствуют, по крайней мере, две версии. Более ранняя была опубликована в 1868 г. М. С. Козловским, который и

В настоящее время Супрасльская летопись хранится в Ленинградском отделе Института истории СССР Академии наук СССР № 115, № 143, составляет основную часть русскоязычного сборника⁴². Рукопись в четвертку, переплет — латвийские доски, обтянутые кожей. На верхней доске переплета сохранились два медных орудия, на нижней все орудия утрачены. Бумага везде одинаковая — плотная, белая с сильным желтоватым оттенком. Бумажный знак — тура. Несколько фрагментов к нему фальшивкой приклеил у Н. П. Давыдова; они относятся к 1533, 1534 гг.⁴³ На переплете прикреплены бумажка, на которой померили начала XIX в. написано: «Копию с Подлинн. Подлинн. и копии латвийские, в нем патерны кисти-перчерной работы писан 1820б. Бесею латво 175.

Большая часть рукописи (л. 3—116 и 127—173) писана одной рукой полууставом, полууставом же написаны первые два листа, а также последний, не вполне относящийся к летописи. Листы 116 об. — 125 написаны свирским. Оставшиеся листы л. 85 об. датированы латвийски

руками на г. 1—4 «Археологического сборника документов писан, что летопись, до того времени находившаяся в Супрасле, в 1834 году отправлена в Ригу для редактора Латвийской гимназии епископа Палла, который через какое-то время сообщил русскому правителю Палла, когда писаны были в Супрасле летописи, что в ней много латвийских летописей, в особенности восточных летописей. Летопись же была много лет, в 1805 г., обнаружил писавший в Белостокском А. В. Румовский, тот самый, который писал в Польше летопись Архангельскую, он же датировал летопись в Супрасле. О дальнейшей судьбе рукописи Козловский не сообщает, но, очевидно, делами были заниматься, что летопись находилась в то время в Супрасле (СМДП, 1868, № 10, с. 225—226). Однако Шахматов, использовавший материалы Архива Академии наук, представил эти дела иначе. Судя по его версии, Археологическая комиссия Указа о государственном делопроизводстве по отношению к архиву профессора Соловьева и министру народного просвещения и президенту Академии наук С. С. Уварову от 2 ноября 1868 г. На ряде документов указывается, что после возвращения Давыдовым рукописи в Супрасль она по распоряжению Н. Н. Новикова была передана в Императорский университет, была отправлена императорскому историку Давыдову, известному польскому филологу, от которого пошла и Я. Вдовиченко (для датирования ее копии Соловьевом, который делал ее указавши Ланда передачу от М. К. Бобринскому. 14 января 1869 г. рукопись была доставлена в Археологическую комиссию. «Летопись, на основании которой Шахматов составил «Летопись», в сейчас хранится в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде № 125, кн. 1, № 184. К тому, что сообщил Шахматов, можно добавить, что писавший ее проповедник в Новодевичьем монастыре в Чен, писавший, когда она была получена в Петербурге 13 января 1843 г. рукопись и ее содержание писавший сам С. С. Уваров (Архив Академии наук СССР, ф. 143, кн. 1, № 194, л. 20), по авторским описям. Как это произошло, видно в описях: Полюсовым, Уваров, полуграм, держал ее у себя, а писавший, передал в Комиссию, где получены ее по описанию. Эта летопись много известности от считалась проповедной, и когда С. А. Белокуров в 1859 г. обнаружил Императорскую летопись, то описавшие опись писавший он делал ее по тексту Супрасльской, подлинной Давыдовичем; Белокурову дано было известие, существует ли Супрасльская летопись, писавший Фрунзею Летопись/С. предельный С. Белокуров. — ЧОИДР, 1899, кн. 4, гл. 1; описано — с. IX—XII, текст летописи — с. 18—20). Имя писавшего описи, что писавший эту летопись, в Комиссии. Во всяком случае, в 1890 г. составленном не было известно.

⁴² Здесь в более подробном смысле описания рукописи представляет собой сравнение предельной в СМДП, т. XXXIII и XXXV.

⁴³ Давыдов Н. П. Археологическое описание фрагментов подлинной летописи, СПб., 1869, № 2013, 2160, 4147.

на польском и литовском языках в XVIII в. Большая часть листов 125—126 заголовком записана, сделана теми же чернилами и разными черчерками в XVII в. на старобелорусском языке. Л. 126 об. остался чистым. На л. 173 об. были написаны белорусской скорописью разные черчерки; они записаны в 1740-е годы чернилами. На л. 174 записано о рождении сына. Также проба пера (Псковского пера лн, дуб; со лев). То же на польском языке. Далее на том же листе записано по-польски об убийстве Иосифа Куняевича. На л. 174 об. польские стихи.

В сборнике на л. 1 и 125 находится указатель славянских чтений. На л. 1-а и 2 помещены родословие князей Опольичей. На л. 3—108 (на включенном л. 85 об.) находится текст летописи, начиная: «Израило летописавши каловою гвардико. Сказавши о верхах святых князей русьских, князи: «Тяже пана Давыдара из города на Кавона святили на рату и себе и до ризы по допустивши своего князя и сиробана, а Кавоньа засели, и востое забрали, што Подольские деляи держати». На л. 108 об.—123 перевод Вавилонского статута с греческим введением. На л. 125—126 родословие князей мажовских и вдобав пошло на вологодского старосту (без описания). На л. 127—172 Киевско-Печерской истории. На л. 173 записаны переписки.

Первоначально страницы рукописи были пронумерованы Давыдовым чернилами²¹. Позже нумерация листов сделана карандашом в прямом верхнем углу. Когда рукопись описывал Шахматов²², в некоторых сторонах обложки были прибиты указатели славянских чтений; в настоящее время они осыпаны и вшиты в книгу, в связи с чем современная нумерация листов не совпадает с предыдущей. (При публикации Суражской летописи в 1887 г. в ДРМ, т. XVIII нумерация листов начиналась с первого, в настоящее время это лист третий. Расхождение на два листа имеется во всей летописи.)

По предположению Шахматова, сборник, в котором помещены Суражская летопись, был составлен в городке XV в. и назывался «Летописца»²³.

Последний раз Суражская летопись опубликована в 1880 г. в ДРМ, т. XXXV, с. 38—87.

Никофоровская летопись

Старшей из известных в настоящее время белорусско-литовских летописей является Никофоровская, получившая свое название от фамилии владельца крупного собрания старинных рукописей жителя города Горалия Н. П. Никофорова, у которого летопись была приобретена Библиотечной Академией наук. В литературе имеется указание, что летопись ранее находилась в Жировицком монастыре, однако опирая на источник этот, кроме того, о находившемся рукописи в Жировицком скитине неизвестно: «По традиции (летописи) известна на

²¹ Давыдов М. Указ. соч., с. 181.

²² Давыдов А. А. О Суражской летописи... с. 4—5.

²³ Там же, с. 3.

и старинными картинами и другим старым парадным чех традицию, возможно, следует понимать так, что об этом в Жировицах существовало своего рода предание. Однако в классической стилистике обильно, тем более что одна армянская рукопись принадлежала в Минском Синодальском монастыре?

Жировицкий монастырь принадлежал к числу наиболее известных в Белоруссии, но в литературе о нем очень мало что сообщается: было всего несколько выписок в студийской школе большой иконы, принадлежавшей там в, надо полагать, служившей основным источником дохода для монастыря. Как обычно, Жировицкий монастырь был основан в XV в. на земле крупного феодала — Солтыка. В начале XVII в. среди лиц, делавших пожертвования в монастырь, были Лев Савета, Иван Рюлева и др. В начале того же XVII в. монастырь из православного превратился в униатский. В 1828 г. в Жировицах была открыта униатская духовная семинария (ранее там находилась гимназия). После воссоединения униатов с православием Жировицкая церковь стала кафедральным собором. В общем, это был крупный религиозный центр Белоруссии, так, вероятно, принадлежало большое количество как разных церковных певчих, так и икон, рукописей и печатных. Однако условия для сохранения были неблагоприятны. Неоднократно там происходили пожары: в 1826 г., произошедший как раз с армян, в 1854 и 1863 гг. В результате этого, а также, вероятно, небрежного хранения и раздачи, как было в Супрасле, рукописей и книг нем. что осталось, в конце XIX в. от бывших богатств осталось очень мало¹⁰. Л. Паневский, обследовавший архив монастыря в 1893 г., писал, что в то время на фойе принадлежал монастырю и духовному училищу, университетским старшим многому из библиотеки от армян еще времени, когда в Жировицах (до 1846 г.) были религиозные старинные арсеналы и при нем в монастырских зданиях помещались консистория и духовная семинария. Паневский писал архив «в образном порядке», что было осуществлено великим усердием учителя Хлобыча. Из значительных редких собраний, согласно данным Паневского, несколько десятков рукописей и ред. книг были в 1845 г. переданы в Валевский Троицкий монастырь, 40 рукописей посланы в Валевскую Публичную библиотеку и после издания Ф. Н. Добрыньским.

Упомянутое о летописи или о летописях Паневский в монастыре не назвал, но в одной сельской церкви (не сказано какой) им были найдены копии белорусской рукописи, посвятив чрезвычайно художественным письмом, четкого старинного плуруста, с заглавием, писанным каллиграфо с превосходными миниатюрами изобразительных элементов золотом на такой же художественном фоне, представляющей белорусскому творчеству и относится к концу XV в начале XVI в.¹¹. Очень вероятно данные Паневского не дают возможности

¹⁰ Дашевский Е. Писарь Белорусский феодальный восток. Варна, 1928, с. 118.

¹¹ Жировицкий «художественный музей большой иконы в Жировицком соборе». Велья, 1902, с. 13, 14, 17, 18, 24—28.

¹² Дашевский Л. Жировицкий и брат Ливонский архивы (К вопросу о летописи про-

рукописи, так как только на рукописи, которую автор считал ее «подпоросской», не сказано, что в ней случилось воище, но ясно, что это не Навифорская летопись.

В настоящее время Навифорская летопись хранится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук в Ленинграде (85.11.18), составляет часть рукописного собрания и находится почти в середине его (д. 226—227 об.). Рукопись в четвертку, переплет — доска, обшитые кожей. Всего листов 354, бумага плотная, желтоватая, писана полууставом, в основном в XV в. Нелетованные тексты собрания писаны попоросками XVI, XVII и XVIII вв., чернила коричневые. Рукописный записок около 10. Среди них особый интерес — у Н. П. Ладичева подобный записок под № 1075 датирован 1469 г.; былья головка с крестом под попоросками — у Ладичева № 1129, 1469 г.; былья головка, над ней пароси — у Ладичева № 1155, 1477 г.; былья головка, между ретанами старшая, с тремя листами овалной формы — у Ладичева № 1179, 1491 г.⁷⁴ Рукопись не имеет ни начала, ни конца; начинается со слов «Аздох, Кучакиги поба, а мотл фюр за Курьныи князи и поба»; заканчивается описанием борьбы Смирнатины Ольгердовичи с Сатамурадом Коветуменичем: «После того побиты 3 видети оуруи и князь великий Ждринонт събра всю свою силу литовскую и посла сына своего князя Михаила на Русь, и прииде князь Миха...». На первом листе рукописи попороском XVII или начала XVIII в. сделана надпись «Bibenda a. Spirita», указывающая, что когда-то рукопись принадлежала Милоскому Святодуловскому монастырю.

Что собой представлял монастырь, в котором хранилась старинная летопись? Данные о нем предельно скудны. Архимандрит Николай приводит крайне скудные только о двух милоских монастырях — Волковском и Святодуловском, с очень большим преобладанием данных о первом. Согласно этим сведениям, Волковский монастырь находился в местности на левом берегу реки Свислочь, которая называлась «Троицкая горка». От монастыря во времена архимандрита Николая сохранились две надгробные плиты, на одной из которых была надпись «1600» (?), вторая была вделана в стену Милоского кафедрального собора (собор в настоящее время уничтожен). Достоверные данные о монастыре имеются с XV в., когда существовал в в XIV в. В 1613г. монастырь стал униатским и был присоединен к Волковскому Свято-Троицкому, а в 1635 г. Волковский монастырь соединился с Милоским Святодуловским. Последняя запись об этих монастырях архимандрита Николая гласит, что около 1663 г. церковь и монастырь были разорены российскими войсками⁷⁵.

Русские войска во время войны 1654—1667 гг. несколько лет занимали Минск, и поэтому можно предположить, что тогда один из

минимальная армия для западно-русского края. — В кн.: Тр. IX Археологического съезда в Вильно, М., 1909, в. 200—201, 205.

⁷⁴ Ладичев Н. П. Палеографическое значение быльиных надписей рукописей. СПб., 1899, ч. 1—IV.

⁷⁵ Николай, архимандрит. Историко-статистическое описание Милоской епархии. СПб., 1864, с. 79—83, 98.

русские поначальникам или администраторов и забрал из монастыря рукопись, которая позже попала в Городец и Нахафорову.

Описание оформления, в котором помещены летопись, сделано в 1898 г. С. А. Белоусовым¹⁰, который также описал летопись, а в 1903 г. В. Н. Срезневским¹¹. всего же описал авторами «Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР»¹².

При издании в 1907 г. т. XVII ПСРЛ Нахафоровская летопись была использована для подготовки вариантов к Суздальской. Таким образом, Нахафоровская летопись в том виде, в каком она сохранилась, впервые полностью напечатана в 1903 г. в ПСРЛ, т. XXV, с. 19—38.

Служба (Уларовская) летопись

Хранится в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве (Собр. А. С. Уларова, № 1381 (1831)). Рукопись в восьмидесяти, бумага белая с желтоватым оттенком, чернила коричневые, почти на всем протяжении одинаковые. Писана белорусским полууставом, за исключением нескольких листов, сделан в том же почерке. Бумажный лист — тетра. Наиболее сложный лист у Ладислава датируется 1524 г.¹³

Листы пронумерованы арабскими цифрами в правом нижнем углу почерком XIX в. Кроме того, на первом поле черными арабскими цифрами пронумерованы обе стороны листов, но первые пять дефектных листов пронумерованы после реставрации на просветных и остатках листов поцелка: буквы из одной стороны. Таким образом, нумерация с двух сторон начинается с л. 6; на этом же листе (листом) на первом поле сделан выносной знак, а на выносе поле почерком XIX в. выписаны «Описание страницы целых листов летописи арабскими цифрами мной 14 января 1837 г.» Суздальца затем подперта. Всего листов 105, кроме тех, которые помещены в начале при переплетении рукописи и на которых сделаны выносы.

Летопись делится на две части. В первой (л. 1—70) изображены события, принадлежавшие в Великом княжестве Литовском. Во второй (л. 75 об. — 105 об.) излагается летопись общедружеского характера, составленная: «Летопись в великом князе московском, како делался от реди Валодарова». В этой части на л. 79 есть подзаголовок: «Летописи от великого князя Володарова: вельского».

На л. 84, 84 об., 85, 85 об. рукописи белорусской скорописью XVI в. другими чернилами, чем всякая летопись, выписаны записи, сле-

¹⁰ Русские летописи/С предисловием С. Белоусова. — СПб.: 1898, кн. 4, отд. 1; описание — с. IX—XXI, текст летописи — с. 18—93.

¹¹ Срезневский В. Н. Сводные о рукописи, печатных изданиях и других предметах, относящихся к Рукописному отделу Библиотеки Академии наук в 1903 г. СПб., 1903, с. 7—16.

¹² Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.: Л., 1903, т. 1, кн. II. Исторические описания XV—XVII вв. Сост. А. М. Копытов, М. В. Кудрявцева, В. Ф. Шварцман, с. 107—112.

¹³ Ладислав К. Палеографическое описание бумажных кодексов латин. № 1024.

линии в Слуцке. Она начинается на л. 106 об. на высоте пола, причем автор линии держал рукопись вверх, потому и таким образом буквы линии идут в противоположном направлении к основному тексту. Край листа, на котором находится начало линии, настолько истерт, что прочитать невозможно. Пользуясь передачей текста А. Н. Павлова, когда он делал первое описание рукописи в 1854 г. «В лето и... Па... раб... верю а с приазу пак, ак на воевоного слуцкобной прашаюа, а добродою мону. Государыня княжи милостивою, княгиня Юрвои Савковича Слуцкой, княгиня Савле Уаковича на Родимовича... великомом. В лето 7050 [1542.— П. У.] месяца апреля 18 на день пр. епис Савкова, иже в Персоне, и влады, впрело в Стадине в пол, преставися княж Куря Слуцкой; была гонима на промышле. Савковича рожд[ай] Голанович. Пашульча рожд[ай] Жаславич, Кудимовича рожд[ай] Алешкович. Яковича рожд[ай] корониской. Паток Кастутичю (л. 104—106 об.).

Эти записи, а также сообщения с краевыми жителями Семья Александровича Слуцкого в Слуцке (л. 7) об. рукописей дают основание считать, что летопись была содана в Слуцке (Слуцк в середине XVI в. был столицей своего крупного в Белоруссии княжества — Слуцкого), потому и названа Слуцкой¹⁶. Летопись приобрел ее учитель Успенского Н. П. Сахаров, отмечавший, что Успенский был из Литвы. Успенский терминологично середины XIX в., когда Литвой, кроме собственно Литвы, называли всю западную и центральную Белоруссию, можно думать, что Успенский обнаружил рукопись где-то в районе Слуцка. Сахаров ошибочно считал, что рукописная им рукопись является Слуцкой¹⁷ (которая в то время числилась литовской). То же, что слышал на Сахарова, повторил в своем описании архимандрит Любич¹⁸. От Сахарова летопись в 1847 г. перешла к А. С. Уварову.

Первые листы рукописи утеряны, и сохранившиеся первым листе веро оторван и от строки осталась лишь отдельные буквы. На первом листе передается жалоба Кейстуто его сыну Витовту на князя Ягайло. Первая часть летописи заканчивается словами: «В лето 6000. Живися княж великий Василья Дмитровича, повел за себе дщер Витовтову Софью». «Неизвестно о великом княже московскомъ пишется по слов: «В лето 6000. То предана в Невель 3 брата в Новгородомъ» — и заканчивается описанием погрома Руси татарами: «И приид Кочевьян, и ве мита робота сими, и в Жаславлю, и вни его. И приид во Креничю, веде же Креничю град тверд...»

Среди остальных летописей и дрона Слуцкого выделится тем, что она не является частью сборника, а представляет собой отдельное произведение, сохранившееся в том виде, в каком она была содана

¹⁶ В г. XVII ПЕРЛ эта летопись названа «Па рожд[ай] или Слуцкой». Считаем, что «Слуцкая» (буквально принадлежат князь дашай) подлинно больше, чем более что Уваровские пометы еще несколько летовой.

¹⁷ «Летопись, принадлежат Савковичевскому князю князь Успенский рукописей собраны графа А. С. Уварова. М., 1844, т. 3, с. 46—47) текст летописи — с. 67—74.

¹⁸ Успенский название города (Новгородок?), можно думать, что автор писал в виду на Новгород Великий, в Новгородке (Новгородок) в Белоруссии.

в первой половине XVI в. (за гонора, конечно, и тем, что часть рукописи за истекшее время утратил).

Описание рукописи сделал А. Н. Попов, он же опубликовал первые 24 листа летописи, т. е. ту часть, в которой описываются события, происходившие в Великом княжестве Литовском⁴⁶. Вторично рукопись описана архимандритом Ливондом, опубликовавшим остальную часть летописи. Страниц летописи, полностью уничтожена в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стр. 85—124, там же есть краткое описание рукописи (с. 1, III), а также в 1960 г. в т. XXXV, с. 68—71.

Origo regis Jagyelo et Witoldi duces Lithuaniae

Летопись, получившая название *Origo regis*, впервые опубликована А. Прохаской в 1888 г.⁴⁷, вторично в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стр. 219—221, в третий раз в 1960 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 115—117. Эта рукопись находилась в составе т. III «Libri legationum» Кароной мэтраки (Государственного архива Польского королевства, краеведческой по времени первой и второй публикации летописи в Польском архиве Манускриптов восточной Пруссии). Публикуя летопись, Прохаска в вступительной статье ничего не сообщает о составе книги, в которой находилась летопись, не дал ее палеографического описания, но зато высказал соображения, при каких обстоятельствах это произведение было создано. По мнению Прохаски, *Origo regis* является переводом на латинский язык одной из хроник, писанной на русском (старобелорусском) языке, причем хроника была написана в князь Мстислав в конце XV в., перевод же не был сделан ранее по заказу Дзуготы (который умер в 1480 г. — *И. Р.*) и использован в том историческом трактате, который вступительной частью к «История Польши». При переводе текст местами был искажен, но в нем есть места, оспариваемые в других летописях.

В т. XVII ПСРЛ *Origo regis* напечатана по оригиналу, в соответствии с расположением с текстом, приведенным Прохаской, нет, хотя она не совсем для себя. Так, в т. XVII ПСРЛ вместо *u* у Прохаски стоит *u*, а вместо *ei* для *h*. Затем вместо *Prusok* (Прусак) у Прохаски стоит *Polosok* (Полосак). Учитывая близость Пталянского при переводе текстов, можно думать, что прил был он.

В летописи описываются события, происходившие в Великом княжестве Литовском от смерти Ольгерда до первого бегства Витовта в Орду.

⁴⁶ Летопись вступит. частью латинской Прогит. в издание А. Н. Попова. — Учен. зап. кн.-бюро Академии наук, 1934, кн. 1, серия III; продолжение — с. 21—22, текст летописи — с. 27—28.

⁴⁷ *Przewidy A. Przewidy podległe latopisu ks. Litewskiego na język łaciński* — *Kwartalnik historyczny*, Lwów, 1888, k. II, tom 2, wydanie specjalne — с. 159—191, текст летописи — с. 201—206.

Валенская летопись

Составляет концы летописи Авраамия, написанной в конце XV в. в Сколдовско. Хранится в Румянцевском отделе Библиотечны Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе (Р. 52—53). Рукопись в 0,3 листа, бумага желтая, почти белесая, чернила фиолетово-красные. При переплетении боковые края сильно смяты, местами почти до самого текста. Нумерация листов сквозная — по углам на первом листе. Всего листов 450. Валенская летопись начинается на л. 427 (428 листов) — 429 об. Первые 425 листов написаны четким полууставом конца XV — начала XVI в., л. 426—430 — полууставом мелким, почти в два раза меньшим, чем предыдущий. На конце Валенской летописи видна построчная записки лет, в предыдущей части лонской рукописи, они написаны в разное время и разными почерками.

Листы 1—113 записаны каллиграфом с вычужденным крестом сообщенной в армянском болгар. Далее следуют летописи, сохранившиеся «Начало Русских летописей». На л. 314—320 летописный свод за 6452—6456 гг. Листы 320—427 совпадают с черной русской копией и отличаются сообщением о событиях по время правления Василия Васильевича в первом его сыновей.

Валенская летопись начинается с переселения князей Гедимина и заканчивается сообщением о том, как князь Сакрабало вместе с женой у князя Фомы восстал на Дмитрия Александровича. Концы летописи утеряны, сохранившиеся последние листы сильно повреждены.

Летопись впервые была напечатана в 1850 г. А. Ф. Гильковичем²², вторично в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стр. 191—204, в третий раз в 1929 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 85—90. Одновременно рукопись печаталась в «Летописях»²³.

Летопись Авраамия найдена в Польше А. В. Радвигом в 1824 г. и доставлена в Вильнюсскую Публичную Библиотеку.

Летопись Армянского общества

Хранится в Румянцевском отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. Армянского общества, № 43), составляет концы рукописного сборника (л. 42—73 об.). Рукопись в чернилах, бумага на первых 42 листах белая, желтая, на последующих более желтая и темная. Первые 42 листа написаны армянскими почерками свирского XVII в., летопись — полууставом XVI в., одной рукой в основном темными чернилами. В сборнике оставлены частями л. 10 и 10 об., 15, все л. 20 и 20 об., последующий за 20 неперенесенный, л. 21, все л. 29 и большая часть л. 30 об. Листы 63 и 64 в верхней части сильно повреждены от сырости, правый верхний угол л. 13 оторван. Бумажина белая в летописной части раз-

²² Опра для критической летописи, составленной в летописном сборнике, вышедшем в летописном Армянском Изд. А. Ф. Гильковича, СПб., 1850.

²³ Летопись Д. С. Радвигом летописей и на армянском почерке свирского. В., 1927, с. 465—467.

ыми частями вавограда, кушанника, столбы. Словами флиграны у Брива (часть вавограда — № 1128, 1375 г.; № 12488, 1896 г.)¹⁴ и Лядуновича (кушанник — № 506, 507, 1582 г.)¹⁵. Листы прокумь-р-дана карандашом в правом верхнем углу; кроме того, в литовской части Брива старославянского алфавита на латинском языке имеются тетради (на л. 43 тетр. 3, на л. 54 тетр. 3 и на л. 59 тетр. 4).

На л. 1—9 об. находятся «Слова с печатных с царских и с галицких писем, слова карандашом и выписаны по 178 году октября в 13 день. На л. 11—13 «Слова турецкого салтана к царю великому о грамоте 1656. На л. 14—16 «Слова с грамоты царя турецкого к турецкому салтану. На л. 16—18 «Послание турецкого царя Салтана к царю и великому князю Ивану Васильевичу». На л. 18—20 «Послание царя и великому князю Ивану Васильевичу бывшего великого князя Андрея Михайловича Куртского». На л. 22—26 перевод с латинского письма турецкого султана великому князю. На л. 26—27 «Слова с письма турецкого султана Магомета панет-дану владельцу». На л. 27—29 «Сказание о воеводе в Кракове короля Яна Собесского и о порубивших королей Яна-Казимира и Михаила Владиславского. На л. 30—42 разные известия.

Литваец не имеет ни начала, ни конца. Начинается со второй колонны слова: стался, которую выписывает систем Присовды, в 167 русск. Порубковск, которая же у Рива и выстил будуван — в заглавие-вается разговором в походе Ольгерда на Паровик: «Этот слово печен. Князь князь Олгера вывел у себя в литовским войском и победил татар, татарский князь, Кален.

Рукопись описана в 1879 г. Д. И. Прохоровским¹⁶. Напечатана дважды в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стр. 246—278 и в 1960 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 96—302. При публикации в т. XVII С. Д. Павлицкий неоднократно места восполнял по латинским Румановской и Пятрадринке, причем надписывал («Кройником Великого княжества Литовского и Жемайтского») заимствовал из Румановской латинский, поскольку начало Археологической летописи отсутствует. С дополнениями из других латинских летописей Археологического общества в т. XVII ПСРЛ занимает стр. 233—234. В ПСРЛ, т. XXXV вымечены только те места, которые сохранились до настоящего времени.

Вольвская краткая летопись

Хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 181, оп. 1, ч. 1, № 21/26). Летопись составляет шесть оборотков. Рукопись в 0,5 листа, бумага белая, плотная, с желтоватым оттенком. Флиграны бумажные — голова быка. Вязаное в левом углу датируется у Лядуновича 1488, 1500 и 1505 гг.¹⁷ Писана рязанским почер-

¹⁴ Delisle С. M., Les Histoires, Götting, 1867.

¹⁵ Samoylov S., Papirusas Lietuvos XV—XVIII amž. Vilnius, 1967.

¹⁶ Павлицкий С. Д. Слова древних русских грамотных в Музею имп. Русского археологического общества. СПб., 1879, с. 96—98.

¹⁷ Samoylov S., Op. cit., № 1449, 1450, 1451.

книга, главным образом полууставом начала XVI в. В начале написаны два письма митрополита Евгения А. Ф. Малиновскому от 20 марта и 18 июля 1829 г. Затем следует лист, на котором почерком конца XVIII или начала XIX в. написано: «Киевская летопись от предковства славы по 7025 (от Р. X. 1517) год безпрерывно продолжалась (1) старинного письма на 75 листах. Внесена в Библиотечку Государственной комиссии Иностранных дел Московского архива коллежским секретарем Алексеем Малиновским».

На л. 1—59 находится обширная летопись, составленная «Почтом Русской земли, как предидея словеса племянн Афетова и села на Руской земле по рекам, то есть летописи Киевские и поск Руской земли и Палской и Литовские», начинается словами: «Будеть имя словесным от племянн Афетова, нарицаема вериди», заканчивается извещением патриарха Москвы Тохтамышем: «То все едином пограблено и намы другим суде кушам в граде, все суть Батан люди хранимы их наловлены всякого добра». На полях этой части много-численные записки, касаются различных событий, на польском и русском языках разными почерками.

В ПСРЛ, т. XXXV помещается текст, находящийся на л. 59 об.—74 об.

Листы 59 об.—верх л. 71 написаны одной рукой, тем же полууставом, что и предыдущий текст, остальная часть л. 71—верх л. 74 об.—полууставом значительно более позднем. Часть л. 71 об., оставшаяся частью, является запиской XVIII в., не имеющей отношения к летописи. На верху л. 72 написано крупным полууставом, поше зачеркнуто: «К том тетради чытрым адришым лист преложиати шесть тетрадей, как будет выданы вероюмъ иже всякымъ свидѣлымъ про выпис на летописи от деди выданы». На л. 62—71 много записок на разных языках и разными почерками.

✓ Сама Великая княжая летопись разделяется на три части. Первая составляется (старинная): «Начало русских князей русского княжества. Она заключается на л. 67 об. сообщением о кончине великого князя летописного Александра на конюше Елисе Ивановиче. На л. 67 об.—71 известны почти целиком отголоски к Волыни, в частности к борьбе с татарами в 1485—1515 гг. Эта часть заканчивается сообщением о князе Смыслеве войсками великого князя московского Василия Ивановича. Последняя часть, писанная особым почерком (л. 72—74 об.), является извещением продолжения деятельности князя Константина Ивановича Острожского, гетмана Великого княжества Литовского.

На л. 74 об. после повала князя Острожскому другим (более поздним) почерком записано о кончине Сурашльского монастыря великим князем литовским Сигизмундом II Августом в 1544 г.

При первой публикации летописи она была названа И. А. Ободовским Киевской летописью. Однако, ввиду того, что в основном тексте летописи больше, поскольку ее оригинальная часть целиком посвящена Волыни, в то время составлявшей часть Великого княжества Литовского.

Описание рукописи сделано М. А. Оболенским¹⁸ и В. А. Ардуговым¹⁹, текст включен М. А. Оболенским старорусским шрифтом с передачей всех особенностей алфавита²⁰. Византизм критика включена в ПСРЛ, т. XXXV, с. 118—127.

Летопись Рачинского

Две из известных сейчас летописей были обнаружены в хранилищах Пальмы графов Рачинских в Познани (позже этот город принадлежал Пруссии) и графов Краинских в Варшаве.

В Библиотеке Рачинская имеется много материалов, относящихся к истории Белоруссии, но, видимо, всего наиболее тот сборник, в котором помещена летопись, получившая название «Рачинского» (или «Полмавского»). Эта летопись интересна своим языком, народным, разговорным, почти таким, какими шло слово в древней Беларуси. Затем известны в ней сведения за относительно позднее время (последнее сообщенное датировано 1548 г.). Помимо интересно также «окружение» летописи: она находится в сборнике, содержащем ряд литературной продукции. Вот остальные летописи (на включенном еще летописи Краинского) находятся в сборниках, в которых летопись соседствует с разными историческими произведениями или просто с документальным историческим характером, тогда как летопись Рачинского сопровождается средневековыми художественными повестью на старобелорусском языке.

Летопись составляет часть сборника, хранящегося в отделе рукописей библиотеки Рачинская в Познани (№ 94, л. 225—291). Рукопись в лист, бумага белая. Филигрань двух видов: одна представляет собой вытянутой крест, в котором находится подобие креста; вторая примерно такого же размера, как и первая, имеет вид крестов. Первая на филиграней близка к № 313 в работе Н. Катанова и О. Витвицкой²¹ и датирована 1582 г. Перелет кожаный, местами шерстяной, на корешке надпись по-польски: год 1487 до 1621. *Kodeks białoruski BK 94*. На первой обложке имеется бумажка с надписью: «*Ukazek dziejów dawnych po rzadku o królu Marku... o królu Szwedów, o Aluyi, królu czeskim, i o królu Łucie dawnych królów Szwedów*». Сборник до л. 292 писан одним почерком и одним чернилами. Заметки на полях, написанные по-белорусски, сделаны другим почерком и другими чернилами; правее на полях на польском языке сделаны чернилами более светлыми или акварелью. Во многих случаях буквы написаны пером тем же чернилами, какими писан текст. Золотом на некоторых местах написаны уставом крупные буквы. Листы пронумерованы в первом верхнем углу чернилами, там же, кроме писана рукопись, но приведены только нечетные цифры.

¹⁸ Сурявильская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую старорусские летописи, с. 157—159.

¹⁹ Ардугов В. А. «Киевская летопись Сурявильского сборника: К вопросу о древней летописании». — ИОРСР. СПб., 1906, т. XIV, кн. 3, с. 1—24.

²⁰ Сурявильская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую старорусские летописи, с. 157—158.

²¹ Катанов Н., Витвицкая О. *Восток и запад на матери рарифицированных документов XVI и XVII вв.* (1906—1911). Київ, 1921.

На л. 1—127 помещена повесть о Тростине («Починається повесть о витках с книг сурбських, а почала о славному рыцары Тростине, о Андалоте и о Воле и о князях многих народов до (далше край листа оборван)». Л. 127 об.—128 частые. На л. 129—171 «История о князяти Княдоме». Л. 171 об.—172 частые. На л. 173—221 «История о Атыла, короля угорьского». На л. 221—291 «Писание о великого князства Литовьского и Жеманьского». На л. 291—331 «Корія ратвиадствитя праге Владышавка IV з года 1535 dnia 5 marca побита о прагу бжого короля Казимирьска».

В конце собрания четыре фото, снятые с разных листов рукописи, и к ним приложено, что приложило вышесказанно доцентом Петербургского университета доктором Славянским Писанием («Zabarskoni tyborioni pisaly wykomany tytulatom i komboim Dr. M. Pliawerskiemu, docenta uniwersytetu w Petersburgu»).

Начинается летопись Рачинского со слов: «Сталося ест выходяще сына божого от духа святого з благословенное деваци чистое Марие — и зачинається описанием оставанки в Вальво в 1348 г., после смерти короля Сигизмунда I, и сообщением, что князь король Сигизмунд II Август известил, что он желат на Варшаве Радивалл».

Сборник, содержащий летопись, описан по время своей заграничной поездки Ф. М. Будковский, давший краткое содержание описанной летописи и опубликованной отрывки из нее¹⁰. Описание всего собрания сделано А. Врангером, непосредственно этой летописи автором посвящены последние страницы¹¹.

Фактически летопись Рачинская вместе с Библиотеке Академии наук СССР во Львове. Е. Барковский известил в своем труде, посвященном Сигизмунду Кейстутовичу, два отрывка из этого филологичес¹².

Полностью летопись напечатана дважды в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стр. 295—388 и в 1980 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 145—172.

Летопись Красянского

Летопись находилась в библиотеке графини Красянской в Варшаве (№ 408). Погибла во время второй мировой войны, и поэтому данные как в самой летописи, так и в сборнике, часть которого составляла летопись, заимствованы из работы Е. Ф. Карского¹³. Согласно данным Карского, рукопись поступила в библиотеку Красянской 20 ноября 1833 г. от Клементина Свидвинского, известного собирателя рукописей. Более точно, т. е. где, когда, у кого эту рукопись приобрел Свидвинский, не сказано.

¹⁰ Будковский Ф. М. Описание книг в Польской библиотеке. Вильно, — МСДР, 1848, № 1, с. 7—11.

¹¹ Budkowski J. Ein Weizenländischer Codex slavonischer des Großfürst Westrholischer Bibliothek in Warschau. — In: Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1896, Bd. IX, H. III, S. 345—360.

¹² Budkowski A. Fragmenty Kejstutowicz, wydanie księgi Litoński-ruchowej (1433—1488). Жешова, 1965, с. 162—163.

¹³ Карский Е. Ф. О князе так называемых Литовских летописей. — В кн.: Карский Е. Ф. Труды по восточному и другим славянским языкам. М., 1952, с. 289—293. Кроме Карского, сборник описан С. Л. Пашковским (ПСРЛ, т. XVII, с. IV).

Края некоторых листов рукописи сверху и снизу повреждены. Начала и концы сборника, когда рукопись описывали Вринвер и Карский, не были сохранились 179 листов. По прежней нумерации рукопись начиналась с л. 53 и заканчивалась на л. 300, за которыми следовало несколько нумерованных листов. Листы были пронумерованы буквами старославянского алфавита, когда часть рукописи была утрачена, а оставшиеся листы переутрачены. Весь сборник написан, по-видимому, на единомысловой бумаге, довольно толстой, желтоватого оттенка; в местах, которые особенно часто читались, бумага потемнела. В то время когда рукопись изучал Карский, переплетка не была, но ранее она представлялась несколько раз, о чем свидетельствуют подписей к листам, сделанные в разное время.

По наблюдению Карского, бумажные листы разные, но чаще всего это свинья, несколько похожая на № 439 у Лихачева. Другие листы имели над двойным крестом, шита с коровой и товаром и, наконец, знак «рода шита с волкообразной ланкой справа валеков. В общем, Карский определял четыре филлеры, подобные которым у Н. П. Лихачева следует под номерами 439, 523, 545 и 547, что соответствует 1542, 1595, 1533 и 1573 гг.²⁷ Очевидно, не все филлеры определены верно. Учитывая, что рукопись переписана одним автором (крупным калужанином XVI в. с кордебю истремацидскими скорописными буквами), невозможно принять даты изготовления бумаги с разрывом в 50 лет. В данном случае наиболее вероятно дата 1543 г., так как другие филлеры указывают на вторую половину XVI в. Лихачев и начальные буквы отдельных крупных разделов написаны кириллицей. На л. 177 кириллическая заставка на черном фоне: «Премудрость созда себе храм и утверди столы себе, закла свои жертвенныя и черна и чаша своей вино. Покла свои раба спавиждога со всеми... иже...».

На полях много записей на русском (старобелорусском) и польском языках. В самом конце летописи, по свидетельству Карского, было написано: «Што ж вышай описуется в русской крайности, хотя вышай об этом ничего не сказано. Эти слова Карский объясняет тем, что, видимо, прежде расположение статей в сборнике было иным, а кроме того, возможно, в нем была статья, сейчас отсутствующая²⁸. Эти соображения представляются весьма вероятными, тем более что подобные слова есть во всех белорусско-литовских летописях, содержащих легендарную часть, и относятся к тому месту, где Тройден приравнивается по своей жестокости к Антиоху Сирейскому, Проду Нерусильскому и Нерону Римскому. Очевидно, известные сейчас летописи составляли часть обширных хронографов, в которых говорилось о вышесказанных заставках правителей.

«Летописцы» (полный заголовок его таков: «Летописецъ Великого князства Литовского и Жемайтского») начинается на л. 64. Первую часть оканчивает на л. 72 об. Вторая часть, озаглавленная «Крой-

²⁷ Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные изделия в Московском государстве. СПб., 1891.

²⁸ Карский Е. Ф. Там же, с. 212.

виде о великая книга летописная, выводится на л. 72—96 об. Она начинается со слов: «Намереи у великого князя Костянтина снъ сына быша — и заведывашася событиями 1438 г. о разгромах русских татарами у Муроме и пленении великого князя Василия Васильевича. На л. 91 об.—128 выводится «Хожение Давида игумена в святыи град Иерусалимо. На л. 128 об. разные записи, не имеющие отношения к летописи. На л. 129—143 «Починается книга Топии». (Карский отмечал, что это произведение написано на очень частом западнорусском наречии старого времени.) На л. 144—158 об. «Издание Турдоло» (Починается книга о Турдоло рыцарей. На л. 159 «Починается реч о трех ставех». На л. 159 об. «Починается первый став судам в браше мужом и женом христианскими». На л. 161 об. «Второй став есть плоскый». На л. 165 «Тутъ си почывает о стагу деланом». На л. 171 об.—176 об. следует «Сказание о Сивилле пророчице». На л. 177 после заставки следует заглавие: «Прореченно святыи пророк о Христе Иусте». На л. 181 конюшаровой заголовок: «Сказание, бываше возврате в Иерусалиме при Софони архиепископе, о вере христианский верою, ошедшимъ в христианство». На л. 185 «Пророчание святыи пророк о пречестномъ рождении сына божиа, иже от отца и о воплощении Христею, иже от святыи деви богородици Марии. Пророчание Соломона, иже о Христе в вымарана на ответима ерей. Усты Соломона. Снъ божий пророк о себе, иже бы пророчен о отце и свое рождество от отца иже оуде повелъ, а рече. На л. 220 последний заголовок: «Слово о последнемъ времени, о Матильде царстве. Господи благослови, отче».

По мнению Карского, оригинал, с которого был списан сборник, составлен в конце XV в., но переписан на второй половине XVI в.²⁰

В некоторых отрывочных летописях Красникова отличаются от других, сохранившихся летописное сказание. Прежде всего по всем остальным летописям сказание представляет собой как бы организующую часть всей летописи, никак не отделяющуюся от прочего, тогда как в летописи Красникова легендарная и реальная части имеют отдельные заголовки («Летописецъ Великого князства Литовского и Жемовитского» и «Крайница о великихъ князех литовскихъ») в таком образе представляют собой две отдельных произведения. Второе различие заключается в том, что легендарная часть в летописи Красникова не разбита на параграфы и не имеет продолжения до Гедимина, как во всех остальных; очень мало в ней и параграфов за пределами легендарного сказания. Поэтому можно предположить, что в оригинале, с которого списывалась летопись, легендарная и реальная части («Крайница» начинается с переисчисления сыновей Гедимина) летописи представляли собой отдельные произведения, причем, возможно, параграфов в легендарной части было еще меньше (я может, их в вообще не было, т. е. «Крайница» представляла собой сказание текст без какого-либо деления). На это указывает хотя бы то, что из девяти выносок в настоящее время параграфов три, причем очень кратких и помещенных один за другим, являются Сидрагава,

²⁰ Там же, с. 226.

Особенностью летописи Красивского является и то, что не переписывая пытался уловить этимологич. слова «Жомойты» — того района Литвы, куда, согласно летописи, впервые вступила богатым из Италии. В тех случаях, когда в других летописях упоминается тот же вопрос, там сказано, что «жмоайты» происходят от франкомовиты. Это звучит не только неудачительно, но, пожалуй, и бессмысленно. Переписчик же летописи Красивского написал, что принадлежат «ромляны, которых Жомойты покорились», назвали эту землю словенским языком — Побережная земля (очевидно, следует понимать „Поверье“ — *И. У. Д.* в литовском языке назвали Жомойтская земля¹⁰⁰. Любопытно отметить, что летописцы, которые так усердно разделяют Литву на собственно Литву и Жомойты, никогда не говорят о наличии жемайтского языка в Литве в данном случае, пытаясь определить смысл слова «Жомойты», ссылается на язык не жемайтский, а литовский.

На пытался более детально установить границу между летописью Красивского и другими, охватывающими летоисчисленную часть, особенно лишь, что летописи Красивского по-за указанных особенностей не могла служить прототипом других летописей, хотя и принадлежит к числу старейших.

Летопись впервые была напечатана в 1860 г. А. Ф. Вышеславским¹⁰¹. Текст летописи в этом издании напечатан полностью, но без предисловия и без картографического приложения рукописи, и не сказано, каким образом сохранился Вышеславский, публикуя летопись.

При издании летописи в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII обе части были напечатаны раздельно, причем вторая часть равнее, чем первая: первая — на стб. 154—190, вторая — на стб. 227—238. Последнее издание этой летописи осуществлено в 1960 г. в ПСРЛ, т. XXXV, с. 128—144. Обе части там напечатаны вместе.

Ольшёнская летопись

Это единственная летопись, которая по времени не опубликована в ПСРЛ, т. XVII находилась в частном владении — в семье помещика Свенянского у. Валенский губ. Ольшён (сейчас север-запад Малоярославской обл.), принадлежавшим Александру Хоминскому. Летопись издавалась четыре раза: впервые в 1907 г. в ПСРЛ, т. XVII, стб. 421—472, вторично в 1907 г.¹⁰², в третий раз в 1933 г.¹⁰³, в последний раз

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. XXXV, с. 128.

¹⁰¹ Литовская летопись по рукописи, принадлежавшей в библиотеке графа Красивского, СПб., 1860. В издании 1860 г. не сказано, что летопись подготовил к печати А. Ф. Вышеславский; тем не менее, что эти сведения его реставрированы Археологической комиссией. О том, что подготовил к печати издательство А. Ф. Вышеславский, см.: ПСРЛ, т. XVII, с. IV.

¹⁰² Календарь Ольшёнских Свенянского уезда. Вильно: Издательство Литовского университета / Под редакцией в 1907 году Я. Филасюкис. Вильно, 1907.

¹⁰³ Календарь Ольшёнских Свенянского уезда. Вильно: Издательство Литовского университета / Под редакцией Л. М. И. Литовская по инициативе двенадцати ученых: это отсылка на ПСРЛ, т. XVII, которому предисловие несколько разрозненно предисловие отдельного издательского издания.

1880 г. в ПСРЛ, т. XXV, с. 173—181. Палеографическое описание сделано С. А. Птавицким несколько раз. Впервые в ПСРЛ, т. XVII — подробно кратко. Позднее полное оно в вильнюсском издании в почти таком же в сокращенном.

В настоящее время рукопись Ольшанской летописи находится в Национальной библиотеке в Варшаве (№ 8088)¹⁰². Описание проводится по данным Птавицкого.

Летопись находится в составе большого рукописного сборника, переплет картонный, чернила черные, заглавия и титулы «книжками фольклорными». Фальшивый — каменный (Птавицкий отметил, что подобное изображение в 1917 г. было неизвестно). Из записей, выходящих в рукописи, следует, что она была создана в 1880 г.

В начале сборника находится «Прися немцев», т. е. список чертукловых Литовского статута 1529 г. в польском переводе. Далее следует приписки великого князя Казимира 1487 г., затем «книжка» Сигизмунду I Войтеху Гягтольду, после чего текст Статута 1529 г. в польском переводе, а потом, с л. 263, «Кройничка», т. е. Ольшанская летопись, на которой находится еще «Кройничка».

В предисловии 1932 г. Птавицкий пространнее, чем в 1907 г., говорит о языке летописей, помещенных в ПСРЛ, т. XVII. Он указывает этот язык русским и вместе с тем отмечает, что он «книжный, отличающийся от языка московского и современного русского». На этом языке, — продолжает Птавицкий, — была обширная литература. Выработана он из языка белорусского и был языком не только литературы, но и правительства в Литве до конца XVII ст.» Там же Птавицкий утверждает, что в XVII ПСРЛ вышел под его редакцией, отрицав таким образом участие А. А. Шахматова¹⁰³.

В предисловии к ПСРЛ, т. XVII Птавицкий отметил наличие довольно толстой копии XVIII ст., находившейся в Рукописном отделе Вильнюсской городской библиотеки (с. IX), но эту, видимо, осталась неизвестной копии, хранящейся в Отделе рукописей Ягеллонской библиотеки в Кракове (№ 6434), эта рукопись находится там с конца XIX в.

Судя по записям в Краковском сборнике, в составе которого находится летопись, он был переведен в 1558 г., а затем едва ли не тем же переводом, который переписывал Ольшанскую летопись флюорис Краковского списка и черны фото, приложенного к изданию 1932 г., сменяются. При сверке текста, напечатанного в ПСРЛ, т. XVII, со списком Ягеллонской библиотеки расхождения обнаруживаются редко и незначительные. Вместе с тем в Ягеллонском списке в двух местах имеются пропуски строк, а в нем нет текста Статута; кроме того, порождая следования частей в нем по тот, что в Ольшанской.

Из записей на обложке Ольшанской летописи известно, что она в XVII в. принадлежала Христофору Добиньскому; но основным преданием, она досталась ему от Фридриха Комарского, последнего восточнославянского вождя, убитого в 1809 г. (т. XVII, с. рIX—X).

¹⁰² *Koninkowski J., Catalogus S. Przemysli Litwanicae statuta ab hunc usque notabilis. — Lietuvos TSR Aukštoji Mokykla darbai. Istorija, 1936, XVI (1), p. 128.*

¹⁰³ *Kačelis Oskarielis Šturmėto knyga, s. 4.*

Румяновская летопись

В 1902 г. Б. А. Валовым опубликована летопись, получившая название «Румяновская»¹⁰⁷, поскольку она хранится в Румяновском музее (сейчас — в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 37, № 434). В том же 1902 г. печатался т. XVII ПСРЛ, в который были включены все летописи и «Кройники», содержащие историю Великого княжества Литовского, а также фрагменты хроники, относящиеся к истории этого государства, причем почти все они были опубликованы ранее. Тем вышло из печати в 1902 г., но Румяновская летопись не была в него включена.

Почему было сделано такое исключение? Очевидно, для этого имелись две причины. Во-первых, Румяновская летопись вышла в свет, когда т. XVII ПСРЛ печатался, и поэтому редакторы т. XVII, возможно, посчитали неудобным для и тот же источник одновременно представлять в двух изданиях. Во-вторых, редакторы т. XVII ПСРЛ использовали Румяновскую летопись для реконструкции летописи Археологического общества.

Обрести, в котором экземпляре Румяновская летопись, или «Кройники», размеры в высоту, бумага белая, плотная, с желтоватым оттенком, поперек в разных местах разрывы, но все же по существу, чернила черные, заголовки разделов, за очень редким исключением (когда они написаны чернилами), конюшарный; конюшарью часто написаны и начальные буквы. В ряде мест края листов старыми. Часты листы в середине и конце рукописи пер. Перелет конюшарный конца XIX или начала XX в.

Первоначально листы были пронумерованы буквами славянского алфавита в правом нижнем углу листов. Всего пронумеровано 410 листов, но в действительности их меньше, так как во многих вместо 311 поставили 321, т. е. пропустили десять листов, отсутствует еще 19 листов. Буквами же на левом поле обозначены номера тетрадей, по 8 листов каждая. После перелетного рукописи пронумерованы также арабскими цифрами в правом верхнем углу листов, причем частые не пронумерованы (каждый лист пронумерован только один раз — 140-а). Таким образом, буквами пронумеровано 410, а цифрами — 376 (в конце рукописи написано: «Всего 376»). Все сошло в данной работе, если это не творило себе, даны на цифрами обозначены листы. По буквенной нумерации в рукописи отсутствуют листы 8—10, 12—14, 27, 104, 105, 117, 163, 177, 283, 286, 288, 313—322, 324, 353, 376—378, 402. Отсутствующие листы 109,

¹⁰⁷ Э хроника великого княжества Литовского и Жемовитского. — В кн.: Зап. Старо-польского общества истории и древностей, 1902, т. XXIV, отд. 1, с. 204—313. Выполнил Б. А. Западворская летопись по списку Румяновского музея. Санкт-Петербург, 1905. Впервые при публикации текст перед тем как та название, которое является в рукописи, поскольку в конце 400, т. е. вместо «за хроника» оригинал поставил «Э хроника» (тогда название публикации: «Э хроника Великого княжества Литовского и Жемовитского»), но в статье, которая входит в «Записки» после текста летописи, она названа иначе: «Западворская летопись по списку Румяновского музея. Это название в сокращенной форме и перенесено на летописи».

153, 177, 176, 378, очевидно, были чистыми, так как они следуют за чистыми листами перед началом новых разделов⁴⁰⁰.

В разных местах рукописи, главным образом на чистых листах, имеются записи владельцев. Первая из них, сделанная на нижних полях л. 12—87, свидетельствует: «Сия книга, глаголющая летописию Бронницкой округи Псковской десятины, села Слободина, перья Писаря Пречастые Батардыны перья Василки Маркова собственным сво... Подписана ново дасвою рукою 1780 года». На л. 140 запись частично смыта, видны слова: «Сия книга летописи принадлежат...» На л. 163 об. (листом) померком XIX в. написано: «Сия книга принадлежит села Слободина Псковской округи помещикам Василию Андрею Фельдскому». На л. 178 об. (листом) померком конца XVIII в. написано: «Сей летописец села Слободина перья Василки Маркова. Подписал города Бронницы помещик Иван Васильев 1788 года декабря 19 дню». Последние два слова написаны по записи, сделанной померком XVII в. На л. 22—22 об. есть частично срезанный записи, сделанный скорописью XVII в., видны слова: «История... летописи»; кроме того, сохранилось еще несколько записей, но вмята, однако, позволяя при определении принадлежности в семье владельцев⁴⁰¹. Впервые считал, что рукопись написана померком конца XVII в. (с. 214). Наличие записей, сделанных на полях л. 22 скорописью XVII в., говорит о том, что принадлежат Василию привалыца.

На первых 11 листах (около двух третей листов в этой части нет) говорится о разделе земли между помещиками Иаи; обрывается часть (в связи с недостающей частью) на незаконченном рассказе о Гостомале. На л. 12—89 написано «Кривинск». На л. 100—104 рассказ о зимних, предвзвещающих Иерусалиму гибель. На л. 106—135 говорится о захвате Иерусалима Титом («Повествование русского царя Тита на Иерусалим»). На л. 135—140 «О Иерусалиме и его многих волах и о Мелхониде». На л. 141—163 рассказ на сюжетной истории «О пленении безбожного царя Батыя, где пленя Русскую землю и прочие места». На л. 164 «О взятии града Валадифского». На л. 165—176 об окончании Константинополя и его гибели. На л. 177—183 «О Алабанской стране и о князьстве ея». На л. 184—222 «О донех Царяграда от безбожного Махмета Амуратова сына, турецкого царя, еже при Константине царя, сына Мануилова». На л. 222 об.—230 «Сказание Ивана Пересветова о царя турецком Махмете, како зате совещал книги греческия». Заголовок следующего раздела написан чернилами (а не оловяром): «Писание ис татарских книг из летописи Шайдарин Ханама да по сказке Махмет Муртави, соидеся слово в слово. А означала Мурта Карю, царевича крымскому, коли он был в Астрак-

⁴⁰⁰ На слайде, сфотографированной губернатором Вяземским, секретарь, что означение обрывается, принадлежат Рузавичевскому летописцу, было осуществлено В. С. Долгим, который также сделал корректуру с чернилами. Сие Вяземский рукописи не видел и подготавливал текст и печатал на той копии, которая была сделана для проф. Н. А. Погодина (См. Одесского общества истории и древностей, 1903, т. XXIV, изд. 1, с. 213—218). Означение обрывается в «Писании» слайда, вероятно, и по причине того была пространно.

⁴⁰¹ В «Писании» принадлежат только те записи, которые находятся на л. 176 об.

ны (д. 231—233). На л. 234—242 «Выписано из книги, глаголющая Словеса. Ся книга вторая на десять. Два ветровыяты, Которыи в Писанн, и третья вторая на десять. В ней же глаголю о житии и подвигах блаженнаго и достопамятнаго великаго князя и царя рускаго Дмитрия Ивановича». Остальная часть рукописи посвящена преимущественно деятельности Дмитрия Донского и его жены Евдокии. Далее следуют публицистические памятники XVI в.: «Послание турецкаго царя Салтана к царю и великому князю Ивану Васильевичю, воеи Руси самодержцу» (д. 346—352) и др. Кроме разделов, касающихся непосредственно истории русского народа, имеются краткие известия об истории Византии, Албании и рядостольная монгольских завоев. выписанная «с татарскаго языка».

На перечисленные памятники и сборнике материалов видно, что «Кройника Великаго князества Литовскаго и Жемайтскаго»¹²² является памятником чужеродным, причем не только по содержанию, но и по языку: «Кройника» написана на старобелорусском языке, как и другие «Кройники», а весь остальной текст на русском. Основная часть «Кройника» заканчивается изложением событий 1440 г.

Своем особый характер имеет текст на л. 95—99 — он не встречается в остальных белорусско-литовских летописях и близок лишь к тексту «Кройника», включенной в ТКРЛ, т. XVII и написанной на польском языке¹²³.

«Кройника» начинается с описания бегства из Рима 500 семей литовских рыцарей во главе с Палемонем, а заканчивается словами: «Лета 7075 (1562. — Н. Я.) году. В том же году на берегу против крымского стога князь Володимир Андреевич, с ним царь и великаго князя Бодро и воеводы» (д. 354).

В летописи недостает двух листов (по французской нумерации — д. 97 и 104). В первом случае недостает копия описания восстания в Смоленске. В копии л. 96 об. написано: «И после того заметна была великая в Смоленску, и повелили князю моршатику смоленского Петрыку, и уговорил его в Двиню, и поставил себе воеводу в Смоленску князя Ал...», а л. 98 начинается словами: «преставил с короном была, и жером людем известн по слову и по дорогам с великою студено, а стег был велик велик, за многия лета такое время не было в такое время...» (д. 98 об.—91)¹²⁴. В копии л. 103 об. следует: «Того же году татаров побито на Галты, и тогда был князь Иван Дубровицкий», а л. 105 начинается словами: «и лежали под Стародубом 3 недели на дол бжови, сн же подолжанинскіи воевок завалали, и вывелили 4 городни и замок князи. Сичину князи Федера и много князюи и

¹²² Литовское название критикала «за кройника» представляется такой ошибкой. Произношение такого рода обычно встречается «Кройника» или «Кройника».

¹²³ «Wybórki Xroniki Litewskiej krusztwa krotki rękopi. «Kройника» писана на том же рускоязычном сборнике, в котором помещена Смоленская летопись, непосредственно за летописью. Напечатана в ТКРЛ, т. XVII, стр. 460—472, г. 1838, с. 362.

¹²⁴ В летописи Радзивилла, которая в этих местах близка к французской, также недостает листов на 1413, 1421 П., 1424, 1444 и частично на 1467 гг. Указаны разрывы в формате обеих летописей, однако очевидно, что в Радзивилловской книге недостает этих страниц.

детей Борислава в плену выбрали, а немцев выставляли, бояром 10 000 и 30 000 волею немцев (л. 96 об.—97) ¹⁴⁴.

Летписи Археологического общества Шамшатов относятся к той группе летописей, к которой принадлежат Румянцевская, Ручейская и Патриаршая ¹⁴⁵. Четвертая же считается родственными ей летописи Красинского, Патриаршая Б, Ольшевская, Румянцевская, Пономарева, Таборская и Карвинская ¹⁴⁶.

Среди известных в настоящее время белорусско-литовских летописей и «Кройки», очень бедная датями, летописи Румянцевская и Археологического общества едва ли не самые бедные в этом отношении. После года, помещенного в первой главе и Румянцевской летописи (8526), в продолжение всей первой половины текста о годах не упоминается, и лишь на л. 83 об., в месте, где сказано о нападении Святослава Сильникого на Мстислава, отмечено: «Тое ж лето не вказано, во так год, в каком году происходила предыдущие события, не вказано, то остается неясным, какой год имелся в виду. После описания взятия волнами Камениа, дата которого не указана, следует рассказ о походе войск Витовта на Вильну; указывается на слове: «Тое же лето князь великий Витовт» (л. 74). Не указана даже год смерти Витовта, хотя, передая ход борьбы между князьями Свидригайлом и Сигизмундом Кейстутиевичем, летописец пишет: «Тое ж лето другой раз князь Шенстригайло» (л. 85), но, в каком году происходили события «то ж лето», ранее указано не было. Далее идет рассказ на это ж лето, — «Чья бы сообщения, в каком году это происходило (л. 85), и то ж лето на л. 86 об. (все о той же борьбе между Свидригайлом и Сигизмундом). О битве под Вилькомиром сказано, что она произошла «на Семея день в пятницу, без указания года (л. 87 об.).

Первая дата (л. 74) относится лишь к 1418 (8526) г.; дата здесь, как и везде, помечена буквами славянского алфавита. В указанный год (1418) князь Данило Федорович захватил Камениа у поляков.

Сообщения с точными датами начинаются лишь с 1506 г. (в действительности с 1505 г.), что явно означало переход к другому источнику. Первая определенная дата привнесена с чрезвычайной полнотой «В лето 7013 (1508.— Н. Я.). Месца января в 15 день, в пятницу, в Вильновском месте великим князем литовским отцом Сигизмундом» (л. 88 об.). Далее также все подробности даты следуют одна за другой. Коронация Сигизмунда произошла «в лето 7008 (3) (л. л. в 1492 г.— Н. Я.) сентября 21 день, в пятницу в 10, во вторник» (л. 89 об.). Здесь при всей полноте сообщения очень неточно, так как в 1492 г. был коронован не Сигизмунд, а Александр, коронация же Сигизмунда происходила в 1506 г. Князь Константин Острожский вернулся в русское плени в 1507 (7015) г., в пятницу 11, в субботу (л. 93). В ту ж году Михаил Глинский ездил Заблудовского (л. 93). В 1514 (7022) г. «в пятницу 12, месца мая в 16 день, на память святого отца папист

¹⁴⁴ Если считать в этом месте Румянцевскую летопись и Карвинскую и учесть разницу в формате аббревиатур, то можно считать, что утеряно один лист.

¹⁴⁵ Шенников А. А. Обзорные русские летописные своды XV—XVI вв. М., Л., 1928, с. 120.

¹⁴⁶ Шенников В. А. Белорусские летописи из печати литературы, Минск, 1909, с. 2.

Григорий-русские войска водили в Смоленску, в 1 августа, в понедельник, Смоленск выдался московскому великому князю (л. 94). Сегодншн выехал из Вильно на войну против русских князя в 22 день, на имени святыи Марии Магдалины, в субботу, и доже сказали, что это было во 9 годови даш (л. 95 об.). Битва под Оршей произошла сентября, в 8 день, на Рождество пресвятыи Богородици» (л. 95 об.).

Можно думать, что значительная часть этих ошибок произошла не только от путаницы действующих лиц, но и от того, что буквы — буквы славянского алфавита были в оригинале написаны нечетко.

В большинстве случаев «Кройничка», написанные на старобелорусской кириллице, находятся в сборниках, написанных на том же языке, что и весь сборник. Однако Румянцевский список помещен вместе с рукописями, написанными по-русски и содержащими материалы, которые не имеют отношения к Великому князю Литовскому. Этот сборник был перевезен в Россию русским человеком, который старался передать свою работу добросовестно, но так как ему потребовалось много неизведанных слов, то некоторые термины он передал по-польски.

Какие соображения заставили заключить включить в сборник список, откуда был добыт оригинал для сравнения и т. д., остается неизвестным. Если даже то, что в списке Археологического общества в близости к ней существуют два выдержанные антикварские экземпляра, которые имеются в библиотеке Барновской и Библиотеки (вход Ольгерда на Москву), нет в ней в тех архаических написаниях, которые так богата древняя Библиотека.

Евреиновская рукопись

Хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 191, об. 1, ч. 1, № 75101) в составе рукописного сборника. Рукопись в четвертку. Бумага белая, в различных частях неодинакового качества. Значительная часть рукописи написана на бумаге желтого оттенка, низкого качества, чернила на которой расплылись и проступили на обратную сторону листа, вследствие чего текст местами трудно читать.

Бумажные знаки — герб Амстердама и голова злука, во начале нельзя увидеть полностью. Однако в рукописи имеется запись, что текст переписан око 1580-го года, т. е. в 1580 г. Поскольку эта запись находится в конце сборника, то можно принять как достоверное, что он переписан в конце XVII в. Чернила — дубовые доски, обложены кожей. На первом переплете доска сломана вдоль по середине. Застежки сборника, кожаный корешок intact. По коже переплета вытиснены разные узоры. Листы 267, 268, 246 пронумерованы дважды.

Вся рукопись написана корявыми чернилами, во на первом 183 листе начальные буквы часто написаны каллиграфью, так же как и некоторые выписки, тоже выполненные каллиграфью, во всех остальных случаях текст, включая заголовки разделов, написан только чернилами.

В начале сборника выделены два нерегулярных листа, на первом из которых даны «На 535 листах, 1916 г., номер 53». На обороте того же листа надпись: «Ф. П. Сушарский. 1916. VIII». Далее следуют три листа, нерегулярные карандашом латинскими буквами. На первом из них вверху начала XIX в. написано «оладивели», далее, на л. 1—3 то же название повторено, а в конце написано, что рукопись подарена (Архиву Министерства иностранных дел. — *И. З.*) «надзорным советником Пав. Евревичем в 1814 г.» Литовская рукопись выделена по имени своего владельца — Евревичская.

Всего в сборнике 534 листа. Содержимое помещенных в нем материалов разное, но в основном они относятся к событиям, происходившим в России. На л. 1—86 об. «От литовцев собрано нарратив о начале разделения от Адама первого два и от этого клана его пошла царя, сего же в выделены в кто сколько лет бысть междушующаго кола сего». Замечательны сообщения об избрании на царство Николая Федоровича. На л. 89 об.—98 «Сказание, что ради Великого Погради армянскими на слова сегоа высть белая клябука и тако и прочая исторически и сказуемы». На л. 99—179 об. «Краткое, описанье литовцев, от великого князя Василия Ивановича князю князю и сдержанности сына его великого князя царя и великого князя Николая Васильевича коза Рукиа и о христианстве царство православного царя и великого князя Федора Ивановича коза России. На л. 179 об.—183 об. «Начальные нарратив о царях московских и о избрании их, и о коронстве, и о правде». На л. 186—317 об. «Ряд государей великого московского удельного князья». На л. 319—428 «Книжка литовская. Сказан во 155-м году ноября и денье. Начало «Литовская на л. 330: «О начале древнего словянского народа и о наречии или языке его». На частом л. 440 надпись: «Сказано во 155-м году ноября 11 денье, т. е. 11 ноября 1550 г. В конце рукописи, на л. 443—534 об., находится литовская, слогами выделенная «Книга Великого княжества Литовского и Жемайтского».

Начинается литовский текст: «Бысть выделена книга быти от духа святого, а — и замечательны сообщения о смерти Сигизмунда I и воцарении Сигизмунда II Августа на Варшаве Радзивилла. На л. 534 об. привнеси: «Полская кровная пишет: рад Альбрехт — 12 сынов: Якошало, Сирганало, Швадритало, Берис, Курейрт, Вакгуно, Користал, Норисом, Лавитгал, Либора, Андрия, Бутале».

Средя других белорусско-литовских литовских Евревичская выделена огромным количеством ошибок и вообще небрежностью вычисления. Переводчик явно не понимал языка и поэтому сделал много ошибок.

Хроника Выхова

Низарка Суворовской литовская показала, что Стрийковская, списанная на литовский русский и литовский, не фантасировала, что подобные литовские были, однако Суворовская очень мало походила на те литовские, на которые Стрийковская делала ссылки (в ней вообще почти отсутствовала литовская часть). Полностью резко измене-

дась, когда была найдена и введена в научный оборот хроника Быкова.

На один из белорусско-литовских летописей не вызвала и не вызывает такого интереса, как хроника Быкова, и не об одной из столько суждений. Достаточно помнить, что некоторые исследователи до сих пор считают ее фальшивкой, содвинутой, волею верования, Теодором Нарбутом.

До 20-х годов XIX в. хроника находилась в поместьи Могилевца Словимского у. Гродненской губ., принадлежавшая помещику Александру Быкову. Как название Быкова, так и фамилия владелицы ведут в восточную Белоруссию, в Подлясию (Белые — значит урочище Быкова, города на Днепре в современной Могилевской обл.). Эта фамилия, видимо, не выделялась знатностью происхождения, так как в работе Бонковского, в которой собран материал о сколько-нибудь примечательных шляхетских фамилиях Великого княжества Литовского, Быковы не упоминаются¹⁰⁰. Ничего не говорит о Быкове, владелице рукописи, и «Колоссальный библиографический словарь», в котором зарегистрировано огромное количество лиц, часто весьма мало выделявшихся. В этом словаре есть только статья о философе Юлиане Быкове¹⁰¹. Малозначительным оказалось и название Подляны, о котором «Библиографический словарь Польского королевства» даже не упоминает¹⁰².

В принципе, когда рукопись хроника находилась в Могилевце, там был значительный архив, от которого в настоящее время сохранилось очень мало, причем эти материалы касаются почти исключительно хозяйственной жизни помещика¹⁰³. История рукописи до того времени, когда она попала в руки учителя Виленской гимназии И. Климашевского, остается неизвестной. Климашевский, получив рукопись, опубликовал фрагмент, содержащий описание убийства великого князя Сигизмунда Кейстутовича¹⁰⁴.

Когда Климашевский вычитал отрывок хроника, Нарбут работал над своей «Древней историей литовского народа»¹⁰⁵ и, очевидно, вскоре ознакомился с этой архаичнейшей, а в 1834 г. Белые перестал рукопись хроника Нарбуту в его поместьи Шапры. При подготовке к печати «Древней истории» Нарбут широко использовал новый источник, дал ему название «Хроника Быкова» по фамилии владелицы и сделал библиографическое описание. В 1848 г. Нарбут вычитал хроника великом отдельным изданием¹⁰⁶. Вскоре после публикации рукопись исчезла.

Данилович пытался возражать против названия «Быкова», утверждая, что хроника следует назвать Зеленой, так как он считал,

¹⁰⁰ Kowalski J. Op. cit.

¹⁰¹ Polski słownik biograficzny. Kraków, 1917, t. III, s. 158.

¹⁰² Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych ziem słowiańskich. Warszawa, 1865. T. VI.

¹⁰³ Хроника Быкова. М., 1995, с. 19.

¹⁰⁴ Новикова М. Материалы к ист. Литвы, 1835, с. 93—103.

¹⁰⁵ Нарбут Т. Древяя история народа Литовскаго. Вильна, 1835—1841. Т. 1—IX.

¹⁰⁶ Ротшильд до дзеяраў. Вильна, 1848.

что это то самое произведение, которое Страйковский получал в свое время у князя Заславский¹⁰⁰. Однако это предположение Давыдович не получило поддержки, тем более что позже было доказано, что рукопись, бывшая у Страйковского, и рукопись Выкова хотя и близки между собой, но не идентичны.

С течением времени о публикации Климаковского перестали вспоминать, во всяком случае когда возник вопрос о подлинности рукописи. Нарбут был известен в качестве исследователя, делавшего ссылки на достоверные или даже вымышленные источники, а так как, кроме него, рукописи никто не видел (исключая Климаковского), то вполне подорвана, не написана ли в рукописи Выкова самим Нарбутом.

Польский историк К. Ходыняцкий, цитируя источники Нарбута, доказал, что использованным им так называемая Рудавская рукопись в действительности никогда не существовала, и обещал провести в будущем соответствующее исследование в отношении рукописи Выкова¹⁰¹. Однако такое исследование не появилось. Тот факт, что в одной из своих более поздних статей Ходыняцкий подверг анализу текст, помещенный в рукописи Выкова, причем вопроса о подлинности источника он не ставил, может служить доказательством того, что этот исследователь отказался от мысли признать рукопись фальшивкой¹⁰².

Исследован Р. Шафта, обнаружившего в Рудавском отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР письма Выкова Нарбуту, в которых Выков сообщил о передаче рукописи Нарбуту, а также письма Викента Нарбута, родственника Теодора Нарбута, содержащее сведения о ходе печатания рукописи, говорит о том, что она существовала в действительности¹⁰³. К этому можно добавлять, что рукопись вышла из печати при жизни ее владельца — А. Выкова, который, надо полагать, опровергал бы подобные догадки, если бы на самом деле фальшивкой была «предуприлка».

Ходыняцкий был уверен, что рукопись, если она и писалась, вышла сразу после ее публикации. На самом же деле она находилась в Шафта еще в 1884 г., и лишь в начале 1884 г. (оставленной в покое после смерти Нарбута рукописи владельца князя Александра Саломона) она уже не числилась¹⁰⁴.

Пытаясь доказать, что рукопись Выкова была фальшивкой, написанной Нарбутом, исследователи как бы не замечают обстоятельства, делавших из выводов несостоятельными. При наличии публикации Климаковского Нарбут мог списать отрывок об убийстве Сигизмунда из «Новорочиска», но никакой текст nunca было написать так,

¹⁰⁰ Давыдович К. Указ. соч., т. 81—82.

¹⁰¹ Сандрыcki К. Do dziejów nauk starożytnościowych w Wielkopolsce. — In: *Archiwum Wileńskie*, Wilno, 1926, tom. 18-19, s. 387—401.

¹⁰² Сандрыcki К. Uwagi i uwagi nad piśmiennictwem Zygmunta Kiejstutowicza. — In: *Archiwum Wileńskie*, Wilno, 1928, tom. 18, s. 79—105.

¹⁰³ Шафта Р. *Wspomnienia literackie*. — *Litwa* 1948, *Wskaznik Akademicki* darbu. Ser. A, 1950, N 163, p. 146—154.

¹⁰⁴ Рукопись Выкова, с. 18.

чтобы он не отличался, хотя бы по шпике, от оригинала, опубликованного Климовским. Литовский Рачинский, мало отличающийся по шпике от троника Былова, была обнаружена и выдана только в по-прежнему образном для Нарбута не могла служить.

Трудно также представить, что такой литовский патриот, как Нарбут, называл все реки, населенные пункты в вышена действующем для Литвы не в литовском, а в белорусском произношении.

Поскольку в рукописи недоставало начала, конца и части середины, то возник вопрос о размерах потерь. Изданная троника, Нарбут сообщил, что уверенно можно назвать рукописи¹²⁰. При публикации периода явно высказывались предположения, что недостает не более четверти¹²¹. Последние явные наблюдения говорят, что уверенно еще меньше.

Каким образом можно определить потерю? Нарбут указал, что рукописи троника были размером в четвертку¹²². При наличии семизначного в издании Нарбута фактически небольшого отрывка рукописи можно подсчитать, сколько знаков происходило в оригинале на строку. Из подсчетов в среднем 43. В ПСРЛ, т. XXXII, где опубликована троника, в строке уместится 95 типографских знаков корпусом, строк же, в которые помещались страницы утерянной рукописи, — 35 (Нарбут при печатании указывал страницам рукописи). Значит, на одной странице рукописи помещалось примерно 1000 знаков. Разделив число знаков в странице на число в строке, получим на страницу 30—31 строку. Таким образом, утерянные Нарбутом, что рукописи была в четвертку, подтверждается.

Сравнивая троника Былова с троникой Стрийковского и рядом белорусско-литовских литовских, можно установить, какие места троника Былова отсутствуют. Учитывая, что тексты соотношались источников как перед утерянными местами, так и после них совпадают почти буквально (или даже буквально) с соответствующими местами троника Былова, можно думать, что точно так же совпадали в утерянные места и что, следовательно, они вполне восстанавливаемы по сохранившимся источникам. При издании в ПСРЛ недостающие места в тронике Былова (я помещался в других источниках) дались в скобках над строкой петитом. Типографских знаков в этих местах на строку приходится 106. На с. 128 под строкой оказалась 95 строк, а знаков, следовательно, 1006; на с. 131, 132 — 23 строка, знаков 2436; на с. 134 — 13 строк, знаков 1378; на с. 163 — 12 строк, знаков 1272; на с. 170, 171 — 28 строк, знаков 2968; на с. 183 — одно строка.

При переводе этих показателей на страницы рукописи получим следующее число строк (разделив количество знаков, потребовалось для восстановления утерянных мест, на 45, т. е. на число знаков в строке в рукописи): на с. 128 знаков 1006, что означает 22 строк оригинала или несколько больше страниц; на с. 131, 132 знаков 2436, или 57 строк, т. е. примерно две страницы текста; на с. 134 знаков

¹²⁰ Рашица да шыгяе Швейцкіх, в. 11.

¹²¹ Хроника Былова, с. 12.

¹²² Рашица да шыгяе Швейцкіх, в. 1—11.

Составляя указатели, Нарбут изменял как имена, так и фамилии, причем иногда переводил русские имена на польские (именя Юрий Ливонский в указателе назвал «Ежио»). В других случаях переводил предмет именам литовское звучание (в тексте написано «Курковито», а в указателе — «Курковитис»). Иногда в таких переводах: в тексте — «Зубриновичи», а в указателе — «Зубричи» и т. д. Нарбут считал, что в языке слабее развито название или главы — не «Арнеда», а «Радика», поэтому в указателе «Радика» не читает и на его месте повсюду пишет «Арнеда».

Географические названия и тем более предметы даны в очень небольшом количестве, и выбор их предельно случаен. Громадное количество ошибок в указателе выводит на мысль, что и в тексте их тоже должно быть немало.

Палеографическое описание рукописи было дано Нарбутом дважды: впервые в т. III «Древней истории»¹²⁰ и вторично в 1846 г. при публикации хроники¹²¹. В первом случае Нарбут писал, что хроника представляла собой рукопись в четвертку, 20 листов (сладит почитать тетрадей. — П. Р.), польским письмом XVII в., писано мелким почерком, ровю, скате, очень чисто, на старой бумаге, подвой знак которой показывает местную польскую фабрику. Фильтрания, по мнению Нарбута, представляли собой изображения аллюзийных гербов. Во втором описании добавлено, что бумажный знак на одной половине листа изображает корону, а на другой — буквы CG; далее отмечено, что на подобной бумаге писались аллюзийные документы XVI — начала XVII в. (на основании чего Нарбут и датирует рукопись тем же временем).

На обороте последнего листа рукописи написано по-польски: «Kronika Litewska z takiego jezuka na rokiki rozdzialnosciami» («Хроника литовская с русского переведена на польский»), хотя здесь не перевод, а лишь передача польской графикой белорусского каролинского текста. После этой записи в издании 1846 г. помещен летописный отрывок, опубликованный в 1836 г. П. А. Мухомовым, в котором говорится о женитьбе польского короля и литовского великого князя Сигизмунда II Августа на Барбаре Радзивилл¹²². Затем на новой странице следует родословие витебских князей («A se jest tydelnoscie kniaziej witebskich»), перед которым имеется запись Нарбута, что родословие находилось в самом конце рукописной хроники в виде приписка. На приписке и в этом месте следует, что приписка сделана не тем почерком, каковы писана хроника¹²³.

Издавая перевод хроники Выховал и пытался определить время, когда она была написана, им, учитывая, что в альбоме К. Я. Тримовича встречается фильтрания, на которой изображены как рыбы, так и соответствующие буквы¹²⁴, сделал вывод, что хроника была переписана в 70-е годы XVI в.¹²⁵

¹²⁰ Ливонск. Гр. ил., т. III, с. 274—275.

¹²¹ Rozdziki do dziejow Litewskich, s. 1—11.

¹²² Справки Арханова. М., 1836, с. 140—141.

¹²³ Rozdziki do dziejow Litewskich, s. 81.

¹²⁴ Тримович К. Я. Иллюстрированные альбомы на швейцарской бумаге. М., 1844, № 1584.

¹²⁵ Хроника Выховала, с. 22.

1378, или 31 строка, или одна страница рукописи; на с. 163 знаков 1372, что тоже должно означать одну страницу; на с. 170, 171 знаков 2868, что значит 66 строк, или две записанные с обеих сторон страницы рукописи; недосталя одной строки на с. 123 может рассматриваться как ошибка. Значит, в тексте рукописи (в середине) недостает 2885 знаков, или 220 строк, или 7,5 записанной с одной стороны страницы, а точнее, около 4 листов.

Труднее определить недосталя в начале и конце. У Стрыйковского при передаче первого варианта легенды (Божья мзда жестиностей Нирона)¹²⁰ текст занимает 49 строк по 47 знаков в строке, всего 2303 знака. Второй вариант приема бегства (случилось от неизвестия Атиллы)¹²¹ — строк 24, знаков 1608, следовательно, знаков всего 4891, или 104 строки, что составят примерно 3,5 страницы. Так как на первой странице должна была находиться заставка, то можно принять, что в начале рукописи недостало двух листов.

Привести тот же способ подсчета относительно недостающей части описания битвы под Кляном нельзя, ибо это событие описано Стрыйковским стихами, в результате у него получается так много строк, что сравнить стихотворную передачу с прозаической невозможно. Учитывая, что основная часть описания в хронике Биссона сохранилась, можно дать как минимум на украинную часть одну страницу. Что касается восстания Мухомла Гласкаты, в котором общал рассказать составитель хроник Биссона¹²², то описания его занимает у Стрыйковского несколько больше страниц¹²³, что составляет 79 строк, в переводе на страницы рукописи это означает несколько менее трех страниц.

Таким образом, во начале недостало, во рукописи утрачено в начале четыре, в середине семь с половиной, в конце около четырех страниц, всего примерно 15 страниц, или 8 листов. Если считать, что у Биссона вышло 168 страниц, то всего в рукописи было 174 страницы, или 87 записанных с двух сторон листов. Значит, потери составляют около 9% текста.

Естественно, что был подсчет условный, однако одно положение бесспорно: утрата не так велика, как предполагалось раньше.

В конце своего издания Нарбут поместил указатель (с. 83—804), в него в заголовке и нему сказано, что здесь перечислены лица (особы), в действительности даны указатели именной, географической и отчасти предметной. Поскольку Нарбут верил всему, что написано в хронике, это получило отражение и в указателе; например, описательно перечислено, названного Атиллой, сказано, что это, вероятно, Паданов (тем более что подобный персонаж у Стрыйковского назван Паданком. — В. У.), который выехал из Венгрии в Литву.

¹²⁰ Стрыйковский М. Книга побѣд, бѣдства, смѣлства і вѣрности Князя Мухомла, 1846, ст. 1, с. 25 (в этом месте się jest wyliczone в означенных случаях змінаці од сторѣкы).

¹²¹ Там же, с. 26 (в этом месте в конце 49-й с. означенные случаи щодо його відриванья).

¹²² ИСРЛ, т. XXXIII, с. 158.

¹²³ Стрыйковский М. Книга побѣд, бѣдства, смѣлства і вѣрности Князя Мухомла, 1846, ст. 2, с. 113—118.

И. А. Юзе, касаясь на работу Лурьявскиса, считает, что рукопись переписана в начале XVIII в. на бумаге арского происхождения¹⁴¹. Предположение, что рукопись переписана литвином в XVIII в., всего более вероятно, притом такой вывод получается независимо от всякого подсчета фолитарней. Дело в том, что в Великом количестве Литовском караимское письмо в XVIII в. было почти забыто, и поэтому, когда приходилось переписывать белорусские тексты XV—XVI вв., то делалась польской графика, польскими словами или. Но так как подобного в XVI и XVII вв. не встречается (или встречается крайне редко), то можно считать, что хроника Бяланицы была переписана в XVIII в., притом не всеми отдельными stylistami.

Никою спором в литературе вызывает национальная и религиозная принадлежность как составителя хроника, так и инвентором ее создания. Сказание о прибытии предков литовской шляхты из Рима и дальнейшие события на протяжении сотни лет не являются индивидуальной особенностью хроника Бяланицы, так как все это содержится в ряде белорусско-литовских летописей (ист. и в некоторых польских хрониках). Исходя из этого литовское сказание следует рассматривать не как часть какой-либо летописи, а как определенный этап в развитии летописного дела в Великом количестве Литовском.

Как описан в хронике вопрос религиозный? Весь текст этого произведения говорит о том, что его составитель был чрезвычайно терпим, но, будучи человеком определенной веры, он не мог не затрагивать вероисповедный диспутации или. Авторское отношение к событиям, связанным с диспутацией части, очевидно, едва ли не один только раз когда литвины разгромили на реке Воляне войска польских князей, Русь «исполна великим плачем, как так вси суть побиты от безбожных литвы»¹⁴² (да в это восстание, судя по всему, едва ли не действовало из польской летописи).

Весь дальнейший текст говорит о «свободномыслии» автора. Так, обстоятельство, что призывавшие в Литву из Рима аристократы и их потомки еще в XIII в. совершали языческие обряды, не вызывает у составителя ни какого-либо осуждения. Как совершенно обычное дело известно, что польский князь князь Генрих, потомок Палеяны, женившись на тверской княжне, «перешел в русскую веру». Его сын Борис был русской веры и очень побожен¹⁴³. С полным равнодушием отмечено, что Миклош крестился по католическому обряду, а затем вернулся в язычество; сам его Войналек справил такое крещение, но так как он крестился по православному обряду, то можно думать, что хронист отнесся к этому одобительно (святое крещение)¹⁴⁴.

Начиная с того времени, когда хроника (как и вообще все литовские) производит впечатление бы отчасти черты реальности, составитель отмечает, что кому-то из борющихся божьих помощников одерживать победы, но при

¹⁴¹ Юзе И. А. Хроника Бяланицы. — В кн.: Литовские в хрониках. 1873 г. В. 1874, с. 221.

¹⁴² ИРЛ, т. XXIII, с. 131.

¹⁴³ Там же, с. 130—131.

¹⁴⁴ Там же, с. 132.

ным решением как победителя, так и побежденного значения не имела: Бог всегда оказывался на стороне княжичья литовцев и против христиан. Так, Бог помог княжичу Гедимину одержать в течение самого короткого времени победу как над католическим Ордеком, так и над православным владимирским князем Владимиром¹⁴⁰. Олигер в свое время «окрестился в русскую веру, но «таковы литовские нечестивцы и своим верам поганеши». И князь великий Олигер не чинил им силы и в веру свою не вернул, и различные веры в Литве были не были, только русская христианство»¹⁴¹. Здесь нет и намёка на то, что князь, отдавая княжичам, поступил несправедливо (не забываясь о «спасении своих душ» — *Н. Р.*), не ограждает христиан и Олигера, не настаиваящего на христианизации своих вассов¹⁴². Сочувствие христиан вызывает поведение князя Константина Корватовича, которому польский король предложил свою дочь в жены, а вместе и польский престол после своей кончины, при условии, что тот перейдет на православие и католичество, на что Константин ответил отказом¹⁴³, а далее, тоже без всякого комментария, сообщается, что князь Гайстолд, женившись на дочери бургундского старосты, «окрестился в латинскую веру»¹⁴⁴.

При таком положении, казалось бы, ужасеть, «латинской или «русской» вере» оступитесь христиан, не всегда возможно, единичность делов, которые выполняются, что христиан был веры «русской». Например, Ягайло возжел в «веровны, чтобы ты окреститесь в христианскую веру»¹⁴⁵. Для католика назвать храм не костелом, а церковью было едва ли возможным. Кстати, Ягайло согласился принять «веру из латинскую»¹⁴⁶.

При изучении равнодушие к делам веры составляли большие сложности и православия, чем и католичеству. Отмечая, что христиане составляли на отдельных частях, князья, князья, все население этого государства, но один отрывок при изучении вопроса о полномочиях оставителем представляет интерес. Это место выделяется равноправной информацией и смысловому князю Святославу, вместе с тем там обычно цитируются библейские тексты, чего в христианстве больше не встречается. В отрывке описывается событие, происшедшее вскоре после коронации Ягайло, когда смоленский князь Святослав в союзе с польским князем Андреем (к которому на помощь пришла литовская помощь) начал войну в северной Белоруссии, намереваясь оторвать ее от Великого княжества Литовского. Оставив без внимания князя Андрея и князя, христиане обрушиваются на Святослава, обвиняя его в нарушении князем о мире и в страшных жестокостях, которые тот совершал около Орши. (Поступая «не по-человечески и не по-христиански», Святослав изгонял жителей в кабы и считал их тем же жидом.) В других случаях виднелись срубы кабы, людей князя князя из фрагменты и, оступив срубы на место, де-

¹⁴⁰ Там же, с. 135.

¹⁴¹ Там же, с. 133.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же, с. 139—140.

¹⁴⁵ Там же, с. 145.

¹⁴⁶ Там же, с. 144.

влия людей. На священные утварицым доверились армян под влиянием фанатизма князей Скаргайла и Витота. Крайне набожные переломством Святослава князя, иди, помысли слово Божие, гонимые: в своем міру верите и отвергате нас. Эти слова в хронике написаны параллельно. Далее следует ряд библейских фраз, написанных латиницей¹²⁸. Всего вероятно, их выискал армянин.

Естественно, что при изучении хроник возникает вопрос, по чьей инициативе она была содана. По мнению Юаса, инициатором был польский католический еврейский еврей Павел Гольдшмидтский¹²⁹. Однако то место хроник, где в католической религии сказано «ид вери людская, стоиет под сомнением участие в этом деле главы католической церкви Литвы».

Публикуя хроник в ПСРЛ, т. XVII, С. А. Плавинский в ряде случаев прочитал и вычитал текст более правильно, чем Нарбут, но и он при этом иногда неправильно ставил знаки препинания, а иногда отмечал несоответствия между двумя параллельными редакциями.

Учитывая крайнюю сложность хроник Стрыйковского с хроникой Вышова, Плавинский восполнил недостающие места в хронике Вышова соответствующими местами из хроник Стрыйковского, помещая их время в текст. В других случаях утерянные образцы при действительности из хроник Стрыйковского помещены под строкой: Тамже Болдани из них кажутся кожда хроник Вышова — рассказы о нападениях татар в 1563 г.

Ошибки или опечатки в ПСРЛ, т. XVII встречаются очень редко, при этом их больше всего в хронике Вышова. Следует отметить, что иногда слова, правильно напечатанные Нарбутом, в т. XVII даны неправильно. Так, в изданиях Нарбута казачаство *каза*, а в т. XVII — *казан*; у Нарбута — *срочн*, а в т. XVII — *срочик*; у Нарбута — *срещиди*, а в т. XVII — *срещиди*¹³⁰. Следовательно, слова, данные у Нарбута в белорусском произношении, в т. XVII видимо польские звучание. Это же направление (польский характер) усиливается тем, что прописные и строчные буквы поставлены так, как это принято в польском языке, а результаты того, например, город Царыград написан со строчной буквы, а *стаблтра* (холодная сумка) — с прописной (что, очевидно, дано основанные составители указывают к т. XVII ПСРЛ читать «стаблтра» за населенный пункт).

Хроника Литовская и Жмойтская

Все известное в настоящее время белорусско-литовские Жмойтская и хроника близки между собой по содержанию, и тем не менее каждая из них представляет собой индивидуальное произведение, отличающееся в одном смысле. Что касается Хроника Литовской и Жмойтской, составленной позже других — в 30—50-е годы XVIII в., то известна

¹²⁸ Там же, с. 145.

¹²⁹ Юас М. А. Указ. соч., с. 227.

¹³⁰ Хроника Вышова, с. 13.

четыре ее списка, находившиеся в границах СССР и Польской Народной Республики, кроме того, есть в печати — Эрмитажный, переписанный в конце XVIII в., в конце которого слышатся архаичные элементы современного украинского языка, но который по содержанию не отличается от других.

В зависимости от места нахождения или места, где они были переписаны, списки называются Тобольский (Тобольской архив Тюменской обл., Отдел рукописных книг, № 79), Ленинградский (Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, F. IV. 173), Красноярский (переписан в Красноярске в 1750 г.; Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, № F. IV. 727, ч. 1, 2), Краковский (Библиотека Польской Академии наук в Кракове, Отдел рукописей, № 281) и Эрмитажный (Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, № F. 220, ч. 1, 2, 3).

Первоначально Н. Н. Улашкин был обнаружен в обиходном Ленинградском списке, затем Красноярский, потом В. Н. Бурачковым найден Тобольский, который после советско-финского пленения был послан в основу публикации в ИСРЛ, т. XXXII. Краковский список обнаружил Я. Н. Шахов. Ленинградский и Красноярский использованы для выделения вариантов. Красноярский, представляющий собой копию Тобольского, и Эрмитажный списки с сильно модернизированным языком при выдании дронки использованы не были.

«Крайняя Литовская и Жмойская» является частью большой рукописи, озаглавленной «Летопис», то есть крайняя волонка с росчерком многих краевячков диалектов русского языка, и набранной отступами от бога в двух местах. Все известные сейчас списки «Крайняя» представляют собой рукописи в лист, Тобольский и Ленинградский списки переписаны примерно в 30—50-е годы XVIII в., Красноярский — в 1750 г., Краковский — в XVII в.

«Весь Тобольский список» — книга одна. Тем же очень четким черном, темно-коричневыми чернилами. Заглавок разделов и по многим случаям начальные буквы написаны каллиграфо. Каждый лист обведен рамкой; на первом и боковых листах рамка двойная, имеющая форму вытянутого прямоугольника. Внутри первой рамки обычно помещены заголовки крупных разделов, на боковых дано краткое содержание происходящего на страницах текста или (гораздо реже) параллельно отсылка к описываемым событиям. Переплет — доска, обтянутая кожей. В нижней части корешка кожа оторвана, в других местах осталась. На последних листах заметны следы сырости, в нижней части ряда листов вставлен.]

В начале рукописи шестнадцать чистых листов, затем следует обращение к читателю «Слова ко любезному читателю исканию» и «Отданные речи, которые в сей книге обретаются». Слова и Отданные имеют собственную нумерацию листов (16). После заглавения слова два чистых листа, а за ними текст собственно «Летописи». Листы рукописи с 1-го до 42-го пронумерованы буквами старославянского алфавита в правой верхней углу листов, параллельно нумерации дана

арабскими цифрами, после л. 42 нумерованы только цифрами. Все пронумерованные листы 535 (л. 211 пропущен). Затем следуют еще две части листа, на которых очередные цифры написаны филонами чернилами, очевидно, в 20-е годы XX в.

«Летопись» состоит из ряда рассказов или частей, в каждом из которых содержится история какого-либо народа или народа за определенный период времени. Первый и самый пространственный раздел занимает л. 9—349. В начальной части его излагаются библейские события, прерываемые другими отрывками из рассказов о Троицкой войне, об Александре Македонском, из сочинений Иосифа Флавия и т. д.р. На л. 350—382 выделены краткие заметки, относящиеся к истории Западной Европы, Турции и о начальном периоде истории глянки. Листы 383—430 заметки латинские о «армянском» столетнем восте народа русского големком месте Кавказа и заканчиваются сообщением о Четверинском походе 1677 г. Листы 431—543 занимает «Кройника» (Вывод и походы в Великом князстве Литовском и Жмудтском, откуда вконец в походы). На л. 543 об.—575 — «Короткие собрание кройника полской».

События, описанные в «Кройнике», начинаются с времен легендарных — богства из Рима в Латуу антикот своей датных релити по главе с Палермоном, а заканчиваются избранием на престол Рима Понтифики Сигизмунда III.

В большом по объему «Летопись» «Кройника» представляет собой отдельные произведения, мало связанные с предыдущими и последующими текстами. В своей основной части, т. е. там, где излагается история Великого княжества Литовского, «Кройника» следует за «Хроникой» Я. Стрыйковского, являясь как бы переводом его произведения. Однако автор «Кройника» пользовался не только текстом Стрыйковского, а рукописью-переводом, так как при ссылках на Стрыйковского упоминаемые в «Кройнике» листы не совпадают со страницами напечатанной работы Стрыйковского¹²⁴. Вместе с тем ясно, что «Хроника» Стрыйковского не была единственным источником для составителя «Кройника», так как в последнем произведении вместе с род источникой, отсутствующая у Стрыйковского, а некоторые события изложены по-иному. Разно расходятся обе хроники в датировке событий, причем Стрыйковский, несмотря на всю уловчивость его дат, ближе к действительности, чем «Кройника».

Кроме Стрыйковского, составитель «Кройника» при изложении истории Великого княжества Литовского использовал «Европеискую Сарматис» Александра Гальска¹²⁵, народные предания и отдельные документы (такой документ использован при описании сватовства и женитьбы великого князя Александра Казимировича на княжне Елене Псковской). Кроме того, в «Кройник» включены повесть о Кулявской битве, «Повесть о долготе, господина великого и описание осады Пскова Стефаном Белорус».

¹²⁴ Кларк Я. В. «Литовская и польская кройника» в ее отношении к хроникам Яна Стрыйковского. — В кн.: Славян в Русь. М., 1958, с. 308.

¹²⁵ Galski A., Sarmatis Europa. Warszawa, 1878.

Повесть о Куляшовской битве вставлена в «Кройнику» без малейшей попытки указать ее с последующим и предыдущим текстом. Таким образом, эта повестка «Кройника» включает в себя ряд произведений, отсутствующих во всех остальных белорусско-литовских летописях и хрониках. В Утману добавим, что в «Кройнике» содержится повесть о походе Ольгерда на Москву. Кроме «Кройника», подобные произведения есть только в хронике Вышова и Евровитовской летописи.

Ленинградский список имеет на отдельных листах заголовки: «Литовскія і Жмуйтскія хронікі»; непосредственно же перед текстом есть еще заголовок: «Вывод і помітки о Великом о князстве Литовском і Жмуйтском, откогда помітилися в помяну». Все рукопись написана одной рукой очень четким почерком, почерком из той, какою писаны Тобольские. Переделан картонный XIX в. При переделывании края рукописи была обрвана, причем частично срезаны в надписи на полях. На обороте переделана карандашная запись: «Из собрания книг Степана Кулова». Всего в «Кройнике» 121 пронумерованный лист (от 484 до 604 включительно), а в начале имеется еще один, как бы титульный, на котором написан заголовок. Наличие такого листа, надпись на котором сделана теми же чернилами, каковыми писаны все рукописи, говорит о том, что «Кройника» рассматривалась как самостоятельное произведение, хотя рукопись и начинается с л. 484.

Собственно «Литовская хроника» занимает л. 484—571, а на последующих повествуется история Польши, озаглавленная «Описание соборные хронікі польскі, ведуть вступована одного по другому всех князів і короля вараду того польского, починая набирати от Леха, первого князя и сироты полоник, аж до короля Владислава Четвертого, знаменуем парадом». На одном же деле «Кройника» заканчивается обзором событий 60-х годов XVI в. Далее следует «Повесть о Польше, государю польскому»¹⁰⁷, а в конце помещены ступенчатые записи, озаглавленные «Тут поміткили некоторые речи от крайних вспомянути, оны аналогичны три, которые помітилися в последних разделах Тобольской рукописи».

По-видимому, Ленинградский список ближе к оригиналу, с которого списан в Тобольский, но так как эта близость чаще всего выражается в ошибках, а также в искажении текста, то при публикации предпочтением было отдано Тобольскому, который, возможно, ближе во многом-то более проверенному списку. Кроме того, Тобольский имеет дополнительные данные по истории Великого княжества Литовского, тогда как в Ленинградском они отсутствуют, поскольку тут большей части рукописи. Часть известий, выходящих в Тобольском списке и касающихся Великого княжества, помещены в ПСРЛ, т. XXXII в виде Приложений; с. 206—214.)

Красноярский список писан восточным, местами чуждым и восточн.; местами переделанным. Почерк Красноярского значительно крупнее почерка, каковыми писаны Тобольской и Ленинградской

¹⁰⁷ Повесть о Польше переделана на рукописной картонке (Meyers abbey. Valerij), 1877, № 4, с. 440—446.

спуска, и поэтому размер Краковской значительно больше Тобольской (Краковская состоит из двух частей того же формата, что и Тобольская). На титульном листе первой части записано, что книга переписана «в Краковскую в 1750 году». На первом листе каждой части обложки частей записано: «Ф. Буслик, Москва, 1838, февраля 26». В первой части имеются и другие записки: «Сия книга, переписана краковскою рукою в Сибири в городе Краковску». На следующем листе первой части четвертом в начале XIX в. дарственным записку: «Александрю Бальминю Чапку подарена Д. Бальминым». Подобные записки есть и во второй части, но там фамилии как дарителя, так и того, кому она подарена, совершенно неизвестны теми же чернилами, какими сделана надпись. Рассказ между Тобольской и Краковской списками (форме порядковых букв на полях) заключается в том, что в Краковской вместо букв часто стоят нули (например и др.).

Краковской писане совершилась XVII в. Начиная с л. 114 на боковых полях сделаны записки, которые при переиздании частично утрачены. Эти записки начинаются в том месте, где говорится о поминании литовского великого князя Радзюга на королевство в Новогрудке, и заканчиваются на событиях, связанных с разделом земель после смерти великого князя Гедимина. Записки, которые можно прочесть после них не срывая, связаны с событиями, происходившими в Новогрудке, причем автор этих записок, очевидно, лично присутствовал, о каком Новогрудке идет речь: о Великом или о том, который находится в Белоруссии и называется сейчас Новогрудок (где и происходила коронация Младшига).

При переиздании в начале рукописи имеются два целых листа, на обороте первого из них сделана записка (даты и номера с Польской): «Азот этой книги, как видно из содержания рукописи, был очень нечетким и знал массу старых авторов, еврейских, греческих и римских... знал также много польских историков». На следующем листе записка на русском языке четвертом в начале XIX или начале XX в.: «Четвертый он есть прописка».

Текст Краковской списки начинается с л. 321 и заканчивается на л. 686. Перед текстом имеется оглавление, причем оно начинается с того места, которое относится к л. 379. Записки, в свое время рукопись была разделена на части, но, судя по запискам в начале, владелец ранее имел полный текст «Летописи», поскольку в записке сообщается дата создания рукописи и дается ссылка на источники, которые находились в начале рукописи. По сравнению с Тобольской и во время войны оставшаяся в конце Краковской привнесены «Галицкое письмо», письмо Киевского митрополита Исаия Копынского, адресованное князю Норманно Ивануновичю, роoster князей черниговских и ряд мелких записок на польском и литовском языках.

В отличие от других списков Краковской имеет место «твердое» ударение: после «я», «о», «е» редко стоит «я»; за крайне редким исключением, твердо звучит в будущем. Особенности Краковской списки являются частое употребление слова «я» в середине слова (например), тогда как в других списках это явление очень редкое.

Ранне рукопись принадлежала известному польскому историку С. Крыжановскому и называлась в его имени «Крыжовка» (Вильский р. Вильский губ.).

«Крыжовка» напечатана впервые в ПСРЛ, т. XXXII, с. 15—127.

• Баргулабовская летопись

Хранится в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве (Синодальное собрание, № 790) в составе рукописного собрания и занимает его концы (л. 137—134). Текст, представляющий летопись, весьма разнообразен, но в большинстве — это отрывки летописей или тексты религиозного содержания. Замечательна часть собрания письма на старобелорусском языке, остальные — на русском. Белорусский текст весь написан одной белорусской скорописью, которую разные исследователи определяли по-разному — от конца XVI в. до конца XVII в.¹⁰⁰, но по нескольким фальшивым буквам, на которой написан сборник, датирован 1624—1626 гг., то можно считать, что он переписан в 60—70-е годы XVII в. Сама же летопись создана не позднее 30-х годов XVII в.

Летопись написана в селе Баргулабове (включена от г. Старого Выхова, сейчас Могилевский обл., БССР). В ней содержится ряд сведений общегосударственного характера о событиях, происходивших в Великом княжестве Литовском или вообще в Речи Посполитой, есть значительные количества сведений о церковно-религиозной жизни, в частности материалы, описывающие подготовку к Брестской унии 1589 г. (фактически отразил точку зрения православного населения); есть ряд сведений об обстановке в Русском государстве (всегом любопытны правдивые данные относительно Алексея Михайловича, который будто бы был ранее убитым в Шале и Могилеве). Главные же значения этой летописи заключаются в ряде сведений о событиях, происходивших в Баргулабове и окрестностях, близкая к ним, в частности в Могилеве, Полоцке, Витебске, Минске. Нередко в летописи упоминаются и «Имя, т. е. Украина, куда бежало население во время голада.

Большая часть летописи написана на разговорном (народном, белорусском) языке и при передаче этого языка упрощена от голада выходями язык приобретает несколько двояственную характерность. Летопись начинается с сообщений о семье 1548 г., происходившем в Бересте, и заканчивается весьма кратким описанием движения вооруженных отрядов, направленных из Речи Посполитой в 1626 г. в Россию. Последним известием — о походе короля Владислава IV в Смоленск в 1625 г., но она сделана после перерыва в 27 лет и сама ли имела в первоначальном тексте.

Летопись впервые была издана П. А. Кузиным, но с большими курьезами (выражена также не вполне буквальная летописная характеристика материала, как «повествование равномерное и словосуровое

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. XXXII, с. 16.

1808 г.)¹⁵², затем М. В. Довнар-Запольский — в 1836 г. в «Университетском известии» и в 1808 г. отдельной брошюрой, — который дал после текста палеографическое описание рукописи и назвал свои соображения относительно датировки летописи как исторического источника и ее возможности составления. В обоих случаях Довнар-Запольский не исключил в подлиннике «оригинальный университет и монастырский»¹⁵³.

Белорусский этнограф, архивист и историк К. Р. Романов, в то время редактор неофициальной части «Могилевских губернских ведомостей», в 1839 г. переписал текст летописи в десяти выпусках «Ведомостей», а в 1850 г. — в сборнике «Могилевская старина», причем назвал летопись «Варшавскою»¹⁵⁴. Романов следовал тексту Довнар-Запольского (в подлиннике 1808 г.), указывая в подстрочных примечаниях разночтения с подлинником Кулиша. Впоследствии текст летописи был издан Е. Р. Романовым еще дважды¹⁵⁵.

В 1903 г. летопись переиздал А. Н. Мильков¹⁵⁶. В основу публикации Мильков положил текст Довнар-Запольского 1808 г., но вынул все пропущенные ранее места, т. е. поместил полностью весь текст, выходящий на л. 137—174 оборотки, дав к тому же в виде Приложения «Описание собора в Верестье», помещенное на л. 14 об.—16 об. рукописи. Таким образом, публикация Милькова была самой полной. В предисловии Мильков назвал историю публикацией летописи, указав причины, которые привели к ее изданию, и перенес текст в начале публикации на источнобелорусскую территорию этого памятника.

В 1953 г. летопись опубликована в ИРЛИ, т. XXXII, с. 174—192; там же дано палеографическое описание памятника и включена история публикаций.

¹⁵² Варшавская летопись (1561—1608). — В кн.: Кулиш П. А. Материалы для истории происхождения Руси, Р., 1877, т. 1, с. 48—80.

¹⁵³ Варшавская летопись. — Университетские известия, Киев, 1808, № 12. Приложения, с. 1—38; Довнар-Запольский М. В. Варшавская летопись, Киев, 1808.

¹⁵⁴ Могилевская старина. Сб. статей Могилевских губернских ведомостей. Могилев, губернский, 1839, вып. 1, с. 1—18. Романов назвал летопись издан, чем это было прежде, по тем соображениям, что имя «Варшавы» белорусскому народу как «Варшавы» не известно. По мнению Романова, название имени «Варшавы» на «Варшавы» является результатом передачи имени в польской транскрипции (Политическая летопись Вильнской губернии на 1840 г. Вильна, 1840, ч. III, с. 8). Романов, почему в таком случае не назвал летопись по «Варшавинской», а «Варшавскою». Таким образом совершенно неправомерно, поскольку в тексте летописи нет слова «Варшава».

¹⁵⁵ Варшавская летопись. — В кн.: Политическая летопись Вильнской губернии на 1840 г. Вильна, 1840, ч. III; историческая летопись — с. 3—7, текст летописи — с. 8—32, указатели — с. 33—50; Варшавская летопись. — В кн.: Переписка для истории Могилевского края. Орлов, 1846, вып. 1; исторический стиль — с. 1—19, текст летописи — с. 1—32, примечания — с. 34—36, указатель — с. 37—41. На изданной летописи, осуществленной Довнар-Запольским, Романов указывал только поочередно в «Университетских известиях», выходя в издании 1808 г.

¹⁵⁶ Мильков А. М. Варшавская летопись. — В кн.: Палеографический сборник за 1903 год. М., 1902, приложение — с. 281—294, текст летописи — с. 285—329.

В 1875 г. летопись издана еще раз в Могиле¹²². Издание летописи А. Ф. Корсаком сохранилось тот же принцип издания, как и предыдущее, т. е. раскрыты титлы, надстрочные буквы выше и строка, ряд букв старославянского алфавита вынесен современным, но с тем сохранена вежда. Текст летописи сохранен полностью, и к нему дан обширный комментарий, а также составлены глоссарий и географической указки и словарь вышедших слов (в основном это польские слова).

Последним является издание Н. Т. Вайтович¹²³. В нем сохранены как текст, так и исследование. Кратко сказано о предыдущих изданиях, а затем сделан пространный обзор о развитии Баркулабово (то существовал в сейме). Наряду с пронаменами и летописью современного польской Баркулабово, автор получил возможность сравнить его с языком летописи. Вайтович дан наиболее подробное палеографическое описание рукописи, причем привела 15 рисунков флигелей и дана паранты написания вежд букв во всей рукописи.

Среди остальных изданий публикована Вайтович выделяется тем, что летопись издана с максимальным приближением к оригиналу — в нем сохранены надстрочные буквы и титлы, афры, передающие в оригинале буквами старославянского алфавита, не летописи рукописи. При указании года (кроме божьего зарожения) сохранены буквы старославянского алфавита (в скобках даны в арабском). Не вынесены на поля и границы листов, но начала листа отмечены на полях буквой «а». Вайтович полностью сохранила пунктуацию рукописи, а также употреблении строчных и прописных букв, в результате чего собственные имена и географические названия вынесены обычно по строчным буквам. Прописные полукурсивом шрифтом набраны только буквы, вынесенные в оригинале словаря.

Как видно из сказанного, ни одна белорусско-литовская летопись не издавалась столько раз, сколько Баркулабовская. Причиной этого является как ее язык, так и конкретность изображенных обстоятельств в одном очень небольшом разделе.

¹²² Циклі старославянскі беларускай гісторыі. Мінск, 1875, с. 111—112.

¹²³ Вайтович Н. Т. Баркулабовскі летапіс. Мінск, 1957.

ЛЕТОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ МАЦЕЙ СТРЫЙКОВСКОГО

Общий обзор использованных Стрыйковскими летописей

В томах XXXIII и XXXV «Большого собрания русских летописей» помещены тексты 17 белорусско-литовских летописей, составленных в разное время и вышедших на разных языках, но это далеко не все летописи, особенно известные в свое время. Источниками, на основании которых можно в какой-то мере выяснить, какие летописи имелись ранее, являются польские хроника Яна Длугоша, Матвея Радзиевского, Мартина Бельского¹, а особенно Матвея Стрыйковского. Но известен лишь автором только Бельский делал ссылки на русские или литовские летописи, но знает ли эти летописцы у него нет, и вообще ли пользовался летописями маля. Совершенно по-иному относился к летописям Стрыйковский, основание работы которого вышло в свет в 1582 г.²

При создании разделов фактичн своего труда, которые посвящены истории Великого княжества Литовского, Стрыйковский использовал работы литовских авторов, польских и немалая хроникаторов (Длугоша, Бельского, Крамера, Малевского, Вилковского, Дюбуурга)³; некоторые

¹ По мнению И. А. Такиерова, Длугош заимствовал из летописей только перечень имен детей Гедимина, сведения о смерти князя Януэта, название боярства. Ссылки с Кейстутом и Витовтом, название и смерти Кейстута и некоторые сведения об императоре Исаиие в Литве (1582 г.) (Тациерова И. А. О составе первоначальной части так называемых литовских летописей. — «Восток», 1901, № 2, с. 88, 89, 93, 94. Такиеров считает, что Длугош использовал литовские источники при составлении своей книги 1382—1430 гг., т. е. что летописные источники у Длугоша значительно больше, чем считал Такиеров (Тациеров И. А. Польские хроники Яна Длугоша и Радзиевского. — В кн.: Филологический сборник по историко-литературному процессу, М., 1932, с. 261—262). Однако сообщением Такиерова, что Длугош использовал данные из польской при написании своей книги 1430 г., не представляется убедительным.

² Стрыйковский М. Книга о речках, горах, городах и странах Литвы... и Ковляна, 1582. «Кривошея» делится на восемь книг — на разделы. Было отмечено, что этот труд у нас известен в Кривошея. Однако еще раньше, чем была издана «Кривошея», Стрыйковский написал работу, которая в дальнейшем называется «Начало». Она была издана в Гданьске в 1579 г. (Starykowski M. O początkach, wywodach, sławnościach, granicach, ruczajach i domowach sławnego państwa litewskiego, początkach jego, ruczajach, powodach, ciągach i koczach jej królestwa i podległościach i podległościach i przynależności rębnych ziem litewskich, Warszawa, 1926).

³ Dlugosz Janusz, Historia Polonica, libri XIII, Pomocznymi srodkami K. Mierzejewskiego, Dlugosz Janusz, Dziejeja Polski i krajow sąsiednich / Przekład K. Pachodźyńskiego, Warszawa, 1867—1878, T. 1—6; Sobolewski K., Księga o początkach i wywodach państwa polskiego i krajow sąsiednich, Kraków, 1864, 1868, 1869; Pomocznymi srodkami 1564 g.; Krawiec W., De origine et rebus gestis Poloniarum, libri XXX, Białystok, 1865, 1868, 1869; Machowicz M., Chronica Polonica, Cracoviae, 1576.

места датскими или во латинском набавленном Стрыйковской много лет провела в Белоруссии и Литве), а больше всего — на основании летописей: А. Н. Рогов, специально занимавшийся вопросом об использовании Стрыйковским белорусско-литовских летописей, высказал предположение, что у Стрыйковского были не только летописи того типа, которые известны сейчас, но и другие, «которые включали в свой состав более подробно известия по истории западнорусской земель, летописи, основанные, вероятно, на каких-то данных, веденных в городах Западной Руси», а также, что у Стрыйковского, как видно, было несколько «летописцев» типа Выходца² (хронист никогда не употребил терминов «летописец» или «летописи», а всегда «летописец» или «летописица»).

Стрыйковской часто сравнивал данные летописей с известными польскими хрониками Длугоша, Кронера, Мелонского, Бельского, Валовского, иногда Дюсбурга, указывая при этом на разногласия между источниками и пытаясь установить, чьи сведения более достоверны. В ряде случаев (особенно для событий XVI в.), сравнивая данные нескольких источников, Стрыйковской старался определить наиболее точную дату.

В тексте и на полях «Хроника» Стрыйковской имеется около 200 отсылок об использовании им летописных данных. Сравнимые приводимые хронистом цитаты или переписки летописных текстов с сокращенными летописями, можно попытаться выяснить, какие источники использовал систематически «Хроника», и таким образом установить, пользовался ли он теми же летописями, которые имеются сейчас. В свое время Н. А. Тихомиров привел список страниц «Хроники» (издание 1848 г.), на которых имеются отсылки к летописям на летописи³, но сейчас, однако, что в ряде случаев Стрыйковской сделал подобные отсылки и на полях. Приводим такой список с учетом отсылок на по-

448⁴.

1821; Michovitz M. Tractatus de rebus Sarmaticis, Asiae et Europaeae, Silesotum, 1647. Рус. пер.: Мелонский М. Трактат о делах Сарматии. Л., 1808.

² Рогов А. Н. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1905, с. 128, 129 и др.

³ Тихомиров Н. А. Указ. соч. — ЖМНП, 1901, № 5, с. 118.

⁴ Отсылки сделаны на следующие страницы: Кроника, ч. I, с. 25, 26, 27, 60, 65, 67, 73, 78, 81 (два раза), 83, 84, 85, 86 (два раза), 87, 228, 234, 235, 236, 237 (три раза), 239, 242, 263 (дважды раз), 264, 265 (дважды раз), 268 (два раза), 269, 273 (два раза), 275, 287, 298, 297, 298, 299, 305, 306, 314, 315, 320, 321 (два раза), 322 (два раза), 328, 329, 328, 348, 349 (два раза), 353, 354, 356, 357, 358, 371 (два раза), 388; Кроника, ч. II, с. 3, 5, 8, 11 (два раза), 12, 14, 18, 25, 41, 42, 58, 65, 67, 68 (два раза), 69 (три раза), 71, 84, 85, 89, 102, 103, 105, 106, 108, 110 (два раза), 111 (два раза), 113, 118, 128, 148, 145, 151, 157, 159, 168, 169, 173, 178, 186, 206 (два раза), 207, 211, 228, 229, 232, 236, 243, 264 (дважды раз), 265 (два раза), 245 (два раза), 248, 255, 256, 257, 261, 265, 272, 288, 289, 298, 295, 297, 298 (два раза), 297, 295, 299, 307 (два раза), 303, 304 (два раза), 305, 308, 309, 318 (два раза), 311, 313, 315, 317, 318, 321 (дважды раз), 322, 323, 325, 326, 328, 329, 331, 332.

Отсылки сделаны на полях на следующих страницах «Хроники»:

1, с. 25 — описательные слова литовских летописцев, писавших по-русски;

1, с. 58 — описательные слова литовских и польских летописцев, прибавленные на полях, над речкой Дубинкой;

1, с. 87 — об основании Вильны;

1, с. 241 — описательные летописцев в истории в Польше царей;

Географо-политическая терминология Стрыйковского

В своей «Кронике» (в тех разделах, которые относятся к Литве, Жмуде, Русии Стрыйковский, определял место, где происходили события, или вообще говорил о стране, применяя, кроме названия «Литва», «Жмуда», «Русь», еще «Литва Завалейская», «Литва Поимлейская», «Белая Русь», «Черная Русь». На этих названиях только «Жмуда» (Жемайтис) понимались им всегда как территория вполне определенная, на с чем не соглашались, все остальные такой определенностью не обладали.

В особенности весьма представляется, что название Стрыйковский под Белой и Черной Русью. Этой стране (Белой и Черной Русью Стрыйковский посетил разное время третьей или четвертой своего правл. Уже пространный заголовок раздела «О Белой и Черной Русе, восточных, северных и южных границ старожитных, и их князьях: велико-киеворосских, киевских, галицких, польских, белорусских, литовских, владимирских, польских, галицких, восточных и т. д. Он говорит, что в представлении Стрыйковского Белая и Черная Русь — земля (в современном понимании) русская и украинская, но не белорусская. Однако дальше упоминаются в литовские белорусы. Значит ли это, что под последними следует понимать население Волыни или

1. I, с. 242 — сообщения литовским в князе Паранович;
2. I, с. 253 — собственные слова литовским в князе Рыбикове;
3. I, с. 286 — краткие собственные слова литовским о намерении Казимира перебить своим племянником;
4. I, с. 297 — сообщения литовским о Байболом и Милонге;
5. I, с. 308 — переписка сообщения о князе Радкоме;
6. I, с. 314 — слова литовским о князе Витове;
7. II, с. 11 — сообщение о походе Ольгерда на Москву от литовским литовским;
8. II, с. 12 — в границе между Русскими государством и Великим княжеством Литовским князьствовавший округе литовским;
9. II, с. 14 — согласие датчик русским литовским, Гашковид был польским князьство;
10. II, с. 43 — слова литовским о Варге, или Вайбута;
11. II, с. 58 — сравнение датчик литовской и польской против князьствовавший князьство Ольгерда;
12. II, с. 73 — князьство литовским в князе и князьство князьство Ядвиге;
13. II, с. 120 — князьство литовским, Другома и Кривома и князьство Витовтом Ольгерде;
14. II, с. 229 — сообщения литовским с польским князьствовавший князьство князьство Падоме;
15. II, с. 232 — сообщения литовским о намерении князьство перебить литовским князьство на Парановском князьство;
16. II, с. 243 — сообщения в князьство князьство князьство;
17. II, с. 244 — князьство сообщения литовским о том, что князьство Вол князьство в князьство, так как в князьство князьство князьство князьство;
18. II, с. 264 — о князьство князьство князьство князьство князьство князьство;
19. II, с. 266 — сообщения слова литовским и князьство Стрыйковский, князьство князьство князьство князьство князьство князьство князьство;
20. II, с. 285 — слова литовским в князьство князьство князьство князьство князьство князьство;
21. II, с. 325 — слова сообщения Тавира, князьство князьство князьство князьство князьство князьство.

Владимиром на юге бы частью современной Белоруссии» (с. 1, с. III). Ясно лишь, что под литовскими белорусами Стрыйковский понимал православное население, а поскольку это население после Люблинской унии, когда Украина уже отошла к Польше, то можно предположить, что литовские белорусы — предки современных белорусов. В другой раз Стрыйковский назвал Белой Русью более определенную территорию, часть которой составляла Белоруссия. Говоря о начале борьбы Свидригайла с Сигизмундом, Стрыйковский отмечает, что Свидригайло, послав свои гарнизоны в Полоцк, Смоленск и Киев, захватил и сраженности Белая Русь, но юге же против этого места отмечено, что Свидригайло захватил всей Белой Русью (с. II, с. 186).

Стрыйковский, говоря о Белой и Черной Русь в самых различных районах, не был для своего времени исключителен. Оба термина долгое время были «брошены», пока первый из них не установился на определенном месте, а второй не вошел на устроительство⁷.

Вообще же, Стрыйковский Белой Русью чаще всего называл Русь-Московскую в виде короны, в свете оных неопределенно, современную Белоруссию. Так, князь Иван Данилович (Калита) у него называется князем белорусским (с. I, с. 126). Великие князья московские именовались владельцами Бело-Русской монархии (с. II, с. 10). В Луцк на съезд крупнейших феодалов Восточной Европы в 1428 г. приходила в числе прочих и князь Белой Русью — Одревский (с. II, с. 168). В настоящее время Одрев находится в Орловской обл. В то же время, по Стрыйковскому, Белая Русь должна находиться в где-то на юге. По его утверждению, князь Владимир Квятославич захватил всю Северо-Восточную Русь и князьями на юге Белую и Черную Русью (с. I, с. 125).

Черной Русью назывались часть Белоруссия, которая расположена по среднему течению Немана (в настоящее время эта территория находится в основном в составе Гродненской обл. БССР).

Черная Русь, по одной версии Стрыйковского, должна была находиться к югу от Киева, а по другой — на западе; во всяком случае, Львов у него один раз назван «главой Черной Русью» (с. II, с. 20), хотя на той же странице тот же Львов именуется главой всей Русью. Если более детально рассуждать этот вопрос, когда читаем, что «Василий, князь галицкий и владимирский... в то время был в Черной и Белой Русью ста-

⁷ О происхождении названия «Белая Русь» высказано немало предположений, однако остается, что этот вопрос решен, не кем-нибудь (Лавинский В. «Белая Русь» — Вост. Европа старина. СПб., 1896, вып. III, с. 245—250; Лавинский Г. К вопросу о происхождении названия Белая Русь. — Мировая Русь, 1937, кн. 3/4, с. 368—381; Афанасьев П. С. Происхождение названий «Русь», «Белая Русь», «Черная Русь» и «Морская Русь». — Вестн. Академии наук БССР. Сер. гуманитарн. науки, 1956, № 3, с. 53—67). Два названных работы имеют в указательную часть всевозможные отсылки. Однако же сведений относительно территории, в которой происходило название «Белая Русь», нет. А. В. Соловьевым (Соловьев А. В. Новгород, Русь и Белая Русь. — В кн.: СС. Русские архиепископского общества в Ярославле. Белград, 1946, т. 4). И термины и даже работы Соловьева являются не в статье, помещенной в журнале «Восток истории» (1947, № 7, с. 24—28). Однако в этой статье и Белой Русью почти не сказано. Наиболее полный обзор литературы о Белой Русью сделан Я. Кучо (Кучо Я. «Про историю Белорусью». — Паланка, Минск, 1968, № 1, с. 173—182).

ройнам в Белогонимье (т. I, с. 266). Здесь под Черной и Белой Русью понимались Галиция и Волынь.

Если же обратиться к другим источникам XVI в., то при делении Великого княжества Литовского на исторически сложившиеся области выделялись Подлянье (в основном территория Белостокского воеводства в современной Польской Народной Республике), Жемайтия, или Жмудь, Русь (область к востоку от р. Березины, вернее вся современная восточная Белоруссия и области Украины, которые входили в состав Великого княжества) и Литва (пространство между реками Неманом и Березиной). Однако чаще всего Литвой называли всю территорию Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского или Литовского, Жемайтского и Русского (официальное название этого государства). После 1569 г. Украина и Подлянье отошли в Польшу, в связи с чем понятие «Русь» (когда дело шло о Великом княжестве Литовском) соответственно соотвратилось, а Подлянье вообще вышло из областей этого государства. Вместе с тем начиная с XIV в. в обиход все чаще стало входить выражение «Белая Русь» применительно сначала к Белорусскому Подлянью, затем и к Подлянью, пока впоследствии это название не стало употребляться в отношении всей белорусской земли (окончательно такое название закрепилось только после Великой Октябрьской социалистической революции).

Страйковский если добавляет от себя, т. е. отступал от текста летописей, то обычно называл Великое княжество Литовое, если же придерживался терминологии источника, то постоянный (в отношении территориального) смысл вкладывался не только в понятие «Жмудь» в послеполонском языке отнюдь не, т. е. так называлась не область между Балтийским морем и рекой Неманом. Что касается Руси и в особенности Литвы, то границам их на равных этапах истории Великого княжества у Страйковского резко изменялись.

Вопрос о границах Литвы, Жмуды и Руси у Страйковского тесно связан с его представлениями о начальных этапах существования Литвы и Жемайтии, близкая между собой, но все же не идентичная. При всей противоречивости и запутанности его взглядов на этот вопрос получается, что жемайты (жмуды) были населявшим литовцами, тогда как литовцы — элемент пришлый.

Однако и в вопросе о границе между Литвой и Русью у Страйковского не было полной определенности. Так, говоря о впадении татар в 1506 г., он утверждает, что те пришли из Немана (р. районе Новогрудка — М. П.) в Литовскую землю (т. II, с. 337). Следовательно, до Немана была земля не литовская, а русская, но терминология того времени, по современному же — белорусская. На той же странице у него сказано, что Насан-Гарей, стоявший под Минском, «в землю Литовскую и в Полоцке, и в Витебске, и в Друцке везде причинил много вреда и много пролил крови, а на северной стороне он обиделся, что после ухода татар распространялась владения «в Минске и прочих литовских городах». Почти во всех этих случаях Страйковский передает терминологию летописей.

Для выяснения вопросов, какие первоначально территории были землей литовцами, как возник литовский народ, откуда началось впаде-

ние «Литва» в т. д., Стрыйковский обращался к литвиным и среднепольным литвам, к польским и немцам-католикам, но больше всего к литовцам. Величайшим достоинством в его рассуждениях является то, что все он касался исключительно литовцев, т. е. что подобные вопросы в отношении Жемайтии не ставились, поскольку жемайтия числилась вассальным владением. Опять-таки, опираясь на данные литовской Стрыйковской утверды, что собственно литовская территория (между Неманом и Вальней) была заселена смешанными жемайтийско-литовскими вассалами (ч. I, с. 85—86). В дальнейшем, когда вассаление около реки, вытучилось, что жемайтия заселяла область от Вальнейского моря до реки Немана, между Неманом и Вальней расселились литовцы, к востоку от литовцев и к югу от реки Вальни были Русь (ч. I, с. 226, 228, 229 и др.). То, что первоначально литовцы заселяли область только между Неманом и Вальней, для Стрыйковского было безусловным безусловным, он повторил это много раз.

Следовательно, название «Литва» у Стрыйковского в одном случае означает небольшую территорию между Неманом и Вальней (границей этой области на севере служила Западная Двина, на востоке — город Враславль), в другом — территорию от Немана до Вальни плюс Жемайтию, в третьем — Литву от Немана на западе до Немана на юго-востоке, но чаще всего (когда не вылагались содержания источников Стрыйковской над Литвой) означал все Балтийское княжество Литовское.

Литовцы, которыми пользовался Стрыйковский

Судя по замечанию, выходящему в «Кронике», Стрыйковский писал свою книгу (или, во всяком случае, приступил к ее написанию) в 1575 г. (ч. II, с. 36). В основном с этого времени он и стал приобретать литовцев — в 1574 г. у него была только одна (ч. I, с. 316), через небольшую промежуток времени после начала работы над «Кроникой» у Стрыйковского появилось уже 13 литовцев, а вскоре их число возросло до 15 (ч. I, с. 87, 89; ч. II, с. 36). О большем, чем 15, числе литовцев составитель «Кроники» нигде не говорит, и мы можем принять эту цифру как вполне реальную. Он собрал столько литовцев, чтобы согласовать их данные между собой, а в некоторых случаях чтобы путем сопоставления сообщений разных источников установить истину (ч. I, с. 57).

Литовцев Стрыйковский приобретал с большой трудностью, а времена в с немалыми расходами (ч. I, с. 316). Однако можно предположить, что некоторые литовцы он получал в собственность или в пользование бесплатно. Так, одна из ему принадлежала за рукопись, которую он «доставил» в селемни Волкова Берестовица (сейчас Врестская обл. БССР) у князей Заславских (ч. I, с. 88, 289).

В общем же, из сообщений «Кроники» Стрыйковского о приобретении им рукописей следует, что литовцы в Белоруссии и Литве в начале второй половины XVI в. были предметом купли-продажи, что стоили они дорого и что их было немало, поскольку в относительно короткий срок он смог приобрести 14 литовцев, учитывая при этом, что грамоты на распродажу сколько-нибудь значительными средствами.

Срайковский, как уже отмечено, получал одну летопись от князей Звенигород; другую летопись он получил от Ходковича Сутраславская была передана по заказу князей Одринских; с большой долей вероятности можно предположить, что Студская находилась у князей Студских или у кого-то близкого к их двору. Следовательно, в том случае, когда удается установить, летопись в XVI в. находилась в собраниях магистров. У кого Срайковский приобрел еще 12 или 14 летописей, которые были у него, он не сообщил. Однако известно, что летопись находилась не только у магистров, но и у простых людей, свидетельством чего является летопись Радзивилловская, единственная летопись в настоящее время найденная в Литве. Запись на листе этой летописи дает возможность определить, кто был ее владельцем и когда эти листы были сделаны². Первая из них следующая: «Две недели у Пильникова говенно Парфен Пырская жито была у реку двадцатью. Десятьдесятый год следует написать как 1690 (в 1690 г. рукопись уже находилась в Кенигсберге). Дата (две недели у Пильникова говенно) не совсем полная (неизвестно — до или после двенадцати), но независимо от этого запись должна указывать на необычность события, так как жито как осуществлялось по крайней мере на два месяца ранее. Свое существование, однако, подтверждает и тот, что в записи говорится как о листе жито неизвестно, так и о событии небольшого масштаба. Следовательно, и означал это человек весьма простой, вероятнее всего, житель деревни, а так как трудно представить, что в конце XVI или начале XVII в. грамотным был крестьянин, то, видимо, запись сделал какой-нибудь шляхтич или лицо дворянское (шляхетский или дворянский). Рассуждая дальше, можно предположить, что запись сделал не кто-то посторонний, а сам владелец рукописи.

Вторая запись почти такого же характера: «В року шестом третей за двести недель перед великодневим водугу старого календара собыла еша серебала-а». Такая запись могла сделать лишь тот принадлежавший к малой шляхте, которому дворянскому или, как минимум, к шляхте, но никак не к житу. То, что событие отмечено водугу старого календаря, указывает на автора не шляхтича (у шляхтича уже был введен Григорианский стиль), а вероятнее всего, православного (шляхетство в тою времена только начало распространяться).

Одна запись указывает с относительной точностью, где жил владелец летописи: «В Фуре Сарока, воныи повету Городненского ошлявко сам мови князем...». «Вонный» — это польский или чех высшего ранга, избрался из шляхты. Шляхтич среднего достатка и тем более шляхтич на такую должность не избрался бы. Поэтому можно считать, что и в данном случае владелец был небогатым и тем более шляхтичем и что он был жителем Городненского (Гродненского) повета.

² Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. I. Фотонадписанная воспроизведенная рукопись. II. Страницы и главы в оригинале рукописи. СПб., 1902. Описание рукописи и надписанные о ней замечания А. А. Шахматова [с. 1—14]. На с. 1—2 «Описание» Шахматин приводит текст латинской, сделанный на л. 1 об. и 3 рукописи. Все они написаны на старобелорусском языке белорусского старославянского XVI — начала XVII в. Запись в конце рукописи в даровой рукописи Звенигородца Юриу Радзивиллу сделана на латинском языке. Приведенные здесь замечания из «Описания» А. А. Шахматова.

О том, что Кристоф Цыльс являлся, имеется даже две записки. Очевидно, первая оказалась неточной, потому и была сделана вторая. В первом случае написано: «Року 1603 мессиа марта 30 дии ознаваец ест пан Цыльс Кристоф перед полковником старым за три недели перед полковником старым три...». Во втором написано: «Року акастоном Кристоф Цыльс ознаваец у великого пост подлут старого календара за три недели перед полковником». В сутониской редакции записки указаны год (с 1605 на 1603) и полностью слово *знава*, видимо, потому, что Цыльс этого не заслуживал.

Еще одна записка гласит: «Жагимоет третий, божом милостию корол польский, великая князь литовский. Сигизмунд III был королем и великим князем с 1587 по 1632 г. Скорее всего, записка относится к концу XVI или началу XVII в.

В конце рукописи имеется записка о том, что деловые бумаги подарены Станиславом Зеноновичем князю Янушу Радзивиллу. Зенонович принадлежал к тем же в магнатам, но в высшей степени был белорусским феодалом. Представители этой фамилии занимали в конце XVI—XVII в. крупные должности в войсках и администрациях. Так, Кристоф Курьини был в 1588 г. брестским полководцем; Ян Курьини — в 1600 г. витебским капитаном; Николай Богуславский — в 1618 г. минским старостой и капитаном войсковым; Станислав Зенонович был около середины XVII в. польско-литовским подполковником, потом капитаном полковников. Сказать с уверенностью, что именно этот Станислав подарил рукопись Радзивиллу, нельзя, но такое предположение весьма правдоподобно, тем более что основные владения Радзивиллов находились в Новогрудском войводе. Следовательно, можно предположить, что около середины XVII в. деловые от многих дворянских родов во владении богатых шляхтичей, а многие из этих шляхтичей были людьми образованными, учились в университетах Лейдена, Париза, Болоньи, Падуа и, конечно, Кракова. Переход рукописи из их рук в руки Януша, а затем князя Богуслава, одного из самых образованных Радзивиллов, был весьма естественным.

Князь Богуслав с мая 1662 по конец 1664 г. находился в Пруссии (прусская контора был его родственником), уезжал в 1669 г., а в 1671 г. рукопись поступила в Кёнигсбергскую библиотеку. Значит, можно думать, что князь Богуслав, резидировавший в Пруссии, забрал рукопись с собой в так называемый конторский, а тот после смерти князя передал деловые в библиотеку.

В 1715 г. Петр I, будучи в Кёнигсберге, осмотрел рукопись и просил свести с ней конво, а в 1761 г., когда русские войска заняли Кёнигсберг, деловые бумаги забрана из Кёнигсбергской библиотеки и передана в Библиотеку Академии наук в Петербурге; сейчас она находится в Библиотеке Академии наук СССР, инв. № 34.5.10.

Стрийковский довольно долго прожил в Витебске (теперь Белоруссия), был в Слуцке (сейчас Белоруссия), Луцком (восточная Белоруссия), Литве, но, кажется, восточной Лукомля не бывал, и, таким

¹ Wald J. Szlakowicis i jego rodzina Wlokiago kszepow Litwinski. 1586—1795. Kowno, 1893, s. 9, 129, 128, 131.

образом, крупнейшие центры восточной Белоруссии — Могилев, Мстиславль, Старый Быхов, Орша — остались ему неизвестны. Имя Стрыйковского, вероятно, приобрел летописец прежде всего в центральной и западной Белоруссии и Литве.

В связи с темой о приобретении Стрыйковским летописей и вообще в связи с вопросом об источниках, которыми он пользовался, возникает вопрос в отношении Полтавской летописи. Нет сомнения, что в Полтавской летописи не было, но ясно, что этой рукописи Стрыйковский не видел и событий, связанные с историей Полтавской земли, изложены им не другим, мало достоверным источником. В то время, когда Стрыйковский писал свою «Кроникку», Полтава находилась у русских и был воеводой великий Стефан Батори и 1579 г., когда значительная часть работы над «Крониккой» была осуществлена.

О качестве использованных источников, о точности содержащихся в них данных, об откровенно составленной летописей в своем деле Стрыйковский высказывался по-разному. Например, он считал, что о Пальмове, справедливом враде литовца, о котором так много историков пишут и о котором также старые летописцы, очевидно, так себе, без ничего историка из палты не писали (ч. I, с. 67), т. е. что старые летописцы, говоря о Пальмове, ничего не надумывали, а писали о том, что происходило в действительности. В другом случае, касаясь обстоятельств, при которых была заключена уния 1401 г. между Польшей и Великим княжеством Литовским, Стрыйковский ответил, что летописцы русские и литовские копируют обстановку уния, чем польские, и верны русские и литовские летописцы копиали Стрыйковскому более достоверной, так как «небожата, старые литовские писари писали правду» (ч. II, с. 135). Таким образом, Стрыйковский признает, что старые летописцы русские и литовские были объективны и правдивы. Однако порой Стрыйковский отыскивает о них презрительно. Особенно раздражало его то, что в литовских были перепутаны или вовсе отсутствовали даты: «Такие были алчешные и безмозглые писари» (в смысле — ослепители. — *Н. У.*) русских и литовских летописей, что свои истории писали как-как «без бачина, что им «слова в рои пришеде» (ч. I, с. 243). Выше им сказано, что летописцы «так глбоко в иные истории впаивуть не могли в-де простаты того времени» (ч. I, с. 234). Достойно внимания и то место «Кроникки», где составитель утверждает, что он по время (говорится о событиях середины XV в. — *Н. У.*) писари литовские и русские проставки [были], а много бывше московиты у них служили писарями». На палты же против этого места сделана запись: «В Литва раньше [перед этим] воф русские [рукавильно — «описки»] писарями быше» (ч. II, с. 252).

Едва ли можно сомневаться в том, что в Литве, т. е. в Великом княжестве Литовском, в качестве писарей (диарков) работали выходцы из России, но версия, что они писали летопись, не может быть принята, потому что язык белорусско-литовская летописей настолько отличается от языка русских летописей XV—XVI вв., что предположение, будто язык-набурь из белорусско-литовской летописей зависела москович (русским), кажется совершенно невероятным. В то же время это предположение не кажется фантастическим, если принять, что Стрый-

ковской имел в виду не составителей, а перечисляем некоторые летописи.

При создании отдельных глав Стрыйковский пользовался разными источниками. Например, описание военных столкновений Великого княжества Литовского с немцами на ордынами, Польшей и Малой Литвой (поскольку Малая до 1528 г. была отдельным княжеством) сделаны почти целиком по польским и ордынским хроникам, войны же с татарами изложены по белорусско-литовским летописям; по летописям писаны и внутренняя история Великого княжества Литовского. Ряд событий (в особенности конца XV — начала XVI в.) передан по польским хроникам Кромера, Меховского, Павловского.

В хронике Стрыйковский использовал как белорусско-литовские, так и древнерусские летописи, причем он строго различал эти два вида источников, древнерусские называя русскими хрониками (я чрезвычайно редко литовскими), а белорусско-литовские — литовскими и только в крайне редких случаях хрониками (ч. I, с. 114, 117, 121, 123; ч. II, с. 3).

Давая ссылки на летописи, Стрыйковский применяет в них около 30 различных названий. Очень часто они называются вообще летописью, но есть «старые литовские», «старые литовские русские, литовские и мовдские», «нов литовские русские, литовские и мовдские», «старые литовские летописи», «русский летописец» и т. д. Общие для всех белорусско-литовских летописей, которыми пользовался Стрыйковский, является то, что все они написаны на «русском», т. е. старобелорусском языке (ч. I, с. 354; ч. II, с. 11), и что все содержат первою о пребывании предков литовской князности во Италии (ч. I, с. 77).

Цитирование Стрыйковскими летописных текстов (передача «собственных слов летописцев»)

Ссылаясь на летописцев, Стрыйковский в большинстве случаев пересказывал содержание источников, но иногда и цитировал их, отмечая, что это «собственные слова летописцев». Сравнительно соответствующие слова оригиналов (по тем летописям, которые имеются в настоящее время и в которых есть подобные тексты), можно определить, поскольку только Стрыйковский передавал свои источники, и это уже в какой-то мере может служить показателем точности передачи источников и при их цитировании.

Особую ценность представляют его цитаты из Берестовицкой летописи, поскольку в таком случае становится известно, на какой именно летописи цитата приведена (Берестовицкой будем называть летопись, полученную Стрыйковским у князей Заславских в селемни Великая Берестовица).

Начав цитировать летописи, Стрыйковский сразу подчеркнул, что это высококачественный источник, во вступительном разделе крайне поучительном. Раздел седьмой книги второй хроники начинается так: «Свидетельства из летописей о пребывании италийцев в те страны, которые

Литва в Жудь чинит достоверным зриванннмъ (р. I, с. 86). (В издании тут же заголовком оформленном более точно: «Свидетельства из летописей о прибытии итальянцев в те страны») Отметка на полях в данном случае седьмого раздела хроники утверждает, что здесь приводятся собственные слова литовских летописцев, писанные по-русски. И действительно, далее дается (в переводе на польский язык) такой же текст, какой содержится в тех белорусско-литовских летописях, в которых имеется летописная часть истории литовского народа.

Поскольку предыдущий (фактический) раздел книги второй хроники заканчивается изложением взглядов на происхождение литовцев М. Бельского, то естественно, что седьмой начинается со слов: «А некоторые литовские летописцы так повествуя проводят речь о прибытии Пальмова из Италии в Жудь и Литву», а затем следуют собственные слова летописцев. Приводит сравнительные тексты начала литовских Рачинского (факторы лишь незначительно отличаются от подобных мест других летописей) и хроники Стрыйковского.

Летопись Рачинского

«Стало тут повествованіе сына Божого от дна святаго в Евангелиишнихъ книгахъ чистомъ Маріи отъ початку сохранивша снота лета литовскимиъ итальянскимиъ дванадцати тысящюу (р. XXXV, с. 145).

Хроника Стрыйковского 17

«Stalo sic jacy włoskosc syna bozowego dno swiatego w Ewangelijshich kintachъ Marij od pocatku stowiania swiaty roku 1222» (р. I, с. 86).

Далее различия между летописью Рачинского и хроникой Стрыйковского заключается лишь в том, что Стрыйковский, доведя перевод летописи до того места, где говорится о прибытии итальянцев к устью Немна, вынужден сделать вставку, поясняющую, что Неман впадает в море недалеко от Клайпеды (эта местность Стрыйковскому была хорошо известна лично). Затем снова следует перевод летописи, причем на поле опять отмечено, что здесь приводятся собственные речи летописцев. Этот раздел хроники Стрыйковского заканчивается сообщением, что итальянцами поселенысь над реками Неманом, Дубиссою, Юромъ и что этот край они назвали «Жудьюю от римлянннмъ» (р. I, с. 86).

В такой же мере, как начало, совпадает текст летописи Рачинского, а также других летописей в хронике Стрыйковского в конце раздела.

Летопись Рачинского

«Над котрыма ж реками, над Дубиссою и над Неманом, и над Юромъ, там се поселили и почали римлянычати, и именъ римляны отъ надъ ними реками назвали се имъ итальяны, а назвали туиъ именовъ Жюдыюу (р. XXXV, с. 145).

Хроника Стрыйковского

«ca nadъ tymi riekami, Niemnem, Dębysą i Jorą tam się posiedlili i powzięli się nazwać, a imię imięmъ imięmъ tymi riekami nazwano się imъ włoskosc i назвали те страны Жудьюю od римлянннмъ» (р. I, с. 86).

В этом отрывке различия между летописью Рачинского и текстом Стрыйковского заключается лишь в том, что в летописи отсутствует

¹⁷ На ивонии А. В. Рачина, что текст хроники Стрыйковского ближе всего к текстам летописей Архангельского общества, Рачинского и Европеишней, хотя он в одном по сути она полностью не совпадает (Рачин А. В. Указ. соч., с. 124).

связь между названием «Жюды» и «римлянами» (в других летописях подобная связь есть). Срайковский подчеркивает, что соблюдение и прибытие литовской делегации на Рим есть во всех летописях, которые имелись у него, однако в Берестовицкой (и только в ней) приводилась и вторая версия названия богства, а также имя дати, причем в пути, по которому богства двигались из Италии в Литву, показана более «уточненным».

Соблюдая название, можно заключить, что во всех известных сейчас летописях и, по-видимому, во всех тех, которые были в распоряжении Срайковского, название богства считается восточнее Нерона, а богства римляне из Рима, и дати в Берестовицкой летописи, а также (уже по отрывку, сохранившемуся в хронике Выховца и в хронике Выхова) колочены две версии: по одной (так же, как по всем остальным), название богства была восточнее Нерона и принадлежало в 1526 г., т. е. в 18 в. (т. I, с. 56 в. XXXII, с. 128); а по другой, она бегала из Венеции в 401 г., т. е. вышла от восточной Атланта (т. I, с. 56 в. XXXII, с. 128).

Согласно летописи Рачинской и другим летописям, богства, взяв с собой одного островника, поплыла в кораблях на запад и добралась до «Мелитского моря», из которого поплыла в реку Шуму, из Шумы поплыла в «Море Окана», затем в Малое море, из которого поплыла в Невку. Согласно же Берестовицкой летописи и хронике Выховца, этот конечный пункт путешествия был тот же, но он показан более детально, причем вместо фантастической реки Шумы в Берестовицкой назван вполне реальный Зунд (у Выховца Зунда неф) (т. I, с. 57).

Очевидно, Берестовицкая летопись, как и хроника Выховца, были созданы несколько позже остальных и их составители постарались сделать путь из Италии в Литву более достоверно¹¹.

Берестовицкой летописи Срайковский удалил специальный раздел, озаглавленный «Второе свидетельство из другого летописца», а далее он сообщает, как и откуда получил его, «Другой летописец, — пишет Срайковский, — который достал в Вильке Берестовице у некоего князя Заелавска, так же как хроника литовские и жмудские, написаны простыми словами, которых в здесь собственный текст (хотя бы кто и стоило исправлять) привожу» (т. I, с. 54). Следовательно, Срайковский утверждает, что он далее цитирует свой источник буквально. Берестовицкой летописи у нас нет. Цитируемое же место почти дословно совпадает с текстом хронике Выховца, но так как в хронике отсутствует одно место, то сравнивать текст можно лишь с того места, которое имеется.

Хроника Выховца

«... Dab i tom meste, kasisty tak waly-
kimo oia dabey jeb, byl obywaty stru-
cbem walykim y kasobylia a meste, a
niekolokrye pobegli do tybolskym tyrb

Берестовицкая летопись
в переводе Срайковского

«...где так много тех бедя
убытков, был огромный стрелом
малким i рибогим ои а миста, а
niekolokrye pobegli do tybolskym tyrb

¹¹ Уточнение (Невка), можно предположить, что название острова наряду с бе-
до связано с имен Срайковского, именем географом Европы первоначально назвал
de Valskian.

у tam sia raczai budowal na ostrowie. Tu sie narodził Mikołaj. A istota imię-
tam Ardiol, ktorośi był z tam panno-
brze, odbrany przez wojsk...» (ф. XXXII,
с. 127).

Грочай сія будовал на острові.
Там місто народило сія рідом Мі-
колая. Імято тая діва Іванові Ра-
діол, кім іаміа в Куріа на іах
сая забрало, одбраноу сія з воєн-
ської боєви» (ф. I, с. 57).

Сравнив эти тексты, можно предположить, что обе рукописи являлись прозограф или очень свободной, или общед, но когда с него списывалась берестовицкая летопись, то он был в гораздо лучшем состоянии, чем когда с него списывалась хроника Быкова. Наиболее существенная разница между ними заключается в том, что Палеон (этот персонаж называется Палеонем во всех сохранившихся летописях) у Быкова назван Амалонем. Далее, в Берестовицкой летописи сказано, что у Агаты было много жестоких людей, тогда как у Быкова об этом ничего не сказано. В Берестовицкой сообщается, что Палеон жил в Риме, чего нет у Быкова. Однако все эти различия слишком незначительны, чтобы составить над сомнением общедность прозографа. «Собственные слова летописца, писавшего на старобелорусском языке, в этом случае даны в переводе на польский, но из-за точности перевода должна быть сложна. Но в при таком положении ясно, что это перевод отрывка летописного текста и что Берестовицкая летопись, когда она находилась у Стрыйковского, была в более исправном состоянии, чем хроника Быкова и ее телерисовый паде».

Между летописями и хроникой Стрыйковского в самом начале есть еще одно различие. В летописях Радзивилла, Смишевской, Рундичевской, Каревиковской утверждается, что в Риме в правление Августа уже сообщалось ранее (оно же вышло писанкой) (т. XXXV, с. 145, 176, 183, 214). Это можно принять как утверждение, что летописцы или их прозографы составляли часть хроникографов, в которых упоминались истории Рима. Очевидно, и в летописях, которыми пользовался Стрыйковский, имелись те же слова, однако в этом месте у него вышедшим невинитием: «чи писанкою». Исходя из этого, можно думать, что у Стрыйковского были летописи, также представлявшие часть хроникографов, но что он, не поняв значения «оно же вышло писанкою», добавил от себя вместо невинитного ему невинитное чтение.

Следующее место, где передается собственная речь литовских летописцев (это отмечено на полях), касается наследников великого князя новогрудского Рымальта. В соответствии с основным своим источником Стрыйковский сообщает, что после смерти Рымальта Альбрехт-тисом его наследником стал Мандаут («Мандоу», «Рендальф» — в других хрониках), который позже был литовским королем (т. I, с. 252). Совершенно так же первая содержится в хронике Быкова (ф. XXXII, с. 127). Учитывая близость хронике Быкова к Берестовицкой летописи, можно думать, что подобное сообщение явилось в Берестовицкой летописи, откуда и было заимствовано Стрыйковским, который на разных этапах прибавлял некоторые детали (другие имена Мандаута, почему, возможно, ссылался на Берестовицкую летопись в данном случае отсутствуют).

Однако дальше, чтобы уточнить вопрос о источнике Рынгольда, Страйковский приводит другую версию. Он пишет, что «другие летописцы не упоминают о том Миндовге, так как именно в этот период времени правления Рынгольда, согласно своему хронному обычаю в доминиканствах и догматичности, а затем следует текст «хрониколога» летописцев: «Князь же дей Рынгольд в Новогрудке много лет, а потом дей умер, а некоторые говорят, будто он после Русской битвы сделал трех сыновей (так сырога и панет), да неизвестно, какое дело на этих его сыновей случилась (получилась)»¹⁹. Это место представляет исключительно большой интерес, так как здесь Страйковский приводит цитату на языке оригинала, только переводя от польской графини. Страйковский явно старается передать оригинал буквально, но в некоторых местах получаются довольно странные (кроме, конечно, что следует опустить за две типографской ошибки). Так, у него вместо «сыновю» — «сынуис; здесь обычно не замечено (может быть, по ошибке типографа) на «й», которое читается как «у». В слове «мать» не ошибочно передано по-польски «м» (р). В слове «двое» вместо «дв» написано «дво» («дволю») — как это должно быть в польском языке. Над буквой «и» (р) нет диакрита, обозначающего, что это следует произносить как «и» (й). Самая крупная ошибка произошла, однако, с написанием слова «дей». Это слово часто встречается в старобелорусском языке («князь дей он» и др.). Страйковский передал его как «двей» (dziej). Вот, конечно, и все ошибки, встречающиеся в отрывке. Вместе с тем у Страйковского написано «на Новогрудку», т. е. так, как должно быть в оригинале. Передавая старобелорусский текст, Страйковский добавил от себя несколько слов уже по-польски (так сырога и панет). Большая часть приведенного отрывка совпадает с одним местом летописей Археологического общества, Рачинской и Ольшанской (т. XXV, с. 92, 149, 176), но там сказано, что после смерти Рынгольда великим князем стал Войшалок (Войшалк), о котором, однако, ничего неизвестно. (В летописи Рачинской отмечено, что Рынгольд «мно бы мей уродити трех сыновя», т. е. выражено сомнение относительно этого факта.)

Возможным временем и для образования Великого княжества Литовского были 50—60-е годы XIII в., когда Миндовге, вступив своим родственником, стал единоличным правителем государства. Об этом сообщает Ипатьевская летопись²⁰, а также хроника Быховца, хроника Литовская и Жмоитская и Тобильский хроникал. В Ипатьевской летописи немало этих событий датировано 1252 г. и следует из описанных обстоятельств на Волыни. Приводим текста Ипатьевской летописи и хроника Быховца.

Ипатьевская летопись

«В то же лето князь Миндовг сыновья своих
то Товшала и Едвигу, посланному на
помощь от велик князя на войну со Иваном

Хроника Быховца

«У в то в лето князь Миндовг
сыновца своих Товшала и Едвигу,
посланному на войну со

¹⁹ «Acta in hac latinitate lego Minolaga esse scripturamque, sed interpretari non hoc rationabilem
fuerit foreque, utique quodammodo in domino et in documentis chronico. Książ
dział Minolaga na Nowogródku bardzo lat, i potem trzy syny, i jedno z nich wybrano,
aby trzech synów po Minolagu królstwo miałoby (tak przynajmniej) dać się wiadomości ka-
kieżemu dziełu ze źródeł jako przód byłoby (т. I, с. 352—353).

²⁰ ПСРЛ, М., 192, Т. II.

тыя на Русь поехать, во Свольнуу. И рече: «Шю это приключило, себе держати. Иракобо бо за корольство». С князя Литву, тако повелева бы вси князи Литовские и Бельские князи их приграти бы богатство их. И посла на во вси свои чюи рече и, посла на уладивати и Бельск на князя Давиду и Выкова на р. II, стр. 813.

на Швольню на Русь поехать, во Свольнуу, и рече: «Шю это приключило, себе держати. Иракобо бо за корольство. С князя Литву, тако повелева бы вси князи Литовские и Бельские князи их приграти бы богатство их. И посла на во вси свои чюи рече, на уладивати их князя Давида и Выкова на р. II, стр. 813.

Уяснить смысл отрывка из Итальянской летописи трудно. Видно, у летописца было два или больше документов, по-разному рисующих обстановку, и он не смог согласовать их. В результате в нескольких случаях получалась путаница между одностепенным и многостепенным числами. Так, в самом начале сказано, что Мандога купил княжества Тевтошала, но тут же добавлено, что вместе с ним был куплен и другой княжичек — Ердивал, т. е. что княжества (славянской брата) было двое. Далее сообщается, что с этими же княжествами был послан Выковт что весьма странно. Здесь, вероятнее всего, должно было быть не все князья, а что князь (как в Халбиковской стилисе), т. е. с дедом по матерю, но и в таком случае воспроизведение в числах остается. Не означает ли выражение «иракобо бо за корольство», что поход литовских князей на Свольну должен был представлять собой откровенно заднюю на вылазку на Литву сделку или что здесь говорится о вражде между Мандога и племянниками? Слово «чюи» литву, видимо, должно означать, что в походе трех князей, кроме их личных сил, должен был участвовать отряд литовцев, очевидно находившийся и подчиненный у Мандога. Заключительная фраза тоже повелева бы вси князи Литовские и Бельские князи их приграти бы богатство (или вытребует лишь князю) из предыдущего текста. Смысл не такой, что Мандога (об этом прямо не сказано) захватил всю Литву, в том числе владения и князья богатства своих племянников. Слово «иракрати», встречающееся в этой фразе, возможно; но в любом случае, Н. И. Срезневский не смог объяснить его значение¹⁸.

В хронике Выкова рассказ об этих событиях начинается с сообщения, что Мандога послал племянников в поход на Свольну, являвшуюся в Новогрудке и чюи русская городом (видимо, говорится о Свольне и Волковыске). Очевидно, подобное начало должно было показать, что в то время Мандога находился в своем медном путие славя владений и что он вообще располагал тогда такими силами, которые давали ему возможность объявлять своим своим. Далее так же, как в Итальянской летописи, но несогласованно в числах встречается только один раз (княжества своего Тевтошала и Ердивала).

Сообщение хроника Выкова о местонахождении Мандога говорит о том, что Итальянская летопись здесь не могла служить источником

¹⁸ Срезневский Н. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1859, т. II, с. 1478. Слово «иракрати» должно по той же фразе Итальянской летописи и по-прежнему переводится как «отрубить». Такой перевод совершенно не укладывается со смыслом фразы. Наиболее вероятным кажется, что слово «иракрати» означает «отправить».

хроника. Еще раньше раскопками получаются между Нياتьвской летописью, с одной стороны, хроникой Стрыйковского, хроникой Латвийской и Жмойвской и Тобольским хронографом — с другой¹⁰. Во всех трех источниках отсутствуют такие выражения, как «законо и правдо» и «правдо бо за коньство», но вместе с тем там сказано, что Топольск и Едвиг, мейстера Полонд и Ватейка, зарестились в русскую веру, чтобы их новые подданные относились к ним благожелательно. Кроме того, в Тобольском хронографе отчасти выразено то, о чем в Нياتьвской летописи и хронике Быковна сказано кратко: «А три латвийские войску с теми тремя князяти бывше много доидит на Русь для спольного дугу и добычи» (ч. I, с. 288; т. XXXII, с. 288). Значит, в этих источниках сведений Нياتьвская летопись не была. На полях против этого места у Стрыйковского сказано, что он перепроизвел летописание.

Продолжением илюминационного является описание, переданное переписку Мандюга и латвийского мастера Андрея. В ней илюминатор просит Мандюга убить Топольска и Едвига или хотя бы изгнать их и отдал мастера сделать это. Рассказ вынесен в Нياتьвской летописи, хронике Быковна и хронике Стрыйковского, переданной черной текстом Перестовской летописи.]

Нياتьвская летопись

Мандюг Врубленск, по-
сладъ тавитъ ко Андрею,
мастеру рисовку, и убе-
де в дареи многими се-
речи, укаже ему, мандю-
гъ бо бы млада много в гроб-
е и оуду сребреным и
маткам, и красным, и
костяными, речеи «Ман-
дубанск в мандюга Тополь-
ска и еде бавана сего
привести». Оуду же
речеи: «Не конюше из-
бавана бави, аще не по-
слади в тави в приво-
диши привоши, не коню-
ши приву. Дружду мандю
в тебе. О дареи мн. За-
кони оудати сего слов.
На не коню мандю от
мнъ баву привести»
(т. II, сб. 814—817).

Хроника Быковна

Mandoug, y vrbolovca,
y roduw luyw ko Ond-
rejowi, majstera ryso-
wca, y uduw lobo dary
mnozymi, y tym jedy
wchody. Postal bo jemu
mlata mnogo y grobu, y
mnozi srebry, maty, kras-
ny, kosti mnozi, y mowit-
«Kaj izbawa lbo ladowa
Topywca, y bogozu loby-
wawca». Y mowit
rytaly mowit jemu «Ne
mowit izbawca byt,
kaj ne posladi k jemu
a ne prymozu ladowca,
ne odabrywca wawca.
A stawca luy od tawca,
a stawca stawca odabry-
wca sowy, kotorych bo
luby od loby mawca, y tym
loby darytawca» (т. XXXII,
с. 124).

Хроника Стрыйковская

Mandoug, swyrtawit ro-
dy swyrtu do Andrieha albo
Hewriha, majstera kras-
nycy, z wielkimi podar-
kami mowozima srebry,
kosty i klejnotow drozdych,
wchodzawce go w tym i
juzawc mu wiczoj obow-
iaz, gdyby Tomowawca,
swyrtawca jago, poslygl mu
z Polowca wygnat, albo
wly go sam kawat zabyt.
Ale mawca Hlawdski od-
powiedzial mu z namy
jokawca jawa tywca mawc
nie mowca, powawca ja-
kaj powawca, mi dary-
wom kowawca, jedy wly
nie odabrywca w wawca
powawczawcy chrowawca,
a do papawca z mawca-
wom powawczawca nie
powawca, loby chrowawcy
ja mawca tym, dary mi
dary, mowca sowy swyrtu,
mawca swyrtawca mu mawca
(ч. I, с. 287—288).

¹⁰ Тобольским хронографом названы рукопись, хранящаяся в Государственном архиве Ленинградской области в Тобольском Отделе рукописей под № 78. В составе этой рукописи находится хроника Латвийская и Жмойвская. Сделанные места на хронографе в дополнение к хронике повоздны в ПСРМ, т. XXXII. Прим. В нем в некоторых местах имеются сведения.

В Нильтвевской летописи письмо вложено вутавно. Мандоэг просит магистра убить и изгнать Тонтивала, хотя после убийства приготовить нет нужды. Тут должно быть не «и дельник», а «или дельник». Далее ошибка такого же рода — магистр отвечает Мандоэгу: «где не посланна к пани и приимана хрещанна». Здесь должно быть не «и приимана», а «и не приимана». Очень верно заключительное сравнение: «Им же вые пана от нас беду приимете. Поскольку в предыдущем предложении говорится об «оце», то, должно быть, сказавшее такое относится к «оце» а, следовательно, беда будет от них. Очень ясно определено в начале рассказа. Мандоэг послал письмо к магистру «тайно». Это понятно, так как о подобной просьбе кричать не следует. Но вот что дальше: Мандоэг убедил магистра, «сиречь оумала его». Следовательно, магистр уже согласился, но далее следует, что Мандоэг пока только просит совершить убийство, подкрепляет просьбу выбором дорогой посуды и высокой коней, обещая в случае согласия дать еще больше. Значит, здесь начало фразы находится в противоречии с «оцем». Учитывая это, можно предположить, что летописец не пользовался самим письмом, а слышал его в пересказе и поэтому перепал нечто, что и несудивительно. Более удивительным было бы, если бы секретный документ, посланный Мандоэгом в Ригу, оказался (хотя бы в сокращенной копии) у летописца.

Гораздо более осмысленно передано указанное место в архиве Быкова. Мандоэг послал письмо магистру тайно, прибавил многие дары, что магистру очень понравилось. Просьба Мандоэга вложена так: «Если убьешь или изгнать Тонтивала, то получишь еще больше. Так же осмыслен и ответ магистра, написавшего: «С нами мира не будет, не можешь иметь, а поскольку ты язычник, не будешь иметь и спасения, если не крестишься в общую веру христианскую и не поможешь к нам подвизания и не выслушаешь послушания». Требуется, однако, пояснения промокнутное предположение в архиве Быкова «А страду от тебе многа. Если здесь не ошибка (место «сдружду» написано «службу»), то это означает, что Мандоэг не только прислал магистру богатые дары, но и оказал «службу», т. е., вероятнее всего, ролу военного характера.

Несмотря на наличие темных мест, ясно одно: Нильтвевская летопись здесь не могла служить источником архива Быкова, так как архивка более исправна, чем летопись.

Еще более передано подобно сообщению в архиве Стрыйковского, т. е. в Берестянской летописи. Мандоэг отправил письмо к латвийскому магистру Андруку (т. е. Андрусу — П. 31), или Гирску, с богатыми дарами. Сообщения, что это было сделано тайно, у Стрыйковского отсутствует, хотя, надо полагать, в его источнике оно было. Далее сообщается, что Мандоэг просил магистра илгити Тонтивала, племянника великого князя, из Полоцка или убить его. Магистр ответил, что поскольку Мандоэг является язычником, то мира с ним не может быть, и, кроме того «ты не будешь иметь и спасения (смерядно, душа твоя не может быть избавлена от посмертных мук), если не крестишься в «общую» христианскую веру и не поможешь наслов к пани с дарами и выслушанием послушания». Без этого магистр, хотя бы от тем

защиты, которое получил от Мандюга, возвал свои глаза, способствова-
вать ему не будет (не может). Впрочем, магистр, возможно, в свой се-
редь вкладывал и такой смысл: если Мандюг крестится, то магистр мо-
жет убить язычника Тонгивала язычником, сохранив все поддери.

Согласно этой версии Мандюг просит не только магистр Тонгивала,
а магистр из Польши. Затем, у Стрыйковского подмечают, что Ман-
дюг не просто должен креститься, но креститься в «образе веры», т. е.
по католическому образу, и в конце говорится, что без крещения и без
посылки посольства в Рим магистр способствовать ему не будет.
О «дружбе» или «службе» у Стрыйковского (в Берестовицкой летописи)
нет упоминания. Магистр в хронике Вышова называется Андрия, а в
Берестовицкой — это Андрих, или Гиррих, притом, по хронике Вы-
шова, он польский магистр, а по Берестовицкой — литовский. На
этом основании следует, что в указанном месте в наиболее достоверном
свидетельстве содержится в Берестовицкой летописи.

Последний случай, когда Стрыйковский дает перевод литовского
текста с отсылкой на воле, что это собственные слова русского летописца,
относится к отставке в Польше после поражения под Хойна-
вами. Стрыйков есть также в хронике Вышова.

Хроника Вышова

«У ру оном роботахца кароля Казимира
халебно би чинил, у мучити в оному омере,
како бы над поружадем своим оком з
хотюа промочити (то за оне обиды) у по-
судити вимом до ранив Литовских, та-
коу, абы нем поружити литаву (примом
тати армянска, т. е. дана.—Д. Р.) за
той роботе лбо. У ру тех роботех кара-
литовских у охронтал оных ранив ранив
Литови до ранив Литовских, та(и) оне(и),
прималу в ранив, абы их лбо(и) кара-
тити, а на та(и) бы про(и) их искуп(и)-
ти. XXXIII, с. 182».

Хроника Стрыйковского

«А ру оном дню Мандю, би јед
Сторити(и), брже јед Сторити
делоси(и), би го ранив, та(и) би
јану(и) поружадем(и) своим(и) о-
д(и) і ранив до ранив Литовских,
та(и) би, абы он(и) поружити(и) по-
суд(и) би та(и) ранив(и) јед. А ру
ранив ранив(и) литаву(и) ранив до
ранив Литовских, абы их в литав
парож(и) поружити(и) на та(и) про(и)
их(и) [с. II, с. 284].

Исходя из того, что отсылка дана не на Берестовицкую летопись и
даже не на одного летописца, а на «русский летописец», можно за-
ключить, что приведенный стрыйков содержится в ряде летописей. И на-
стоящее время такое совпадение известно только по хронике Вышова.
Сравнив оба текста, видно, что они несколько различаются между со-
бой, но различия очень невелики. В частности, она касается только од-
ного места. Так, в хронике Вышова сказано, что король хотел своему
врагителю отплатить «с божию помощю лбо(и) на дан». Это не послед-
нее христианское желание у Стрыйковского передать в более смягченном
виде: «как бы своему врагителю водити». Остальное совпадает почти
дословно.

Предыдущие примеры показывают, что текст Берестовицкой лето-
писи редко совпадает с другими летописями, и поэтому в данном слу-
чае, кажется, можно заведомо выбрать Стрыйковского, указавше-
го вместо летописи Заблуждских «русских летописцев».

Подводя итог этим наблюдениям, можно сказать, что Стрыйков-
ский редко цитировал тексты тех летописей, которые были у него, но

это были действительно копии с незначительными отступлениями от источника как при переводе, так и при передаче на языке оригинала.

Несравненно чаще Стрыйковский переказывал летописные источники, иногда сличивши их с данными польских хроник. Учитывая почти точную передачу текста при цитировании, можно думать, что и в переказах Стрыйковский мало отступал от оригинала.

Система ссылок Стрыйковского на летописи

Точнее всего систему ссылок можно установить, изучая ссылки Стрыйковского на одну летопись (одного летописца), по выражению автора «Кроника». Однако прямые ссылки на одного летописца встречаются в «Кронике» не часто, и поэтому мы разберем случаи, когда ссылки даны на одну летопись, т. е. когда говорится «летописец», «летописца русская» и т. д.

Наиболее определенные ссылки встречаются на Берестовицкую летопись, так как известно, где находится (было) село Берестовица и кто был владельцем рукописи. Относительно двух других, названных хроником достоверных летописцев, сказано, что их «каждый может найти в Гродне» (Гродно?), что они хранятся в собрании гродненского старосты Александра Ходковича и что командир этих рукописей вместе с ним, т. е. у самого Стрыйковского (ч. I, с. 288). На этого туманно названного места (рукописи были у Ходковича, а одновременно и у Стрыйковского) следует, однако, что две летописи, которыми пользовался хроник, находились в Гродно. Были ли они собственностью Стрыйковского или он только пользовался ими, в данном случае несущественно. Что касается остальных 12 рукописей, то их следует принимать как «бездонные», поскольку места, где их видел хроник или откуда они к нему поступали, остаются неизвестными. Премечательно, что ссылки на одного летописца Стрыйковский дает в начале хроника, после чего наступит длительный перерыв, и затем они возобновляются лишь в конце XV — начале XVI в.

Рассказ о жизни Войнысла Стрыйковского передан со ссылкой на стародавнего летописца летописца (ч. I, с. 287). В этом источнике сказано, что Войнысла был раздражен против отца за то, что тот отступился от христианской римской веры, ушел от него в Галич к польскому королю Даниелю и его брату Василью, посетив на то что братья находились во враждебных отношениях с Мандоном. В Галиче Войнысла переменил веру с католической на православную (русскую), стал монахом и три года жил у галицкого архидиакона Григория. Затем Войнысла отправился на Святую гору и в Царьград, но из-за дальности пути повернул обратно, ушел в Новгород и там над Неманом «между Литвой и Новгородом» основал монастырь, в котором и жил. У его отца в это время возник конфликт с князем Довмонтом, потом Мандонг был убит (ч. I, 287). Учитывая, что ряд названий, касающихся жизни Мандонга — Войнысла, Стрыйковский делал из Берестовицкой летописи, естественно предположить, что данный рас-

ска замешанная оттуда же, т. е. что слетывала князь Заславский и стародавней летописей летописца — одно и то же.

Однако у Стрыйковского рассказ о Войшеле лишь в самом начале опирается на стародавнюю летописца, а немного ниже на поле есть отметка, что последующие сведения замешаны на летописце о Войшеле Мандовиче, т. е. что они исходились в нескольких летописях, специально посвященных Войшеле.

Показно Стрыйковского, о Войшеле сообщается лишь в Ипатьевской летописи и хронике Вышова, но говоря о туманных известиях в других летописях. Основные данные об этом князе изложены в Ипатьевской летописи в записи за 1262 г. Запись начинается с сообщения об убийстве Мандога, происшедшем в 1263 г. О Мандоге сказано, что он стал убивать родню, свою дочь отдал замуж в Холм за Шварка Давыловича, а затем без всякого перерыва сообщается, что Войшеле начал править в Новгороде, будучи князьком, причем провозгласил крайнюю жестокость. Потом наступил перерыв: Войшеле крестился еще в Новгороде, ушел в Галич, крестился там Юрием, сына князя Льва Давыловича, а затем, уйдя в Полоцк, стал монахом. Пробыв там три года, он направился на Святую гору, но не дошел, так как в этот период (не сказано, в каком) был «великий мелек». Возвратившись, он отправился обратно в Новгород и там над Неманом основал Литвою в Новомыгородском основал монастырь. Мандог горюил Войшелем за такую жизнь, Войшеле, в свою очередь, не любил оца (т. II, стр. 856—859). В записях за 1263, 1264 гг. сообщается об убийстве Мандога, бегстве Войшеле в Псков, возвращении его оттуда «с великими силами власти в Новгород и великими противниками (т. II, стр. 860—861). В записи за 1268 г. говорится, что Войшеле, оставив Новгородское княжество Швару, ушел в Угровск, а затем был убит Львом (т. II, стр. 867—868).

События 1263, 1264 гг. изложены в Ипатьевской летописи еще раз под 1266 г., но очень кратко. Эта запись сделана после 1264 г. В ней Войшеле показан не как сын великого князя, а как самостоятельный правитель: заключил мир с Давыдом Романовичем, выдал замуж сестру, Новгородское княжество отдал Роману от Рюдольфа и от себя (т. II, стр. 830—831).

Текст хроник Вышова за 1262—1264 гг. почти целиком совпадает с Ипатьевской летописью, но есть в Ипатьевской сказано, что Мандог был убит после «сейма» 1262 г. «многую лету одному», но в хронике Вышова — после «сейма» прошло время немалое. Крестился Войшеле не еще в Новгороде, а просто в «Новгороде». Из Полоцка Войшеле двинулся не на Святую гору, а на Острую. В хронике сказано, что убитый Войшелем Остарий был половецкой, чего нет в Ипатьевской летописи. По летописи, Войшеле после смерти Мандога конюшил в Литве, а по хронике — «на Новгороде и на русских городах». В войне с поляками, согласно хронике, Войшеле берет город Нильу, чего нет в летописи (т. II, стр. 864—868; т. XXXII, с. 113). Причиной, по которой Лев убил Войшеле, по летописи, была зависть — почему Войшеле отдал княжство Литовскому Швару, а по хронике, — нестыж «смертвства», которые делали в русских землях Мандог и Вой-

шелк. Наконец, в хронике все это завершается словами: «И тут закончился род русского князя Палеянского, чего, естественно, не могло быть в летописи (т. II, стр. 868; т. XXXII, с. 133—134). При всех этих разногласиях язык хроник совпадает с языком летописи — он такой же архаичный. Что касается датации за 1268 г., то ее содержание как в летописи, так и в хронике Быкова одинаково, во язык хроник модернизирована (это язык XVI в.). Как обычно, год в хронике Быкова не указан.

У Стрыйковского раздел, в котором описаны те же события, датируется 1267 г. (т. I, с. 304—306). Ссылки в разделе даны на летописцы и на летоисчисление литовского и русского, а также на Метовского и Крамера в тексте, на язык же явно указаны труды Кадушиса, Длугоша и Бельского. Начальная часть раздела является у Стрыйковского как бы вступлением к главному сюжету, т. е. убийству Войшка. В нем сказано, что Войшка, вступивший в раздор, помирившись между польскими князьями после смерти Даниила Рокоссовича, завладел несколькими русскими князьями, а потом двинулся с войском на Волынь, намереваясь завладеть ею. Лев Данилович, не имея возможности сопротивляться Войшку, предложил заключить перемирие. Войшка принял это предложение, распустив основную часть своего войска, оставив при себе только ближайшее окружение из князей, князей и бояр, и затем ушел в Угровск, где ранее был монахом. Лев послал к нему своего брата, князя Войшка по Владимир; посланцы гарантировали ему безопасность.

Далее, со ссылкой на летописца изложены обстоятельства убийства Войшка, но они даны несколько иначе, чем в Нильской летописи, а почти так, как в хронике Быкова. Так, Стрыйковский назвал Маркальта Палеянского именем русского, чего нет, да и не могло быть, в летописи, поскольку это германология XVI в. Во всех трех источниках Войшек и Лев называются кумовьями, но в Нильской летописи они покусались на власть до убийства, в 1262 г., когда Войшка крестил сына Льва — Юрия (т. II, стр. 864; то же в хронике Быкова без указания года (XXXII, с. 133). По Стрыйковскому же, они стали кумовьями только на пиру у Маркальта (т. I, с. 305). Как и в хронике Быкова, причиной убийства у Стрыйковского указаны жестокости Макдога и Войшка в отношении русских князей. Так же как в хронике Быкова, у Стрыйковского сказано, что Войшка похоронен в монастыре Святого Владимира во Владимире (т. I, с. 306), в Нильской же летописи сказано, что Войшка похоронен в церкви Николая Великого, но без указания с какой именно церковью в монастыре (т. II, стр. 866). Сверх того, что есть в хронике Быкова, у Стрыйковского добавлено, что Лев приехал в монастырь со слугами, которых он приказал окружить Войшка; что убит Войшка был саблей, причем его шлем брызнул на стену и на слуг Льва. Заверит, источником хроник Стрыйковского, как и хроник Быкова, не могла быть Нильская летопись. Вместе с тем можно предположить, что летописцы и летописец литовский и русский — одно и то же и что это все та же Берестовицкая летопись.

Между прочим, утверждение Берестовицкой летописи (в передаче

Стрыйковского), что Войска первоначально был крещен по католическому обряду, не должно казаться невероятным, ведь Мандог был крещен именно таким образом.

В свое время В. Т. Пауэрто высказал предположение, что в Новоградке велось летописание¹⁰. Учитывая наличие летописца Войска Мандоговича, на которого ссылался Стрыйковский, существование подобной летописи кажется вполне возможным.

Наиболее ранние (после сообщения о прибытии чужеземцев в Литву) сведения Стрыйковского, основанные на «одном летописце», касаются персонажей легендарной части Стрыйковский считает наиболее достоверным сообщением «одного летописца», будто Понта была дочерью Куховица, так как в действительности она была его матерью (ч. I, с. 245). Значит, «один летописец» содержал версию, расходящуюся с первой летописей Красивского, Археологического общества, Рачинского, Румишевской, Ольшанской и Гаренинской (т. XXXV, с. 91, 131, 148, 176, 198, 217).

Стрыйковский считает неверным и другое сообщение «одного летописца», будто та же Понта была замужем за девятилетним князем Гирусом-Кирусом (тоже легендарной личности) (ч. I, с. 246). Такое сообщение есть в летописях Красивского, Румишевской, Рачинского, Ольшанской, Гаренинской (т. XXXV, с. 130, 146, 174, 194, 216—217). Значит, и в данном случае версия «одного летописца» была Стрыйковским отвергнута. Видно, что «один летописец» содержал не ту версию, как ряд других летописей. Учитывая, что между Берестовицкой и остальными летописями имелось различие в самом начале, можно предположить, что «один летописец» — в данном случае та же Берестовицкая летопись.

Следующая (археологическая) ссылка Стрыйковского на «одного летописца» касается имени литовского магистра (дело происходит в эпоху Мандога). Здесь Стрыйковский отмечает, что летописец назвал магистра Андрия; при вторичном упоминании — что магистр Андрия в летописи именовался Андреем, — ссылка дается уже на «русского летописца» (значит, тоже на «одного») (ч. I, с. 287). Следовательно, «один летописец» и «русский летописец» — одно и то же. Магистр, но не дидляндский, а римский упоминается только в хронике Бышовца (т. XXXII, с. 132). Учитывая наличие ряда цитат из Берестовицкой летописи, приведенных Стрыйковским в начале работы и касающихся именно этой эпохи и лично Мандога, можно предположить, что «один летописец» и «русский летописец» — та же Берестовицкая летопись или летопись о Войскале.

Последняя ссылка Стрыйковского на «русский летописец» при изложении событий XIII в. касается сыновей Трабуса. Стрыйковский отмечает, что его источник — «летописец» не только ошибся в отношении Понта, но и неверно указал, будто у Трабуса было пять сыновей, тогда как на самом деле они были сыновьями Ромурта (Романа) (ч. I, с. 306). Ипатьевская летопись не знает ни Трабуса, ни Ромурта (Романа). В хронике Бышовца среди пяти сыновей назван Роман, племян-

¹⁰ Пауэрто В. Т. Описание Литовского государства. М., 1928, с. 42.

ник Трабуса. Трабус же был сыном Сваронта (т. XXXII, с. 134). То же в летописях Красавского, Архангельского-голандца, Рачинского, Руяновичской, Карявской, Ольшанской (т. XXXV, с. 93, 132, 156, 177, 198, 218). Значит, и здесь «русский летописец» не совпадает ни с одним из известных сейчас летописков.

После этой поправки Скрыбовской начинается делать ссылки на одного летописца (это делается по-прежнему: «русский летописец», «латвийский летописец», но здесь говорится о тех случаях, когда ссылка дана на одного) при описании событий конца XIV в., т. е. с перерывом примерно в сотни лет. Поскольку ни один из известных сейчас летописцев и хроник не имеет такого длительного перерыва в известиях, то можно предположить, что или «русский летописец» был дефектным (исключая явную лажу), или Скрыбовский, говоря об одном летописце, «русском летописце» и т. д., имел в виду не ту летопись, на которую ссылался ранее, а ту, которая содержала индивидуальные сведения.

Первая ссылка на «русского летописца», сделанная после очень длительного перерыва, содержит описание войны Ягайлы с Пальмой, являясь цитатой Дюбуа и Пальмы фрагмента деревянного креста, возвращенная литовскому войску датой и туде, происшедших в Вильно в связи с провозом туда обложки креста (т. II, с. 68). При этом и начало дается ссылка на «русских и литовских летописцев», затем вообще на «летописцев», а в конце, как выясняется вступлением литовского войска в Пальму и провозом далее чудеса, — на «русского летописца», причем поясняя, что этот летописец живет далеко. Однако, поскольку весь рассказ представляется собой одно целое, ясно, что Скрыбовский один и тот же источник обозначает и в единственном и во множественном числе. В таком случае правильно предположить, что у него было несколько летописей, потому что, имея подобный текст в одной летописи, написать, что так говорят «все летописцы» невозможно, если бы было возможно.

Событие о походе Ягайлы и всех последующих событиях имеется еще только в хронике Былова (т. XXXII, с. 144), но, говоря об одном и том же, обе хроники значительно расходятся в деталях. В ней, например, сообщается, что над Завихостем литовские войска переправились через Вислу влезая на конях, но у Скрыбовского индигатором такой переправы явился Радзивилл, тогда как в хронике Былова — просто «один литвин». Отдавая хронике Нарбут в этом месте ссылку свиску, в которой написал, что литвином, проважившим индикатор, конечно, был Радзивилл, так как с того времени о нем известно.) Подобное объяснение, однако, кажется совсем неубедительным. Здесь Нарбут не вполне определенно сказал то, что уверенно изложил Скрыбовский. По Скрыбовскому, Ягайло был перевезен через Вислу в челноке, о чем в хронике Былова не упоминается. Однако слитно, который первым проскочил в воду, произносит в абзац хроника слова, дающие смысл по Былову, но хроникал тут воде не бывать, а по Скрыбовскому, — «так в тех руках воде не бывать» (т. II, с. 88; т. XXXII, с. 144). Конечно, в «летописце» Скрыбовского, и в прологе хронике Былова в этом месте был дефект. По

Стрыйковскому, тот же Радзивалл, перенеся реку и став у города, предложил вырыть крепостной ров остатками сожженных домов, а затем перебраться через стену в город мимо «кабы» (падока), после чего город был подожжен; в хронике Быковича сообщается, что в ров бросали оборонные бревна, нет, а кабы кабы были заброшены в город по приказу Ягайлы. Далее в хронике Быковича сообщается, что литовские армия сошла Ошатов и ряд других городов и дошла до Вислицы; у Стрыйковского же Ошатов не упоминается, но сказано, что Вислица находится в 9 милях от Кракова. У Стрыйковского говорится, что войско по пути обратно проходило около Лысой горы, где один литовец по имени Довойна захватил часть святого креста; в хронике Быковича в Лысой горе не сообщается ничего, и поэтому неясно, где Довойна захватил свою добычу (ч. II, с. 68; т. XXII, с. 144). В этом месте расхождение между хрониками Быковича и Стрыйковского настолько велики, что первая для второй служит источником не могла. «Русский летописец» в данном случае — это источник, значительно отличающийся от хроник Быковича.

Следующее сообщение, основанное на «одном летописце», дано опять после снова длительного перерыва в отношении к 30-м годам XV в., точнее, к обстоятельствам избрания на престол Великого княжества Литовского Казимира Ягайловича. Ссылаясь на Длугоша, Мехоховского, Кромера и Навоцкого, Стрыйковский излагает ход дела следующим образом: когда литовские магнаты решили избрать великим князем Казимира, они отправились в Сандомир, где в то время жил корольница, двух жемудских панов — Михалла и Яна Келтайльса. Однако польские паны не хотели, чтобы Казимир стал великим князем, так как намеревались сделать его лишь губернатором Великого княжества. Паны проводили Казимира как губернатора до границы Литвы, но литовцы против воли польских панов короновали Казимира в Вильно великим князем. Навоцкий же, Стрыйковский добавляет, что слетовский летописец изображал дело неверно, и усматривал в чем заключается его ошибка.

«Летописец» сообщил, что, когда Казимира Ягайловича избрали на престол, ему было 13 лет, на самом же деле 16 лет. Далее слетовский летописец (!) неправильно утверждал, будто Казимир, когда его избрали на престол, должен был тайно уйти из Сандомирского замка, хотя в действительности он ушел открыто. Казимира, по летописцу, «поднесли» на престол в Бресте, а на самом деле это было сделано в Вильно (ч. II, с. 206—207). Без сомнения, замечания Стрыйковского касаются одного и того же источника, который в одном случае назван «летописцем», а во втором — «слетовским летописцем».

В хронике Быковича сказано, что Казимиру, когда его избрали великим князем, было 13 лет, что он встретился в граде (в Сандомире) в литовском войске и что его «поднесли» на престол в Бресте, т. е. здесь имеется все, что Стрыйковский считал ошибочным у «летописца». В этом рассказе любопытна еще одна деталь. По Стрыйковскому, в Бресте Казимира встретили великий земский маршалок Николай Радзивалл, вилевский канцлер и жемудский староста Келтайло, Ян Гаштольд, князь Юрий Галицкий и Николай Немрович. По хро-

нике же Быховца, его встретили князь Юрий Гольшанский, Кезгайло, Иван Гаштольд, Николай Немирович и Остик (звания панов опускаем). Значит, у Стрыйковского Радзивилл назван первым, тогда как в хронике у Быховца он поставлен на последнее место, причем не как Радзивилл, а как Остик (это была как бы предфамилия Радзивиллов, гораздо менее известная, чем Радзивилл) (т. XXXII, с. 157).

Следующая ссылка на «русского летописца» дана опять после длительного перерыва и касается битвы под Хойницами, происходившей в 1454 г. У Стрыйковского, перечисляющего пять ошибочных данных, они изложены в разделе, озаглавленном «Ошибки литовских летописцев во времени, месте и неприятеле», причем несколько раз путается один летописец с несколькими («русские летописцы», «русский летописец», «летописец» и «летописцы»). Поскольку все время говорится об одном и том же, то вероятнее всего, что ссылки даны на один источник, только называющийся по-разному. О Хойницкой битве, согласно Стрыйковскому, писали «старосветские хроники и некоторые русские и литовские летописцы», а также Длугош, Кромер, Ваповский, Меховский, Гербурт (ч. II, с. 244). Известие об этой битве есть только в хронике Быховца, и там, действительно, все перепутано — дата, место и неприятель¹⁷. По хронике Быховца, битва произошла между поляками и чехами, тогда как в действительности она была между поляками и немцами, и не под Вроцлавом, а у Хойниц. Что касается времени, то в хронике Быховца год не указан, но последующие события датированы у него 1453 г., из чего следует, что битва, по хронике, произошла ранее этого года.

Отсюда можно сделать заключение, что Стрыйковский ссылался если не буквально на хронику Быховца, то на источник, аналогичный ему (по крайней мере в этом месте). Однако здесь Стрыйковский ссылается не на одного летописца, а на «некоторых русских и литовских летописцев» и на «литовских летописцев», из чего можно предположить, что у Стрыйковского было несколько летописей, содержащих ошибочное описание битвы под Хойницами.

☞ Далее отмечена еще одна ошибка «русского летописца» (ч. II, с. 284), тоже относящаяся ко времени правления Казимира Ягайловича. Подобного места в хронике Быховца нет.

Следующая ссылка на «летописца», который опять ошибся, относится к концу правления Казимира. В Коломые, где молдавский господарь Стефан принес Казимиру вассальную присягу, король дал ему в помощь 3 тысячи бойцов под командованием Яна Поляка, тогда как, по свидетельству «летописца», командовал ими королевич Ян-Альбрехт (ч. II, с. 287—288).

В хронике Быховца сказано лишь, что король послал на помощь Стефану «королевичей и многих своих людей» (т. XXXII, с. 163). Здесь и далее Стрыйковский обычно приводит летописные данные как будто лишь для того, чтобы показать их ошибочность.

Ниже со ссылкой на «летописца» сообщается о приезде в Литву тверского князя Михаила Борисовича (ч. II, с. 288). На этот раз ука-

¹⁷ ПСРЛ, т. XXXII, с. 161.

зания, что данное известие летописца ошибочное, нет. Подобное сообщение имеется в хронике Быховца (т. XXXII, с. 163), но по сравнению с хроникой Стрыйковского там добавлено, что Тверское княжество «подали» московскому великому князю сами тверичи. Очевидно, все последние ссылки на «одного летописца» относятся к одному и тому же источнику.

Ряд следующих сообщений со ссылкой на «одного летописца» связан с описанием неудачной попытки польского короля Яна-Альбрехта захватить Молдавию (конец XV в.). Описывая поражение, понесенное польской армией от молдаван в буковом лесу, Стрыйковский сообщает, что «некоторые пишут, а в особенности русский летописец», что больной подагрой молдавский господарь Стефан, который, очевидно, не мог сидеть на коне, приказал возить себя на саних (дело происходило летом). В конце этого рассказа, перечисляя знатных поляков, попавших в плен, Стрыйковский отмечает, что «летописец» ошибочно называл графа Тенчинского, краковского подкомория и старосту мальборгского, великим маршалком (ч. II, с. 302). Поскольку здесь последовательно передается рассказ об одном и том же событии со ссылкой на два источника, то есть основание предполагать, что это не два источника, а один, т. е. что «русский летописец» и просто «летописец» — одно и то же. У Стрыйковского назван ряд лиц, попавших в плен, но ошибка летописца отмечена только в отношении графа Тенчинского.

О названных событиях есть сообщение лишь в хронике Быховца, где сказано, что Стефан был «болен на ноги» (подагрой?), а из лиц, попавших в плен, указан один Тенчинский (по хронике, Точинский), который назван «маршалком великим Польской короны» (т. XXXII, с. 165—166).

Продолжая рассказ о том же неудачном походе, Стрыйковский сообщает, что на следующий день после битвы на помощь польскому войску явилось «рыцарство» от великого князя Александра, которым командовали Станислав Петрович Кишка и князь Семен Осемятич. Согласно «литовскому летописцу», помощь запоздала, потому что, как только этот отряд переправился через Днестр, его встретило молдавское войско, которое, однако, было разбито. Стрыйковский отмечает, что польские хроники обо всем этом не сообщают (ч. II, с. 303).

В хронике Быховца, в том месте, где говорится об отправке на помощь королю Яну-Альбрехту «всех людей», которые были при великом князе Александре, отмечено, что отряд был послан под командованием Станислава Петровича, о Семене же Осемятиче ничего не говорится (т. XXXII, с. 166). Здесь как будто между текстами обеих хроник получилась неувязка, и хотя в хронике Быховца несколько ранее отмечено, что Александр послал на помощь королю Яну-Альбрехту «маршалка своего, наместника лидского пана Станислава Петровича, князя Семена Ивановича Можайского и князя Василия Ивановича Семячича» (т. XXXII, с. 165), неувязка остается, даже учитывая, что Станислав Петрович — это тот самый Кишка, о котором упомянул Стрыйковский.

В рассказе о том же походе Стрыйковский делает еще две ссылки на «летописца», а затем на «летописцев». В первом случае сообщается,

что «литва», возвращаясь из-под Брацлава, в 12 милях за этим городом разгромила отряд татар. Во втором случае ссылка касается причины, по которой король Ян-Альбрехт предпринял неудачный поход в Молдавию. Стрыйковский утверждает, что польские летописцы — Меховский, Бельский, Ваповский, Кромер — считали, что неудача произошла вследствие измены Стефана, тогда как, согласно «летописцам», Ян-Альбрехт имел коварное намерение выгнать Стефана из Молдавии, чтобы посадить на молдавский престол своего брата (Сигизмунда.— *Н. У.*) (ч. II, с. 304).

В хронике Быховца в конце рассказа об этой эпопее сообщается, что великий князь Александр стоял «немало время» у Брацлава, где «город Брацлав зарубил», разгромил в 12 милях от него несколько сот татар (т. XXXII, с. 166). Что же касается причины похода, то мысль о том, что король Ян-Альбрехт идет в Молдавию, чтобы захватить эту страну, в хронике Быховца выражена очень неявно: «И потягнул» (пошел.— *Н. У.*) король Ян-Альбрехт «на Стефана воеводу волоского» (т. XXXII, с. 165).

Великий князь Александр, возвратившись из Молдавии, наведаясь, согласно «летописцу», к большому трокскому воеводе и великому гетману Петру Ивановичу Белому и советовался с ним, кого бы назначить гетманом после смерти собеседника. Тот рекомендовал потомка князей Друцких Константина Ивановича, который «позже звался Константином Острожским, князем из Острога» (ч. II, с. 305). Этот эпизод есть и в хронике Быховца и почти дословно совпадает с текстом Стрыйковского. Однако по Стрыйковскому, гетман — это Петр Иванович Белый, а по хронике Быховца, — Петр Янович (фамилия его Монтигирдович.— *Н. У.*). Очевидно, и в данном случае «летописец» не был хроникой Быховца, тем более что, по Стрыйковскому, — гетман Петр Иванович, а по хронике Быховца, — Петр Янович.

При описании войны 1500 г. с Россией Стрыйковский ссылается то на «летописцев» или «цных летописцев», то на одного из них. Ссылка на одного дается при описании приемов, с помощью которых русские пытались взять Смоленск. Сын московского великого князя, руководивший осадой Смоленска, согласно Стрыйковскому, штурмовал этот город не только днем, но и ночью, разрушал замок не только из орудий, но и «турами, как свидетельствует летописец, насыпанными песком и землей, производил несказанные штурмы» (ч. II, с. 311).

Схожее место есть в хронике Быховца, притом оно изложено более вразумительно, чем у Стрыйковского: русские «за великими турами, насыпанными песком и землей, неопикуемые штурмы на него чинили». В обоих случаях сын великого князя, командовавший русскими войсками, назван Дмитрием Жилко (т. XXXII, с. 168).

Осенью 1501 г., «как свидетельствуют русский летописец и Меховский», на помощь Литве пришел заволжский царь Ахмат-Гирей (Сахматкирей, по Стрыйковскому), сын Ахмата, и при нем был посол князя Александра пан Михаил Халецкий. Ахмат-Гирей разорил Северщину (принадлежавшую тогда великому князю московскому.— *Н. У.*), «добыл» Новгород Северский, прочие же северские города подчинились ему без сопротивления, а затем между Черниговом и Киевом

нанес тяжелое поражение перекопскому «царю» Менгли-Гирею. После этого Ахмат-Гирей отправил Халецкого со своими послами к Александру, сообщая о победе и о том, что он привел 100 тысяч воинов для борьбы с Россией. Однако Александра в это время избрали польским королем, и он уехал в Польшу, «выдав царя заволжского на мясные ятки» (ч. II, с. 313).

Продолжение этой истории изложено тоже по «летописцу». Великий князь литовский и король польский так долго задержался в Кракове, что Заволжская орда, расположившаяся около Киева, оказалась в настолько тяжелом состоянии, что жена Ахмат-Гирея ушла от мужа с большинством татарского «рыцарства» к Перекопу, к Менгли-Гирею. В результате Менгли-Гирей очень усилился, напал на «царя» Ахмата, разгромил его, и тот еле успел бежать в Киев, а оттуда отправился в Вильно (ч. II, с. 316).

По хронике Быховца, Новгород Северский не был «добыт» татарами, а сдался добровольно. Еще более существенное различие между двумя хрониками заключается в том, что в хронике Быховца о первой битве между татарами, когда победителем стал Ахмат-Гирей, ничего не сообщается, как нет и сообщения о бегстве жены этого хана в Перекоп. Там говорится лишь об одной битве, в которой заволжский «царь» был разбит, а его жена и дети попали в плен; далее, как у Стрыйковского, т. е. что «царь» бежал в Киев, откуда направился в Вильно (т. XXXII, с. 169). При такой разнице в текстах хроника Быховца служить источником для Стрыйковского не могла.

«По свидетельству летописца», король Александр послал в 1502 г. послов к великому князю Ивану Васильевичу (далее следует перечисление, кто был послан). Затем помещено сообщение о прибытии ответных послов из Москвы, причем Стрыйковский отметил, что это произошло не в 1502 г., «как утверждает летописец», а в 1503 г. Поскольку фраза начинается со слов «в том же году», а «тот же год» в начале абзаца был 1502-й, то здесь Стрыйковский как бы поправляет самого себя (ч. II, с. 318).

Подобное место в хронике Быховца есть, но оно немного отличается от текста Стрыйковского. У Стрыйковского один из московских послов назван «Константин Замыцкий или Семечка», тогда как в хронике Быховца прозвища «Семечка» нет. Кроме того, Стрыйковский пишет, что перемирие было заключено на шесть лет, что тоже отсутствует у Быховца (т. XXXII, с. 169). Следовательно, и здесь источником служила не хроника Быховца.

Описание событий за 1505 г. начинается с указания, что летописец неправильно датирует сейм, собранный в Бресте, 1504 г. (ч. II, с. 321). По хронике Быховца, сейм собрался в 1503 г. (т. XXXII, с. 170). В том же 1505 г. Стрыйковский отмечает еще одну ошибку летописца, написавшего, что сейм происходил в Сандомире, тогда как он был в Радоме (ч. II, с. 322). По хронике Быховца, этот сейм был в Радоме (т. XXXII, с. 171). Значит, упрек Стрыйковского относится не к хронике Быховца.

Следующий раздел хроники Стрыйковского опять начинается с указания на ошибку летописца: московский великий князь Иван

Васильевич умер не в 1503 г., как пишет летописец, а в конце ноября 1505 г. (ч. II, с. 323). В хронике Быховца смерть великого князя датирована 1503 г. (т. XXXII, с. 170). (Иван III Васильевич умер 27 октября 1505 г.— Н. У.)

Со ссылкой на летописца Стрыйковский приводит слова виленского епископа Войцеха Табора, обращенные им к королю в защиту магнатов, после чего короля разбил паралич (ч. II, с. 325). В этом месте тексты хроники Стрыйковского и хроники Быховца (т. XXXII, с. 171) настолько близки (хотя у Стрыйковского даны в переводе), что, безусловно, имеют общий источник.

Ссылаясь на Меховского и Кромера, Стрыйковский считает, что летописец ошибся, утверждая, будто нападение татар во главе с перекским царевичем Махмет-Гиреем произошло в 1506 г., а не в 1505 г. Татары при этом нападении переправились через Днепр у Лоева (ч. II, с. 326). Здесь в хронике Быховца недостает листа, и проверить, какой указан год, нет возможности.

Согласно летописцу, говорит Стрыйковский, король Александр приехал в Литву с Люблинского сейма в день святого Григория в 1507 г. (ч. II, с. 329), на самом же деле это произошло в 1506 г. В хронике Быховца сказано, что Александр приехал в Вильно в 1507 г., но не отмечено, что это произошло в день святого Григория (т. XXXII, с. 171).

Продолжая рассказ о приезде Александра, Стрыйковский еще раз обращает внимание на то, что летописец, очевидно, ошибся, датируя событие 1507 г., так как в действительности это происходило в 1506 г., и что парализованный король собрал сейм в Лиде (ч. II, с. 331). Точно такое же сообщение есть в хронике Быховца (т. XXXII, с. 171).

Сообщая о нападении татар, переправившихся через Днепр у Лоева, Стрыйковский отмечает, что, по известиям летописца, татары пошли обратно мимо Слуцка и что у них на тронх был один «кош» (ч. II, с. 327—328). Очевидно, здесь говорится о корзинах, которые возили татары, чтобы сажать в них пленных маленьких детей. В хронике Быховца подобного сообщения нет.

Продолжая рассказ о нападении татар в 1506 г., Стрыйковский дает ссылку (сообщая о числе татар, приближавшихся к Лиде) не на одного летописца, а на «летописцев» (ч. II, с. 332). Вероятнее всего, это была одна летопись, на которую опирался Стрыйковский. Отсюда можно еще раз сделать вывод, что Стрыйковский при ссылке на несколько летописей имел в виду одну.

Ссылки на все или несколько летописей

Стрыйковский стремился осмыслить содержание летописей, понять, какой смысл вкладывал летописец в тот или иной термин, а чтобы отдельные выражения и понятия источников звучали осмысленно, иногда дополнял летописные известия и даже несколько изменял их.

Ссылки на несколько летописей или на все при изложении некоторых событий или при установлении даты должны показывать, что во всех 13 (или 15) летописях, имевшихся у Стрыйковского, об этом

говорится совершенно одинаково. Однако, судя по сохранившимся летописям, едва ли так было на самом деле.

Начиная изложение истории литовского народа, Стрыйковский постарался показать, что предки литовских князей, шляхты или рыцарства прибыли из Италии. Он ссылается на ряд римских авторов, сообщавших о Публии Либоне, а также на Дюсбурга, Длугоша, Меховского, Кромера и утверждает, что все они писали, будто Публий Либон или Палемон и группа римлян в свое время прибыли из Италии и осели в Жмуди, Ливонии и Литве и основали город Ромово, название которого происходит от «Рим» (ч. I, с. 66—67). В настоящее время летописей, в которых бы упоминалось Ромово, нет; вероятнее всего, о нем не сообщали и летописи, бывшие в распоряжении Стрыйковского. Чтобы читатели и после всего сказанного не усомнились в достоверности рассказа о прибытии поселенцев из Италии, Стрыйковский еще раз ссылается на «старых летописцев», которые, «очевидно, так себе, без ничего, историй из пальца не высосали» (ч. I, с. 67). В этом месте ссылку на «старых летописцев» можно принять как свидетельство «всех летописцев старых», поскольку в самом начале обеих редакций летописей говорится о прибытии «итальянцев» морем в Жмудь, а такое сообщение имело во всех летописях у Стрыйковского (ч. I, с. 66). Значит, «старые летописцы» — это, в общем, «все летописцы».

Разберем сначала ссылки на «старых летописцев», поскольку можно думать, что, по мнению Стрыйковского, именно они содержали самые достоверные данные. «Все летописцы старые» утверждают, что война между великим князем Наримунтом и князем утянским Довмонтом возникла из-за женщины (Довмонт, овдовев, захватил жену Наримунта, сестру своей покойной жены) (ч. I, с. 328—329). Рассказ имеется во всех сохранившихся летописях и хрониках, кроме летописи Красинского (т. XXXV, с. 93, 94, 150, 178, 198, 219; т. XXXII, с. 32, 135); поэтому можно предположить, что этот рассказ находился и во всех летописях, которые были у Стрыйковского.

В «старых русских летописях», которых у Стрыйковского было «несколько», сообщалось, что Литва захватила Полоцк в 1307 г. (однако там не было сказано, кому он принадлежал. — *Н. У.*) (ч. I, с. 349). Датированные события в летописях чрезвычайно редки. Как правило, даты приводятся об относительно поздних событиях — с конца XIV в., да и то далеко не всегда. Несколько лучше с этим вопросом обстоит дело лишь в хронике Литовской и Жмойтской. Из имеющихся сейчас летописей о том, что Полоцк был взят литовцами в 1307 г., сообщается только в «Кройничке», писанной по-польски, и Румянцевской летописи (т. XXXV, с. 192, 212). Что касается хроники Литовской и Жмойтской, то в ней сказано, что Полоцк был захвачен в 1306 г. Довмонтом с помощью псковичей (т. XXXII, с. 32). Возможно, Стрыйковский, имея сведения о захвате Полоцка во всех своих летописях без указания года (безмозглые писари не сообщали лет), приписал год сам. Кстати, везде сообщения о завоевании Полоцка предельно краткие.

«Старых литовских летописцев» Стрыйковский вспоминает, когда передает сообщение о британской принцессе Урсуле, которая совершила путешествие в Рим и которую на обратном пути со всеми ее спутницами

убили «венгры» (ч. I, с. 56). Однако такую версию, согласно утверждению самого же Стрыйковского, содержала лишь Берестовицкая летопись (ч. I, с. 56). Следовательно, здесь можно почти определенно сказать, что одну Берестовицкую летопись Стрыйковский выдает за ряд «старых литовских летописцев».

В другом случае Стрыйковский упрекает «старых литовских летописцев» за то, что они без достаточных оснований написали, что в правление Монтивила Гимбутовича татары напали на Русь, сожгли Киев, что киевский князь Дмитрий сбежал в Чернигов и жмудский князь Виконт отправил на Русь своего сына Эрдвила, который и завоевал Новогрудок, Брест, Гродно и Мельник (ч. I, с. 229). Такую версию содержат все летописи, в которых есть легендарная часть, расходясь иногда только в именах князей, которые завоевали Новогрудок и другие города и основали Новогрудское княжество. Значит, здесь известия Стрыйковского соответствуют тексту всех сохранившихся летописей. Иначе говоря, «старые литовские летописцы» содержат данные, имеющиеся и в летописях, известных нам.

Ряд ссылок дан на «стародавних летописцев русских и литовских» или на «всех стародавних летописцев русских и литовских». Очевидно, «все» и просто «летописцы» должно означать одно и то же.

Со ссылкой на 15 «старых русских и литовских летописцев», которые были у него, Стрыйковский полемизирует с Кромером и Бельским, утверждавшими, что у Ольгерда была только одна жена, тверская княжна, и что все 12 его сыновей были от этой княжны. Сам Стрыйковский сообщает, что жен было две, причем первая — витебская княжна Ульяна, вторая же — Мария Тверская, а затем он перечисляет имена всех 12 сыновей (в действительности первая жена, княжна витебская, называлась Марией, а вторая, княжна тверская, — Ульяной) (ч. II, с. 58). Из сохранившихся летописей только в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца есть сообщение о том, что у Ольгерда было две жены и от них 12 сыновей, причем первая из них именовалась Анной (т. XXXII, с. 51, 141). По Евреинновской же летописи, первая жена Ольгерда называлась Анна, а вторая была тверской княжной Ульяной Юрьевной (т. XXXV, с. 223).

«Все старые русские и литовские летописцы» сообщали, что Ягайло просил Витовта, чтобы тот уступил ему за определенную сумму часть Подолия, и Витовт согласился уступить за 20 тыс. польских коп Каменец, Смотрич, Скалу, Червоны городок с городами (по Кромеру, за 40 тыс. золотых) (ч. II, с. 105). Сообщение об этой сделке есть в Супрасльской и Слуцкой летописях, но там среди городов, переданных Ягайло за 20 тыс. коп, числится, кроме названных у Стрыйковского, Бокута (т. XXXV, с. 66, 74), однако не сказано, за какую сумму этот город передан. В летописях Красинского, Рачинского, Евреинновской, Ольшевской и Румянцевской говорится, что Витовт передал Ягайлу за 20 тыс. коп половину Подолия с четырьмя городами (без Бокуты); то же в хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXV, с. 139, 160, 187, 208, 229; т. XXXII, с. 72). Ясно, что летописями типа Супрасльской или Слуцкой Стрыйковский не пользовался (отсутствует город Бокута); указание, что Ягайло уплатил польскими деньгами (копами),

можно думать, было домыслом самого Стрыйковского. Странно, что такого сообщения нет в хронике Быховца, тем более что недостачи листов в этом месте хроники нет.

Относительно того, с кем был отослан из Литвы в Польшу фрагмент деревянного креста, вывезенный из Польши литовцем Довойна в 1372 г., Стрыйковский приводит свидетельства Меховского, Кромера, Бельского и Ваповского, утверждавших, что этот фрагмент отослали со шляхтичем Карабодем, тогда как, согласно «старым русским и литовским летописцам», реликвию увезла панна, которую похитил в Польше Довойна и которую отпустили домой (ч. II, с. 69). Из сохранившихся летописей версия, что фрагмент святого креста был отослан с панной, как и вообще весь этот рассказ, содержится только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 145).

Относительно Подолия, из-за которого между поляками и литовцами шел спор, Стрыйковский становится на сторону Литвы, говоря, что он согласовал данные 12 «старых летописцев литовских и русских», в которых сказано, что прежде всего из Подолия Кориатовичи изгнали татар, а затем Каменец, Скалу, Бокуту и прочие замки присоединили к Литве (ч. II, с. 229). Поскольку ссылка дана на 12 «старых летописцев», не значит ли это, что в трех остальных подобного сообщения не было? О завоевании Подолия Кориатовичами говорится в летописях Супрасльской, Слуцкой, Красинского, Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евреиновской и хронике Быховца (т. XXXV, с. 66, 74, 102, 138, 160, 186, 207, 228; т. XXXII, с. 139). Если учесть, что Супрасльской и Слуцкой или им подобных летописей у Стрыйковского не было, то можно сказать, что совпадение сообщений текстов тех летописей, которыми пользовался Стрыйковский, с теми, которые имеются сейчас, встречается несколько раз.

В первом случае ссылка приведена, когда Стрыйковский доказывает, что Палемон возглавил группу итальянцев при их переезде в Литву (ч. I, с. 66). Продолжение этого рассказа, в котором говорится, что причиной бегства были жестокости Нерона и что отъезд из Италии произошел в 57 г., опирается уже на «всех летописцев русских и литовских» (ч. I, с. 66). Значит, «все летописцы литовские» и «все летописцы русские и литовские» — одно и то же. Подобная версия имеется во всех сохранившихся летописях, содержащих легенду, но они датируют бегство 5526 г., т. е. 18 г. «от сотворения мира». Нерон был императором в 54—68 гг. Значит, в летописях, имевшихся у Стрыйковского (если он не сам внес поправки), дата более реальна, чем в сохранившихся летописях, что, конечно, не меняет мнения о легендарности этого сообщения.

Второе сообщение, основанное на «всех литовских летописцах», касается нашествия татар на Русь, причем Стрыйковский критикует летописцев за то, что они не приводят дат. Пользуясь трудами Кромера, Длугоша, Меховского и Герберштейна, Стрыйковский сообщает, что «цари» Батый и Кайдан пришли в Польшу в 1212 г. (ч. I, с. 234). В летописях Красинского, Румянцевской, Рачинского, Евреиновской, Ольшевской и хронике Быховца данное сообщение совпадает с текстом

Стрыйковского почти дословно (т. XXXV, с. 129, 146, 174, 194, 215; т. XXXII, с. 130).

Третья ссылка дана на «всех летописцев литовских», утверждающих, что Гедимин был сыном Витеня (ч. I, с. 356). Подобное утверждение есть в летописях Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреинновской, а также в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXV, с. 95, 151, 179, 199, 220; т. XXXII, с. 35, 136). Вместе с тем эти летописи отмечают, что Витень был маршалком, т. е. служащим у отца Лаврыша, и происходил «з рожаю а с поколения Колюмнов» (т. XXXV, с. 94, 151, 179, 199, 219). Прочие сохранившиеся летописи вопроса о происхождении Гедимина не касаются. Согласно же хронике Литовской и Жмойтской, рекомендовал на престол великого князя не Лаврыш, а Лаврентий, сын князя Тройдена, и там добавлено, что Витень происходил «з гербу и фамилии старожитной, князей римских Колюмнов» и что его предки приехали в Жемайтию вместе с Палеоном (т. XXXII, с. 34).

Последняя ссылка на «всех литовских летописцев» относится к сообщению об изгнании Ольгердом из Подолия Федора Кориатовича из-за непослушания этого князя и захвата наместника князя Нестана (ч. II, с. 104). Эта история излагается Стрыйковским в двух вариантах: Федора Кориатовича изгнал из Подолия, по первому варианту, Витовт, по второму — Ольгерд. Версия об изгнании Федора Кориатовича Ольгердом содержится «у всех литовских летописцев», тогда как источник предыдущей версии не указан. О захвате Подолия Ольгердом и «поймании» воеводы Федора Нестана говорит только хроника Быховца (т. XXXII, с. 139). В то же время версия, что Подолие захватил Витовт, изложена чуть ли не во всех остальных летописях — Супрасльской, Слуцкой, Красинского, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреинновской (т. XXXV, с. 66, 74, 139, 160, 187, 207, 229).

«Все летописцы литовские, писанные по-русски» упоминаются один раз. Со ссылками на эти летописи говорится, что «Литва их (летописи.— Н. У.) издавна применяет в качестве хроник» и что все они одинаково утверждают (описывают), что Витень был великим князем литовским и что у него был сын Гедимин (ч. I, с. 354).

В другом месте со ссылкой на «всех русских и литовских летописцев» утверждается, что не Витень правил после Гедимина (как писал Меховский), а наоборот (ч. I, с. 348).

Два раза Стрыйковский дает ссылки на всех старых летописцев русских, литовских и жмудских («которых собрал в одно место пятнадцать»). Они свидетельствуют, что Палеон с сопровождавшими его людьми прибыл в Жмудь из Италии и что название «Литва» происходит от слов «Литтус Туба» (ч. I, с. 83, 86—87). Очевидно, в обоих случаях к обычным русским и литовским прибавлены жмудские, потому что в начале сказания говорится лишь о Жмуди.

В одном случае Стрыйковский ссылается на нескольких русских летописцев (ч. I, с. 316) для объяснения допущенной ранее ошибки. Ошибка была сделана потому, что вначале у Стрыйковского имелась лишь одна летопись, содержащая ошибочные данные о Кернусе, Пяте и Куковойте. Приобретя несколько новых летописей, Стрыйковский

обнаружил свою ошибку и исправил ее, о чем и извещал читателей. Далее сообщается, что «некоторые литовские летописцы» ошибочно утверждают, будто король Ягайло, возвращаясь после взятия Смоленска в Литву в 1405 г., женился на дочери Андрея Альгимунтовича Гольшанского, хотя на самом деле Ягайло женился (в четвертый раз) на дочери киевского князя Андрея. Опровергая версию «некоторых» летописцев, Стрыйковский утверждает, что правильная версия содержится в десятке русских и литовских летописей, а подтверждают ее Кромер, Длугош, Ваповский, Меховский и Гербурт (ч. II, с. 159—160). Версия о женитьбе Ягайла во время возвращения из-под Смоленска в 1405 г. имеется только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 149). Здесь Стрыйковский, очевидно, опять говорит о десятке летописей, тогда как реально использовал одну. Во всех имеющихся летописях, кроме хроники Быховца, об этой женитьбе вообще ничего не сообщается, по хронике же Быховца — четвертая жена Ягайла была дочерью князя Семена Дмитриевича Друцкого.

Целую группу своих источников Стрыйковский называл очень неопределенно: «некоторые летописцы», «иные летописцы», «другие летописцы», «некоторые литовские и русские летописцы».

На «некоторых летописцев» Стрыйковский ссылается, утверждая, что упоминавшиеся в начале летописей представители гербов Колюмнов, Урсинов и Рож происходили от знатных римских фамилий, что они явились родоначальниками крупнейших литовских фамилий и что этим родоначальникам Эрдвил, действительно, пожаловал владения, получившие названия по именам своих владельцев (Ейшишки, Гровжишки). Однако здесь составитель хроники показывает, что он иногда старался «доработать» свои источники, чтобы они подтверждали римское происхождение литовской знати. Стрыйковский при перечислении помощников, с которыми Эрдвил захватил Новогрудок, о первом из них говорит, что Эрдвил дал (в виде вознаграждения) владение «прежде всего Кампею или Струмплую» (Kampejowi albo Strumpiusowi) или, «как другие летописцы пишут», Кампанюссу (Campaniussowi) герба Колюмнов округ, который кое-где окружает река Опшьяна (ч. I, с. 236). Сохранившиеся летописи называют этого персонажа Крумпь, Кунпь, Грумпь, Кгумпь и Кумпь (т. XXXV, с. 96, 129, 146—147, 174, 181, 194, 195, 215), но ни в одной он не назван так, как у Стрыйковского.

Если в летописях, которые сохранились, для обозначения одного и того же лица употребляется пять имен, то нет ничего удивительного в том, что и в несохранившихся источниках то же лицо называется иначе. Однако дело в том, что Стрыйковский старается придать этому имени, как и другим, латинское звучание, дабы еще раз подчеркнуть римское происхождение знатных литовских фамилий. Передав несколько имевшихся у него вариантов имени помощника Эрдивила, он утверждает, что, вероятнее всего, его имя было Кампаниус (Campanius), а затем, чтобы еще более утвердить это в сознании читателей, он пишет, что от Кампаниуса родился Гастольд (или Гастальдус), о чем свидетельствуют все летописи, а фамилия Гастольдов и теперь знаменита в Пьемонте... И в настоящее время в Италии есть лица, которые назы-

ваются Гастольдами. Неправильности же в написании этой фамилии или имени получились из-за того, что некоторые летописцы, переписывая старые рукописи, повторяли имевшиеся там ошибки, что наблюдается даже при переписывании Священного писания. Далее Стрыйковский поясняет, что приехавший в «грубую Жмудь» итальянец (Кампаниус.— *Н. У.*) не отрекся от римских обычаев и назвал своего сына итальянским именем — Гастальдом (или Гастольтом), «а от этого Кампаниуса и Гастольда пошел славный в Литве и Руси род Гастольдов» (ч. I, с. 237). Допуская, что в летописях, которые имелись у Стрыйковского, первый помощник Эрдвила назывался иначе, чем в дошедших до нас, видим, однако, натяжку, желание Стрыйковского подогнать источник под «теорию» римского происхождения литовской шляхты. (В белорусско-литовских летописях этот персонаж называется Гаштольд.)

Представитель герба Урсинов (или Урсенинов) в сохранившихся летописях тоже называется по-разному, но поскольку будто бы от его имени получили название Ейшишки, то более всего подходит наименование его Ейкшисом. В сохранившихся летописях он называется Екшис, Ечькшис, Ейкшыс, Кекшевис, Ликшис (т. XXXV, с. 129, 146—147, 174, 194, 215), а по Стрыйковскому, — Эвксюс (или Эйсюс). От него, как свидетельствуют «все летописцы», родился литовский пан Монивид.

Третий помощник Эрдвила, родоначальник Довойнов, тоже называется по-разному, но поскольку от этого имени происходит название селения Гровжишки, то более всего ему подходит имя Гровж. В сохранившихся летописях он называется Кгровжс, Игровжис, Кгровж (т. XXXV, с. 129, 146—147, 174, 194—195, 215); по Стрыйковскому же, — Грависюс (или Гравзиусус) (ч. I, с. 237).

Следующая ссылка на «некоторых летописцев» дана в связи с тем, что, согласно данным одних летописей, Викинт Монтивлович, брат Эрдвила, умер, «некоторые» же писали, что он был убит «на русской войне» (ч. I, с. 239). Что понимал Стрыйковский под «русской войной»? Судя по «Началам», это была битва за Полоцк (с. 171).

По сохранившимся летописям, содержащим легенду, и по хроникам, Викинт Монтивлович (в летописях Красинского и Евреиновской это Немонос) умер (т. XXXV, с. 129, 147, 175, 195, 216; т. XXXII, с. 20, 130); о том же, что он убит, сказано только в «Началах» Стрыйковского (с. 175). Таким образом, «некоторые» из летописей Стрыйковского содержали иную версию конца Викинта — Немоноса (кстати, имя Немонос — Немен у Стрыйковского встречается только в «Началах»).

«Некоторые летописцы» свидетельствовали, что Тройден Ромунтович провел всю жизнь в войнах, пролил много крови и награбил богатую добычу (ч. I, с. 314). Если судить о Тройдене на основании сохранившихся летописей (всех, а не некоторых), то это был чрезвычайно воинственный и жестокий человек, который, будучи князем ятвяжским и дойновским, как сообщает летопись Красинского, «великии валки чинил з ляхи и з русью и з мазовьшаны, и завъжды зыскивал, и над землями их сильные округенства чинил, што же вышен описуется в рус-

дой кроннице, ижь горши был тым землям, нижли Антиох Сирский и Ирод Ерусалимский, и Нерон Римский, што так был окрутныи а вальчныи» (т. XXXV, с. 132). То же и в других летописях и в хронике Быховца (т. XXXV, с. 93, 150, 178, 198, 219; т. XXXII, с. 135). Значит, у Стрыйковского были летописи, в которых подобная характеристика Тройдена отсутствовала, хотя, возможно, Стрыйковский опустил то место, где Тройден приравнивался к Ироду и Нерону.

«Старосветские хроники», некоторые русские и литовские летописи, Длугош, Кромер, Меховский, Ваповский и Гербурт описывали «несчастную» битву короля Казимира под Хойницами, а далее у Стрыйковского дается ссылка на русских летописцев. Здесь «некоторые русские летописцы» вообще писали о Хойницкой битве, тогда как «русские летописцы», сверх того, описали встречу короля Казимира со шляхтичем Рытвянским (ч. II, с. 244—245). Об этой битве и встрече с Рытвянским (Рутвянским) сообщается только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 162).

Один раз Стрыйковский дает ссылку на «иных летописцев» — сказано, что «иные летописцы» о Миндовге не вспоминают (ч. I, с. 253). Значит, к «иным летописцам» можно отнести все сохранившиеся летописи.

Судя по выражению «другие летописцы», летописей было несколько и они содержали сведения, не совпадающие с остальными («с другими», «с другой»). Со ссылкой на «других летописцев» дано сообщение о том, что, согласно второй версии, причиной бегства Палемона и его спутников из Рима были жестокости Аттилы и что они бежали в 401 г. (ч. I, с. 81). Из сохранившихся летописей эта версия изложена только в хронике Быховца, притом без начала (т. XXXII, с. 128). Во всяком случае, здесь ссылка на «других летописцев» совершенно обоснованна, поскольку содержит иную версию. Однако известие, что указанную версию содержали «другие летописцы», сомнительно, так как ранее Стрыйковский утверждал, что об этом сказано только в Берестовицкой летописи.

«Другие летописцы» сообщали, что в битве у Могильно между войсками Рынгольта и коалицией русских и татарских сил Станислав киевский, Дмитрий друцкий и Лев владимирский были убиты, тогда как, очевидно по основной версии, они бежали с поля боя и прибыли в Луцк (ч. I, с. 252). В данном случае Стрыйковский считал, что названные князья спаслись бегством. В сохранившихся летописях и хронике Быховца о судьбе разбитых князей ничего не сказано, и лишь согласно хронике Литовской и Жмойтской они бежали в Луцк (т. XXXII, с. 25).

«Другие летописцы» утверждали, что Витовт, захватив Смоленск, дал князю Юрию Святославичу на Волыни Заславль (ч. II, с. 110). Очевидно, не «другие летописи» или не содержали такого известия, или судьба Юрия Святославича была показана там иной, или, наконец, называли другой город, отданный ему.

Сообщение о походе Витовта и Скиргайла на Смоленск есть во всех сохранившихся летописях, кроме Никифоровской, но не всюду он описан одинаково, что частично зависит от недостачи листов в отдель-

ных летописях. Все летописи согласны в том, что в битве под Мстиславлем смоленский князь Святослав Иванович был убит, а его сын Юрий был тяжело ранен, а впоследствии стал смоленским князем. В дальнейшем Юрий Святославич участвовал в походе Витовта к Витебску против Свидригайла (этого нет в Евреинновской летописи). В заключение сообщается, что Витовт дал Юрию вместо Смоленска, по Супрасльской и Слуцкой летописям, Рославль, по летописям Красинского и Рачинского, — Жаславль, по Ольшевской и хронике Быховца, — Заславль; Румянцевская и Евреинновская об этом ничего не говорят (т. XXXV, с. 65, 72, 138, 159, 186; т. XXXII, с. 145—146). В хронике Литовской и Жмойтской события изложены несколько иначе: раненый Юрий Святославич был отпущен в Смоленск, где стал князем; затем приходил к Витебску на помощь Витовту; после захвата Витовтом Смоленска он ушел в Рязань, вместе с рязанским князем Олегом пытался отобрать Смоленск, был разбит, бежал в Венгрию и там «постреленый» умер (т. XXXII, с. 66, 73, 77). Значит, у «других летописцев» был опущен ряд очень важных известий.

Следующее сообщение, в котором имеются особые данные «других летописцев», касается битвы у Ведроши в 1500 г. Стрыйковский пишет, что в результате неудачной битвы в плен к русским попали князь Константин (Острожский. — *Н. У.*), Григорий Станиславич Остик, маршалок Литавор Хрептович, Николай Юрьевич Глебович и Николай Зеновьевич. У «других летописцев» назывались Иван Яцынич, Юрий Волович, Федор Немира и Богдан Маскевич (ч. II, с. 310). Ввиду того что летописец не мог пропустить командующего войском князя Константина Острожского, а также Остика, Глебовича и других виднейших деятелей Великого княжества, попавших тогда в плен, фамилии, которые приведены из «других летописцев», следует понимать как дополнительные, которые были там помимо указанных в основных источниках Стрыйковского. Битва у Ведроши описана подробно только в хронике Быховца, а в остальных летописях, да и то не во всех, — очень кратко. В Румянцевской летописи и «Кройничке» сказано лишь, что у Ведроши «поимано панов». В летописях Рачинского и Евреинновской названы поименно Григорий Остикович и Константин Иванович Острожский (т. XXXV, с. 166, 234). В хронике Быховца из лиц, попавших в плен, упомянуты Константин Иванович Острожский, Григорий Станиславович Остикович, Литавор Хрептович, Николай Юрьевич Глебович и Николай Зеновьевич (т. XXXII, с. 167). В хронике Литовской и Жмойтской перечислены Константин Острожский, Стефан Григорьевич Оскин, Литавор Хрептович, Николай Юрьевич, Николай Глебович, Николай Зеновьевич, Иван Якимович, Федор Немира и Богдан Маскович (т. XXXII, с. 100); здесь некоторые фамилии явно искажены («Оскин» вместо «Остик» и др.), но несомненно, что это еще один вариант, несхожий ни с хроникой Быховца, ни с «другими летописцами».

Ссылки на «русских летописцев» начинаются относительно поздно — при описании событий начала XIV в., говоря точнее, со дня смерти Витеня (Витенеса). Здесь Стрыйковский отмечает, что польские историки не сходились с русскими летописцами, прусскими и ли-

вонскими хронистами в том, кем был Гедимин, причем приводит странную выписку из сочинений Ваповского и Кромера, в которой сказано, что Витень был убит своим конюхом Гедимином, ставшим после этого великим князем (ч. I, с. 353). Поскольку, продолжая ту же тему, Стрыйковский ссылается на всех «литовских летописцев, писанных по-русски», то это значит, что у него «русские летописцы» и «литовские летописцы, писанные по-русски» — одно и то же. В сохранившихся летописях Витень называется отцом Гедимина; в хронике Быховца добавлено, что Витень умер «од ударяна Перуну» (т. XXXII, с. 136); в хронике Литовской и Жмойтской сказано, что Витень «павовал аж до сивизны» и умер в 1321 г. (т. XXXII, с. 35).

Следующая ссылка на «русских летописцев» касается начала деятельности Гедимина, который находился после смерти отца в его столице Кернове. Когда немцы пошли к Куносову, т. е. к Ковно, Гедимин, не успев собрать значительные силы, послал Гаштольда с небольшим отрядом, который засел в Ковно. Крупные немецкие силы осадили этот замок и после нескольких штурмов завладели им, а Гаштольда взяли в плен. Далее Стрыйковский отмечает, что так написано только в русских летописях, тогда как ни Дюсбург, ни Меховский о нападении немцев в то время ничего не сообщают (ч. I, с. 357—358). Начало деятельности Гедимина в сохранившихся летописях изложено так же, как у Стрыйковского. Однако в хронике Литовской и Жмойтской сообщению о нападении немцев предшествует заметка, в которой сказано, что Гедимин, как только стал княжить, «забил Пелюша сына Троянтового, бо почал ся был писати великим князем литовским Пелюш для того, же был дедичом», притом сообщено, что командовал немецкими силами «Каролюсь Детрил пруский з Генриком, маршалком великого мистра Листанского» (т. XXXII, с. 35). В хронике Быховца и летописях Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреинновской о немецких предводителях не сообщается ничего, лишь кратко описано то, что есть и у Стрыйковского: отряд, посланный под командованием Гаштольда в Куносов, был осажден немцами, замок взят и Гаштольд попал в плен (т. XXXII, с. 136; т. XXXV, с. 95, 152, 179, 199, 200).

Со второй половины XIV в. ссылки на «русских летописцев» становятся более частыми, причем обычно сведения летописцев проверяются по материалам польских хроник. Так, согласно Меховскому и Кромеру, польский король Казимир выгнал Любарта Гедиминовича из Лудка, Владимира и Олеска и отдал эти города Александру, сыну Кориата-Михаила, князя новгородского (ч. II, с. 41). В хронике Быховца сказано, что среди четырех сыновей Кориата был и Александр и что он вместе с другими братьями завоевал Подолие (т. XXXII, с. 139). Та же версия, как в хронике Быховца, изложена в летописях Супрасльской, Слуцкой, Красинского, Рачинского, Румянцевской, Евреинновской и Ольшевской (т. XXXV, с. 66, 74, 138, 160, 186, 207, 228).

Следующая ссылка на «русских летописцев» дана, когда Стрыйковский сообщает о женитьбе Кейстута на Бируте (ч. II, с. 43—44). Стрыйковский пишет, что он и сам был в Паланге, где до замужества жила

Бирута. Сообщение о том, что Бирута происходила из Паланги, есть в летописях Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Евреинновской и Ольшевской, а также в хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXII, с. 62, 63, 138; т. XXXV, с. 97, 154, 181, 201, 222).

Описывая первое нападение Витовта на Вильню совместно с немцами, Стрыйковский опровергает утверждение «русских летописей», что Витовту тогда удалось взять Нижний замок (ч. II, с. 85), так как в действительности это произошло лишь при третьем походе Витовта, как утверждают Длугош, Меховский и Кромер. Согласно хронике Быховца, Витовт брал Нижний замок два раза, но в первом случае он, «взяв Кривой город» и пововав Литовскую землю, возвратился «в Немцы», во втором случае он взял Кривой город (Нижний замок) и сжег его, а затем «сел сам на Вильни и на Великом княвстве Литовском» (т. XXXII, с. 146—147). По Супрасльской, Слуцкой, Виленской, Академической, Красинского, Рачинского, Археологического общества, Румянцевской, Евреинновской и Ольшевской летописям, Витовт, взяв Кривой город и разорив его, ушел «в Немцы», в дальнейшем он уже действует как великий князь литовский, т. е. вторично не сказано о походе под Вильню (т. XXXV, с. 65, 71, 89, 100, 114, 137, 158, 185, 206, 227).

В 1411 г. был подписан мир с Орденом, затем король Ягайло, согласно Кромеру, вопреки воле коронных (польских) панов дал Витовту Подолие, но «русские летописцы поют о том иначе» (ч. II, с. 145). Русские летописцы сообщали, что в 1462 г. литовские паны на Петроковском сейме требовали возвращения Подолия. Стрыйковский отмечает, что об этом у Кромера ничего нет (ч. II, с. 265). В хронике Литовской и Жмойтской сказано, что паны литовские ввиду невозвращения Литве Подолия хотели избрать отдельного князя — Семена Оленьковича Слуцкого и это произошло в 1475 г. (т. XXXII, с. 89).

Приезд молдавского господаря Стефана к королю Казимиру Меховский, Кромер и Ваповский датируют 1485 г., тогда как русские летописцы — 6994, г., т. е. 1486 г. (ч. II, с. 287), в хронике Быховца — 1486 г., а в хронике Литовской и Жмойтской — 1489 г. (т. XXXII, с. 163, 93). По данным Стрыйковского, «русские летописцы» и Меховский одинаково утверждают, что «заволжский царь Шахмат-Гирей» прибыл со всей ордой на помощь великому князю литовскому для борьбы против московского великого князя в 1501 г. (ч. II, с. 313). Об этом сообщается только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 168).

Ссылок на «литовских летописцев» у Стрыйковского больше, чем на «русских». Основная масса таких ссылок приходится на начало легенды.

Приводя легендарные сведения из всемирной истории о том, как покинутых детей выкармливали животные (что составитель хроники принимает как реальность), Стрыйковский отмечает, что, учитывая все это, нет ничего удивительного в рассказе литовских летописей о Лиздейко, которого нашли в орлином гнезде (ч. I, с. 370—371). Легенда же о Лиздейко имеется в летописях Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Евреинновской, Ольшевской, а

также в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXV с. 96, 153, 180, 201, 222; т. XXXII, с. 39—40, 138).

Следующая ссылка касается Гедимины. Стрыйковский сообщает, что жизнь, смерть и похороны Гедимины подробно описаны как в хрониках польских, прусских, ливонских и русских, так и в литовских летописях (ч. I, с. 386). Однако в сохранившихся летописях рассказывается только о его жизни и деятельности и сообщается, что он завещал своим сыновьям; в летописях же Археологического общества, Рачинского, Румянцевский, Ольшевской и Евреинновской добавляется, что умер он в глубокой старости (т. XXXV, с. 97, 153, 181, 201, 222), и лишь в хронике Литовской и Жмойтской дано описание смерти и похорон (т. XXXII, с. 41—42), вероятнее всего основанное на работе Стрыйковского (ч. I, с. 385—386). Значит, можно полагать, что та летопись или летопись того типа, которой пользовался Стрыйковский, нам неизвестна.

«Литовские летописцы» сообщают, что Александр Кориатович был убит татарами вскоре после смерти своих братьев Константина и Юрия (ч. II, с. 10). Об этом говорится в летописях Супрасльской, Слуцкой, Красинского, Рачинского, Румянцевской и Ольшевской, причем в Евреинновской после упоминания о смерти двух братьев сказано: «а как тех трех братьев не стало» (т. XXXV, с. 66, 74, 138, 160, 186, 207, 228).

Говоря об условиях, на которых Витовт вернулся из Ордена в Литву, Стрыйковский отмечает, что Витовт получил Городно, Брест, Дорогичин, Мельник, Бельск, Сураж, Мстибогов, Каменец и Волковыск с их поветами, тогда как литовские летописи утверждают, что Витовту были даны Луцк с Вольнью и все Подоліе (ч. II, с. 67). В летописях Супрасльской, Слуцкой, Археологического общества, Академической, Красинского, Ольшевской, Рачинского, Румянцевской, Евреинновской и хронике Быховца действительно сказано, что Витовт получил Луцк «со всей Вольнью», а также свою «очину» (т. XXXV, с. 63, 69, 99, 113, 135, 157, 184, 204, 226; т. XXXII, с. 146). Несколько по-иному это изложено в хронике Литовской и Жмойтской: когда Витовт вернулся из Ордена, Ягайло «дал ему в посессию (во временное пользование; вернее, в аренду.— *Н. У.*) Гродно место, и его волости, так же Берестейские, Дорогичинские, Мелицкие, Белзские, Суразские, Каменецкие и Волковыско... А потом Ягейло Витолтови Вольнь весь и Подолье, краины русские, отдал в пановане» (т. XXXII, с. 64). Таким образом, здесь объединены два варианта известий.

Признав Витовта великим князем литовским, Ягайло должен был устранить с поста уполномоченного по Великому княжеству князя Скиргайла, который, понятно, был в обиде и на Ягайла и на Витовта; и чтобы умиловить его, Скиргайлу дали Киевское княжество (отобранное у Владимира Ольгердовича.— *Н. У.*). Длugoш и Меховский утверждают, что потом Скиргайло получил еще Стародуб, Кременец и Старые Троки (ч. II, с. 98). Литовские летописцы, отмечает Стрыйковский, о ссоре Скиргайла с Витовтом не знают, но описывают столкновение с Витовтом Корибута, князя новгород-северского (ч. II, с. 98).

Все летописи сообщают, что Корибут отказался подчиняться Ви-

товту и между ними началась борьба, причем у деревни Докудова (или Недокудова) Корибут был разбит, бежал в Новгород Северский, затем Витовт овладел этим городом, а Корибута с семьей отправил в заточение. Что касается Скиргайла, то летописи Супрасльская, Слуцкая, Археологического общества, Красинского, Рачинского, Ольшевская, Румянцевская, Евреинновская называют его (уже после смерти) «чудным и добрым», которого провозжал весь Киев (т. XXXV, с. 65, 72, 90, 138, 159, 186, 207, 228; т. XXXII, с. 70, 149). О том, что битва произошла у деревни Докудова (Недокудова, Кулова), сообщается в летописях Слуцкой, Красинского, Виленской, Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евреинновской (т. XXXV, с. 71, 89, 101, 137, 159, 185, 206, 227).

При описании борьбы между Польшей и Великим княжеством Литовским за Подоліе Стрыйковский ссылается на «литовскую историю» и «литовских летописцев» (ч. II, с. 106). Согласно «литовской истории», Подоліе завоевали племянники Ольгерда, Кориатовичи, причем Федор Кориатович оказал Ольгерду неповиновение, вследствие чего Ольгерд послал против него войска. Тогда Федор, оставив в подольских замках гарнизоны, бежал в Венгрию. Литовские же летописцы сообщали, что произошло с Довгирдом, наместником Витовта в подольских замках, после смерти Витовта: Довгирд был вызван к польским панам в Каменец и убит по их приказанию (летописи Супрасльская, Слуцкая, Красинского, Рачинского, Румянцевская, Евреинновская, Ольшевская; т. XXXV, с. 67, 75, 139, 161, 187, 208, 231). Польские же хронисты Длугош, Кроммер, Меховский, как сообщает Стрыйковский, писали, что после смерти Витовта польские паны, Павел, каменецкий епископ, и другие вызвали к себе Довгирда, но о его гибели не говорят (ч. II, с. 106).

В сообщении за 1397 г. Стрыйковский ссылается на Кроммера, Длугоша и Меховского, которые на основании летописных данных утверждают, что Витовт после победы над татарами привел несколько тысяч их в Литву и часть пленных поселил на реке Ваке, а часть отослал в Польшу (ч. II, с. 113). Подобное сообщение есть только в хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXII, с. 75).

«Литовские летописцы» без всяких доказательств писали, что послы, отправленные Витовтом в Рим, чтобы доставить Витовту королевскую корону, из-за беспорядков в Италии пробыли там три года (ч. II, с. 173). Такое сообщение есть только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 153).

«Литовские летописцы», как и Кроммер, свидетельствуют, что король Ян-Альбрехт направлялся в Молдавию против господаря Стефана (ч. II, с. 299). Об этом есть в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXII, с. 98, 165).

В рассказе о войне Великого княжества Литовского с великим князем московским Иваном Васильевичем Стрыйковский ссылается на литовских летописцев, которые сообщали, что жители Брянска перешли на сторону Москвы, то же сделали князь Семен Иванович Можайский и Василий Иванович Осемятич, в результате чего Чернигов, Стародуб, Новгород Северский и Рылъск были захвачены Москвой, а

князь Семен Иванович Бельский перешел на сторону русских еще до сдачи Брянска (ч. II, с. 308—309). Об этом с некоторыми расхождениями в именах и фамилиях («Осемятич» вместо «Осемяннович» и др.) говорится в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца, причем в последней в дополнение к городам, которые перечислены у Стрыйковского, упоминается Гомель, а в хронике Литовской и Жмойтской не подчеркнуто, что князь Бельский перешел к русским еще до сдачи Брянска (т. XXXII, с. 99—100, 166).

Ряд ссылок у Стрыйковского есть на «летописцев русских и литовских», а также «литовских и русских». Все они относятся к событиям от времен легендарных (о полоцких князьях, потомках мифического Гинвила) до 1493 г.

«Летописцы литовские и русские», а также «все летописцы», далее просто «летописцы» (что одно и то же) сообщали о том, что полоцкая княжна Парасковия ушла в Рим, где прожила несколько лет, умерла и похоронена, и в ее честь там воздвигнута церковь (костел). Вместе с тем Стрыйковский отмечает, что, несмотря на все поиски, найти следы святой Пракседы, или Парасковии, в Риме не удалось, в связи с чем версия об этой княжне ему кажется нереальной (ч. I, с. 242—243). Рассказ о постройке в Риме церкви в честь Парасковии есть в летописях Красинского, Румянцевской, Археологического общества, Рачинского, Евреинновской, Ольшевской, а также в хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXV, с. 91, 130, 147, 175, 195, 216; т. XXXII, с. 131, 23).

Одна ссылка на «русских и литовских летописцев» сделана лишь затем, чтобы сказать, что лица, составлявшие эти летописи, были безмозглыми, они писали то, что им слюна в рот приносила (ч. I, с. 243).

В хронике Меховского год смерти Гедимина указан ошибочно — 1307. Стрыйковский, привлекая данные других польских хронистов, а также хроники прусские, лифляндские, русские и литовские летописи, утверждает, что это произошло в 1328 г. и что в тексте Меховского просто опечатка (Меховский при этом назван «славным и солидным историком») (ч. I, с. 349). О том, что Гедимин был убит в 1328 г., есть только в хронике Литовской и Жмойтской («Року... 1328. Кредимин, великий князь, того року от немцов в Прусех забит з ручници и там на том же местцу душу вырихнул»; т. XXXII, с. 41). Вероятнее всего, это место заимствовано как раз из хроники Стрыйковского (ч. I, с. 385). Что касается летописей Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евреинновской, то в них сказано, что Гедимин княжил много лет, был справедливым, много воевал и всегда удачно, умер в глубокой старости (т. XXXV, с. 97, 153, 181, 201, 222). В хронике Быховца отмечено совсем кратко: разделив свои владения между сыновьями, Гедимин «почестно умер» (т. XXXII, с. 138).

Следующая ссылка на «литовских и русских летописцев» дается при обсуждении судьбы князя Юрия Кориатовича. Согласно летописям, этот князь, правивший в Подолии, был приглашен молдаванами на княжение в Сочаве, но вскоре он там отравлен и похоронен в Вашолах, в монастыре, построенном из камня за Берладом (ч. II, с. 8).

Летописи сообщают, что князя Юрия пригласили к себе молдаване и что они там его «окормили», т. е. отравили, но о том, где он был похоронен, не говорит ни одна из них. В Супрасльской и Слуцкой (т. е. в самых старых) летописях сказано, что князя Юрия в Молдавии «окормили»; то же сообщается в хронике Быховца (т. XXXV, с. 66, 74; т. XXXII, с. 139). В летописях Красинского, Рачинского, Румянцевской, Ольшевской, Евреиновской говорится, что Юрия «убили» (т. XXV, с. 138, 160, 186, 207, 228). Хроника Литовская и Жмойтская обошла этот вопрос молчанием.

«Русские и литовские летописцы» сообщали, что король Казимир и польские паны пригласили князя Константина Корнатовича в Польшу, чтобы назначить его после смерти Казимира королем, требуя, однако, чтобы Константин переменял православную веру на католическую (ч. II, с. 18). Такое сообщение есть в летописях Супрасльской, Слуцкой, хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXV, с. 66, 74; т. XXXII, с. 45, 139), причем в них добавлено, что Константин не захотел менять веры и поэтому отказался от видов на престол. В летописях же Красинского, Рачинского, Евреиновской, Румянцевской и Ольшевской сказано, что Константин уехал в Венгрию и там умер; о предложении поляков ничего не говорится (т. XXV, с. 138, 160, 186, 207, 228).

«Русские и литовские летописцы», они же «все летописцы», единодушно сообщали, что когда литовское войско пришло к Завихосту и не знало, как переправиться через Вислу, то один пан, «которого летописцы зовут Радзивилом», бросился с конем в воду, а за ним последовало все войско (ч. II, с. 68).

«Русские и литовские летописцы» ошибочно называют первым женихом королевы Ядвиги князя поморского Фридриха, тогда как в действительности ее женихом был австрийский принц Вильгельм (ч. II, с. 73). Фридрих поморский назван женихом Ядвиги только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 144).

Ниже приводим места работы Стрыйковского, где даются ссылки «летописцев» или «всех летописцев».

Согласно Стрыйковскому, Длугош, Меховский, а также русские и литовские летописцы сообщали, что Ягайло, после того как великим князем стал Витовт, предложил Свидригайлу в виде компенсации за потерю власти в Великом княжестве Подолie и ряд других владений, а также деньги, но это не удовлетворило Свидригайла, и он был чрезвычайно раздражен (ч. II, с. 118). Летописи ничего подобного не содержат.

Относительно унии 1401 г. между Польшей и Литвой Стрыйковский приводит показания Длугоша и Кромера, с одной стороны, русских и литовских летописей — с другой, отмечая, что об этом они говорят совершенно по-иному. Согласно версии польских хронистов, Великое княжество Литовское в случае бездетной смерти Витовта должно, за исключением некоторых территорий, перейти к Польше, составить ее неотъемлемую часть. По версии же летописцев, согласно договору, заключенному в Перемышле между Витовтом и Ягайлом в присутствии панов с обеих сторон, в случае если бы Витовт умер, не

оставив детей, а у Ягайла были бы дети, то они должны были бы господствовать как в Польше, так и в Великом княжестве; и наоборот, если бы дети остались у Витовта, а у Ягайла их бы не было, то потомки Витовта должны были принять власть в Польше и Великом княжестве. Учитывая, что «небожата, старые литовские писари писали правдиво», Стрыйковский согласен принять скорее их версию, чем версию поляков (ч. II, с. 118). О таком договоре между Витовтом и Ягайлом в Перемышле знает лишь хроника Быховца, и условия договора в ней изложены так же, как у Стрыйковского (т. XXXII, с. 76—77).

Со ссылкой на «русских и литовских летописцев» утверждается, что Литва давала Заволжской, а затем Перекопской ордам «царей», в частности это относится к Витовту, который Тохтамыш называл «царем» (короновал его в Вильно) (ч. II, с. 157). Такое сообщение есть в хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца, где сообщается, что король Казимир «послал на царство в Перекоп Ач-Гирея» (т. XXXII, с. 80, 160).

О захвате поляками у литовцев Подолья сообщение Стрыйковского неопределенное. Вначале сказано, что наиболее видные подольские паны, узнав о смерти Витовта, поехали в Каменец к Довгирду (который не знал, что Витовта уже нет), вызвали его «на приятельский разговор», а далее, «как сообщают русские и литовские летописцы», паны убили Довгирда. Версия летописцев показалась Стрыйковскому неправдоподобной, так как тот самый Довгирд, по свидетельству тех самых летописцев, позже участвовал в убийстве Сигизмунда Кейстутевича (ч. II, с. 178—179). Об убийстве Довгирда в Каменце сообщают летописи Супрасльская, Слуцкая, Красинского, Рачинского, Ольшевская, Румянцевская и Евреинновская, но ни одна из них не отмечает участия Довгирда в убийстве Сигизмунда (т. XXXV, с. 67, 75, 139, 161, 187, 208, 231). В хронике Быховца нет ничего об убийстве Довгирда, но отмечена его выдающаяся роль в убийстве великого князя Сигизмунда (т. XXXII, с. 156). В хронике Литовской и Жмойтской сказано, что после смерти Витовта Довгирд был арестован польскими панами (т. XXXII, с. 82).

Без ссылки на источник Стрыйковский сообщает, что Свидригайло «соромотил и ганьбил» Ягайло, но не сразу после похорон Витовта, а спустя два года (ч. II, с. 179). Подробное сообщение есть только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 153).

«Русские и литовские летописцы» утверждают, что, когда королю Казимиру потребовались деньги для ведения войны против чехов после понесенного поражения под Хойницами, он обратился к литовским панам и те обещали дать 80 тыс. червонных золотых и помочь войсками (ч. II, с. 255). Такое сообщение есть лишь в хронике Быховца (т. XXXII, с. 162).

Для войны с венгерским королем Матнашем король Казимир, согласно русским и литовским летописям, одолжил «из литовского скарбу» 24 тыс. золотых (ч. II, с. 277).

В заключение даем ссылки или на «всех летописцев», или просто на «летописцев». Относительно много ссылок имеется на самую начальную часть летописей. Так, со ссылкой на «летописцев» доказывается,

что Палемон прибыл в Литву из Италии (ч. I, с. 57), затем «все летописцы» согласны в том, как были разделены после смерти Палемона его владения между сыновьями (ч. I, с. 84). «Все летописцы» одинаково сообщают о происхождении названия «Литва» (ч. I, с. 85—86). Узнав, что Русскую сторону опустошили татары, Монтивил отправил своего сына Эрдвила на завоевание земель, из которых было образовано Новогрудское княжество (ч. I, с. 235). Далее сообщается о наделении трех сподвижников Эрдвила землями (ч. I, с. 237), о княжне Парасковии (ч. I, с. 242), о никчемности летописцев (ч. I, с. 243), о разгроме Рынгольтом коалиции русских князей и их союзников-татар у Могильно (ч. I, с. 252).

Ряд сообщений со ссылкой на «всех летописцев» дан о таких событиях, которые в летописях изложены несколько иначе или совсем обойдены молчанием. Так, согласно Стрыйковскому, описание битвы на Ясельде сделано им по летописи (ч. I, с. 244). Однако в летописях и хронике Быховца эта битва описана в общих чертах, тогда как у Стрыйковского сказано, что на стороне волынского князя Мстислава сражались «волышцы, пиншане и киевляне», что отмечено лишь в хронике Литовской и Жмойтской. Затем, по летописям и хронике Быховца, битва происходила на «сей» стороне Ясельды, тогда как, по Стрыйковскому и хронике Литовской и Жмойтской, это было на «той» стороне (т. XXXV, с. 91, 130, 147, 175, 195, 216; т. XXXII, с. 22, 131).

Со ссылкой на летописцев сообщается, что литовский великий князь Наримунт отправился в поход на ятвягов, так как услышал, что ятвяжские князья вымерли, не оставив потомства. Далее сообщается, что Наримунт захватил Ятвяжскую землю и отдал ее в удел Тройдену, который затем непрерывно и очень удачно воевал с соседями, проявляя чрезвычайную жестокость. Вместе с тем Стрыйковский сомневается в том, что ятвяжские князья вымерли сами по себе. Ссылаясь на Кромера, Длугоша и Меховского, он склонен считать, что эти князья были уничтожены Болеславом Стыдливым в 1264 г. (ч. I, с. 320—321). В летописях Красинского, Археологического общества, Рачинского, Евреинновской, Румянецвской, Ольшевской и хронике Быховца все изложено так, как утверждал Стрыйковский, а в хронике Литовской и Жмойтской сказано, что завоевал ятвяжский край Тройден без участия Наримунта, и ничего не говорится о его жестокости (т. XXXV, с. 93, 132, 150, 178, 198, 219; т. XXXII, с. 135, 32).

Согласно Стрыйковскому, Лавраш вывел против Довмонта войско, состоявшее из литовцев, жемайтов и русских новогрудчан, бой произошел «над одним озером», продолжался с утра до ночи и закончился полным разгромом Довмонта (ч. I, с. 328). В летописях Археологического общества, Рачинского, Румянецвской, Евреинновской, Ольшевской и хронике Быховца это был Лавраш или Лаврыш, «по-литовски зовемый Римонт, а по-русски Василей», по хронике Литовской и Жмойтской — Лаврентий (т. XXXV, с. 94, 150, 178, 198, 219; т. XXXII, с. 135, 33).

Летописцы утверждали, что Лиздейко, разъяснивший князю Гедимину вещий сон и предсказавший великое будущее Вильно, был найден в орлином гнезде (ч. I, с. 371). Легенда есть во всех летописях.

Однако Стрыйковский пишет, что Лиздейко был Криве-Кривейто, т. е. языческим литовским епископом, о чем ни в одной из летописей не сказано, хотя те и зовут (не во всех одинаково) Лиздейко «наивысшим литовским попом»; по хронике Быховца, это был «ворожбит» (т. XXXII, с. 138). Что Лиздейко найден в орлином гнезде и что был он «бискупом поганским», сообщено в хронике Литовской и Жмойтской, но и там нет упоминания о Криве-Кривейто (т. XXXII, с. 39).

Стрыйковский отмечает, что о походе Ольгерда на Москву, когда он будто бы принудил князя Дмитрия Ивановича просить мира, говорят «все летописцы», но что ни «русские хроники», ни историки, кроме Герберштейна, о нем не упоминают (ч. II, с. 11). Об этом походе есть только в Евреинновской летописи, хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца (т. XXXV, с. 223—224; т. XXXII, с. 60—62, 140); у Герберштейна этого нет.

«Летописцы свидетельствуют», что Ягайло в отместку за смерть Войдила, которого казнил Кейстут, приказал разбить на колесе дядьку Бируты (матери Витовта и тестя Кейстута) Видимонта, а все имущество Видимонта отдал Монивиду (ч. II, с. 66). О мести Ягайла, приказавшего разбить на колесе Видимонта, дядю матери (не называя ее Бирутой) Витовта, сказано в летописях Супрасльской и Слуцкой, а также в хронике Быховца (т. XXXV, с. 63, 69; т. XXXII, с. 143). В летописях же Красинского, Виленской, Археологического общества, Рачинского, Румянцевской, Евреинновской, Ольшевской сообщено, что месть Ягайла ограничилась тем, что он посадил в темницу, а затем приказал удавить Кейстута (т. XXXV, с. 87, 99, 135, 156, 183, 204, 225). Что касается хроники Литовской и Жмойтской, то в ней эти события не описаны.

Согласно сообщениям летописцев, на съезд в Луцке в честь Витовта прибыли московский великий князь Василий Иванович, князь Борис тверской, князь рязанский (имя рязанского князя не названо), Одоевские, князья Белой Руси, Фриц, король датский и шведский, «цари» перекопский и заволжский, изгнанный валашский господарь, Рудольф, магистр прусский, и Зигфрид лифляндский, Палеолог, греческий император, прислал послов. Кроме того, прибыли разные лица из литовцев, русских и поляков. Все они расселились за несколько миль от Луцка по деревням (ч. II, с. 168—169). В летописях (включая Супрасльскую и Слуцкую) указаны, помимо представителей, которые есть у Стрыйковского, послы от Новгорода и Пскова, в некоторых летописях называются еще «деиспоты» болгарские. В хронике Быховца перечисляются князья перемышльские и новосильские. Что касается хроники Литовской и Жмойтской, то в ней перечисления присутствовавших нет (т. XXXV, с. 58—59, 75, 108, 140, 162, 209, 230—231; т. XXXII, с. 152).

По сведениям «летописцев», войска московского великого князя Василия Васильевича были разгромлены татарами под Муромом (ч. II, с. 211). Об этом сообщается в летописях Супрасльской, Слуцкой, Академической, Красинского, Рачинского, Евреинновской, Ольшевской, Румянцевской, а также в хронике Литовской и Жмойтской (т. XXXV, с. 60, 78, 110, 144, 166, 191, 212, 233; т. XXXII, с. 86).

После того как Казимир Ягайлович был избран королем польским, коронован в Кракове и ехал в Литву, князь Михаил Сигизмундович пал королю в ноги, просил отдать ему Великое княжество Литовское. Стрыйковский пишет, что о таком «унизительном поведении» князя Михаила он получил сведения не только у «летописцев», но также у Кромера, Длугоша, Меховского и т. д. (ч. II, с. 226). Ни в одной из летописей об этом ничего не сообщается. Вероятнее всего, это легенда.

По сообщениям «летописцев», епископ Кафы Симон, будучи в Киеве, умер сидя за столом, как только услышал, что Кафу захватили турки (ч. II, с. 280). Об этом есть в хронике Быховца, но лишь самый конец сообщения (т. XXXII, с. 163), так как в том месте в рукописи недостает листа.

Последнее сообщение «летописца» касается приезда в Литву короля Казимира, одновременно с которым прибыл тверской великий князь Михаил Борисович (ч. II, с. 288). Об этом есть только в хронике Быховца (т. XXXII, с. 163).

Материалы этой главы дают основание утверждать, что Стрыйковский передавал летописные известия добросовестно, в отдельных случаях (битва под Хойницами) добросовестность доходила до того, что он указывал, в чем состояла ошибка летописца. Вместе с тем иногда хронист находил нужным (или возможным), делая ссылки на летописи, вносить в них дополнения или изменения. Прежде всего это касается тех мест, где, по мнению Стрыйковского, требовалось основательнее доказать итальянское происхождение литовской знати, и даже того, что у Гаштольда в XVI в. имелась в Италии родня (ч. I, с. 236—237). Весьма вероятно, что хронист, утверждая, будто во всех его летописях говорилось, что Палемон бежал из Италии в 57 г. [а не в 18 (5526) г., как сказано во всех сохранившихся летописях], внес поправку, так как знал, что в 18 г. Нерон императором не был (ч. I, с. 66). Возможно также, что сообщение о Криве-Кривейто, будто бы имевшееся в летописях, Стрыйковский добавил от себя, сам же узнал об этом из хроники Дюсбурга (ч. I, с. 371). То же о Ромове.

То, что во всех летописях, бывших у Стрыйковского, содержалось легендарное сказание, должно показывать, что они переписывались не ранее 40-х годов XVI в., накануне того времени, когда хронист начал работу над своими «Началами» и хроникой. Однако рассказ о Войшелке был создан или при жизни этого князя, или вскоре после его смерти. Значит, составитель «летописца» объединил легендарное сказание с рассказом о деятельности Войшелка.

Общепринятым является мнение, что местá в хронике Быховца, где говорится о Миндовге и Войшелке, заимствованы из Ипатьевской летописи. Это мнение основано на близости или идентичности в ряде случаев текстов обоих памятников, а поскольку хроника Быховца не могла служить источником Ипатьевской летописи, то, естественно, принималось обратное. Однако никто не доказал (и не пытался доказать), что составитель хроники Быховца пользовался непосредственно Ипатьевской летописью или хотя бы источником, аналогичным ей.

Близость касается лишь строго определенных мест, и поэтому есть основание предполагать, что составители как летописи, так и хроники использовали один и тот же исходный материал. Выше отмечалось, что события 1262—1264 гг. описаны в летописи дважды и что в хронике при передаче текста, аналогичного пространному варианту летописи, сохранен язык XIII в., тогда как за 1268 г. язык модернизирован. Поэтому ссылки Стрыйковского на «летописцев Войшелка Миндовговича» следует воспринимать совершенно серьезно (реально название летописи могло быть иным или его и вообще не было), но произведение, содержащее рассказ о Войшелке, как и о Миндовге, существовало, и вероятнее всего, оно было создано в Новоградке. Кстати, по нашим предположениям, основная часть легенды была создана там же.

Затем Стрыйковский привел, ссылаясь на свои летописи, ряд фактов, неизвестных летописям, которые сохранились до нас. Так, Михаил Сигизмундович просил великого князя Казимира Ягайловича, когда того избрали польским королем, уступить ему Великое княжество Литовское (ч. II, с. 226). По неизвестной нам летописи описаны события у Завихоста (ч. II, с. 68—69). Только у Стрыйковского сказано о борьбе различных группировок у крымских татар (ч. II, с. 313, 316). Только у Стрыйковского есть сообщение, что татары во время своих нападений на земли Великого княжества возили «коши» (ч. II, с. 327—328). Стрыйковский же сообщает, что волыньские князья после поражения, понесенного у Могильно, бежали в Луцк (ч. I, с. 252). Со ссылкой на летописи описаны похороны Гедимина (ч. I, с. 386).

Исходя из утверждений Стрыйковского, что все бывшие у него летописи содержали легендарную часть, следует, что летописей более ранних, типа Супрасльской или Слуцкой, у него не было.

Называя свои летописи отдельно или целыми группами (русские летописцы и т. д.), Стрыйковский не выработал для этого устойчивой системы. Иначе говоря, он называл одни и те же летописи по-разному или, говоря о нескольких (и даже о «всех»), в сущности имел в виду одну. Если ссылка на одного летописца понятна, то указание на «всех» должно означать, что во всех 15 летописях было написано одинаково, но такое возможно лишь в виде исключения. Гораздо более реальным кажется, что, ссылаясь на всех, Стрыйковский имел в виду одну, не обращая внимания на некоторые расхождения с другими.

Излагая начальный период (легендарную часть), а затем события конца XV — начала XVI в., Стрыйковский чаще всего ссылается на «одного летописца» (на летописца князей Заславских, на стародавнего литовского летописца и т. д., что всегда означало «одного»). Для периода конца XV — начала XVI в. это понятно, так как большинство летописей обрывалось на изображении событий середины XV в.; в других случаях, возможно, Стрыйковский находил сведения одной (Берестовицкой) летописи более полными и достоверными, почему и пользовался ею, игнорируя остальные.

В общем, в летописях, которыми пользовался Стрыйковский, имеется значительное количество сведений, неизвестных до настоящего времени. Особого внимания заслуживает сообщение хрониста о летописи «Войшелка Миндовговича».

ЛЕГЕНДАРНАЯ ЧАСТЬ ЛЕТОПИСЕЙ И ХРОНИК

Общие положения

В настоящее время известны шесть летописей, содержащих легенду: Археологического общества (без начала, поскольку в этой летописи начала вообще нет), Красинского, Рачинского, Ольшевская, Румянцевская, Евреиновская, а также хроника Быховца и хроника Литовская и Жмойтская.

Согласно легенде, 500 семей римской знати (шляхты, или рыцарей) прибыли в Литву (точнее говоря в Жемайтию) морем. Во главе эмигрантов находился Палемон, родственник императора Нерона. Выше отмечалось, что версия, согласно которой Палемон бежал из Рима, спасаясь от жестокости этого императора, является лишь основной. В работах Стрыйковского содержится и другая версия: побег произошел в 401 г. и причиной его были зверства Аттилы¹. «Двойная» версия находится также в хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской².

В летописи Красинского легендарное сказание является как бы отдельным произведением, озаглавленным «Летописец Великого князства Литовского и Жомоицьского», но там текст обрывается на середине листа рукописи, вторая половина листа осталась незаполненной. Конец «Летописца» содержит рассказ о жестокостях ятвяжского и дойновского князя Тройдена (т. XXXV, с. 128—132). Последующая часть той же летописи озаглавлена «Кройники о великих князех литовских» (т. XXXV, с. 132). Она начинается с перечисления сыновей Гедимина и уделов, которые каждый из них получил от отца («Напервен у великого князя Кгедимина сем сынов было»). Деление летописи Красинского на две самостоятельные части настолько ярко выражено, что в ПСРЛ, т. XVII они были напечатаны как два отдельных произведения. Очевидно, до того времени, когда обе части не были вписаны в сборник, в котором находилась летопись, они действительно представляли собой отдельные произведения.

Текст, названный в летописи Красинского «Кройником», в тех летописях, в которых легендарного сказания нет, озаглавлен «Летописец великих князев литовских», т. е. так, как у Красинского на-

¹ Две версии содержатся в обеих капитальных работах Стрыйковского — «Кронике» и «Началах».

² ПСРЛ, т. XXXII. Ввиду отсутствия первого листа в хронике Быховца сохранился лишь отрывок, содержащий конец второй версии, но из текста хроники следует, что имелась и первая.

звано сказание. Вместе с тем в Румянцевской летописи сказание имеет заголовок «За кройники Великаго княжества Литовского и Жомойтскаго» (т. XXXV, с. 193). Возможно, такой же заголовок был в летописи Археологического общества, начало которой не сохранилось, но последующий текст почти дословно совпадает с текстом Румянцевской (т. XXXV, с. 91—102). Таким образом, в летописях схожие тексты имеют разные заголовки и, наоборот, разные тексты озаглавлены одинаково. Что касается «Летописца великих князей литовских» (т. е. «Кройники», по летописи Красинского), то такое произведение есть в летописях Супрасльской (т. XXXV, с. 61—67), где «Летописец» имеет вид отдельной работы, которая является продолжением общерусской части; Академической (т. XXXV, с. 110—114), где «Летописец» отделен от предыдущего текста только заголовком, написанным чернилами. В Виленской (летопись Авраамки) летописи заголовка вообще нет и слова «у великого князя Кведимина» следуют непосредственно после части, содержащей общерусскую летопись (т. XXXV, с. 85—90). В *Origo regis* заголовка нет (т. XXXV, с. 115—117). В Слуцкой летописи начала нет, а в том тексте, который сохранился, передается разговор Кейстута с Витовтом относительно коварства Ягайла, заключившего союз с немцами (т. XXXV, с. 68—79). Поэтому можно думать, что и там было заглавие «Летописец».

Заголовки легендарной части следующие. В летописи Красинского — «Летописецъ Великого княжества Литовского и Жомойтского». В Ольшевской летописи — «Wielkiego xięstwa Litewskiego i Żmudzkiego kronika». В хронике Быховца начала, а следовательно, и заголовка нет. В хронике Литовской и Жмойтской перед текстом находится заголовок «Вывод и початок о Великом князстве Литовском и Жмойтском, отколь взмоглися и пошли», данный, вероятнее всего, составителем всего хронографа, частью которого является хроника Литовская и Жмойтская. Во всех перечисленных летописях (кроме Красинского) сказание не отделено от последующего текста или между ними находится заголовок небольшого раздела, что, однако, не означает какой-либо грани, так как на подобные разделы разбиты как сказание, так и вообще все летописи, исключая Красинского, и во всех них далее следует раздел, озаглавленный «О княжати литовском Швинторозе, сыне Утенусовом» (в некоторых летописях это не «Швинторог», а «Свинторог», что не меняет сути дела). Начало легендарного сказания во всех списках в общем одинаково, но конец его не очень ясен.

Учитывая, что «Летописецъ» Красинского представляет собой отдельное произведение, можно, казалось бы, предположить, что легендарная часть заканчивается весьма нелестной характеристикой князя Тройдена. Однако, прослеживая сказание во всех летописях, от этого предположения приходится отказаться и принять другое — что, вероятнее всего, легенда заканчивалась словами «тому конец». При этом следует учесть, что в первоначальном тексте есть ряд более поздних вставок, тем более что и после «конца» находится немало записей, имеющих тоже в большой мере легендарный характер. К полуполюгандарным следует отнести и записи, касающиеся первых лет правления Гедимина.

Словами «тому конец» заканчивается рассказ о том, как князь Рынгольт (он же Скимонт) после победоносной битвы у Могильно возвратился в свою столицу Новогрудок и там умер. Выражение «тому конец», связанное с прекращением рода Палемона (на Рынгольте), может само по себе служить показателем, что здесь закончился первоначальный текст сказания, а вместе с тем свидетельствует, что сказание было создано для прославления потомков Палемона. Весьма знаменательно, что на «конец» почти полностью прекращаются сообщения о Новогрудке, который из центра большого государства — Великого княжества Новогрудского, Жемайтии и Литвы превращается в провинциальный город.

Однако «конец» в шести летописях, содержащих легенду, неодинаков. В летописях Красинского и Евреиновской сказано, что Рынгольт после битвы у Могильно вернулся в Новогрудок и там умер, не оставив потомства: «умре без плоду; тут ся доконал род княжати римского Полемона» (т. XXXV, с. 131, 218). В остальных же летописях говорится, что, по известиям «иных», у Рынгольта после битвы у Могильно родилось трое сыновей, из которых один — Войшвилак стал новогрудским князем, но здесь сообщение о нем обрывается. Однако и это в разных источниках передается неодинаково: в летописи Рачинского сказано, что Рынгольт «яко бы мел уродити трех сынов» (т. XXXV, с. 149), т. е. выражается сомнение, тогда как в летописях Археологического общества, Ольшевской и Румянецовской «яко бы» нет, т. е. нет и сомнения (т. XXXV, с. 92, 176, 197).

Если брать только «иные поведаяють», то это представляется слухом, преданием о Войшелке, сохранившимся в течение столетий, однако приписка заканчивается словами, что кто-то «далее о том Войшвилаку не пишеть». Буквально, видимо, данное место следует понимать так, что в какой-то из летописей, послужившей источником для более поздних летописцев, было записано предание о Войшелке².

Таким образом, можно предполагать, что основной частью сказания является та, которая начинается со слов «Сталося втеление» и заканчивается сообщением о смерти Рынгольта, но в то же время, что в первоначальный текст с течением времени были внесены разные добавления, имевшие целью возвеличить две знатные фамилии, принадлежавшие к гермам Китовраса и Колумнов.

Как известно, в летописях встречаются слова «а навратимся воспак», обычно означающие, что здесь в первоначальный текст сделана вставка. Такие «воспак» есть во всех летописях и хрониках Великого княжества. Эти слова в разных случаях несколько видоизменены, но смысл остается везде одинаков: летописец возвращается к прерванному какой-то вставкой рассказу.

Больше всего «воспак» встречается в летописи Красинского, и по-

² В том, что предание о князе, правившем в середине XIII в., существовало в середине XVI в., нет ничего невероятного. В 1970 г. старый житель Слуцка Иван Карсюк сказал нам, что этот город ранее принадлежал Ольельке. Князь Ольелько-Александр, основатель рода Ольельковичей-Слуцких, умер в 1454 г., последний — в 1586 г. (род утас). Значит, если брать даже последнего из Ольельковичей, то в памяти народа он сохранился в течение четырехсот лет, и притом в наше время.

этому обратимся к ней. Первый раз «воспак» находится там вслед за рассказом о том, как после смерти князя Сперы «люди, мешьякаючи около него» (Сперы. — *Н. У.*), сделали «болвана» в память об умершем, а затем, когда «болван» сгнил, стали обоготворять озеро, на берегу которого он стоял, и вообще всю окружающую местность (т. XXXV, с. 129). Далее идет рассказ о кончине князя Борка и переходе владений к его брату Куносу. Рассказ не отделен от предыдущего текста и является его последовательным продолжением. Наличие слова «воспак» здесь тем более непонятно, что его нет в других летописях (в Румянцевской, Евренновской и Ольшевской далее следует заголовок нового раздела: «О княжати Борку и о брате его Куносе», чем как бы отмечается, что вопрос о Спере исчерпан; т. XXXV, с. 174, 194, 215).

«Воспак», возможно, получает объяснение при чтении соответствующего места в хронике Быховца. Там вслед за рассказом о Спере, который поселился над озером, названным его именем, помещено сообщение, что Довспрунк с «Китавраса» перешел реку Святую, нашел красивое место над рекой, основал там город Вилькомир и назвался князем девялтовским. Далее сказано «мы же возвратимся воспак», а затем говорится о смерти Сперы, о постановке ему «болвана», после чего опять следует слово «воспак» (т. XXXII, с. 129). «Воспак» в этом месте необходим, поскольку сообщение о Довспрунке в хронике Быховца прерывает рассказ о Спере, но в летописи Красинского о Довспрунке ничего не говорится, и поэтому «воспак» не имеет смысла. Вообще же, в летописях Довспрунк и его сын Гирус (или Кирус) появляются совершенно неожиданно, так как, кроме сообщения, что в числе бежавших из Рима был Довспрунк, там о нем больше ничего нет.

Очевидно, место в летописях, где говорится о Довспрунке, показалось Стрыйковскому недостаточно обоснованным, и он в своих «Началах» назвал Довспрунка потомком Палемона (с. 92), причем это сделано так, что может создаться впечатление, будто Довспрунк был сыном Палемона (заголовок раздела у Стрыйковского следующий: «Боркус, Конас или Кунас, Спера, Дарспрунг — потомки Палемона»).

Второй «вспака» в летописи Красинского находится вслед за рассказом о том, что Ердивил (или Скирмонт) после постройки Новогрудка и похода в юго-западную Белоруссию (где он основал Гродно и восстановил ряд городов) раздал трем вассалам, участвовавшим в его походе на Новогрудок, владения и эти вассалы стали родоначальниками знатнейших литовских фамилий (т. XXXV, с. 129). Рассказ явно не на месте (на месте он находился бы в случае, если бы подобное сообщение было помещено вслед за известием, что Ердивил — Скирмонт построил Новогрудок и назвался великим князем новгородским, тем более что об участии вассалов в походе на юг ничего не сказано). Очевидно, в источнике это место было изложено неясно или вообще было дефектным, так как в Румянцевской летописи после слов «и возвратимся вспять» (на чем рассказ и заканчивался) следуют слова «тут Довойна», не имеющие смысла (т. XXXV, с. 195), летопись Рачинского здесь — тоже не к месту — заканчивается словами «а з Кгровжа народился Монъвид, а потом умер» (т. XXXV, с. 147). Эта вставка подчеркивает, что предки виднейших литовских фамилий — Гаштольды,

Довойны, Монивиды — получили свои владения от князя новогрудского. Вставка привлекает к себе внимание прежде всего тем, что в ней не упоминается о деятелях, принадлежавших к гербу Китоврас, которые обычно при перечислении наиболее выдающихся литовских деятелей стоят на первом месте.

Три названных деятеля — Ейкшис, Гровж, Крумпь (в разных летописях они называются по-разному) — изображены как подручные жемайтского князя, тогда как Довспрунк герба Китоврас сам был князем Литвы. Возможно, быть изображенным в летописи в качестве васала Ердивила для литовского князя было нежелательным.

Последний «воспак» в летописи Красинского находится вслед за рассказом о том, как Утенус поставил «болвана» в память своего отца Куковойта, после чего помещено сообщение о битве на реке Окуневке, а после того как «болван» сгнил, там вырос лес, который население обоготворяло, назвав его именем Куковойта (т. XXXV, с. 131). Слова «возовратишися воспак», кроме летописи Красинского, есть только в Ольшевской, но там они стоят не на месте (после рассказа о том, какие уделы дал своим сыновьям князь Скимонт; т. XXXV, с. 176); нет «воспак» и в хронике Быховца.

Очевидно, вставкой является и рассказ в летописях Красинского, Рачинского и Румянцевской о том, как великий князь киевский Дмитрий (!) сбежал от татар в Чернигов, а оттуда, услышав, «иж мужики мешкають без господаря а зовутся дручане», пришел в их область, «зарубил» город Друцк и стал великим князем друцким (т. XXXV, с. 129, 146, 194). Эта краткая повесть никак не связана ни с предыдущим, ни с последующим текстом.

Вставка о битве на Окуневке, закончившейся крупнейшей победой над татарами, естественно, должна была возвеличить новогрудского князя. Вставка о князьях друцких, очевидно, связана с легендой о том, что Новогрудок был построен дручанами.

Сказание в том виде, в каком мы имеем его сейчас, занимает около 10 машинописных страниц, из них на вставки приходится примерно две страницы. Однако в первоначальном виде легенда была значительно меньше.

По нашим наблюдениям, сказание вначале содержало только сообщение о бегстве 500 семей из Италии, о плавании беглецов по морям, о прибытии к устью (дельте) Немана и колонизации территории по берегам реки Дубиссы, о создании сыновьями Палемона городов Юрборка и Куносова, о продвижении населения на восток к берегам реки Вилии и основании поселения Кернова. Здесь же дается объяснение происхождения названия страны — Литва. Начальная часть заканчивается сообщением, что внук Палемона Монтивил направил своего сына Ердивила — Скимонта на восток и тот, перейдя реки Вилию и Неман, основал город Новгородок (Новогрудок), который в кратчайшее время стал столицей огромного государства — Великого княжества Новгородского.

В общем, начальная часть легенды содержит сообщения, почти исключительно касающиеся Литвы, тогда как во второй половине интерес сказания сосредоточен на Новгородке (Новогрудке). Начи-

нается вторая часть со слов: «И часу панования Монвилова повстал цар Батый и пошел на Рускую землю, и всю Рускую землю звоевал...» (т. XXXV, с. 146).

Первые варианты легенды

В наиболее просторном виде легенда изложена в ряде белорусско-литовских летописей и хроник и трудах Стрыйковского, основанных на этих источниках, но ко времени внесения в летописи она прошла длительный период развития. Едва ли не впервые она была изложена польским хронистом Яном Длугошем. Поскольку XIV век и в большой мере XIII век заполнены бесконечными стычками и битвами между поляками и литовцами, Длугош пишет о литовцах и Литве неоднократно. Однако к начальному периоду истории литовского народа он обращается лишь в разделе, в котором излагаются события 1387 г., т. е. после заключения Кревской унии и начала христианизации Литвы. Здесь задачей составителя было показать, насколько дикой была языческая Литва, чтобы тем подчеркнуть величие осуществленного Ягайлом и поляками дела — христианизации последнего в Европе языческого народа.

Дохристианской Литве Длугош посвятил два параграфа, один из которых озаглавлен «Происхождение литовцев, их язычество и древние обычаи», а второй — «Литовцы после основания Вильно...» Данные этих соседних параграфов не всегда согласуются между собой.

Хронист начинает рассказ о языческой Литве с сообщения, что ни в одном источнике он не нашел ни слова о том, когда и каким образом литовский народ прибыл туда, где он находился во время создания хроники. Однако, исходя из языка, произношения, погребальных обычаев (сжигание трупов) и т. д., Длугош пришел к выводу, что литовцы происходили если не от собственно латинов, то от одной из их ветвей. Продолжая свои рассуждения, Длугош утверждает, что во время войн между Марием и Суллой, а затем между Цезарем и Помпеем часть жителей Италии переселилась в северную страну, которую сами переселенцы называли «Италия» или, учитывая придыхание итальянцев, «Литалия», а поляки и русские переделали это название в «Литва». Через какое-то время переселенцы основали свой столичный город, названный ими Вильно по имени князя Вилли; от имени того же князя были названы реки, на берегах которых расположено Вильно, — Вилия и Вильня⁴. Все эти соображения Длугош выразил неопределенно, конкретно сказано им лишь о том, что переселение произошло во времена Юлия Цезаря (во втором параграфе об этом сказано уже без колебаний) и что князем переселенцев был Вилли, но как беглецы достигли Литвы, сколько их было, где первоначально поселились и т. д., Длугош ничего не сообщает; ничего нет у него и о Новогрудке.

Мацей Меховский, излагая легенду, ссылается на «старинных историков», в сущности же пересказывает (с очень небольшим отклоне-

⁴ *Długosza Jana. Dziejów Polski ksiąg dwanaście / Przekład K. Mecherzyńskiego. Warszawa, 1868, t. 3, ks. IX/X, s. 442—447.*

нием) версию Длугоша: литовцы — это потомки переселенцев из Италии, которые были вынуждены в свое время бежать из родной страны в связи со спорами, возникшими в среде римского населения; страна, в которую прибыли, была названа ими «Италия», и лишь позже ее стали называть «Литалия», соседи же — русские — переделали название в «Литва». По имени вождя прибывших Вилюса эмигранты назвали свой город Вильно и т. д. В то же время Меховский не сказал прямо, что переселение произошло во время борьбы Цезаря с Помпеем, ограничившись сообщением о спорах в среде римского населения⁵. Как и Длугош, Меховский о Новогрудке не сказал ничего.

Если судить по Супрасльской летописи, созданной в 1519 г., в которой следов легенды нет, то можно думать, что ко времени выхода в свет «Трактата» (первое издание в 1517 г.) легендарное сказание еще оформлялось, вернее, еще не существовало второй ее части, посвященной почти исключительно Новогрудку; во всяком случае, оно еще не вошло в ряд белорусско-литовских летописей.

Мартин Бельский — едва ли не единственный польский хронист XVI в., который отнесся к легенде скептически. Он знал все, что писали относительно происхождения литовской знати, но не поверил в легенду, так как об этом «нигде в письменных источниках ничего нет»⁶. Единственное место, которое у Бельского можно считать почерпнутым из легенды, касается названия «Литва», которое будто бы происходит от имени князя Литаона, предводителя литовцев в тот период, когда они оседали на территории, занимаемой ими во времена Бельского. Верит он и в то, будто литовцы раньше платили русским князьям дань лыком и венниками, так как ничего другого не имели⁷.

Отбросив версию об итальянском происхождении знати, Бельский пытается уяснить, откуда все-таки взялись литовцы. В этом случае он использует работу Птолемея, указавшего, что приблизительно в местах расселения современной литвы раньше обитали герулы и аланы. Исходя из указаний Птолемея, Бельский пришел к выводу, что в прошлом литовцы жили по соседству с немцами, а также с греками, от которых заимствовали некоторые слова⁸.

Зато когда хроника Мартина Бельского дорабатывал его сын Иоахим, то он пересказал, в сущности, все то, что есть у Стрыйковского⁹.

Географические представления летописцев

В летописях и хрониках говорится, что Палемон прибыл в Литву со своими спутниками морем, а в ряде случаев отмечается, что беглецы взяли с собой «одного астронома, который ся знал по звездах». Пункт отправления нигде не указан точно, но можно предположить, что отпра-

⁵ Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. Л., 1936, с. 98—99.

⁶ Bielski M. Kronika tho iest historia swiata na sześć wieków a czterzy monarchie... Kraków, 1564, s. 359.

⁷ Ibid., s. 358 об.

⁸ Ibid., s. 359.

⁹ Bielski M. Kronika polska Marcina Bielskiego nowo przez Joachima Bielskiego, syna jego, wydana. Kraków, 1597, s. 152—156.

вились «римляне» на кораблях из Рима, т. е. Тибром. При всех условиях отбыть из Италии морем можно только Средиземным, притом источники утверждают, что путники плыли «Межиземским» морем, которое можно принять за «Средиземное» море. Однако, исходя из текста всех летописей следует, что Межиземское не было Средиземным морем, так как «римляне» добрались до него спустя немало времени после отбытия. Из последующего явствует, что Межиземским сказание называет Северное море. Доказательством этого является то, что из «Межиземского» моря путь в Море-Окиян (так летописи называли Балтийское море) проходил по реке Шуме, а под этой рекой понимались проливы, соединяющие Северное море с Балтийским.

Наиболее примитивная версия о начальном этапе путешествия изложена в Ольшевской летописи, где сказано, что путники отправились на кораблях морем, но не указано направление, которого они держались, чтобы попасть в Межиземское море (т. XXXV, с. 173). Что касается остальных летописей (Рачинского, Красинского, Румянцевской и Евреиновской; т. XXXV, с. 125, 144, 193, 214), то они содержат утверждение, будто путники направились «по заходу слонца», т. е. на запад. Однако если от устья Тибра плыть все время на запад, то попасть в Северное море невозможно. Значит, авторы этой версии представляли себе положение Италии в отношении Литвы и моря, которое следует переплыть на пути из страны в страну, очень туманно.

У составителя хроники Быховца было об этом более ясное представление; во всяком случае, он знал, что Италия в отношении Литвы находится не на западе, а на юго-западе. Поэтому в хронике сказано, что корабли беглецов пошли «морем меж земли», двигаясь на север. Тогда слова «меж земли» можно понять как движение по Средиземному морю, выйдя из которого путники повернули на север и затем, обогнув Францию и Англию, «вошли в королевство Дунское» (Датское). Значит, и составитель этой хроники не знал о существовании проливов, отделяющих Англию от материка, и поэтому заставил беглецов проделать путь из Атлантического океана в Северное море вокруг Шотландии (т. XXXII, с. 128).

Неясно представляли себе летописцы и путь из моря к Неману. В летописи Рачинского это место изложено так: путники вошли рекой Шумой в Море-Окиян «и Морем-Окияном дошли до реки устья, где Немон упадывает у Море-Окиян и потом пошли рекою Немном вверх, оли ж у море Малое, которое называется море Немное» (т. XXXV, с. 145). То же и в других летописях. В хронике Быховца вопрос о пути из Северного моря в Море-Окиян обойден молчанием, там лишь сказано, что путники из королевства Дунского вошли в Море-Окиян. В дальнейшем разницы между летописями и хроникой Быховца нет (т. XXXII, с. 128).

Во всех случаях местом, где Неман будто бы впадает в Море-Окиян, называется узкая горловина Куршского залива, которая соединяет залив с Балтийским морем, а сам Куршский залив именуется Немновым, или Малым морем. Дойдя этим морем до одного из устьев Немана, «римляне» достигли самого Немана, которым и стали подниматься вверх.

В хронике Литовской и Жмойтской, хотя она в большой мере пере-сказывает «Кронику» Стрыйковского, путь описан почти так же, как в летописях, причем (как в Ольшевской летописи) даже не указано на-правление, которого держались беглецы. Придя после длительного пути в Межиземское море, Палемон рекой Кисагой (не Шумой) прошел в Море-Окиян. Далее высказано предположение, что это, возможно, было «море Балтицкое або Венедицкое», Куршский же залив называ-ется морем Курляндским, или Немновым (т. XXXII, с. 15).

Стрыйковский, излагая легендарную часть в обеих своих работах, шел вслед за летописями, но значительно уточнил путь. Зная античных и средневековых авторов и хорошо разбираясь в расположении стран, находящихся на побережье Северного моря, Стрыйковский уверенно говорит о положении Фландрии, Брабанта, Зеландии, а в «Началах» упоминает о страшном наводнении, бывшем там в 1570 г. (Начала, с. 46).

В «Началах» поездка Палемона и его спутников изложена (в под-ражание «Энеиде» Вергилия) в виде поэмы. В этой работе сказано, что, подплывая к берегам Англии, путники попали в бурю, предельно вы-мотавшую их, что, выйдя на берег, они приготовили обед, после чего крепко уснули, и т. д. Вместе с тем Стрыйковский указывает, что бе-глецы плыли первоначально Средиземным морем, которое расположено между Африкой, Италией и Францией, т. е. по «настоящему» Сре-диземному морю. Выйдя из него, обогнули Гадес (Кадис), Испанию и Лузитанию (Португалию) и затем прибыли в английский порт. От бе-регов северной Англии они направились к Зунду, но буря прибила их к прусскому (!) порту, откуда они добрались до Немана (Начала, с. 58, 61—62).

Плохо представляя себе путь из Италии в Литву, летописцы почти так же плохо знали географию и самой Литвы, в особенности той, ку-да сразу прибыли «римляне», т. е. Жемайтии, западной Литвы. Наи-более поразительным представляется незнание ими местоположения таких важных для Литвы городов, как Юрборк (Юрбаркас) и Ковно (Каунас). Первый из них летописи помещают при впадении реки Юры в Неман (в действительности этот город находится при впадении в Не-ман реки Митвы), второй — при устье Невяжи, хотя на самом деле Каунас расположен при устье Вилии. Стрыйковский, зная, что Юрбаркас находится в устье Митвы, а Каунас — в устье Вилии, тем не менее в отношении первого повторяет ошибки летописцев, а вопрос о местоположении Каунаса в «Началах» обходит молчанием, в «Крони-ке» же утверждает, что этот город расположен в устье Вилии. Точно так же, как в «Кронике», сказано и в хронике Литовской и Жмойтской (ч. I, с. 84; Начала, с. 92; ПСРЛ, т. XXXII, с. 16).

Из рек летописи, кроме Немана, упоминают Дубиссу, Юру, Ви-лию — притоки Немана с правой стороны, затем приток Вилии реку Святую и приток Святой реку Ширвинту. Таких значительных рек, впадающих в Неман с той же правой стороны, как Миния и Митва, ле-тописцы не знают. Западная Двина упоминается лишь мельком. Кроме того, летописи говорят о реке Ясельде, левом притоке Припяти, и реке Окуневке, впадающей в Припять с правой стороны; все они упомина-

ются в связи с событиями, происходившими на берегах названных рек. Что касается самой Припяти, реки весьма значительной, то о ней не сказано ничего. Характерно, что, говоря о Полоцке, Гродно или Бресте, расположенных на таких реках, как Западная Двина, Неман и Буг, летописцы ни разу не отметили этого, как не отметили и того, что Туров, Мозырь и Пинск расположены на берегах Припяти. Из озер упоминаются два маленьких, находящихся в Литве, — Спера и Жосли. Из городов, имевшихся в Литве, легендарная часть называет Юрборк (Юрбаркас), Каунас (Куносово) и Кернов (Кярнаве), хроника Литовская и Жмойтская добавляет к ним Вилкомир. Гораздо больше городов отмечено летописями в Белоруссии — Браславль, Новогрудок, Койданово, Могильно, Полоцк, Друцк, Гродно, Брест, Дорогичин, Бельск, Мельник, Сураж, Пинск, Туров, Мозырь, а также Киев, Чернигов, Карачев.

Летописцы нигде не говорят о рельефе, климате, растительности. Исключение составляет местность по берегам Дубиссы, о богатстве и красоте которой летописи говорят с восхищением. Во всех остальных случаях, когда нужно было сказать что-то хорошее о месте, избранном для постройки города, летописцы ограничиваются тем, что называют «гору красну» (притом даже в том случае, когда город создавался на равнине, как произошло, например, со Старыми Троками). В целом легендарная часть, касаясь географических факторов, оперирует самыми общими данными.

Генеалогия великих князей литовских

Легенда излагает как бы начальный период истории Жемайтии, Литвы и Западной Белоруссии в лице руководящих деятелей этих областей, но так как одно и то же лицо в разных летописях называлось по-разному, то необходимо уяснить, как и в каких летописях именуется эти деятели и в каких отношениях они находились между собой.

Родоначальником князей, а затем великих князей литовских называется Палемон. У Палемона было три сына: Борк, Кунос и Спера (в Румянцевской летописи Спера при первом упоминании именуется Истра (т. XXXV, с. 193), но в дальнейшем и в этом источнике он называется Спера). Впрочем, в «Началах» Стрыйковского в числе потомков Палемона называется еще Доспронгус, почему и его можно ориентировочно причислить к сыновьям Палемона. Сразу после сообщения об основании Сперой замка говорится о Доспронгусе, причем Доспронгус называется князем девяттовским, и о создании им замка на том месте, где находится Вилькомир, над рекой Святой (Начала, с. 92). Однако это единственный случай подобного упоминания.

Два старших брата основали города в Жемайтии, Спера же двинулся на восток, за пределы Жемайтии, на территорию будущей Литвы (собственно Литвы). Борк и Спера умерли без потомства, У Куноса же были два сына — Кернус и Гимбут; Гимбут стал князем в Жемайтии, Кернус — в Литве. У Кернуса была только дочь Поятя, которую отец отдал за Гируса, в результате чего Гирус сделался князем литовским.

Сын Гимбута Монтивил оставил после себя двух сыновей. Начиная с этого места, между известиями летописей появляется различие. Согласно Евреиновской летописи, князем Жемайтии после Монтивила стал Немонос, но в каком родственном отношении он был к предшествующему князю, летопись не сообщает, как не сообщает ничего о его кончине и потомках; что касается другого сына Монтивила — Скирмонта или Скилмонта, то он был отправлен отцом, придавшим ему трех знатных вассалов, в поход из Жемайтии на юго-восток и тот, перейдя реки Вилию и Неман, занял область, где, найдя «гору красну», основал город Новоградук (Новгородок) и создал Новоградукское княжество, однако князем новоградукским стал не возглавлявший этот поход Скирмонт, а сам Монтивил [«И учинил себе князь великий Монтвин в нем (в Новоградке. — Н. У.) столец, и назвался великим князем новгородским»; т. XXV, с. 215]. Впрочем, тут же сообщается, что в Новоградке сел не Монтивил, а Скирмонт. Возможно, в первом случае произошла ошибка в написании (вместо «Скирмонт» — «Монтивил»). Летопись Красинского излагает обстановку несколько иначе: Немонос был сыном Монтивила, в Новоградке же сразу сел княжить Скирмонт (т. XXXV, с. 129). В остальных летописях сыновья Монтивила называются иначе или у них имеются двойники. В летописи Рачинского, например, сказано, что у Монтивила было два сына — Немонос и Скирмонт, но тут же добавлено, что «в иных тых же называ: Викента и Ердвила» (т. XXXV, с. 146). Согласно Ольшевской летописи, сыновья Монтивила назывались Ердвил и Кримунт (т. е. Скирмунт), но затем вместо Кримунта появляется Викинт, Кримунт же бесследно исчезает (т. XXXV, с. 174). В хронике Быховца Немонос и Скирмонт не упоминаются, есть только Ердвил и Викинт (т. XXXII, с. 130).

В «Началах» Стрыйковского сказано, что у Монтивила было три сына — Ердвил, Неман и Викинт, причем Неман во время похода на Полоцк (совместно с Викинтом) был убит (Начала, с. 171). В «Хронике» того же автора говорится, что у Монтивила было три сына, с теми же именами, как и в «Началах», но затем Неман исчезает (ч. I, с. 236). То же и в хронике Литовской и Жмойтской с той лишь разницей, что там Ердвил называется «Ердвил, або Радвил», и в дальнейшем почти всегда выступает только Радвил (т. XXXII, с. 17, 19). У Кояловича-Виока утверждается, что у Монтивила было три сына — Викинт жмудский, Ердвил новоградукский и Неман. Викинт и Неман умерли, не оставив потомства¹⁹.

В нелегendarной части летописей литовские князья нередко имеют по два или по три имени (языческие и христианские), но здесь одно мифическое существо называлось по-разному. Очевидно, существовали разные варианты легенды, что и отразилось в летописях. Поэтому сыновья Монтивила и называются по-разному, но из известных в настоящее время летописей и хроник Ердвил и Викинт без упоминания Немоноса и Скирмунта сохранились лишь в хронике Быховца.

Викинт — Немонос, согласно всем летописям и хроникам, умер

¹⁹ *Kojatowicz-Wiuk A. Herbarz rycerstwa Wielkiego księstwa Litewskiego. Kraków, 1897, s. 2.*

без потомства (прямо об этом нигде не говорится, но вместе с тем не сказано, что у него были дети) и после его смерти Жемайтней стал править Гирус, «князь литовский, который вышел с Китоврасу, обоими княженями, Литвою и Жомонтью» (т. XXXV, с. 129—130). Поэтому, если принять версию, что Немонос — Викинт был сыном Монтивила (а не появился неизвестно откуда, как это изложено в Евреинновской летописи), то на нем оборвалась еще одна линия потомков Палемона и, следовательно, из прямых потомков родоначальника остался лишь Скирмонт — Ердвил, князь новгородский.

По-разному летописи говорят и о князьях литовских. Все они согласны с тем, что первым князем в Литве был Кернус, сын Куноса и внук Палемона. Дальнейшее излагается неодинаково. Уже отмечалось, что Кернус выдал свою дочь Пояту за Гируса, в результате чего Гирус стал князем Литвы. Кто же такой Гирус? Как и в предыдущем случае (с Немоносом), наиболее неясной оказалась версия Евреинновской летописи. Из текста этой летописи следует, что Поята стала женой Гируса, но не утверждается, что она была дочерью Кернуса; что касается Гируса, то о нем сказано, что он «вышел с Китаврус» (т. XXXV, с. 216), т. е. что его род принадлежал к знатнейшим фамилиям, прибывшим в Жемайтию вместе с Палемоном. Таким образом, согласно Евреинновской летописи, права Гируса на литовский «столец» кажутся весьма сомнительными, тем более что и происхождение Пояты неясно. В Евреинновской летописи Поята появляется только в качестве матери князя Куковойта, а так как отцом его называется Гирус, то лишь из этого можно сделать заключение, что Поята была женой Гируса. Так же неясно обрисован Гирус и в летописи Красинского (т. XXXV, с. 129). По летописям Румянцевской, Рачинского, Ольшевской, Гирус был сыном Довспрунка «з Дявилтова», т. е. княжества Девялтовского (расположенного к северо-западу от Вильнюса. — *Н. У.*). Однако и эти летописи, сказав, кто был отцом Гируса, не сообщают, в каком родственном отношении к Гирусу был Живинбуд, ставший после смерти Гируса князем литовским, а после смерти Викинта — еще и князем жемайтским. Вообще, титулатура князей за это время летописями постоянно путается. Так, Живинбуд называется то князем литовским, то князем литовским и жемайтским, то великим князем литовским. Далее сообщается, что у Живинбуда был «старший сын» Куковойт, но ничего не говорится, кто был «младшим» и был ли вообще у Живинбуда еще кто-либо (т. XXXV, с. 147, 175, 195).

Согласно «Началам», «Кронике» и хронике Литовской и Жмойтской, Поята была женой не Гируса, а Живинбуда Довспрунговича, а так как Довспрунг, согласно версии Стрыйковского, числился сыном Палемона, то Живинбуд — Гирус представляется не лицом, случайно занявшим «столец» Литовского княжества, а прямым потомком Палемона. В результате женитьбы на Пяте Живинбуд стал править «в Кернове, в Вилкомиру, в Девялтове и в Литве межю Невяжею и Вилиею», а после смерти бездетного Викинта на Живинбуда «спала» и Жемайтия (т. XXXII, с. 19—20).

Следовательно, Литвой и Жемайтией, согласно основным источникам, стали править князья, связанные с Палемоном лишь по жен-

ской линии, прямые же его потомки правили княжествами Новогрудским и Полоцким. Полоцкая линия скоро вымерла, тогда как новогрудская оказалась самой жизнестойкой.

Родоначальником новогрудской линии, по летописям Евреинновской и Красинского, был Скирмонт, по всем остальным — Ердивил — Радивил.

Сын Ердивила — Скирмонта Мингаило пошел походом на Полоцк, разгромил полоцчан и стал князем полоцким, оставаясь в то же время и князем новогрудским. По летописям Евреинновской и Красинского, князем полоцким сразу после захвата Полоцка стал сын Мингаило Гинвил. Женившись на дочери тверского князя, он «стал русином», т. е. крестился по православному обряду, в связи с чем принял имя Борис. У Бориса были сын Глеб и дочь Парасковия. Глеб умер молодым, не оставив потомства (т. XXXV, с. 130, 216). Согласно летописям Рачинского, Ольшевской и Румянцевской у Мингаило был сын Гинвил, крестившийся по православному обряду, в связи с чем он стал называться Борисом. У Бориса был сын Роголод — Василий, а у того — сын Глеб и дочь Парасковия (т. XXXV, с. 147, 175, 195).

Значит, летописи Рачинского, Ольшевская и Румянцевская по сравнению с другими летописями увеличивают линию полоцких князей на Роголода — Василия. Согласно «Кронике» Стрыйковского, хронике Литовской и Жмойтской и хронике Быховца, христианское имя Гинвила было не Борис, а Георгий (ч. I, с. 241; т. XXXII, с. 21, 131). При всех этих различиях Глеб везде числится последним полоцким князем.

На «столице» в Новогрудке первым был Ердивил — Скирмонт, затем его сын Мингаило (по Ольшевской летописи, Михайло). В дальнейшем в разных источниках имена князей названы по-разному. Так, в летописях Евреинновской и Красинского сын Мингаило именуется Швари (Шкварно, он же Ямонт и Амонт), сын Шкварна — Ямонта Скиргайло, сын Скиргайло Ольгимонт (Акгимонт), последний в роде, он же последний в роде Палемона, — Рыngoльт (т. XXXV, с. 130, 216). Согласно летописям Рачинского, Румянцевской и Ольшевской, сыном Мингаило на Новогрудском княжестве был Скирмонт, затем его сын Тройнат, после него Ольгимонт и последним Рыngoльт (т. XXXV, с. 148, 176, 196—197). То же в «Началах» (с. 183, 186). По хронике Быховца, «Кронике» Стрыйковского и хронике Литовской и Жмойтской, после Мингаило следует Скирмонт, за ним Тройнат, потом Ольгимонт, Рыngoльт и, наконец, Миндовг и его сын Войшелк (т. XXXII, с. 26—27, 132—133; ч. I, с. 248—249, 252—253).

В кратком виде генеалогия князей легендарной части может быть изложена следующим образом. В Жемайтии потомки Палемона вымерли в третьем или в четвертом поколении (в четвертом, если принять, что у Монвила был сын Немонос — Викинт).

На литовском престоле оказался лишь один потомок Палемона — Кернус. Очевидно, поэтому Стрыйковский в «Началах» придал Палемону четвертого сына — Довспрунка, который (а затем его потомки) стал править Литвой (Начала, с. 92). В Полоцке потомки Палемона правили два или три поколения. Дольше всего «Палемоничи» прави-

ли в Новогрудке, причем «Хроника» Стрыйковского, хроника Литовская и Жмойтская и хроника Быховца называют вполне реального Миндовга, а также его сына Войшелка прямыми потомками Палемона (ч. I, с. 253; т. XXXII, с. 26, 132).

✓ Можно предположить, что на Рынгольте и заканчивался первоначальный текст легенды. Однако впоследствии появилась необходимость увязать ее с реальными деятелями, что проще всего было сделать, придав Рынгольту потомство, а так как уже имелась летопись, в которой излагалась история князя Гедимина, то нужно было дописать промежуточную часть — от Рынгольта до Гедимина. Во всех летописях и хрониках сказано, что Рынгольт стал князем в Новогрудке по праву наследства, но в «Началах» это показано иначе, что, вероятнее всего, было измышлением самого Стрыйковского. В «Началах» сказано, что Рынгольт начал править в Новогрудке с 1200 г., но князем он стал не по праву наследства (или не только по этому праву), а «поднесенный» на престол «всеми станами» (сословиями.— *Н. У.*) государства, и с этого времени он первым начал называться князем литовским, так как Жмудь, Литва и Новогрудок достались ему одному (Начала, с. 187). Сыном Рынгольта был Миндовг, которого «Литва опрометчиво и глупо в своих летописях не вспоминает», и далее следуют приведенные ранее слова, что после возвращения из-под Могильно Рынгольт «уробил» трех сыновей (Начала, с. 194). Пользуясь работами Меховского, Кромера, прусскими и ливонскими хрониками, Стрыйковский исправил ошибку летописцев и изложил историю Миндовга (Мендольфа), придерживаясь названных источников. Великим князем Миндовг стал в 1240 г. (Начала, с. 194), крестился в 1250 г., а короновался в Кернове в 1252 г. (Начала, с. 197). Сыном Миндовга был Войшелк, на котором род Палемона окончился. После смерти Войшелка князя, бояре и народ, собравшись в Кернове, избрали князем «Свентограда» (Свинторога Утенусовича), короновался же он в Новогрудке в 1268 г. (Начала, с. 206).

Как уже отмечалось, все источники утверждают, что род Палемона пресекался, разница заключается в том, на ком это произошло — на Рынгольте или на Войшелке? А раз род пресекался, то должен был явиться кто-то, кто бы занял освободившийся в Новогрудке «столец». Во всех предыдущих случаях престол после смерти князя занимал его сын или крайне редко ближайший родственник, что рассматривалось как вполне естественное явление. После смерти последнего из наследников Палемона надо было решать вопрос иначе. Летописи сообщают, что после смерти Рынгольта «[панове], жалуючи господара своего прырожоного, и узяли собе господарем князя литовскаго и жомонтского, сына Утенусова с Китаврасу, Швинтрогаило». Этот князь начал править «на Новгородцы и на русских городех», а его отец оставался князем Литвы и Жемайтии (т. XXXV, с. 92, 131, 149, 177, 197, 218). После же смерти Утенуса Швинторог сделался князем также в Литве и Жемайтии. Таким образом, представитель герба Китоврас объединил под своей властью все три части государства в одно целое и это государство стало называться Великим княжеством Литовским, Жемайтским и Новгородским и Русским, причем объединение произошло без приме-

нения силы. Хроника Литовская и Жмойтская отмечает, что избирательный съезд происходил в Кернове, но, где был коронован великий князь, не говорит, тогда как «Начала» утверждают, что коронация происходила в Новогрудке (т. ХХХІІ, с. 30; Начала, с. 206).

Сыном Швинторога был Гермонт, оставивший двух сыновей — Трабуса, правившего Жемайтией, и Гилигина, князя «на земле Литовской и Руской» (т. ХХХV, с. 93, 132, 149, 177, 197, 218). Гилигину наследовал его сын Роман, который после смерти бездетного Трабуса, его дяди, стал одновременно и князем Жемайтии. Роман оставил пять сыновей — Наримунта, Довмонта, Гольшу, Гедруса и Тройдена (т. ХХХV, с. 93, 132, 150, 177, 198, 218). В «Началах» к этому добавлено, что Швинторог умер в Новогрудке (Начала, с. 207). При изложении данных о жизни потомков Романа начинают действовать вполне реальные личности, и эти личности тотчас же вступают между собою в кровавую борьбу, в результате которой Довмонт должен был бежать в Псков. Легендарная генеалогия если и не оканчивается на сыновьях Романа, то в значительной мере теряет легендарный характер.

Стоит упомянуть еще одно обстоятельство. Уже говорилось, что если дело шло о представителях гербов Китоврас или Коломнов, то источники (сказание) о них упоминают всегда, тогда как для Рожи и Урсинуса подобное совсем не обязательно. Особо подчеркнуто то место, в котором сообщается об избрании великим князем Витеня: «И тут скончался род с Китоврасов а начало великое княжене Витенево, род великих князен литовских с поколения а з роду Коломнов» (т. ХХХV, с. 95, 151, 179, 199). Поскольку в дальнейшем великие князья литовские, включая Сигизмунда-Августа, были прямыми потомками Витеня, то это означало, что и династия Ягеллонов принадлежала к гербу Коломнов.

Сказание умалчивает о том, к какому гербу принадлежал Палемон, хотя разумеется, знатнейший из всех эмигрантов, родоначальник великих князей, должен был иметь герб. Судя по тому, что Швинторог и его потомки принадлежали к гербу Китоврас, можно предположить, что Палемон был того же герба. Правда, Стрыйковский в «Началах» (с. 35) сообщал, что Палемон был из герба Коломнов, но в дальнейшем эта версия не была им подтверждена.

Различия в именах князей, неувязки в последовательности родственных связей в одних летописях, в то время как в других эти «недочеты» в значительной степени сглажены, могут служить показателями, что мы имеем дело, по крайней мере, с двумя вариантами легенды (не говоря о «Началах», содержащих немало деталей, которые, вероятнее всего, являются домыслами Стрыйковского). Наличие Немоноса и Скирмунта, действовавших вместо Ердвила и Викинта, возможно, говорит о существовании и третьего варианта.

Учитывая неувязки в наследовании в летописях Евренновской и Красинского (из остальных ближе всего к ним Румянцевская), можно предположить, что Евренновская содержит самый древний текст, что она отражает тот период, когда легенда еще оформлялась. Позднейшие летописцы постарались исправить все те несурозности, которые имелись в первоначальном виде.

Легенда не отмечает ни одного случая кровавой расправы князей между собой, тогда как с появлением реальных личностей убийства князей, близких между собой родственников, становятся едва ли не обязательными (борьба Миндовга с племянниками, убийство Миндовга и т. д.).

Наиболее уязвимым местом легенды, связанным с генеалогией, на которое исследователи прежде всего и обратили внимание, было слишком малое число поколений потомков Палемона, живших слишком длительное время: Палемон, согласно основной версии, уехал из Рима при Нероне, т. е. в начале нашей эры, Миндовг же появляется в начале XIII в. Значит, Палемон и его потомки правили почти 1200 лет и за это время сменилось 11 поколений (Палемон — Кунос — Гимбут — Монтвил — Ердвил — Мингайло — Скиргайло — Ольгимонт — Рынгольт — Миндовг — Войшелк). Таким образом, на поколение приходилось около 100 лет. Это слишком много даже для легенды.

Генеалогия сказания не увязывается с генеалогией Ипатьевской летописи. Эта летопись сообщает о нескольких походах [киевских князей против Литвы в XI—XII вв., не называя, однако, ни имен литовских деятелей, ни какой-либо определенной местности, куда совершались походы. С началом XIII в. известия о Литве становятся гораздо более частыми и намного более основательными. Особенно содержательной является запись за 1215 г., где говорится о прибытии к галицко-волынским князьям делегации, в которую входили князья литовские, жемайтские, от Делтувы (Дяволты), а также представители знатных родов — Рушковичей и Булевичей; всего перечислено 21 человек. Персонально от Литвы были Живинбуд, Давьят, Довспрунк, Миндовг, брат Довспрунка, и Виликаил, брат Давьята; затем жемайтские — Ердвил и Викинт (прочих не перечисляем)¹¹. Как видим, четверо из названных (Живинбуд, Довспрунк, Ердвил и Викинт), не считая Миндовга, называемого в хрониках, постоянно упоминаются в сказании. Как следует из текста летописи, запись о прибытии делегации была сделана много лет спустя после 1215 г.; во всяком случае, там сказано, что Миндовг убил нескольких членов рода Булевичей, а жену одного из них — Вишимута — «поаял». По весьма вероятному предположению В. Т. Пашуто, Вишимут — Висимонт был убит Миндовгом под Твириметом в 1253 г.¹² Значит, запись о прибытии литовской делегации в 1215 г. сделана приблизительно через 40 лет.

Значение Миндовга возрастало очень быстро: в 1235 г. Даниил галицкий «возведе на Кондрата литву Миндовга»¹³. Следовательно, к этому времени Миндовг стал самым сильным владельцем в Литве. В 1252 г. Миндовг начал истреблять свою родню¹⁴. В 1263 г. он был убит и княжить стал его убийца Тройнат; в том же году Тройнат убил своего союзника полоцкого князя Товтивила, но вскоре и сам был убит конюхами Миндовга¹⁵. Услышав об убийстве Тройната, сын Миндов-

¹¹ ПСРЛ, т. II, стб. 735—736.

¹² Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 379.

¹³ ПСРЛ, т. II, стб. 776.

¹⁴ Там же, стб. 815—817.

¹⁵ Там же, стб. 860—861.

га Войшелк отправился из Пинска, где он укрывался, с пинянами в Новогрудок и оттуда, забрав с собой новогрудчан, пошел в Литву княжить. «Литва же вся пришла и с радостью своего господичича». Прибыв в Литву, Войшелк «поча вороги свои избивати, избии их бесчисленное множество», а другие разбежались¹⁶. В 1268 г. Войшелк был убит, княжить стал Шварн, но он жил недолго, и после него Литвой начал править «окаянный и беззаконный» Тройден, которого летописец приравнивает к Антиоху Сирийскому, Ироду Иерусалимскому и Нерону Римскому¹⁷. На Тройдене, следовательно, сходятся сведения как сказания, так и Ипатьевской летописи.

Летописное сообщение 1270 г., характеризующее Тройдена как человека крайне жестокого, не приводит никаких данных относительно этого качества, притом его четыре брата показаны лицами предельно добродетельными. Ничего не говорят о жестокости Тройдена и записи за 1274 и 1278 гг. (за 1278 г. сказано, что он «еще княжащо в Литовской земле»). В записи за 1270 г. говорится, что Тройден прожил еще 12 лет; значит, о нем написано не раньше, чем в 1282 г., и характеристика человека жестокого дана после малосодержательных записей за 1274 и 1278 гг. Кто стал править после Тройдена, летопись не говорит.

В сказании история Тройдена изложена тоже путанно, но по-иному. Прежде всего у него есть как предки, так и потомки. По сказанию, Тройден был праправнуком по прямой линии Свинторога Утенусовича, у него был и сын, которого он отправил к князю Льву во Львов. Этот сын назывался по-литовски Рымонт, по-русски Василий, а после того как Рымонт стал монахом, получил имя Лаврыш (в летописях его имена несколько разнятся) (т. XXXV, с. 93—94, 132, 150—151, 177—178, 198—199, 219—220). По наущению его брата Довмонта Тройден был убит, и тогда князем стал Рымонт — Лаврыш, который, однако, отказался от престола и предложил избрать князем Витеня, что и было сделано.

Сказание говорит, в чем заключалась жестокость Тройдена: будучи очень воинственным, он непрерывно воевал с русью, поляками и мазурами, над землями которых «силный окрутенства чинил», о чем сообщает русская хроника. (Между прочим, в хронике Быховца о жестокости Тройдена говорится точно так же, как в сказании, но, кроме того, Сигизмунд Кейстутевич тоже приравнивается к Антиоху Сирийскому и Ироду Иерусалимскому; т. XXXII, с. 135, 155.) Очевидно, такое сравнение было очень популярным при характеристике жестоких правителей.

Из приведенных данных о Тройдене видно, что разница между Ипатьевской летописью и сказанием настолько велика, что первая не могла быть источником второго.

¹⁶ Там же, стб. 861.

¹⁷ Там же, стб. 869.

Образование государственной территории Великого княжества Литовского

Несколько обжившись на новом месте по берегам Дубиссы, в Жемайтии, поселенцы начали осваивать более просторную территорию. Направление движения было в основном на восток и лишь в небольшой мере на запад. Судя по тому, что старший сын Палемона, Борк, основал свой город (Юрборк) в устье Юры, колонисты скоро освоили и бассейн этой реки, находящийся к западу от Дубиссы. Однако они не достигли моря, так как между Юрой и морем протекает еще река Миния, о колонизации которой летописи не упоминают. Вероятнее, всего, летописцы считали, что к моменту появления «римлян» (да и позже) по берегу моря до самого устья Немана сидела «латыгола»; во всяком случае, сказание позже упоминает латыголу, «сидевшую над берегом морским» (т. XXXV, с. 146). Стрыйковский, а за ним и хроника Литовская и Жмойтская устранили эту неясность и «передали» переселенцам всю область до самого моря. Согласно этой версии, Борк владел территорией, «почавши от Юры реки аж до мора Прусского и Курляндского» (ч. I, с. 84; т. XXXII, с. 16).

На востоке граница Жемайтии показана хотя и не очень четко, но гораздо более определено, чем на западе. Вообще, восточной границей Жемайтии считается река Невяжа, текущая меридионально, однако город Ковно, расположенный несколько восточнее Невяжи, тоже относился к Жемайтии. Следовательно, первоначальная территория представляла собой как бы четырехугольник, краем которого на западе был бассейн Юры (или, согласно хроникам, берег моря), на севере граница строго не очерчена, на востоке река Невяжа, о юге упоминаний нет, но из дальнейшего изложения следует, что южной границей служил Неман.

О деятельности организатора всего дела — Палемона на новом месте источники не сообщают ничего; говоря точнее, по приезде в Жемайтию он известен лишь в качестве отца трех сыновей, которые и стали основателями первых государственных образований. При выборе территорий сыновья предводителя были совершенно самостоятельны; Палемон к этому отношения не имел.

Старший сын Палемона, Борк, начал осваивать крайний запад — бассейн реки Юры. Районом деятельности второго сына Палемона — Куноса стал крайний восток Жемайтии, где он основал город Кунос (Каунас).

Младший сын Палемона — Спера показан личностью, гораздо менее значительной, чем его братья. Спера начинает действовать только тогда, когда население в Жемайтии увеличилось настолько, что потребовалась дополнительная территория, а поскольку пришельцы в основном двигались на восток, то и в дальнейшем они придерживались того же направления. Возглавил это движение за пределы Жемайтии Спера, который, переправившись через реки Невяжу (Невежис), Святую (Швянтойи) и Ширвинту, нашел озеро «луками розмаными и деревом окрашено», где и поселился с сопровождавшими его людьми; найденное озеро было названо Спера. Такое озеро, очень небольшое,

действительно есть в Литве, к северо-западу от Вильнюса (недалеко от верхнего течения Ширвинты), и чтобы добраться до него с запада, действительно необходимо переправиться через Невяжу и Святую. Примечательно, что Спера, не в пример старшим братьям, согласно летописям, не создал на своей территории города и вообще какого-либо поселения и своим именем назвал только озеро.

Стрыйковскому, однако, показалось, что деятельность Сперы была большей, чем показано в летописях, поэтому он написал, что этот князь построил замок, названный им «Спера». В дальнейшем значение Сперы в «Хронике» было еще более усилено: сделав его наследником Борка, Стрыйковский «передал» ему всю западную Жемайтню. То же повторено в хронике Литовской и Жмойтской (ч. I, с. 84—85; т. XXXII, с. 16). Западная Жемайтня с Юрборком (а также владения Сперы), по этой версии, перешли к Куносу после смерти Сперы.

Здесь можно предположить, что Стрыйковский хотел «исправить» положение в пользу собственно Литвы. В летописях подчеркнуто превосходство Жемайтни над Литвой (Литва — нечто вроде колонии Жемайтни). В действительности Литва, по крайней мере в историческую эпоху, имела гораздо большее значение, чем Жемайтня, и поэтому Стрыйковский постарался показать, что Литва не была столь зависима от Жемайтни (местность, где Спера построил свой замок, находится почти в центре Завилейской Литвы, исторического ядра Литвы). Стрыйковский и хроника Литовская и Жмойтская подчеркивают значение Сперы и после смерти: его труп сожгли «ведлуг римского обычая» над озером Спера, прах, положенный в урну, был закопан в землю, а на месте захоронения поставлен «болван», которого «аж до часов Ягейловых хвалили», т. е. поклонялись ему до принятия христианства. Детали о похоронах даны, видимо, для того, чтобы еще раз напомнить о римском происхождении Сперы (ч. I, с. 85; т. XXXII, с. 16—17).

Владения Сперы находились между Невяжей и Ширвинтой, где, согласно Стрыйковскому и хронике Литовской и Жмойтской, появляется и «Доспронгус, товарищ Палямонов, патрикий або отчичь княжат римских», который над рекой Святой построил рядом два замка, назвав их Вилькомир (современный Укмерге). Доспронгус (Довспрунк, по другим источникам) титуловался князем девялтовским, его владения простирались до Вилии (ч. I, с. 85; Начала, с. 93; т. XXXII, с. 16). Как видим, Стрыйковский здесь непоследователен; ранее, в «Началах», назвал Доспронгуса потомком Палемона, сейчас же он только «патрикий», палемонов товарищ. В дальнейшем сын «патрикия», человек, близкий к Палемону, потребуется для того, чтобы князем литовским стало лицо знатного происхождения. Колонизационная деятельность Сперы и Доспронгуса представляет собой начальный период создания Литовского государства.

Однако, как бы ни старался Стрыйковский возвысить Сперу, он «не дал» ему сыновей, в результате чего ведущая роль в ходе дальнейших событий должна была сохраниться за Куносом, у которого было два сына: Гимбут и Кернус. Именно Кунос, согласно основной версии, сразу после смерти Борка получил Юрборк, в результате чего стал

владельцем всей Жемайтни. Далее сказание передает события, связанные с колонизационной деятельностью Куноса: население Жемайтни возросло настолько, что ему стало тесно на старом месте и оно начало «выходити на реку Велью в землю Завельскую». Движение на этот раз возглавил Кунос, который переправился через реку Святую и основал город Керново, названный так в честь сына Куноса — Кернуса (ч. I, с. 85—86). Впрочем, в «Началах» сказано, что Кернов основал сам Кернус, а не его отец (Начала, с. 93). Как видим, относительно небольшое пространство на берегах рек Святой и Ширвинты было колонизовано сначала Сперой, там же начал свою деятельность девялтовский князь Доспронгус, туда же двинулся и Кунос. Любопытно отметить, что, возможно, как раз этот уголок дал название литовскому народу и государству¹⁸.

Здесь летописи впервые упоминают Завилейскую землю. В данном случае это понятие больше географическое, чем политическое. Само название говорит за то, что область находилась за Вилией.

Вилия в основном течет с северо-востока на юго-запад. Следовательно, Завилейская земля должна (в зависимости от того, откуда на нее смотреть) находиться или на правом северном берегу, или на левом южном. (Из дальнейшего следует, что Завилейская земля находилась к северу от реки Вилии.) Однако не все источники говорят об этом одинаково. Выражение «на реку Вилию» свидетельствует, что колонисты достигли правого берега Вилии. Так сказано в летописях Рачинского, Ольшевской, Румянцевской и Евреинновской (т. XXXV, с. 146, 174, 194, 215). В то же время в летописи Красинского, хронике Быховца, «Хронике» Стрыйковского и хронике Литовской и Жмойтской сказано «за реку Велью в землю Завельскую» (т. XXXV, с. 129; т. XXXII, с. 16, 129; ч. I, с. 85). Версию «за Вилию» принимает и М. А. Ючас¹⁹, ссылаясь, однако, лишь на те источники, которые содержат эту версию. Здесь явная ошибка, поскольку все дальнейшие события разворачиваются на правобережье, тем более что и город Керново находится на правом берегу Вилии.

Поскольку более вероятно, что составители летописи Красинского и хроники Быховца, по крайней мере в этом месте, не исправляли испорченный текст, а искажали правильный, то более вероятным кажется выражение «на Вилию», т. е. что колонисты не переправились через реку, а лишь достигли ее.

Если принять версию, что жемайтами была колонизована лишь правая сторона Вилии (где и образовалась Литва), то территория Жемайтни и Литвы к моменту выхода жемайтов на Вилию будет иметь следующий вид: на западе — Балтийское море (или бассейн р. Минии), на востоке — несколько не доходя до города Браславля, на севере — не доходя Западной Двины и на юге — Вилия — Неман. Согласно сказанию, такая территория Жемайтни — Литвы оставалась неизмен-

¹⁸ *Волкайте-Куликаускаене Р. К.* Образование литовской народности. — Советская этнография, 1979, № 3, с. 40. Согласно этой версии, название «Литва» первоначально относилось к территории, расположенной на правом берегу Вилии, и увязывается с названием правого притока этой реки — Листавы (Листауки).

¹⁹ *Jučas M.* Lietuvos metraščiai. Vilnius, 1968, т. 60.

ной от момента основания Ердвилем Новогрудка до того времени, когда три государства (Жемайтия, Литва и Новогрудское княжество) слились, образовав громадное Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское Новогрудское. Следовательно, наращивание государственной территории происходило исключительно силами Новогрудского княжества, на помощь которому (не всегда) приходили силы Жемайтии и Литвы.

Согласно сказанию, силой оружия непосредственно был завоеван лишь Полоцк, но в дальнейшем (вернее, сразу после его покорения) ни Полоцк в отдельности, ни вся Полоцкая земля в качестве области, подчиненной Новогрудку, никогда не упоминаются. Эта обособленность заходит так далеко, что Полоцк не участвует ни в одной из военных акций Новогрудка. Дав краткую сводку культурной деятельности в Полоцке потомков Гинвила и отметив, что эта династия вымерла, сказание к Полоцку больше никогда не возвращалось.

Во всех остальных случаях (исключая Полоцк) территория Новогрудского княжества (Великого княжества Новогрудского) увеличивалась или в результате победоносных битв, ведшихся с татарами или волыньскими князьями, или путем захвата областей, население которых нисколько не сопротивлялось этому.

Из племен и народов сказание упоминает жомойть, литву и русь, на которых и сосредоточено главное внимание, а также, но крайне редко, татар, латыголу (латышей), немцев и корсь.

Граница между Литвой и Русью показана очень четко — это река Виляя (с жомойтью у руси непосредственных контактов не было). Чем, однако, различалась литва от руси? О том, что язык жомойти отличался от русского, упоминает только летопись Красинского, и притом всего один раз (в связи с названием «Жомойть»). Очевидно, для летописцев, как и полагалось в средневековье, самым существенным был вопрос не этнический, а религиозный. Русь была христианской, литва и жомойть — языческими. Переход литовца или жемайта в христианство (по православному обряду) означал превращение неофита в «русина»; так произошло, например, с князем полоцким Гинвилем (т. ХХV, с. 130, 147, 175, 195, 216; т. ХХХII, с. 160). Однако у Стрыйковского сообщается лишь, что Гинвил первым из литовских князей стал христианином, но о «русине» не говорится (Начала, с. 183; ч. I, с. 241). «Русинами» становились Гедиминовичи и вообще знатные литовцы и жемайты, получавшие владения на Руси, где они сразу крестились. Одновременно, попадая в иную этническую среду, меняли и язык, но это находится за хронологическими пределами сказания. Если о крещении литвина и превращении его таким образом в русина летопись, хотя и редко, сообщает, то о превращении русина в литвина — никогда. Язычество в то время угасало, повсеместно распространилось христианство, а чтобы стать литовцем, видимо, нужно было отказаться от христианства в пользу язычества.

Данные сказания о том, где находилась Русь, чрезвычайно ограничены. «Русь» — это прежде всего Волынь, затем Друцкое княжество, Полесье (города Туров, Пинск, Мозырь), Киевщина, Подляшье (Берестье, Дорогичин, Мельник), а также Городно, Чернигов, Стародуб,

Карачев. Полоцк не назван Русью, а о Минске и вообще о Белоруссии восточнее линии Полоцк — Койданово — Могильно (кроме Друцка) летописи и хроники не упоминают.

Значит, из необъятной Руси сказание упоминает только отдельные районы или города, прежде всего находившиеся на Волыни. Весьма неясно представление сказания относительно этнического состава населения того княжества, которому этот источник уделяет больше всего внимания, т. е. Новогрудского.

Судя по тому, что основатель этого княжества Ердвил — Скирмонт, отправляясь на «русские земли» из Жемайтии, должен был переправиться через Вилию и Неман, можно считать, что Русь находилась непосредственно за Вилией, что согласуется и с предыдущими высказываниями того же сказания, что Литва — это область между Вилией и Двиной. Однако Новогрудское княжество, созданное южнее Вилии, восточной границей которого были Койданово — Могильно, в летописях и хронике Быховца нигде не называется Русью, как не называется Русью и Полоцкое княжество. Так, Ердвил — Скирмонт, основав Новогрудок, двинулся на юго-запад и «зарубил» города Городно, Берестье, Дорогичин и Мельник, разрушенные татарами. Однако о том, что это были русские города, источники не говорят (т. XXXV, с. 91, 129, 146, 174, 194, 215). Туров и Пинск, которые после битвы на Ясельде занял новогрудский князь, тоже не называются русскими (там же). Иначе обстоит дело с восточным Полесьем и северной Украиной — это земли русские. Так, после разгрома татар под Койдановом новогрудский князь «пошел на Рускую землю, и взял город Мозыр и Чернигов, Стародуб, Карачев» (т. XXXV, с. 91, 130, 148, 176, 196, 217). О том, что Новогрудок с областью были тоже «русскими», имеются в большинстве косвенные указания: волыньские князья непрерывно заявляли претензии на этот район как принадлежавший ранее русским князьям. Татарский «царь» требовал от новогрудского князя дани на том основании, что русские князья прежде платили дань за Новогрудскую землю, называя при этом новогрудского князя потомком русских князей (хан Балаклай потребовал, чтобы Скирмонт, князь новогрудский, «выходы его дал и баскаки его ховал по тым городом по тому, как с тых городов хоживал за предков его, князей русских»; т. XXXV, с. 91, 130, 148, 175, 196, 216—217). Вместе с тем в одном из последних сообщений о Новогрудке как о столице большого государства прямо сказано, что это был «русский» город: «И кнежечы Рынкгольту не мало лет на Новогородцы и на иных городех русских» (т. XXXV, с. 148).

Сказание никогда не называет Новогрудское княжество ни литовским, ни жемайтским. Оно существует само по себе, занимая при этом положение (в политическом отношении) выше, чем Литва или Жемайтия. Князья-литовцы в Новогрудке были кем-то вроде варягов, но варягов, которые не денационализировались. В то же время эти князья в сказании никогда не называются ни литовскими, ни жемайтскими, а только новогрудскими (вернее, великими князьями новгородскими), и лишь у Стрыйковского их титулатура несколько изменяется.

Очевидно, тот же вопрос, который сейчас возникает у нас при чтении летописей, о национальном характере Новогрудского княжества,

возник в свое время и у Стрыйковского. Оценивая значение литовского и жемайтского элемента в истории Новогрудского княжества, Стрыйковский изменил свою точку зрения, что и отразилось в его «Началах» и «Хронике».

В «Началах», т. е. в своем раннем произведении, Стрыйковский изложил версию об отношениях литвы с русью, которая отличается от всех остальных. Во-первых, «Начала» отличают Литву «Понеманскую» от той, которая сидела «над Вилией и Двиной». Отсюда можно вывести заключение, что поскольку, по мысли Стрыйковского, район между Вилией и Западной Двиной был лишь недавно колонизован жемайтами, то Понеманье заселено литовцами издавна. Это, конечно, не вяжется с представлением, что Литва — область, колонизованная жемайтами. Очевидно, Понеманская Литва — это не Жемайтия, поскольку центром области была река Дубисса. Судя по позднейшим сообщениям, это и не район верхнего Немана. Более всего под «Понеманскую» подходит местность, расположенная по Неману ниже Гродно и далее, не доходя до Ковно, вернее, до Невяжи. Политическая история Понеманской и Повильской Литвы на раннем этапе была разная. «Та Литва, которая жила над Неманом в пущах, издавна прислуживала Новогрудскому княжеству», сидевшая же над Вилией и Западной Двиной жила спокойно (Начала, с. 93). Следовательно, в истории Понеманской Литвы был период, когда она «прислуживала» Новогрудку, а это должно означать, что Новогрудок не был создан жемайтским князем, а существовал много ранее.

«Начала» сообщают также о ранних столкновениях между литвой (видимо, Повильской) и Полоцком. Полоцкий князь (не сказано, какой) совместно с псковичами напал на литовцев как на язычников, взял многих из них в плен и сделал из пленников «как бы скот». В ответ Гимбут с Кернусом напали на полоцкие владения. Они пришли к Браславию, разорили всю волость, затем двинулись к Полоцку, разорили все окрестности города, взяли в плен много народа, полоцкий же князь, испугавшись, спрятался в замке (Начала, с. 93—94). Несогласия в Руси привели к тому, что Кернус постепенно освободился от зависимости русских князей (Начала, с. 154).

Далее сообщается, что у жемайтского князя Монтивла было три сына — Ердивил, Немонос и Викинт. Двух последних отец послал воевать против Полоцка. На помощь полочанам пришел смоленский князь Мстислав Давыдович. Литовцы были разбиты, Немонос убит (Начала, с. 170—171). Начальная часть сообщения есть и в «Хронике» (ч. I, с. 233), но об убийстве Немоноса там ничего не сказано. Очевидно, сведение об этом убийстве было внесено в «Начала», чтобы объяснить непонятное исчезновение этого князя. Позже, не имея подтверждения обстоятельств смерти Немоноса в летописях, Стрыйковский исключил это место²⁰.

Рассказ Стрыйковского и хроника Литовской и Жемайтской о по-

²⁰ А. Коялович-Визок (1609—1677), тоже опиравшийся на летописи, писал о наличии у Монтивла трех сыновей, в том числе Немана, но, как окончилась жизнь Немана, он не сообщает (*Kojalowiez-Wizok A. Op. cit., s. 2*).

ходе Ердвила на Русь, о захвате им территории к югу от Немана, а затем юго-запада Белоруссии отличается от рассказа летописей тем, что Новогрудок был создан не на пустом месте, как об этом сказано в летописях, а на городище, разоренном Батыем. Население при этом не противилось жемайтам (вернее, защищать край было некому, так как его опустошил Батый). Далее «Хроника» и хроника Литовская и Жмойтская о деятельности Ердвила говорят то же самое, что и летописи, но в хронике Литовской и Жмойтской Ердвил именуется Радвиллом (при первом упоминании он называется «Ердвил або Радвил», но далее только Радвил) (ч. I, с. 235; т. XXXII, с. 19). Что касается «Начал», то в них есть ряд дополнительных сообщений, которые позже были Стрыйковским исключены. Так, «Начала» утверждают, что Ердвил во время похода на юго-запад Белоруссии построил при впадении реки Меречи в Неман замок Меречь. В дополнение к городам, которые, согласно другим источникам, восстановил Ердвил (Берестье, Дорогичин, Бранск, Мельник, Бельск), «Начала», называют Волковыск и Мстибов. В заключение в «Началах» сказано, что потомство одного из вассалов Ердвила — Ейкша (ставшего родоначальником Довойнов) — вскоре так размножилось, что Новогрудская, Гродненская, Волковысская и Мстибовская земли оказались заполненными шляхтой из этого рода (Начала, с. 172—177).

Заняв Подлясье, Ердвил восстановил разрушенные замки, причем население и здесь не только не оказывало ему никакого сопротивления, но выражало свое сочувствие. Расширив свои владения, Ердвил стал титуловаться так: «Радвил Монтвилович Жомонитской и Литовское земли дедичный пан, перший великий князь русский новгородский» (ч. I, с. 235; т. XXXII, с. 19). Следовательно, по этой версии, Ердвил был не предводителем небольшого отряда, направленного Монтвиллом с определенной целью на восток, а «дедичным» (наследственным) князем Жемайтии и Литвы. Стрыйковский не объясняет, кем в таком случае становился Монтвил, если владельцем и Литвы и Жемайтии делался его сын. Вместе с тем Стрыйковский подчеркивает, что Новогрудское княжество было русское, чего нет в летописях. Что касается тех знатных жемайтов, которые пришли с Ердвиллом и которым он раздал на Руси поветы, то они вскоре побратались и покумились с «русью, христианами» (ч. I, с. 235; т. XXXII, с. 19).

Части «Начал» и «Хроники» Стрыйковского, в которых содержатся легендарные данные, основаны на летописях, точнее говоря на сказании, и схожи с летописями. Однако между летописями и работами Стрыйковского места есть и значительная разница. Она особенно отчетливо проявляется при определении роли руси (вернее новгородчан) и литвы (а также Жемайтии) в победах, одержанных новогрудскими князьями. Больше всего эта разница ощущается между летописями и «Началами» и гораздо меньше между летописями и «Хроникой», показывая тем, что в «Хронике» Стрыйковский в гораздо большей степени следовал за летописями, чем в «Началах». Вероятнее всего, в своей работе («Началах») этот автор больше фантазировал, тогда как позже стал больше следовать за своими источниками, тоже, впрочем, достаточно фантастическими.

В летописях говорится о четырех битвах новгородских князей, которые неизменно оканчивались блестящими победами: на реке Ясельде, у Койданаова, на реке Окуневке и у Могильно на Немане.

По летописным данным, в битве на Ясельде с волынцами, которой руководил новгородский князь Скирмонт или Шквари, главную силу составляли новгородчане, на помощь которым пришел с литовской силой (или литовской и жемайтской) князь Куковойт (т. XXXII, с. 131; т. XXXV, с. 91, 130, 147, 175, 195, 216). В то же время в «Началах» говорится, что победу над волынцами одерживали главным образом литва и жмудь (Начала, с. 184—185). В «Кронике» же и хронике Литовской и Жмойтской, как и в летописях, сказано, что войско литовского князя Куковойта представляло лишь вспомогательную силу, решающую же роль играли новгородчане (ч. I, с. 244; т. XXXII, с. 22).

В битве у Койданаова победа над татарами, согласно летописям и хронике Быховца, была одержана исключительно силами новгородчан (князем Скирмонтом); ни литва, ни жемайты в битве не участвовали (т. XXXV, с. 91, 130, 148, 176, 196, 217; т. XXXII, с. 131). По хронике Литовской и Жмойтской, Скирмунт назван князем новгородским и литовским, но пришел он к Койданаову с войском «русским» (т. XXXII, с. 23). Согласно же «Началам», Скирмунт у Койданаова был «с литвой и русью», причем «триумф взяла» одна литва (Начала, с. 185). В противоречии с летописными данными «Начала» утверждают, что в результате битвы Скирмунт захватил не только Мозырь, Стародуб, Чернигов и Карачев, но и Брянск, и «Путвиль» (Путивль) (Начала, с. 185). Согласно «Кронике», победу одержали совместно Скирмунт и Куковойт, т. е. Новгородок и Литва (ч. I, с. 248). Значит, в этом случае разницы между «Кроникой» и «Началами» нет.

У Могильно против коалиции русских князей и татар, по летописям и хронике Быховца, выступал только новгородский князь Рынгольт, битва окончилась сокрушительным поражением союзников (т. XXXV, с. 92, 131, 148, 176, 197, 217; т. XXXII, с. 132). В хронике Литовской и Жмойтской говорится, что Рынгольт, великий князь литовский, жемайтский и новгородский, пришел к Могильно, «зобравши литву и жомойть, также и русь свою» (т. XXXII, с. 25). Иначе изображено в «Началах»: Рынгольт выступил к Могильно с «вмуштрованным рыцарством Литвы и Жмудии»; жмудское войско шло впереди, литовское — с правой стороны, а отряды новгородчан — в центре (Начала, с. 187). Сразу после этой битвы Рынгольт двинулся против немцев, так как в то время крестоносцы направились против прусов (Начала, с. 188). Почти то же самое, а за ней и без деталей, которые так охотно добавлял Стрыйковский, говорится в «Кронике» (ч. I, с. 248).

В «Кронике», а за ней и в хронике Литовской и Жмойтской есть описание еще одной битвы с татарами, тоже окончившейся полным разгромом врага. Об этой битве ни в летописях, ни в «Началах» нет ничего. В хронике Литовской и Жмойтской это событие описано так: татарский хан Кидан, услышав, что Радивил жомойтский захватил «панства» Новгородское, Берестейское, Подляшское и другие, «аж до Мозыра», в 1263 г. послал к нему своих баскаков, требуя дани. Радивил обратился за помощью к братьям — Викинту жомойтскому и Живин-

буду литовскому, и те прислали свои отряды. К тому времени Кидан переправился через Днепр и «тамтою стороною» (очевидно, правым берегом) пришел к Мозырю. Радзивил, у которого были русь, новогрудчане, слонимчане, пинцане, жемайты и литва, ударил на рассвете по татарам и одержал блестящую победу (т. XXXII, с. 20). Как видно, в этом случае на первое место выдвинуты войска «русси» и ряда городов западной Белоруссии; литовский отряд играл подсобную роль. Здесь, как и в ряде других случаев, видно плохое знание составителем летописи географии описываемой им местности. Так, в летописи написано: Кидан «притягнувши под Мозыр... положил ся над Днепром на устю Припети» (т. XXXII, с. 20), но от Мозыря до устья Припяти больше 100 км, и поэтому «положиться» одновременно и в устье Припяти, и у Мозыря невозможно.

Все летописи и хроники, а также Стрыйковский подчеркивали, что новогрудские великие князья завладели юго-западом Белоруссии, не встречая никакого сопротивления населения и даже при его одобрении, войны же против волынских князей и татар имели характер оборонительный. Волынские и другие русские князья выступали против владельцев Новогрудка, потому что считали Новогрудское княжество своим наследственным владением, но на собственно литовские земли они не претендовали.

В соответствии с направлением экспансии из Новогрудка на юго-запад сказание совершенно не упоминает об отношениях с немецкими орденами и лишь мимоходом отмечает нападение на Жемайтию «латыголы» и ответную акцию жемайтских князей.

В результате удачных войн Новогрудское княжество во время правления Рынгольта, т. е. вообще в конце существования его в качестве независимой политической единицы, представляло собой огромное по тому времени государство. Северной границей его служила река Вилия, восточной — линия Койданово — Могильно; на юго-западе владения Новогрудка охватывали Гродно и все Подляшье с городами Берестье, Дорогичин, Бельск, Мельник, Бранск, Сураж, а также Полесье с Пинском, Туровом и Мозырем, а на юго-востоке — Чернигов, Стародуб и Карачев. Западная граница в летописях не указана, но, согласно «Началам», она шла примерно по современной советско-польской границе. Впрочем, в «Кронике», а также в хронике Литовской и Жмойтской есть сообщение, что владения новогрудского князя начинались на северо-западе у Вильно, но это, видимо, описка (вместо от «Вилии» написано «от Вильны»), тем более что далее говорится, что сын князя Мингайло «сел на отцевской столице в Новгороду князства Руского и Литовского по Вилии реце» (ч. I, с. 249; т. XXXII, с. 21).

В политическом отношении только в одном случае, после победы у Койданова и захвата ряда земель, Скирмонт посадил в Турове своего брата Писимонта, а Любарта — в Карачеве (согласно «Кронике» и хронике Литовской и Жмойтской, названные князья получили по два города, но это в данном случае не имеет значения). Оба князя пали в битве на Окуневке, и их уделы должны были вновь отойти к великому князю новогрудскому. Таким образом, согласно сказанию, Новогрудское княжество представляло собой государство, которое

непрерывно увеличивалось, но на уделы не дробилось (ч. I, с. 248; т. XXXII, с. 24).

Титулатура правителя страны в средневековые имела большое значение. В летописях татарский хан всегда назывался царем, правители Литвы и Жемайтии — великими князьями; точно так же и в Новогрудке всегда сидели великие князья. Уже Ердивил, согласно летописям, «вчанил город» и назвался великим князем новгородским (т. XXXV, с. 129, 146, 174, 194, 215). И впоследствии новогрудские князья неизменно называются великими, тогда как русские — просто князьями (князь Мстислав луцкий и пицкий, князь друцкий и т. д.). Естественно, что выражение «великий князь» в отношении правителей Новогрудка должно было подчеркнуть их высокое положение, равное положению князей литовских и выше русских. В дальнейшем из трех великих княжеств — Новогрудского, Литовского и Жемайтского — образовалось одно — Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское (Русское Новогрудское), столицей которого стало Керново, потом Старые Троки, затем Троки Новые и, наконец, Вильно. При всех этих переменах объединение происходило мирным путем.

После переноса столицы из Новогрудка летописи начинают говорить не о трех отдельных владениях — Жемайтии, Литве и Новогрудском княжестве, а об одном общем государстве. При перечислении княжеств на первое место стала всегда выноситься Литва.

События, происходившие после смерти Рынгольта, в хрониках и летописях описаны по-разному, причем в летописях, независимо от того, сказано ли там прямо, что Рынгольт умер «без плоду» или что он оставил наследником Войшелка, продолжение одинаковое: на престол великого князя был избран Свинторог, или Швинторог, сын Утенуса герба Китоврас, и он был князем в Новогрудке «и на руских городах». После смерти своего отца, Утенуса, Свинторог «начнет кнежыти на великом кнежени Литовском и Жомонтском, и Новгородском и Руском» (т. XXXV, с. 132, 149, 177, 197, 218).

С именем Свинторога — Швинторога не связано никаких примечательных событий. Свинторог — это как бы звено, связывающее перенос центра внимания летописей из Новогрудка в Вильно. Начало этому положило распоряжение Свинторога, данное его сыну Скирмунту, чтобы тот сжег труп отца там, «где река Вилня упадывает у Велю», т. е. на том месте, где позже был создан город Вильно. Затем Свинторог распорядился, чтобы там вообще сжигали «всих князен литовских и знаменитых бояр», а далее сообщается, что «перед тым жыгали тела мертвых на том местцу, хто где умереть» (т. XXXV, с. 132, 149, 177, 197, 218). Таким образом, Свинторог создавал общелитовское святилище, а вместе с тем как бы предопределил место, где впоследствии должна быть создана столица. Дав такой наказ, Свинторог умер, и с телом его поступили именно так, как он приказал, т. е. сожгли на костре, причем вместе с ним сожгли любимого коня и слугу, а также охотничьего пса, сокола и одежду (т. XXXV, с. 132, 149, 177, 197, 218). Далее следует описание религиозных воззрений и погребальных обрядов того времени.

Скирмонт оставил после себя двух сыновей — Трабуса и Колигина.

Первый из них стал княжить в Жемайтии, второй — «на земле Литовской и Руской». После смерти Колигина править стал его сын Роман, который после смерти Трабуса делается князем триединого государства — Жомойтского, Литовского и Русского (т. XXXV, с. 150). При всем том Роман выступает в летописи только в качестве отца пяти сыновей — Наримунта, Довмонта, Голшиса, Гедруса, Тройдена.

Наримунт, став великим князем, начал с того, что «вчинил» город Керново, куда и перенес свой «столец» из Новогрудка, после чего стал титуловаться великим князем литовским, новгородским и жомойтским (т. XXXV, с. 150). Это последнее упоминание о том, что Новогрудок был столичным городом. Здесь уместно вспомнить, что Керново, согласно тем же летописям, было создано уже давно (т. XXXV, с. 129, 146, 174, 194, 215).

Далее следует пояснение, откуда в Литве появился ряд населенных пунктов и почему они так названы (об этом не говорится прямо, а следует из текста летописей).

Второй сын Романа, Довмонт, «сел» в Утянах и назвался князем утянским; Гедрус «зарубил» город, назвал его Гедройти и стал титуловаться князем гедройтским; Голшис переправился через реку Вилию, нашел «гору красну» над рекой Вильней в миле от впадения ее в Вилию, где и основал город Гольшаны, но вскоре ему еще больше приглянулось место над рекой Кораблем, и он основал там другой город, куда и перенес свою столицу, сохранив, однако, титул князя гольшанского (как был назван город над рекой Кораблем, не сказано).

Все названные здесь населенные пункты существуют издавна, и все они расположены на недалеком (не более 100 км) расстоянии от Вильнюса. Утяны и Гедройти находятся к северу от Вильнюса и от Вилии. Значит, автор, который писал, что Голшису пришлось переправиться через эту реку, чтобы найти свою «гору красну», смотрел на описываемую местность, находясь на левой стороне Вилии. Гольшаны, как и Гровжишки, находятся в современной Гродненской обл. на левобережье Вилии. Что касается поселения, которое создал Гольшис над рекой Кораблем и названия которого в летописи нет, то определить его местоположение не удалось²¹.

Пространный рассказ, озаглавленный в ряде летописей «О пяти сынех Романовых», далее излагает ход междоусобной борьбы между братьями. Этот раздел кончается сообщением, что сын Тройдена Рымонт — Лаврыш герба Китоврас отказался от престола в пользу Витеня герба Колюмнов (т. XXXV, с. 151).

С приходом к власти «Колюмнов» Новогрудское княжество как отдельная политическая единица исчезает со страниц летописи; существует уже только Великое княжество Литовское, Русское и Жомойтское или Литовское, Жомойтское и Русское.

Сказание не знает дат, кроме года рождения Христа. Однако время создания Новогрудка и его огромных успехов определяется в общих

²¹ В «Географическом словаре Польского королевства и прочих славянских земель» упоминаются деревни Корабли в Вилейском у. Виленской губ. и Корабы в б. Ошмянском у. той же губернии. В обоих случаях не указано, на каких реках они находились (Słownik geograficzny królestwa Polskiego. Warszawa, 1883, t. IV, s. 391).

чертах по событиям. Ердвилл пришел в местность, где он основал Новоградок, после нашествия Батыя, т. е. ориентировочно в 1240 г. Тройден начал править в 1270 г., когда Новоградское княжество перестало расширяться. Значит, все приобретения были сделаны между 1240 и 1270 гг.

Персонально сказание называет новгородскими князьями тех лиц, которые в летописях не упоминаются (о Войшелке — Войшвилке вспоминают лишь «иные», да и то в туманной форме; о Миндовге, Войшелке и Шварне говорит лишь хроника Быховца). Сказанию неизвестны такие крупные города того времени, притом расположенные недалеко от Новоградка, как Слоним и Волковыск, неизвестны также Свислочь, Кобрин и другие центры того времени.

Прежде всего о Новоградке, находившемся в центре внимания сказания. В 1235 г. Даниил, князь галицкий, «возвел» на Мазовию «Литву Миньдовга и Изяслава новгородского»²². Значит, в то время в Новоградке был свой князь, притом русский. Какие у него были взаимоотношения с Миндовгом, неясно, но похоже, что Изяслав был в какой-то зависимости от литовского князя. В течение 1252—1268 гг. Ипатьевская летопись упоминает о Новоградке девять раз²³. Почти все эти записи говорят о том, что Новоградок был крупным политическим центром, однако совершенно очевидно, что сказание преувеличивало значение Новоградка. Вместе с тем «смута» в Великом княжестве Литовском после ряда убийств была прекращена Войшелком с помощью сил Пинска и Новоградка. Войшелк, став великим князем, истребил или заставил бежать противников своего отца (а значит, и самого Войшелка), опираясь на тех, с кем он пришел к власти, т. е. в первую очередь на новгородчан. Все это, очевидно, и послужило материалом для создания легенды о Новоградке как о центре могущественной державы.

Значение легенды

Начальные сведения по истории едва ли не всех народов представляют легенды, и едва ли не у всех исследователей, занимающихся этим периодом, возникает вопрос о целесообразности изучения подобного источника. Необходимость изучения легенды определяется хотя бы тем, что и самые фантастические сведения создавались в свое время с какой-то целью, нередко же легенда опиралась на факты, подавая их, однако, в сильно измененном виде. Все это ведет к необходимости уяснения движущих сил сказания, его подосновы.

Из предыдущего известно, что авторы легенды плохо знали географию как Литвы, так и Белоруссии. Из всей огромной территории, которой они коснулись, им известны (возможно, «в глаза») область северо-восточнее Вильнюса (древнее Девялтово), район Новоградка и такие небольшие населенные пункты, как Койданово и Могильно. Что касается других пунктов, то о них сказано совершенно абстрактно:

²² ПСРЛ, т. II, стб. 776.

²³ Там же, стб. 816, 818, 831, 838, 858—864.

совершался поход к такому-то городу, да и число названных городов очень невелико. Для создания новых городов основатель находил «гору красну» (красивую), на которой и строил замок. Правило с горой соблюдалось настолько неукоснительно, что даже в той части летописи, в которой содержатся относительно реальные факты, летописец, говоря о заложении Старых Трок, сообщает, будто город был построен тоже на «красной горе», хотя этот замок расположен на совершенно плоской местности.

Из рек, кроме Оры, Немана, Вилии, Западной Двины, Святой и Ширвинты, авторы называют относительно небольшую — Ясельду и совсем маленькую — Окуневку. Что касается хронологии, то во всей легенде есть лишь одна дата — 5526 (в хронике Литовской и Жмойтской 5508) г. — год рождения Иисуса Христа («от сотворения мира»).

Примерно 80% легендарного текста касается Новогрудка и Новогрудского княжества (Великого княжества Новогрудского), причем деятельность новогрудских князей всегда описывается только в героическом плане. В полном согласии с этим находится указание, что правили Новогрудком, и только Новогрудком, прямые потомки Палемона; князья Литвы и Жемайтии — потомки второстепенных деятелей, вассалов Палемона.

Естественно, что при таком положении напрашивается вопрос, не была ли легенда написана в Новогрудке, ведь этот город, сильно укрепленный к тому же, не только существовал в легенде как создание князя Ердвила, но и был вполне реальным большим экономическим и политическим центром еще до появления литовцев. Весьма возможно, что именно там составлялась летопись, отражающая деятельность Миндовга и Войшелка.

Ориентировочно приняв Новогрудок как место создания легендарной части летописи, необходимо выяснить, кто из деятелей первой половины XVI в. (когда легенда оформлялась в том виде, в каком мы ее знаем сейчас) был заинтересован в ее создании.

Сообщив, что из Рима вместе с Палемоном уехало 500 семей римской «шляхты» или «рыцарства», сказание сосредоточивает все внимание на представителях четырех фамилий, потомки которых играли впоследствии видную роль в истории Литовского государства. Что же касается всех остальных «римлян», то о них легенда в дальнейшем вообще не упоминает.

Персонально сказание называет четырех человек, указывая, к какому гербу они принадлежали: первый — Довспрунк герба Китоврас (в польских источниках это Центаурас, т. е. Кентавр), второй — Прешпор герба Коломны (Колонны), третий — Ульянус герба Урсеин (Медведь) и четвертый — Гектор герба Рожи (Розы). Впрочем, в разных летописях эти лица называются несколько по-разному, да и не всегда называются все четыре. Так, в Ольшевской летописи сказано, что среди знатных беглецов были представители четырех фамилий или гербов, но упомянуты только два — Китоврасы и Коломны, имен же нет ни одного. Это наиболее примитивный вариант. В летописи Красинского перечислены четыре герба, но вместо «Рожи»

назван герб «Оургы», а в летописи Рачинского вместо «Урсейн» — «Руси». Что касается «Начал» Стрыйковского, то там говорится не о четырех представителях разных гербов, а о пяти: Дорспрунг герба Кентавр, Проспер Цезаринус герба Колумны, Юлиан герба Урсейн и Компан герба Розы, а далее сообщается, что с ними же прибыл Гаштольд герба Гектор (Начала, с. 88—89).

Однако впоследствии и к представителям четырех родов оказывается совсем неодинаковое внимание. Члены гербов Урсейн и Рожи упоминаются только один раз в качестве родоначальников знатных фамилий: от Эйкша, представителя герба Урсейн, произошла фамилия Довойнов, а от Гровжа, принадлежавшего к гербу Рожи, — Моивиды (т. XXXV, с. 129, 147, 174, 195, 215; т. XXXII, с. 130). Зато о членах родов Китоврас и Колумнов летописи упоминают очень часто, а так как Китоврас (Кентавр) был гербом князей Гольшанских, а Колумны (Колонны) — гербом Гаштольдов, то реально это означало, что сказание стремилось подчеркнуть выдающееся положение в истории Великого княжества Литовского деятелей, принадлежавших к этим фамилиям, и только их. Так, литовский князь Гирус принадлежал к Китоврасам (т. XXXV, с. 130, 146, 174, 196, 216). Князь Живибунд — это тот, «што вышел с Китавраус» (там же). «С Китавраусу» же был и сын Утенуса Свинторог, или Швинторог, возглавивший Великое княжество Литовское после объединения всех его трех частей (т. XXXV, с. 131).

Представители Колумнов в начальной части летописей упоминаются гораздо реже, чем Китоврасы, и притом всегда в втором месте. Впоследствии же Колумны берут реванш — Китоврасы даже уступают им великокняжеский трон (в Евренновской летописи, хронике Быховца и хронике Литовской и Жмойтской не сказано, что Витень принадлежал к Колумнам; т. XXXII, с. 34, 136; т. XXXV, с. 220). Преимущество Колумнов перед Китоврасами какое-то время подчеркивалось и далее (после того как Витень занял великокняжеский трон). Из дальнейших сообщений следует, что Гедимин и все его потомки, включая Ягеллонов, находились в родстве с Гаштольдами.

Гаштольды в начальном периоде правления Гедимина — ближайшие помощники великого князя, выполнявшие самые ответственные поручения. Так, в летописях Археологического общества, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евренновской и хронике Быховца при описании отправки отряда для обороны от немцев Ковно отмечается, что командующим отрядом был назначен Гаштольд «з рожаю Колумнов» (т. XXXV, с. 95, 152, 179, 199, 220; т. XXXII, с. 136). Далее летописи сообщают, что как только был основан город Вильно, Гедимин назначил туда «першим воеводою» того самого «Кгаштолта с Колумнов», о котором писалось ранее (т. XXXV, с. 96, 153, 181, 201, 222; т. XXXII, с. 41). Однако за пределами раздела о Гедимине, при многократных упоминаниях о Гаштольдах, никогда не отмечается, что они из «рожаю Колумнов». Следовательно, настойчивое повторение о принадлежности двух фамилий к определенным гербам свойственно почти исключительно легендарной части, причем авторы сказания придавали этому очень большое значение, тогда как составители

реальной части летописей обращали на принадлежность к гербам гораздо меньше внимания. Вместе с тем летописи ни одного из Гаштольдов не назвали князем.

Раздел летописей, в котором говорится о правлении Гедимина и где упоминается «рожай» Гаштольдов — Колумнов, содержит об этом «рожае» маловероятные данные. Гедимин, который, согласно летописи, назначил Гаштольда (имя Гаштольда не названо) «першим воеводою» в Вильно, умер в 1341 г. Реально же первым виленским воеводой стал Ян Гаштольд в 1412 г., первым же виленским старостой был Андрей Гаштольд в 1387 г.²⁴ Вместе с тем возможно, что Гаштольды занимали подобный пост и ранее, но назывался он иначе.

В противоположность Гаштольдам Гольшанские всегда именуются князьями, но за пределами сказания (включая разделы, посвященные деятельности Гедимина) никогда не упоминается об их принадлежности к Китоврасам и ничем особым не отмечается участие в жизни страны.

Каким образом или чем был связан Новогрудок с Гаштольдами или с какой-либо другой знатной фамилией? С 1341 г. этим городом владел в качестве столицы удельного княжества Кориат — Михаил Гедиминевич, затем его сын Федор, в конце XIV в. Корибут — Дмитрий Ольгердович. После 1394 г. Новогрудок становится великокняжеским доменом. Следовательно, непосредственно к Гаштольдам в этот период Новогрудок отношения не имеет, но ведь и легенды в то время, видимо, не существовало — она создавалась позже. Впоследствии, в особенности в первой половине XVI в., связь Гаштольдов с Новогрудком стала очень тесной. С того времени, когда в Новогрудке появились наместники, а после 1507 г. (год образования воеводства) воеводы, и до 1542 г. (в том году род Гаштольдов угас) Новогрудком правили следующие лица (те, о которых имеются известия): Монтигирдович Петраш (1431—1452), Гаштольд (Гаштольдович) Мартин (1464—1471), Монивид (Монивидович) Войтех Янович (1471—1475), Монтовтович Михаил (1483—1484), Солтан Александрович (1486—1487), Радивилевич Николай (1488—1490), Пац (Пацевич) Юрий (1492—1496), Заберезинский Ян Юрьевич (1496—1498), Хрептович Ян Литавор (1498—1500), Гольшанский Семен Юрьевич (1500), Глебович Петр (1500), Гаштольд Альбрехт Мартинович (1503—1506). Гаштольд Станислав Альбрехтович получил назначение в 1522 г., но реально стал новогрудским воеводой в 1530 г. и был таковым до 1542 г.²⁵

Значит, из первых 13 наместников и воевод в Новогрудке четыре раза этот пост занимали Гаштольды, все остальные — по одному разу. Гольшанский был новогрудским воеводой очень непродолжительное время, в сущности замещая воеводу в связи с тем, что наместник Хрептович попал в 1500 г. в плен. Стоит обратить внимание и на то, что Гаштольды не только четыре раза были наместниками и воеводами в Новогрудке, но и занимали пост воеводы почти непрерывно начиная с XVI в.

²⁴ Wolff J. *Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego*. 1386—1795. Kraków, 1885, s. 71.

²⁵ *Ibid.*, s. 34—37.

Однако если инициатором создания легенды в целом были Гаштольды, то в отдельных деталях легенда существовала в работах польских хронистов и до XVI в., но в краткой редакции. Здесь же разговор идет о том виде легенды, который зафиксирован в летописях, а через них в работах Стрыйковского. Поэтому наиболее вероятным инициатором создания легенды представляется Станислав Альбрехтович Гаштольд, первый муж Варвары Радзивилл, позже жены последнего Ягеллона — Сигизмунда-Августа²⁶. Он дольше всех был воеводой в Новогрудке, конечно, знал все реальное и легендарное о своих предках. Кроме того, легенда в том виде, в каком мы ее знаем теперь, была записана не позже 1542 г. (год смерти Станислава Гаштольда).

Уже отмечалось, что легенда четко разделяется на две части, в первой из которых говорится о прибытии беглецов из Рима в Жемайтию и движении их потомков на восток, в Литву, вторая же целиком посвящена Новогрудку (деятельности великих князей новогрудских). Исходя из этого допустимо предположение, что к краткому первоначальному тексту было добавлено все остальное, т. е. раздел, в котором Новогрудок представлен в качестве центра могущественного государства. Управлять городом и воеводством с таким прошлым было, естественно, весьма престижно. Располагая данными, которые есть сейчас, деление на две части имеет характер гипотезы. Однако, учитывая, что из населенных пунктов возвеличивается только Новогрудок, а из деятелей — особенно Гаштольды и то обстоятельство, что как раз деятельность ряда Гаштольдов была связана с Новогрудком, выдвижение такой гипотезы правомерно. Из Гольшанских — Китоврасов, которых наряду с Гаштольдами возвеличивала легенда, только один, и то самое краткое время, был новогрудским воеводой. Что касается таких второстепенных героев легенды, как Монивид, потомок Гровжа, то он был новогрудским наместником в 1471—1475 гг. Другой Монивид (Монивидович), Ивашко, в 1443 г. стал воеводой трокским, позже виленским; к Новогрудку он никакого отношения не имел. Станислав Станиславович Довойна, потомок Эйкша, был полоцким воеводой, в 1563 г. попал в плен, где и умер²⁷.

Очевидно, нет оснований считать, что кто-либо из Гаштольдов сам написал сказание. Судя по знанию отдельных местностей, первую часть ее мог написать уроженец древней Девайтвы, вторую — уроженец Новогрудка.

Из вопросов, которые затронуты (или, наоборот, не затронуты) в легенде, в данном случае важнейшими можно считать четыре: 1) преобладающий интерес к «русн», т. е. к Новогрудку; 2) отсутствие данных о борьбе с немцами; 3) отсутствие данных о борьбе с поляками; 4) безразличие к вопросам религии.

Вопрос национальный представляется простым: решающее значение в сказании придается не населению княжества (русн), а князьям, которые на всем протяжении остаются литовцами или жемайтами, но главное — прямыми потомками Палемона. Поэтому противоречия

²⁶ Ibid., s. 58—59.

²⁷ Ibid., s. 34, 46, 56.

между литовским происхождением Гаштольда и «русским» характером Новогрудского княжества нет. Из всех потомков Палемона, правивших в Белоруссии, только Гивил, осевший в Полоцке, стал «русин», но повесть о Полоцке стоит как-то в стороне от всего остального сказания. Вообще, до появления в Великом княжестве иезуитов религиозный вопрос там не был обострен. Как известно, сам Сигизмунд-Август относился к вопросам религии равнодушно. Равнодушные легенды, никак не осуждавшей языческие обычаи легендарных литовских князей, а затем не реагирувавшей на то, что в православном Новогрудке столетия сидят князья-язычники, в какой-то мере согласуется с обстановкой в Великом княжестве в первой половине XVI в.

Непонятным остается только полное игнорирование борьбы с немцами, хотя в полуполюгендарной части летописей именно Гаштольд выступает в героическом плане в начальный период правления Гедимина (легенда ограничивается упоминанием, что в земле «латыголь» появились из-за моря немцы).

В легенде преобладают фантастические данные (прибытие из Рима 500 семей шляхты и пр.), другие же данные основаны на преданиях, но ряд сообщений отражает действительность. Возьмем Новогрудок, длительное время находящийся в центре внимания легенды. Согласно сказанию, жемайтский князь нашел «гору красну» и окрестность пустынными.

Исследования последних лет, в частности раскопки Ф. Д. Гуревич, показывают, что местность около Новогрудка была густо (по тем, конечно, временам) заселена славянским населением еще в X в. Сам Новогрудок возник в конце X в. и был обнесен валом уже тогда. Во второй половине XI в. Новогрудок — зрелый ремесленный и торговый город и одновременно крепость с мощными оборонительными сооружениями. Мало того, Новогрудок был наводнен товарами привозными, в основном утварью и предметами роскоши. В этом смысле он является исключением, так как хотя импортные изделия встречались и в других городах, но далеко не в таком количестве и не в таком ассортименте. Особенностью Новогрудка было и то, что в нем до XII в. не обнаружено следов христианства²⁸.

Работа М. А. Ткачева показывает, что с начала XI в. до середины XIII в. «на валах древнего Новогрудка не менее пяти раз подновляли деревянные стены», а во второй половине XIII в. на смену частоколу пришли крепкие дубовые срубы — городни с двойной передней стеной. Тогда же в замке была построена первая каменная башня²⁹.

Важнейшим местом легенды является рассказ о победах, одержанных новогрудскими князьями над татарами и волыньскими князьями. Современная историография рассматривает вопрос о битвах с татарами по-разному. В. Т. Пашуто писал, что «источники не знают о вторжении татарских войск ни в Литву, ни в земли, захваченные немец-

²⁸ Гуревич Ф. Д. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг. — Советская археология, 1980, № 4, с. 88—89.

²⁹ Ткачов М. А. Замкі Беларусі. Мінск, 1977, с. 15.

кими рыцарями», ни в Белоруссию²⁰. Очевидно, это высказывание следует понимать так, что татары не дошли до Литвы во время первого похода в 1237—1240 гг., так как далее тот же автор отмечает, что в 1258—1259 гг. рать Бурундая нанесла «тяжелый удар по литовским землям с юга». Пашуто отмечает, что, согласно Новгородской I летописи, «взяша татарове всю землю Литовскую, а самех избиша». К словам «взвася землю Литовскую» Пашуто делает примечание, что, следовательно, татары «воевали в Аукштайтии»²¹. Но это может быть только предположением.

Со ссылкой на ряд летописей (ПСРЛ, т. X, с. 142; т. XXV, с. 143; т. II, стб. 846; Новг. I, с. 82, 310) С. А. Щербаков говорит о нападениях татар в 1258—1259 гг. на западнорусские и литовские земли, не поясняя, однако, что следует понимать под названными землями, т. е. не отвечает на вопрос, были ли в те годы татарские войска на территории Белоруссии²². Кроме того, автор не обратил внимания на то, что использованные им источники изображают обстановку в указанные годы неодинаково. В Новгородской I²³ (а также в Новгородской IV²⁴, данные которой Щербаков не приводит) сказано, что татары в 1258 г. «взяша... всю землю Литовскую, а самех избиша», тогда как согласно Никоновской (ПСРЛ, т. X, с. 142 — это место автор цитирует) летописи татары, пройдя по всей Литовской земле, «со многим полоном и богатством идоша во свояси».

Даже не принимая сообщения обеих новгородских летописей буквально (так как вообще не бывало, чтобы население какой-либо страны истреблялось поголовно) и учитывая лишь массовое истребление жителей, политическая активность Литвы в последующие годы была бы необъяснимой. Поэтому гораздо более вероятными представляются данные Никоновской, т. е. что страна была разорена и масса жителей уведена в плен. Однако в какой мере татарское нападение тех лет коснулось собственно Литвы? Ведь источники того времени не дают ясного представления о территории этого государства.

Наиболее основательно вопрос о борьбе литвы с татарами изучил Р. Батура, но у него встречается ряд неясных мест. За период, которого касается этот автор (1238 г. — конец XIV в.), небольшое Литовское государство выросло в огромное Великое княжество Литовское, с включением в его состав Белоруссии, большей части Украины и ряда русских земель. При таком положении неясно, каким был территориальный состав Литовского государства в середине XIII в., т. е. в пору первых столкновений с татарами. Неясна и точка зрения автора на то, каким образом были присоединены к Литве те или иные земли, т. е. была ли это прямая военная оккупация, когда население захваченных территорий должно было относиться к завоевателям враждебно, или иная форма.

По предположению Батуры, столкновения литовцев с татарами

²⁰ Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 375.

²¹ Там же, с. 381.

²² История Беларускай ССР. Минск, 1972, т. 1, с. 121.

²³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

²⁴ ПСРЛ. СПб., 1915, т. IV, ч. 1, вып. I, с. 232.

происходили уже в 1238—1240, 1240—1241 и 1242 гг., при возвращении Батгя (Бату) из Центральной Европы, когда отряды татар под командой Кадана (или Кайду), Бала и, может быть, других полководцев «опустошили окраины Литовского государства», однако нападение это было, видимо, отражено³⁵. Что такое «окраина», автор здесь не говорит, но далее, анализируя данные летописей за 1258 г., он утверждает, что «в опустошенной „Литве“ нужно видеть государство (!), что разорялась ее юго-восточная часть — Новогрудское княжество, а также территория севернее верхнего Немана, включая, видимо, и Гальшо (Гольшаны), а также Ятвягию»³⁶. Таким образом, Батура считает, что в данный период татары до собственно Литвы не доходили, окраина же Литвы — это западная Белоруссия. Вместе с тем из работы следует, что борьба с татарами велась исключительно силами литовцев.

Однако нападение 1258 г. кажется сомнительным. Согласно Ипатьевской летописи, нападение татар на Литву впервые произошло не в 1258 г., а в 1260 г. Идя в поход, командующий татарской армией Бурундай сказал Даниилу Романовичу: «Иду на Литву, оже если мирен, поиди со мною»³⁷. На помощь Бурундаю сперва отправился Василько, Даниил же только проводил брата до Берестья, где, судя по тексту летописи, и начались военные действия. Василько, встречая литву, избивал ее и привел Бурундаю «сайгат» (добычу), за что полководец похвалил его. Затем они вместе начали завоевывать земли Литовскую и Нальшанскую³⁸. Нальшанская земля — это современная юго-западная часть Витебской обл. Географические пункты, которые упоминаются в летописи (город Волковыск, река Зельва, города Гродно, Мельник), находятся в западной Белоруссии. Это район действия волинских сил. Значит, в 1260 г. татары повоевали лишь окраину Литвы, основные же военные действия происходили в Белоруссии и земле ятвягов.

В 1274 г. князь Лев Данилович обратился к хану Менгу-Темиру, «прося себе помочи у него на Литву»³⁹. Хан послал не только свои войска, но также Романа брянского с сыном Олегом, Глеба смоленского и еще несколько русских князей. Поход происходил зимой. Союзная армия, к которой присоединились князья пинские и туровские, двинулась от Турова к Слуцку и далее к Новогрудку. Продвигаясь в этом направлении, армия остановилась, немного не дойдя до реки «Сырвьаче», т. е. Сервачи, притока Немана. Расстояние от Сервачи до Новогрудка в направлении с юга на север — примерно 15—20 км. Если же считать, что войска стали, «не дошедше реки», то можно думать, что армия остановилась примерно в 25—30 км от Новогрудка. Для нас существенно то, что объединенные силы татар и русских, направляясь «на Литву», двигались к Новогрудку и едва ли не

³⁵ Батура Р. Борьба Литовского великого княжества против Золотой орды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1972, с. 15.

³⁶ Там же, с. 16.

³⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 846.

³⁸ Там же, стб. 846—847.

³⁹ Там же, стб. 871—872.

Новогрудок и был главной целью похода; во всяком случае, не взяв этого города, коалиция распалась. Причиной распада называется обстоятельство, что околный город Новогрудка, а вместе с тем добыча были взяты силами татар и Льва, остальные князья отсутствовали, т. е. не участвовали в разграблении города, чем и были очень недовольны («гневахуся вси князи на Льва») ⁴⁰; результатом был распад союза и прекращение похода.

В 1277 г. Ногай потребовал у галицко-волинских князей Льва, Мстислава и Владимира помощи против Литвы. Целью похода было опять взятие Новогрудка. Армия выступила зимой, но, придя к Берестью, русские князья узнали, что татары опередили их. Тогда, решив, что татары захватили уже всю добычу у Новогрудка (опять у Новогрудка), волинские князья повернули к Гродно. Беспечно ушедшее войско подверглось нападению прусов и бортев, было разбито, и князь Мстислав спасся «наг и бос» ⁴¹.

Неудачный поход к Новогрудку в 1274 г. и поражение волинских сил в 1277 г. вполне могли стать основой для версии о разгроме татаро-волинских сил с переносом места битвы на Неман у Могильно.

Новогрудок в середине XIII в. был самым крупным экономическим и культурным центром как западной Белоруссии, так и Литвы и Жемайтии, т. е. того района, который, согласно сказанию, после смерти Рынгольта объединился в одно государство — Великое княжество Литовское, Жемайтское и Русское Новогрудское. Вместе с тем Новогрудок был и самой мощной крепостью этого района и, должно быть, самым богатым городом, захват которого сулил большую добычу. Естественно, что при таком положении Новогрудок должен был стать центром, к которому в первую очередь стремились вражеские армии, а в то же время около него должны были собираться силы как Западной Белоруссии, так и Литвы.

По народному преданию, существовавшему у жителей Койданова еще в середине XIX в. (сейчас Дзержинска), татарская армия, которой командовал Койдан, была разбита около их города, называвшегося в то время Крутогорьем. В память об этой победе город и был переименован на Койданово ⁴². Сказание во всех шести летописях, содержащих легенду, не знает, однако, Койдана; по их версии, поход на Новогрудок был организован ханом Заволжской орды Балаклаем или Булаклаем; в битве у Койданова этот хан был убит (т. XXXV, с. 91, 130, 148, 175, 196, 216). О Койдане упоминают как Ипатьевская, так и старейшие белорусско-литовские — Супрасльская, Никифоровская и Слуцкая — летописи, называющие его при перечислении самых видных татарских полководцев, но все они не ставят его в связь с битвой у Койданова (т. XXXV, с. 26, 44, 84). Хроника Литовская и Жмойтская знает Койдана, называя его внуком Батяя и крупнейшим татарским полководцем, который «окрутне сплендровал» земли «Польскую, Куявскую, Шлионскую», а также «панства Муравское и Венгер-

⁴⁰ Там же, стб. 872.

⁴¹ Там же, стб. 876—877.

⁴² Шпилевский П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб., 1854, с. 79.

ское» (т. XXXII, с. 26); что же касается битвы у Койданова, то и этот источник утверждает, что там татарами командовал Балаклай (т. XXXII, с. 23—24).

Русским летописям неизвестна и битва на реке Окуневке, в которой действовал, с одной стороны, «з многими ратми татарскими ... цар заволгский Курдас», а с другой — новгородский князь Скиргайло или Тройнат — Тронята в союзе со своими братьями Любартом карачевским и Писимонтом туровским, а также с Семеном Михайловичем друцким, Давыдом Мстиславичем луцким и Святославом киевским. Татарская армия и на этот раз была разбита. Согласно хронике Литовской и Жмойтской, «Тройнята Скирмонтович новгородский, подляский и Литвы Повилской князь» привел с собой «рицество» «новгородское, подляское, литовское, стародубское, чернеговское и туровское» (т. XXXII, с. 24—25, 132; т. XXXV, с. 92, 131, 148, 176, 196, 217). Это единственный случай, описанный в белорусско-литовских летописях и хрониках, когда против татар выступают совместные силы новгородские и литовские в союзе с князьями волынскими, друцким и киевским. Отрицать возможность битвы именно на Окуневке едва ли стоит, но, вероятнее всего, битва там произошла значительно позже и едва ли в ней участвовали все антиатарские силы, которые указаны в наших источниках.

В заключение можно сказать, что походы татар на Белоруссию и Литву в XIII в. направлялись в первую очередь к Новгородку, что и отразилось в летописании. Данные, которыми мы располагаем, дают основание утверждать, что татары (или татары совместно с галицко-волынскими силами) едва ли достигали когда-либо даже Нальшанской земли и никогда не доходили до собственно Литвы. Походы татар отдельно или вместе с союзниками разоряли край (почти исключительно Белоруссию), но они не сопровождались крупными военными успехами, что дало основание летописцам изобразить битвы с татарами как победы своей стороны. В то же время не исключена возможность и поражения татарского отряда у Койданова, а также на Окуневке.

Учитывая важнейшее значение Новгородка, необходимо попытаться уяснить положение этого города и княжества: какими были его отношения с Литвой и Волынью, насколько, наконец, реально отражало обстановку сказание?

Данные, содержащиеся по этому вопросу в Ипатьевской летописи, неясны, местами противоречивы, что, вероятнее всего, отражает неустойчивость положения Новгородка в начале второй половины XIII в. В хронологическом порядке летопись сообщает следующее. В 1255 г. Даниил Романович пошел «на войну на Литву на Новьгородок»⁴². Это сообщение состоит из одной фразы, вставленной в рассказ о борьбе волынских князей с татарами за Подолию, и поэтому представляется вставкой в основной текст. Но значит ли это, что Даниил пошел *и* на Литву *и* на Новьгородок, т. е. были ли Литва и Новьгородок отдельными политическими единицами или Новьгородок был частью (в подчинении) Литвы?

⁴² ПСРЛ, т. II, стб. 828—829.

В самом конце записей за 1255 г. сообщается, что Войшелк, заключив мир с Даниилом, выдал сестру замуж за Шварна, отдал ему Новогрудское княжество, а сам стал монахом⁴⁴. Выше отмечалось, что это вставка, отражающая более позднюю обстановку, и что, следовательно, судить о положении Новогрудка в том году на основании отмеченных записей невозможно, говоря точнее, содержание вставки сомнительно.

В 1256 г. Даниил Романович отправился в поход против ятвягов и потребовал, чтобы Роман, который в то время был новогрудским князем, присоединился к нему. «И приде к нему Роман со всеми новгородци и со тцем своим Глебом и со Изяславом со вислочьскимь»⁴⁵. Роману Даниловичу в то время были переданы, кроме Новогрудка, Слоним, Волковыск и еще что-то. Тот факт, что с ним пришел Изяслав свислочьский, может свидетельствовать о зависимости Изяслава от князя новогрудского⁴⁶. Эти данные говорят о том, что, во-первых, власть новогрудского князя действительно, как говорится в сказании, распространялась далеко на юго-запад, но о зависимости Новогрудка от Волыни легенда не говорит нигде, во-вторых, в зависимости от литовского князя (Миндовга) Новогрудок не был, и поэтому можно предположить, что поход 1255 г. был направлен на Новогрудок и Литву как на отдельные объекты.

Несколько по-иному рисуется обстановка в 1257 г., когда Миндовг обещал Даниилу, собиравшемуся в поход к Возвяглю, прислать «Романа и новгородце»⁴⁷. В 1258 г. Даниил пошел походом к Возвяглю, «жда весте от Романа и Литвы»⁴⁸. Здесь Новогрудок (князь Роман) и Литва — понятия разные, разным было и их участие в походе, вернее, их поведение после окончания похода: «Роман еха по отци, поемь со собою мало людии, а прочии пусти домовь», литовцы же занялись грабежом⁴⁹.

Граница между Новогрудским княжеством и Литвой в то время определялась очень четко — это Неман. В 1262 г. Войшелк основал Лаврышевский монастырь «на реце на Немне межи Литвою и Новымгородком»⁵⁰. Лаврышево находится на левом берегу Немана недалеко от Новогрудка. В 1268 г. Шварн, в то время князь новогрудский, объяснял полякам, что войну с ними вел не он, а Литва⁵¹. В 1263 г. Войшелк с жителями Пинска прибыл в Новогрудок и оттуда, взяв с собой новогрудчан, двинулся в Литву⁵². Войшелк установил свою власть в Литве, опираясь на силы Новогрудка и Пинска.

⁴⁴ Там же, стб. 830—831.

⁴⁵ Там же, стб. 831.

⁴⁶ Свислочь — городок, расположенный на реке Свислочи к юго-западу от Волковыска; есть и другая река Свислочь, приток Березины, и при ее устье тоже есть городок Свислочь.

⁴⁷ Там же, стб. 838.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, стб. 839.

⁵⁰ Там же, стб. 859.

⁵¹ Там же, стб. 864.

⁵² Там же, стб. 861.

Сказание, утверждая, что Новогрудку подчинялось все Белорусское Полесье, Подляшье и часть Украины, преувеличивало его значение, но политическая значимость Новогрудка в то время была очень велика.

Легендарная часть летописей в литературе

Выше отмечалось, что до выхода в свет хроники Быховца в 1846 г. читатели были уверены, что легенду сочинил М. Стрыйковский, но уже В. Н. Татищев отметил, что сообщения о прибытии предков литовской знати имеются в трудах Кадлубека, Длугоша и Меховского.

Говоря об исходном положении легенды, т. е. о переезде «римлян» из Италии в Литву морем, Татищев пишет, что «Стрыйковский, или прежде всего Кадлубек, не токмо из Прусов, но из Италии их немалым, чаю, трудом на кораблях перевезли». И далее: «Прежде его (т. е. Стрыйковского.— Н. У.) Длугош и Меховий, от Дизбурка взяв, яко бы Палемон или Публиус Либанов римлянини, пришед, в Прусах поселились, есть явная басня»⁵³. В самом общем виде содержание легенды изложено Татищевым⁵⁴.

Несколько раз к сказанию (в изложении Стрыйковского) обращался Н. М. Карамзин. По его мнению, Стрыйковский написал историю Литвы, «выбрав оную из летописей польских, отчасти из наших, литовских, прусских, из песен и сказок. Мнимые древние известия о происхождении великого герцогства (!) Литовского баснословны и явно основаны на догадках... История Палемонава,— продолжает он,— есть сказка, основанная единственно на сходстве некоторых слов языка литовского с латинским»⁵⁵. В другом месте Карамзин в самой краткой форме излагает основные положения легенды, отмечая, что обстановка в Литве в XIII в. была неясной и эта неясность «еще более затмилась от пустых догадок историка Стрыйковского. Он рассказывает, что во времена нашествия Батыева господствовал в Литве Зивибунт, зять и наследник Керна, внука Палемона» и т. д.⁵⁶

Сообщения о переезде морем 500 семей из Италии в Литву, а затем о смене десятка поколений в течение тысячи лет, конечно, настолько фантастичны, что иначе как «басней» уже в XVIII в. назвать их было невозможно. Однако, уяснив это, названные авторы не пошли дальше, т. е. не сделали попытки хотя бы предположить, с какой целью и кем была создана легенда.

Весьма иронически отнесся к легенде польский историк И. Лелевель, знакомый с ней по хронике Стрыйковского (как и многие другие, не знавшие летописей, Лелевель считал, что все это выдумки Стрыйковского). О приезде «римлян» морем из Италии в Литву Лелевель даже не упоминает. Очевидно, переезд морем как часть самая фантастическая вообще не требовала опровержения, и он только ука-

⁵³ Татищев В. Н. История российская. М.: Л., 1962, т. I, с. 290.

⁵⁴ Там же. М.: Л., 1964, т. III, с. 268.

⁵⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842, кн. 1, т. I—IV, примеч. к т. II, гл. II, № 35, с. 17.

⁵⁶ Там же, примеч. к т. IV, гл. II, № 103, с. 38.

зал, что смена четырех-пяти поколений за срок более чем в тысячу лет произойти не могла⁵⁷.

Исследователем, впервые ознакомившимся со сказанием не в передаче Стрыйковского, а непосредственно по летописям, когда была найдена хроника Быховца, является Нарбут. Он был уверен в достоверности сказания. Однако некоторые места сказания показались ему сомнительными, и он постарался как бы «исправить» их. Полностью принимая версию о прибытии в Литву Палемона во главе 500 рыцарей с их семьями, Нарбут считал, что Палемон привел не римлян, а потомков тех герулов, которые раньше жили в Нижней Саксонии и потом двинулись на северо-восток, но в IX в. осели среди славян на левом берегу Вислы. Таким образом, Нарбут относит прибытие Палемона в Литву не к I в. и не к началу V в., а к IX в.⁵⁸ Кроме того, Нарбут отвергает версию, будто название «Литва» происходит от соединения слов «Литус» и «Туба»⁵⁹. По его мнению, версия о том, что князь Скирмунт приказал отрезать татарским послан носы, губы и уши, неправильна⁶⁰. Он отрицает наличие татар — союзников русских князей в битве у Могильно, так как, по его расчетам, битва произошла в 1235 г., когда татар на Руси еще не было. Нарбут предполагает, что там были не татары, а половцы⁶¹.

По сказанию, Палемон прибыл в страну пустынную, Нарбут же утверждает, что литовский народ жил на этой территории и до прибытия Палемона, притом жил не только на правом берегу Вилии, но и на левом (впрочем, в этом вопросе у него нет полной ясности, так как тут же им сказано, что на левом берегу той же реки жили «русинь») ⁶². В соответствии с положением, что Литва была заселена до прихода Палемона, Нарбут построил свою схему о том, как (частично) приобрели в Литве и Жемайтии целые княжества сыновья Палемона, женившись на дочерях местных крупных владельцев⁶³.

Не согласен Нарбут и с тем, что Новогрудок был основан Ердвилем — Скирмунтом на пустом месте. По его мнению, Новогрудок существовал задолго до появления там упомянутых князей. Начальная история Новогрудка излагается им так. Минский князь Глеб напал на Завилейскую Литву, доходя до реки Дитвы, в ответ на что литовский князь Живинбуд совершил налет на Минское княжество, причем сжег самый Минск. Далее события переносятся в Друцк, который в те времена был «главным центром торговцев невольниками». Князь Ярополк Владимирович при участии Живинбуда напал на Друцк, разгромил дручан, но не истребил их, а приказал перейти на новое место и там построить город. Этим городом и был

⁵⁷ *Lelewel J.* Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej. Poznań, 1844. Мы пользовались этой работой в издании 1863 г. (*Lelewel J.* Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań, 1863, t. V, s. 4—8).

⁵⁸ *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1838, t. III, s. 571.

⁵⁹ *Ibid.*, s. 230.

⁶⁰ *Ibid.* Wilno, 1838, t. IV, s. 118.

⁶¹ *Ibid.*, s. 75.

⁶² *Ibid.*, t. III, s. 218, 221.

⁶³ *Ibid.*, s. 216.

Новгородок — Новогрудок. Произошло это в 1116 г.⁶⁴ Позже, после захвата Новгородка литовскими князьями, Мингайло завоевал и Полоцк, образовав княжество Литовское — Полоцкое⁶⁵.

В общем, разных замечаний относительно данных, имеющих в хронике, у Нарбута немало, но это только поправки к хронике. Что же касается общего хода событий, изложенных в сказании, то он не вызывал у Нарбута сомнений. Весьма показательно в этом плане его отношение к работе Стрыйковского. Поскольку хроника Быховца, которой он доверял почти безоговорочно, местами дословно совпадает с хроникой Стрыйковского, то он счел нужным выступить в защиту Стрыйковского от нападок разных лиц, ставивших под сомнение ряд фактов, содержащихся в хронике. Защищая репутацию Стрыйковского Нарбут указывал, что тот использовал для своей работы огромный круг источников, находившихся в собраниях Острожских, Радзивиллов, Пацов, Тышкевичей, Дорогостайских, Пронских, Полубинских и других магнатов⁶⁶.

И. Ярошевич издал вторую сводную работу по истории Литвы — свой трехтомник⁶⁷ — после выхода всех девяти томов работы Нарбута⁶⁸. Поэтому Ярошевич мог использовать не только Супрасльскую летопись (которую Ярошевич, как и Нарбут, называл летописью Даниловича) и хронику Стрыйковского, но и хронику Быховца (те места, которые имелись в «Истории» Нарбута, в частности разделы, где Нарбут говорил о религии древних литовцев). Поэтому и раздел, посвященный религии, Ярошевич написал, в основном следуя за Нарбутом («кто же не пользовался бы такими богатыми материалами, которые при образцовом увлечении и неутомимой работе уважаемый автор собрал в своих трудах», — замечает Ярошевич)⁶⁹.

Однако, высказав в столь лестных выражениях свое уважение к предшественнику, Ярошевич очень осторожно отнесся к тем сведениям, которые находятся в сказании и которые Нарбут принимал. Так, о Палемоне, его сыновьях и внуках у Ярошевича нет ничего. Очевидно, приезд их из Италии он тоже считал «сушей басней». Победоносные битвы с татарами Ярошевич признает, но, по его соображениям, эти битвы проводил Миндовг и не в тех местах, которые указаны в летописях (и у Стрыйковского)⁷⁰. Совсем скептически отнесся Ярошевич к изображению польскими хронистами (Кадлубеком, Длугошем, Меховским и Стрыйковским) литовцев как народа настолько примитивного, что он платил русским дань березовыми вениками⁷¹.

Своеобразно интерпретировал данные летописей Я. Якубовский⁷².

⁶⁴ Ibid., s. 272—273.

⁶⁵ Ibid., s. 307—308.

⁶⁶ Ibid., s. 234.

⁶⁷ *Jaroszewicz J. Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII*. Wilno, 1844—1845. T. 1—III.

⁶⁸ *Narbutt T. Op. cit.* Wilno, 1835—1841. T. 1—IX.

⁶⁹ *Jaroszewicz J. Obraz Litwy...*, t. 1, s. 111.

⁷⁰ Ibid., s. 39.

⁷¹ Ibid., s. 66—67.

⁷² *Jakubowski J. Studya nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską*. Warszawa, 1912.

Он рассматривал историю летописания в связи с развитием культуры в Великом княжестве, в частности с развитием образования в среде верхушки литовских феодалов. Согласно его схеме, молодые литовцы, изучившие в университетах (прежде всего в Краковском) латынь, пришли к убеждению, что литовский язык имеет много общего с латинским, и постарались объяснить, как это получилось. По предположению Якубовского, в результате возникла легенда, причем основным действующим лицом ее был один из Гаштольдов (поскольку роль Гаштольдов в истории Литвы по сказанию подчеркивается сильнее всего ⁷³). Велико, по мнению Якубовского, значение в распространении версии о римском происхождении литовской шляхты «Истории» Яна Длугоша, который первоначально принял сообщение о приезде римской знати в Литву как неясное предположение и которое он позже принял как нечто действительное ⁷⁴. В ход рассуждений Якубовского путаница вносится из-за того, что он верил в существование Рауданской хроники, откуда Нарбут будто бы заимствовал ряд важных данных ⁷⁵. Правда, Якубовский высказал недоумение по поводу того, где же все-таки находится (или находилась) хроника, которая в изложении Нарбута исчезает неизвестно куда. Лишь Ходыницкий много лет спустя доказал, что подобной хроники не существовало и что все это выдумка Нарбута ⁷⁶.

Выход в свет в 1966 г. русского перевода хроники Быховца ⁷⁷ вызвал большой интерес к этому памятнику. В рецензиях и статьях разных авторов был поднят ряд вопросов, связанных с авторством и временем создания хроники. Б. Н. Флоря весьма определенно, хотя и в осторожной форме, высказался за то, что основная часть хроники, в том числе легендарная часть, была создана по инициативе Гаштольда ⁷⁸. Дважды обращался к легендарной части летописей В. А. Чемерицкий. В первой работе он с большой полнотой изложил взгляды Длугоша о происхождении литовцев от римлян ⁷⁹. Вторично Чемерицкий обратился к легенде, излагая историю белорусско-литовского летописания. С его точки зрения, основная идея легенды заключается в желании доказать превосходство Литвы над Русью ⁸⁰. Выдвижение на первый план Новогрудского княжества, т. е. Руси, не подтверждает этого тезиса.

⁷³ Ibid., s. 34.

⁷⁴ Ibid., s. 33.

⁷⁵ Ibid., s. 38—39 i inne.

⁷⁶ Chodyński K. Ze studjów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim.— In: Ateneum Wileńskie. Wilno, 1926, zes. 10/11, s. 387—401.

⁷⁷ Хроника Быховца, М., 1966.

⁷⁸ Флоря Б. Н. О «Летописце Быховца». — В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 135—144. О легендарной части на с. 144.

⁷⁹ Чамярыцкі В. А. Беларуская летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969, с. 144—148.

⁸⁰ История белорусской дооктябрьской литературы. Минск, 1977, с. 64.

ГОРОДСКИЕ ХРОНИКИ И ЛЕТОПИСИ

Особый вид белорусского летописания представляют собой городские хроники и летописи, составителями которых были жители городов, преимущественно мещане. Известные в настоящее время хроники появились в первой половине XVII в., последняя же отметка сделана в 1867 г. (в Могилевской хронике).

Из ряда городов Белоруссии, часть которых известна с IX—XII вв. (Полоцк, Витебск, Брест, Туров, Минск, Гродно и др.), в XVI в. начал выделяться стремительным ростом «молодой» Могилев, данные о котором, да и то весьма малодостоверные, имеются лишь с 1267 г. К началу XVII в. Могилев, опередив все остальные города Белоруссии, вышел на первое место и стал вторым по величине городом в Великом княжестве Литовском. Видимо, это обстоятельство вызвало у жителей Могилева желание увековечить историю своего города, что и было сделано. Созданию хроник и летописей благоприятствовало наличие высокообразованных для своего времени людей, хорошо знавших архивы города и владевших рядом языков.

Наиболее пространной и содержательной из всех городских хроник и летописей Белоруссии является хроника Могилева, составленная Т. Р. Суртой и рядом членов семьи Трубницких.

Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Трубницких

Родоначальником могилевского летописания является Трофим Романович Сурта, продолжали его дело четыре поколения Трубницких. Ряд сообщений с 80-х годов XVIII в. до 1810 г. написан еще кем-то, чьи фамилии неизвестны.

Сколько-нибудь определенных данных о начальном периоде существования Могилева нет. Известно лишь, что в конце XV в. Могилев был небольшим поселением, но уже в 1561 г. Могилев получил малое магдебургское право, в 1577 г. большое¹, а это означало, что город достиг высокого уровня развития. По инвентарю 1577 г., в Могилеве значился 1261 дом², а в 1604 г. домов было уже 2211³. Темпы

¹ *Wysłouch S.* Uwagi o przyczynach rozwoju Mohylowa w XVI—XVII wieku.— In: *Wiadomości. Studium historii prawa litewskiego.* Wilno, 1938, t. 1, s. 331.

² *Беларускі архіў.* Менск, 1927, т. 1, с. 32—34.

³ *Wysłouch S.* *Op. cit.*, s. 332; *Копыцкий З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVII вв.). Минск, 1966, с. 31.

роста числа домов, даже и не для того времени, очень высокие. По мнению З. Ю. Копысского, в 1604 г. только плательщиков в городе было более 10 тыс. Общее же число жителей было значительно больше ⁴.

Чтобы определить число жителей, нужно знать, сколько (в среднем) находилось человек в доме.

По данным Губернского статистического комитета, в Могилеве в 1836 г. было 2014 домов и в них жило 17 166 человек ⁵. Значит, к тому времени Могилев вновь стал таким же по размерам, каким он был в начале XVII в., причем на дом приходилось в среднем по 8 человек. Эту цифру и следует использовать при определении числа жителей города на все указанные годы. Тогда окажется, что в 1577 г. в Могилеве жило около 10 тыс. человек, в 1604 г. — около 17 тыс. человек. За все остальное время XVII в. мы не располагаем полным описанием города, т. е. указанием числа его домов. Однако имеются свидетельства современников — А. Мейерберга и П. А. Толстого.

А. Мейерберг, возвращаясь в 1662 г. из Москвы, проезжал через Могилев. Он записал, что «в 1654 г. в Могилеве считалось до 8 тыс. домов» ⁶. Поскольку цифра дается на год, когда городом овладели русские, то можно думать, что Мейерберг пользовался какими-то данными, собранными русскими властями вскоре после занятия Могилева. Следовательно, если принять и для середины XVII в. число жителей на дом в 8 человек, то окажется, что к тому времени в Могилеве жило около 60 тыс. человек. Город по тому времени громадный ⁷.

В самом конце XVII в. Могилев посетил П. А. Толстой, отправленный Петром I за границу. Описание Толстого намного полнее описания Мейерберга. «Город Могилев, — сообщал Толстой, — велик, и около города посады великие, много в посадах садов. Тот город Могилев много больше Смоленска... На посаде мещанских богатых домов зело много строения каменного, многие дома деревянные хорошего строения». Улицы в городе вымощены камнем, много торговых рядов, лавки каменные. Толстой отмечает, что население в основном православное, католиков очень мало, но много евреев. Что касается общего количества домов, а следовательно, и жителей, то Толстой приводит цифру, очевидно значительно преувеличенную: 20 тыс. домов христианских и 10 тыс. еврейских ⁸, а всего 30 тыс. Это явное и очень большое преувеличение. Не пытаясь определить число жителей «на глаз», признаем, что город по тем временам был очень большой.

О размерах Могилева в начале XVIII в. говорит количество продуктов, а также разных товаров и денег, которые поставили его жи-

⁴ Копысский З. Ю. Указ. соч., с. 31.

⁵ Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литовской ССР, Ф. 19. 323, с. 892—893.

⁶ Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Мейерберга. — ЧОИДР, 1874, кн. 1, с. 204.

⁷ Насколько велика была эта цифра по сравнению с числом домов в Москве, говорит то, что в середине XVII в. в Москве числилось «около 37 тыс. дворов», а в 1701 г. — 16 357, но без военных и ямских слобод (История Москвы, М., 1953, т. 2, с. 55—56).

⁸ Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого, 1697—1699. — Русский архив, 1888, кн. 1, с. 175.

тели в 1700—1708 гг. воюющим сторонам⁹. В результате военных тягот и пожара Могилев пришел в полный упадок, и в 1745 г. в нем числился только 1301 дом¹⁰.

Быстрому росту Могилева в XVI—XVII вв. способствовало его положение на большой дороге из Русского государства в Белоруссию, вернее в Речь Посполитую и далее на запад, в связи с чем он стал важнейшим центром транзитной торговли. Для экономики Могилева особенно большое значение имела торговля мехами, получаемыми из России¹¹.

Очень сильно было развито в городе также ремесло, на что указывает число цехов и их рост. К середине XVII в. количество цехов увеличилось по сравнению с началом столетия с 7 до 21, в среднем в цехе числилось по 60—70 мастеров, в некоторых же их было до 150¹². Широкие торговые связи, в частности поездки в Польшу, Литву, Германию, требовали, чтобы купцы знали языки этих стран и интересовались их политическим, социальным и экономическим строем. В общем, купцы такого рода должны были стать не только оборотистыми дельцами, но и достаточно культурными людьми.

Будучи крупным экономическим центром, в котором имелось много богатых купцов и ремесленников, Могилев и в культурном отношении занимал видное положение. Учитывая широкие контакты Могилева с разными городами как Речи Посполитой, так и других стран, можно предположить, что могилевская молодежь получала образование не только в родном городе, но и за его пределами.

С 1616 по 1773 г. (с перерывами) в Могилеве и около него действовали братская типография Кутеинского монастыря и частная Спиридона Соболя. В городе трудились свои художники и архитекторы, при магистрате и в церквях имелись архивы. В XVII—XVIII вв. в Могилеве давались музыкально-театральные представления¹³. Некоторые богатые купцы обладали собраниями книг¹⁴.

Белорусское Поднепровье и Посожье (города Могилев, Мстиславль, Кричев, Чериков, Пропойск и др.), находясь на крайнем востоке Белоруссии, меньше всего поддавались полонизации и окатоличиванию, и в гродских книгах Могилевского магистрата польский язык возобладали лишь к 1712 г.¹⁵

В общем, Могилев в XVII в. достиг такого уровня развития, что у его жителей появилась необходимость создать историю своего города, а наличие культурных сил позволило это сделать.

⁹ ПСРЛ, т. XXXV, с. 261—263.

¹⁰ Инвентарь Могилева на 1745 г. Подсчет произведен нами. См.: ИЮМ. Витебск, 1903, т. XXX, с. 160—321.

¹¹ Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570—1667). Минск, 1963, с. 219—221, 235—237, 324—325, 415 и др.

¹² История Белорусской ССР. Минск, 1972, т. I, с. 205.

¹³ Голенченко Г. Я. История белорусского книгопечатания: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1965, с. 14—15.

¹⁴ Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973, с. 186; История Белорусской ССР, т. I, с. 442.

¹⁵ ИЮМ. Витебск, 1871, т. I.

В настоящее время известны два списка Могилевской хроники — полный и сокращенный.

Полный список хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Польск. Ф. IV. 273). Он составляет основную часть рукописного сборника, содержащего, кроме хроники, разные материалы по истории Польши, Дании и Швеции. Рукопись в лист, всех листов 215, пронумерованных 210. Бумага и почерки в разных местах разные, что в большой мере отражает историю создания хроники; написана она на трех видах бумаги.

Основная, и притом старейшая, часть рукописи написана на бумаге плотной, сероватого оттенка — л. 1, 2, 19—91 и 123—210. На водяных знаках л. 64 и многих других изображена богоматерь с младенцем; подобных знаков у Лауцявичюса¹⁶ много, но они гораздо грубее; ближе всего № 2341—1727 г. На водяных знаках л. 37 и других изображены кавалер и дама в костюмах XVIII в.; подобные, но гораздо более грубые изображения приведены у Лауцявичюса под № 44—1737—1740 гг. На л. 24, 78, 123, 206 и других — водяной знак рожок и над ним высокий конический головной убор; у Лауцявичюса подобный знак приведен под № 3083—1750—1755 гг. На л. 131, 140, 148 — в рамке литеры GG; у Лауцявичюса такой знак приведен под № 3872—1753 г.

На водяных знаках л. 92—122 изображен герб Ярославля и литеры ЯМЗ; у Клепикова¹⁷ такой знак приведен под № 1070—1756 г.

Листы 3—18 написаны на плотной, почти желтой бумаге, на них литеры ВФ; Клепиков¹⁸ приводит их под № 147—1821—1839 гг.

На нумерованном чистом листе в начале рукописи водяной знак «Pro patria»; у Лауцявичюса подобный знак приведен под № 2867—1764 г.

Следовательно, в целом основная часть рукописи написана на бумаге, изготовленной в Речи Посполитой в первой половине XVIII в.; вторая часть — на бумаге, изготовленной в Ярославле; наконец, третья часть сделана в 30-е годы XIX в.

На нумерованном первом листе, на котором находится запись Михаила Трубницкого, как и на следующем чистом, — штемпель, изображающий круг с короной наверху и литерами ИБ внутри. То же на чистых листах 50 и 108.

Нумерация рукописи сложная. Сплошная нумерация листов сделана карандашом на нижнем поле; на нее и даются все ссылки. Кроме того, сохранилась часть более ранней нумерации чернилами. Она находится в правом верхнем углу, но так как верхняя часть многих листов истлела, то местами эта нумерация не сохранилась.

¹⁶ *Lauciavičius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII amž. Vilnius, 1967.*

¹⁷ *Клепиков С. А. Филигранны на бумаге русского производства XVIII—XIX вв. М., 1978.*

¹⁸ *Клепиков С. А. Филигранны и штемпеля на бумаге русского производства XVII—XX вв. М., 1959.*

В ряде случаев как первоначальная, так и позднейшая нумерация изменялась. Так, на нижнем поле л. 10 над «10» чернилами написано «206», на л. 16—«211», причем и эти цифры исправлены из «210»; в правом верхнем углу «20» исправлено на «22». Исправления часто сделаны не теми чернилами, какими написан текст, а более яркими черными, причем и здесь имеется путаница. Так, после «47» следует «46», цифрами «53» отмечены два листа, но за ними следует «57» и т. д. На л. 163, на котором заканчивается текст Ю. Трубицкого, первоначальная нумерация оканчивается.

Рукопись написана в основном двумя почерками, и лишь небольшая часть — третьим почерком, авторство которого не установлено.

На л. 1, обрамленном рамкой, Александром Трубицким сделана запись о принадлежности рукописи ему, а также о том, кто был составителем хроники. Надпись следующая: «Хроника. Эта книга его милости пана Александра Трубицкого, списана Юрием Трубицким, регентом (управляющим.— Н. У.) Могилевской городской канцелярии, в 1747 г. 30 июля из разных историков, а частично из своей памяти — чтобы сохранить в памяти, что происходило в городе Могилеве и в разных [других] городах, какие вторжения, войны и другие события [происходили]. Все это без обмана записано, как было в действительности, и грядущему столетию к сведению подано в 1747 году»¹⁸.

То, что это собственноручная запись Александра Трубицкого, составителя части хроники, не вызывает сомнений. Тем же почерком сделаны записи (продолжение хроники) за 1748—1788 гг., переписана хроника Могилева от начала и до лета 1746 г., а затем пространные выписки из разных книг о событиях в Дании и Швеции. Таким образом, А. Трубицкий переписал текст хроники Т. Р. Сурты и Ю. Трубицкого, а также выписки из книг по истории Дании и Швеции на бумаге, изготовленной в Речи Посполитой, а собственные его записи сделаны на бумаге ярославского производства.

На нумерованном первом листе в начале рукописи находится запись Михаила Трубицкого, сына Александра и внука Юрия: «Из книг Михайлы Трубицкого» — и ниже по-польски: «Хроника. Это книга его милости Александра Трубицкого написана Юрием Трубицким, регентом городской канцелярии»¹⁹.

Почерком М. Трубицкого написаны л. 3—18 хроники, сделаны ряд вставок вместо истлевших верхних частей листов, а также записи событий за 1812—1856 гг.

Лист с записью о принадлежности хроники А. Трубицкому исписан с одной стороны. Вероятнее всего, запись была сделана после

¹⁸ Kroynika. Ta księga [jego] m[ości] pana Alexandra Trubnickiego, spisana przez Jerzego Trubnickiego, rejęta kancelaryj mieskiej Mohilewskiej, w roku 1747 m[ie]s[ia]ca jula 30 dnia z roznych dzieiopiscow, częscio z swojej pamięci w potomne czasy na pamięć co działo w mieście Mohilewe y po roznych miastach, jakie jnkursiy, woyny i insze rzeczy. To wszystko niekłamliwie pisano, ale jak sama rzecz była. To przyszłemu wiekowi do wiadomości podano roku 1747.

¹⁹ Kroynika. Ta księga [jego] m[ości] pana Alexa[ndra] Trubnickiego spisana przez Jerzego Trubnickiego, rejęta kancelaryj mieskiej.

того, как хроника, составленная предшественниками, была А. Трубицким переписана. Видимо, данная запись должна была служить чем-то вроде титульного листа хроники. Этот лист, в значительной мере ислевший, наклеен на чистый с литерами ЯМЗ. На л. 2 и частично на л. 2 об. находится вступление, написанное Т. Р. Суртой, составителем начальной части (от времен легендарных до лета 1701 г.; л. 2 об.—37). С лета 1701 г. до февраля 1746 г. (л. 37—91 об.) хронику продолжал Ю. Трубицкий (часть хроники, написанной им,—от марта 1709 г. и почти по конец 1744 г.— утеряна).

Записи за 1748, 1754, 1755, 1756, 1759—1761, 1763—1767, 1769, 1772, 1774, 1782, 1788 гг. (л. 92—94, 98 об.—102 об., 104 об.—105, верхние части л. 105 об., 106—108 об.) сделаны А. Трубицким. На л. 95—верхней части л. 98, 98 об., 103—104 находятся разрозненные заметки из истории Польши («История князей и королей польских», отрывочные записи событий XVII в., описание избрания на престол и коронации Августа II и т. д.).

События за 1778, 1780, 1781, 1796, 1801, 1810 гг. (л. 105 об., нижняя половина л. 109 и л. 109 об.) писаны очень четким почерком яркими черными чернилами. Составитель (или составители) этих записей неизвестен. В ряде мест теми же яркими черными чернилами обведены буквы и слова, которые, видимо, трудно было прочитать и в конце XVIII — первой половине XIX в.

Почерком М. Трубицкого сделаны записи за 1812, 1815—1818, 1820—1832, 1842, 1848, 1849, 1851, 1854—1856 гг. (л. 109 об.—122). Кроме того, М. Трубицкий полностью переписал л. 3—18, к тому времени, очевидно, пришедшие в такое состояние, что могли рассыпаться (старых листов, переписанных А. Трубицким, нет), а между л. 18—25 и 31—32 он вклеил переписанные верхние части тех листов, которые ислели лишь частично; М. Трубицкий реставрировал почти все, что написал Т. Р. Сурта. Заключительная карандашная запись И. М. Трубицкого датирована 1867 г. За текстом М. Трубицкого и до конца списка следуют выписки из работ по истории Дании и Швеции.

На отдельных листах (больше всего в начале рукописи) имеются карандашные заметки на полях и в тексте, сделанные И. М. Трубицким. Заметки на полях обычно отражают содержание текста, а заметки в тексте свидетельствуют о том, что данная часть написана прадедом И. М. Трубицкого «Григорием Трубицким»²¹. На л. 53 И. М. Трубицкий указал стоимость тех денежных единиц, которые действовали в XVIII в. и которые в середине XIX в. были забыты. С самого начала и до 1841 г. хроника писана на польском языке, с 1841 г. и до конца на русском.

«Введение» к хронике, датированное «29 мая 1693 г. по старому календару» и подписанное «лавником и купецким старостой» Трофимом Романовичем Суртой, тем более что авторство Т. Р. Сурты под-

²¹ Иван Михайлович Трубицкий, как и И. И. Филиппович (см. ниже, сн. 25), называет составителя хроники Григорием, но так как сын и внук именовали его Юрием (Jerzy), то считаем, что правы они, а не правнук.

тверждал и Ю. Трубицкий (л. 37), не оставляет сомнений в том, кто начал писать хронику. Однако А. Трубицкий на своем «титальном листе» называет автором Ю. Трубицкого, то же сделал и М. Трубицкий. В XVIII в. к авторским правам относились весьма просто, в середине XIX в. положение изменилось. Однако, переписывая хронику, А. Трубицкий, если он хотел приписать всю работу своему отцу, должен был исключить «введение» Сурты, чего, однако, не сделал.

Возможно, говоря, что хроника написана его отцом, А. Ю. Трубицкий понимал это так, что Юрию Трубицкому принадлежала вся рукопись, часть которой написал Сурта.

Почерки и бумага, на которой помещены разделы, написанные Т. Р. Суртой и Ю. Трубицким, свидетельствуют, что текстов, написанных непосредственно ими, не сохранилось; имеется лишь то, что переписано А. и М. Трубицкими.

Сокращенный список хроники хранится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе (Ф. 21.712), куда он поступил из собрания бывшего Белорусского музея им. Ивана Луцкевича. На титульном листе штамп: «Беларускі музей імя Івана Луцкевіча». Рукопись в лист, всех листов 71. Переписана одной рукой на одинаковой бумаге, очевидно, в 70-е годы XIX в., с многочисленными поправками другим почерком. Примерный подсчет букв приводит к утверждению, что сокращенный список составляет несколько более четверти полного, т. е. всей рукописи, включая и материалы, не имеющие отношения к Могилеву.

На языке оригинала хроника не издавалась, но в 1887 г. ее сокращенный вариант был напечатан в переводе на русский язык, сделанном Н. Г. Гортынским, причем из предисловия следует, что переводчик не знал о существовании полного списка, к тому же он ошибочно назвал составителями хроники Александра и Михаила Трубицких²² и утверждал, будто рукопись хроники (сокращенная) утеряна.

Наличие полного списка отметили В. С. Иконников²³ и М. В. Довнар-Запольский²⁴, но ни один из них не сообщил о существовании как перевода, так и сокращенного списка. Упоминание обоих авторов о том, что в Петербурге находится рукопись хроники, было как забыто исследователями, а утверждение Гортынского, что оригинал утерян, бытовало почти до наших дней.

Иконников сообщал, что в Библиотеке (тогда имп. Публичной) имеется рукописный «сборник, в котором заключается летопись лавника и купеческого старосты Трофима Сурты, выбранная из разных летописей и дополненная автором (оконч. 29 мая 1693 г., продолжен-

²² Хроника белорусского города Могилева. Собранный и писаный Александром Трубицким, регентом Могилевской магдебургии, во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX продолженная его сыном губернским секретарем Михаилом Трубицким / Переведена с польского подлинника... Николаем Гортынским.— ЧОИДР, 1887, кн. 3, отд. 1, с. 1—142. Есть и отдельный оттиск.

²³ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891, ч. I, кн. 1, с. 798.

²⁴ Довнар-Запольский М. В. Баркулабовская летопись. Киев, 1908, Исследование, с. 11—12. В этом издании в начале помещен текст летописи, а затем с отдельной нумерацией страниц — исследование о летописи.

ная другими лицами до 1832 г. по-польски, а с 1841—1864 гг. заметки писаны по-русски). Из этой записи следует, что Иконников прочитал только первый лист рукописи, содержащий предисловие Сурты, датированное 29 мая 1693 г., остальную же рукопись исследователь лишь герелистал, оговорив смену почерков и языка, причем им были упущены как отметка Сурты за 1696 г., что письмо Петра московскому патриарху перевел он, Трофим Сурта, так и запись продолжателя дела Т. Р. Сурты — Юрия Трубницкого летом 1701 г., что до того места хронику писал Трофим Сурта. Довнар-Запольский указал лишь на существование рукописи, ничего не прибавив к этому. Возможно, что он вообще не видел ее, а упоминает о ней по работе Иконникова.

Небольшой очерк И. И. Филипповича²⁵ местами противоречив, местами содержит неверные данные о рукописи. Автор очерка сообщает, что в 1968 г. он нашел хронику; это звучит так, будто ранее она не была никому известна. Такое утверждение означает, что исследования Иконникова и Довнар-Запольского Филипповичу неизвестны, а считать первооткрывателем хроники Филипповича нет оснований. Затем на с. 29 очерка сказано, что перевод хроники на русский язык сделан Н. Гортыньским (как отмечено в печатном переводе на русский язык), но на с. 30 той же работы говорится, что Гортыньский только «откорректировал» и немного дополнил его (очевидно, перевод.— *Н. У.*). В 1887 г. Гортыньский был стар, и вполне возможно, что он действительно только отредактировал перевод, однако это Филипповичем не объяснено. На с. 29 сказано, что часть рукописи, которая относится к истории Дании и Швеции, является переводом книг, изданных в 1695 и 1701 гг. (т. е. так, как сказано в рукописи), но на той же с. 29 утверждается, что «автором рукописей по истории Датского государства» был Юрий Трубницкий. На с. 29 говорится, будто Филиппович установил, что составителями хроники до 1701 г. был Т. Р. Сурта, а с 1701 по 1746 г.— Юрий Трубницкий²⁶. Однако для такого утверждения никаких изысканий проводить не нужно, поскольку в хронике сказано, кто за эти годы писал ее. Утверждения Филипповича, что тексты Т. Р. Сурты и Ю. Трубницкого, а также помещенные в хронике выписки из книг по истории Скандинавии переписаны рукой Ю. Трубницкого, ошибочны: бумага, на которой находятся названные тексты, изготовлена после смерти Ю. Трубницкого.

Сам Сурта в приходе-расходной книге Могилева за 1679 г. засвидетельствовал, что он был лавником и купеческим старостой города. Лавниками назывались низшие члены магистрата²⁷. Из числа лавников обычно избирались «шафары» — сборщики податей. В 1693 г. (этим годом датировано его вступление) Сурта не был ни лавником, ни шафаром; лавником он числился в 1679 и 1686 гг. (Возможно, в то время существовал обычай, что если кого-либо избирали в магистрат, то он именовал себя этим чином до конца своих дней.) Приходе-рас-

²⁵ *Філіповіч І. І.* Хроніка Магілева.— Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, Мінск, 1972, № 4, с. 29—30.

²⁶ Возможно, Филиппович хотел сказать, что Ю. Трубницкий изложил работы по истории Дании и Швеции.

²⁷ ИЮМ, т. I, с. 1.

ходная книга Могилева за 1679 г. начинается записью Т. Р. Сурты, звучащей так: «Реестр шафарьский места его королевской милости Могилева року 1679, месяца декабря 24 дня, списанный през нас, Трофима Романовича Сурты и Увара Мартиновича, шафарей сегорочных»²⁸. Судя по записям в книгах магистрата, Сурта выполнял в том же году (да и впоследствии) ряд ответственных поручений.

В том же 1679 г. из Могилева были посланы в Оршу «для актыкованья справ до книг и выданья экстрактами и для иных справ» пан Павел Ледвеевич и шафар Трофим Сурта²⁹. «Актыкованье» означало вписывание в городские книги разных актов, которые только после этого считались вполне оформленными, а «экстракты» — выписки из тех же городских книг. Из записи следует, что Сурта был отправлен в Оршу с ответственным поручением и что его послали в качестве второго лица.

Сурта в 1686 г. совмещал пост лавника с должностью «кабачного дозорцы», т. е. собирал и вносил в кассу магистрата «кабачные» деньги³⁰. В том же году «шляхетный пан могилевский лавник» Трофим Сурта отвозил в Оршу 4 тыс. «шележных» монет³¹. Почти во всех случаях фамилия Сурты упоминается при совершении каких-либо финансовых операций. Какой-то пост Сурта занимал и в 1688 г., так как 3 октября этого года в приходо-расходной книге Могилева записано, что магистрат купил 10 свечей для ратуши «под бытность панов Гука, Сурты и Гапона»³². В июне 1688 г. магистрат послал «райцу скарбового» в Оршу покупать там и продавать лошадей, с ним поехал и Сурта³³. «Пан Сурта» упоминается в качестве официального лица в том же году еще несколько раз³⁴. Эта фамилия встречается и в 1690 г.³⁵

Если не все, то большинство членов магистрата избиралось в зависимости от материальной обеспеченности, т. е. принадлежало к средней части или верхушке городского населения. То обстоятельство, что Сурта избирался только лавником, как будто должно указывать на его принадлежность к жителям среднего или ниже среднего достатка, хотя должность купеческого старосты противоречит этому.

Для своего времени Сурта был человеком образованным, начитанным. Он знал, кроме белорусского (на этом языке написан его реестр за 1679 г.), языки польский (на нем написана хроника), русский (перевод письма Петра I патриарху на польский показывает, что он хорошо знал русский язык)³⁶, латинский и, возможно, еще какой-то. Он был знаком с хрониками Гваньини (неясно, в оригинале или переводе), Стрыйковского (тоже неясно, в оригинале или переводе), читал летописи, в том числе украинские, Синописис и другие источники.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 28.

³⁰ Там же, Витебск, 1873, т. IV, с. 7, 12, 14—15.

³¹ Там же, с. 17.

³² Там же, Витебск, 1874, т. V, с. 80.

³³ Там же, с. 61.

³⁴ Там же, с. 66, 75.

³⁵ Там же, Витебск, 1690, т. VII, с. 1.

³⁶ Письмо Петра I патриарху Адриану (Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887, т. 1, с. 80—82).

Тем не менее Сурта был человеком, верившим в необычайные события. Так, в 1674 г. он записал, что «за морем» немец, выстреливший в небо, был превращен в собаку (с. 245)^{36a}; в 1699 г. он отметил, что опять-таки «за морем» и опять-таки немец был обращен в свинью (с. 251). Подобные чудеса происходили где-то далеко, и Сурта узнал о них от кого-то, но в 1688 г. в расположенном рядом Старом Быхове было сожжено одновременно 10 «чаровников», а несколько успело бежать «на Низ» (с. 246). Быхов был небольшим городом, а количество колдунов в нем необычайно большое. Однако у Сурты справедливость кары и, вообще, наличие такого числа «чаровников», кажется, не вызывали сомнения. Не вызвало сомнения и то обстоятельство, что в 1674 г. в Вильно родился мальчик с золотым зубом (из текста следует, что он именно родился с зубом) (с. 245). Достоверность этого подтверждается ссылкой, что аптекарь каким-то образом сделал анализ и подтвердил, что зуб действительно золотой. Через короткое время и мать и ее ребенок под воздействием «чаровницы» умерли. Пожалуй, еще большее впечатление произвел на хрониста слух, что в 1670 г. в разных местах Белоруссии (в том числе и в Могилеве) кто-то в церквях и костелах (надо полагать, на внутренних стенах) делал таинственные надписи, причем так высоко, что никто не мог их разобрать; в том же году происходили и другие чудеса (с. 245).

Сурта был православным, враждебно относившимся к униатам. Резко отрицательно отзываясь Сурта об атеисте С. Лыцинском, сожженном по постановлению сейма в 1688 г. (с. 247). Умер он летом 1701 г.

Несколько менее известно о Юрии Трубницком. Записи Александра и Михаила Трубницких краткие — они даже не дают возможности установить, с какого времени их отец и дед стал «регентом» и в каком возрасте умер. Из опубликованных материалов Могилевского магистрата видно, что Ю. Трубницкий в 1722 г. был среди «посполитых», причем при перечислении подобных ему Трубницкий назван последним³⁷. В 1723 г. Ю. Трубницкий в числе других подписал жалобу Могилевского братства киевскому митрополиту на архидиакона Калликста Оловяшку, при этом он назван подстаростой церкви св. Николая³⁸. В 1724 г. Ю. Трубницкий упоминается в постановлении магистрата при сборе гиберны (подати на содержание войска)³⁹. Очевидно, в то время он еще не был регентом, и только запись 1739 г. показывает, что Ю. Трубницкий в то время занимал этот пост⁴⁰. Однако уже 4 сентября 1747 г. о нем пишут как о бывшем регенте, и далее сказано, что магистрату необходим другой работник, так как пан Ярошевский отказывается выполнять обязанности регента — за эту работу платят слишком мало⁴¹. Значит, Ю. Трубницкий в 1747 г. умер. В «Записках» игумена Ореста сказано, что в результате истребления могиловцами русского гарнизона в 1661 г. ряд мещан (очевидно, наиболее

^{36a} Ссылки даны на страницы ПСРЛ, т. XXXV.

³⁷ ИЮМ. Витебск, 1881, т. XII, с. 361.

³⁸ Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литовской ССР, Ф. 19. 323, с. 136.

³⁹ ИЮМ, т. XII, с. 469.

⁴⁰ Там же, Витебск, 1882, т. XIV, с. 215.

⁴¹ Там же, Витебск, 1883, т. XV, с. 154.

видных участников этой акции) стали помещиками или получили дворянство (шляхетство.— *Н. У.*); среди них были Трубницкий и Гортынский⁴². Возможно, это были предки составителя и переводчика хроники. Судя по возрасту, Сурта был (во всяком случае, мог быть) свидетелем или участником избиения, но отсутствие его среди «отличившихся» скорее всего свидетельствует о его неучастии.

Очевидно, раз Ю. Трубницкий занимал столь низко оплачиваемую должность, что ему не могли найти преемника, то он был малоспециальным. Не вызывает сомнения, что он был человеком образованным, начитанным. Он знал, кроме белорусского и польского, языки латинский, русский, украинский (читал украинские летописи), а также, возможно, английский (или французский и английский). Выписки из книг о событиях в королевствах Датском и Шведском (они, вероятнее всего, сделаны Ю. Трубницким), в которых ярко выражена симпатия к правам населения на избрание королей по воле народа (надо полагать, не всего народа, а только шляхты) и осуждение светских и духовных чинов, предающих свободу своей страны, говорят о том, что это был человек демократических убеждений. Выписки настолько любопытны, что на них следует остановиться особо. Прежде всего они показывают, какие книги интересовали составителя хроники и какие из них он мог достать, живя в Могилеве в середине XVIII в.

Первая из книг, упомянутых в рукописи, называется (даем в переводе) «История о революции королевства Шведского и Датского, изложенная по-польски. Напечатана в 1701 г.» Она разделена на шесть частей. По определению сотрудника Отдела рукописей и редких книг Библиотеки Академии наук СССР Е. А. Савельевой, это должен быть перевод части шеститомной работы аббата Р. Верто, впервые изданной в Париже в 1696 г. Вторично она была издана в том же 1696 г. в Париже в 11 частях, а в 1722 г. еще раз в Амстердаме. В 1745—1746 гг. первые две части этой работы вышли в переводе на русский язык в Петербурге под названием «История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления, сочиненная аббатом Верто». В оригинале она называется «*Vertot René Albert. Histoire des Revolutions de Suede, ou l'on voit les changemens qui sont arrivées dans ce Royaume, au sujet de la Religion et du Gouvernement. Par mr l'abbé Vertot*» (Paris, 1696. Т. 1—6). Заканчивается эта выписка словами: «Таков был конец шведской свободы, добытой кровью и отвагой старинных заботливых предков».

Вторая из упомянутых в рукописи книг называется «*Etat du Royaume de Danemarg telquil estoit en 1692 a Amsterodam*» (1695). Она начинается словами: «Древняя форма состояния правительственных органов в Датском королевстве была такой, какую установили готы и вандалы в европейских государствах». По определению Савельевой, это книга Р. Молесворта, опубликованная на английском языке в Лондоне в 1694 г. Заканчивается она так: «А что двору следовало награждать деятелей этой революции, изменников Родины... простой же народ получил на вечные времена кандалы». В оригинале она назы-

⁴² Записки игумена Ореста.— АСД. Вильна, 1867, т. II, с. XIX.

вается «*Moleswort Robert. An Account of Denmark as was in the year 1692*» (London, 1694). Эта же книга несколько раз была издана во Франции в переводе на французский язык (тоже из письма Савельевой)⁴³.

Высокая культура автора сочетается с суеверием. Трубницкий (так же как и Сурта) совершенно всерьез пишет, что в 1745 г. один пан, у которого пал скот, упрекнул за это бога и тут же был превращен в собаку (с. 281). Среди шведов, пришедших в 1708 г. в Могилев, по сообщению Ю. Трубницкого, имелось немало «характерников», т. е. колдунов, а все финны, находившиеся в шведской армии, были «характерниками» (с. 273). Незаурядным «характерником» был и Семен Палей, рекомендовавший Петру I наиболее удачный день для битвы под Полтавой и три раза объехавший перед битвой вокруг расположения русских войск, что способствовало победе (с. 277).

Надо полагать, что Ю. Трубницкий был весьма уважаемой личностью в городе. Во всяком случае, когда в Могилев в 1745 г. прибыл вновь назначенный православный епископ Иероним Волчанский, то его от имени города приветствовал Ю. Трубницкий (с. 280).

Стоит отметить, что и Сурта и Трубницкий датировали события по «старому» или по «русскому» календарю, причем в тех случаях, когда стиль не отмечен, а указана только дата, следует считать, что она дана по «старому» календарю, так как если событие датировалось по «римскому» календарю, то это всегда отмечалось. Так, 11 августа 1694 г. над Могилевом пронеслась «неслыханно сильная» буря; событие помечено «по старому календарю» (с. 247). В то же время смерть короля Яна III помечена как по «римскому», так и по «русскому» календарю (с. 249). Прибытие же генерала Бевста с отрядом в Могилев указано только по «римскому» календарю; очевидно, потому, что и ордонанс по этому поводу датирован по тому же календарю (с. 281).

Гортынский называет А. Трубницкого регентом Могилевской магдебургии⁴⁴. Вероятно, здесь ошибка — перенесение чина отца на сына. Филиппович утверждает, что А. Трубницкий был купцом, имевшим в городе лавку⁴⁵, не приводя никаких доказательств, но данная версия кажется вероятной.

Последний из Трубницких — Иван Михайлович — в 1864 г., имея чин губернского секретаря, занимал пост смотрителя сиротского дома⁴⁶.

История создания хроники неясна. Что начальную часть ее написал Т. Р. Сурта, нет сомнений, но там имеются, по крайней мере, два места, в которые кто-то внес изменения. Так, описывая события 1595 г., Сурта отметил, что в его время «старые люди» часто вспоминали Наливайко, Лободу и Мазепу (с. 240). В том, что могилевцы и через сто лет помнили о Наливайко или Лободе, нет ничего удивительного, но упоминание о Мазепе! Если Сурта умер в 1701 г., то он, конечно, знал

⁴³ Приношу глубокую благодарность Е. А. Савельевой, а также И. П. Шаскольскому, помогшему установить контакт с Савельевой.

⁴⁴ См. заголовки хроники и перевода.

⁴⁵ *Філіпповіч І. І.* Указ. соч., с. 29.

⁴⁶ Памятная книжка Могилевской губернии на 1864 г. Могилев, 1864, с. 26.

о Мазепе. Однако об этом деятеле в то время не нужно было собирать данные от «старых людей», поскольку Мазепа с 1687 г. был гетманом и о нем знали не только старые люди, а, пожалуй, все могилевцы и уж, конечно, составитель хроники. Значит, сообщение о Мазепе (да еще в записи за 1595 г.) Сурта внести не мог; это сделал в его части хроники кто-то другой, когда помнившие Мазепу успели состариться. В записи за 1664 г. рассказывается о пожаре в Могилеве: загорелся дом Гаврилы Прекста, а далее написано, что дом Прекста стоял там, где сейчас дом Василевских, и что этот дом в 1740 г. разобрали на постройку Кармелитского костела (это известие дано в скобках; с. 244). Значит, здесь в записи Сурты кто-то внес дополнительное сообщение после 1740 г. Вероятно, это сделал Ю. Трубицкий.

Указанные примеры слишком бросались в глаза, чтобы на них не обратить внимания, но вполне возможно, что в тексте Сурты есть места менее заметные, которые нами пропущены. В целом, однако, можно думать, что текст Сурты дошел до нас в гораздо более исправном виде, чем текст Ю. Трубицкого, хотя бы потому, что в нем нет недостачи листов, тогда как у Ю. Трубицкого отсутствуют записи с марта 1709 г. и почти по конец 1744 г. Значит, текст, написанный Ю. Трубицким, сохранился примерно за 9 лет и утерян почти за 35. Конечно, значимость записей за отдельные годы очень неравномерна, и, очевидно, самое важное в части, написанной Ю. Трубицким, относится к 1701—1709 гг. Однако из записи за 1745 г. следует, что в хронике имелись данные о самом крупном крестьянско-мещанском восстании в Белоруссии в XVIII в.— в Кричевском старостве в 1740—1744 гг. (описана кончина Вашило, одного из руководителей этого восстания; с. 280).

Когда Ю. Трубицкий начал продолжать труд своего предшественника, неясно, но, вероятнее всего, не сразу, а через несколько лет после смерти Сурты, возможно даже через десятилетия.

Раздел, написанный Ю. Трубицким, начинается как непосредственное продолжение текста Сурты (события 1701 г.), но вскоре Трубицкий переходит к описанию по литературным данным обстановки в Польше и лишь после этого опять возвращается к Могилеву. Едва ли можно было в период чрезвычайного напряжения в 1701 г. во время войны отдалиться изучению литературы о Польше, игнорируя обстановку в родном городе.

В ряде случаев, в частности в 1705—1706 гг., записи следуют так часто, что в тревожной обстановке тех лет отметить все это было трудно или почти невозможно. Поэтому можно предположить, что составитель хроники делал тогда лишь краткие записи, которые использовал позже, в более спокойной обстановке, но еще более вероятно, что все написано спустя десятилетия. Его запись о Карле XII, в которой излагались события 1709 г., сделана не по собственным наблюдениям, а по тому, «что слышал» (с. 277), т. е. позже.

Была ли тогда у Трубицкого рукопись Сурты? Судя по «дополнениям», внесенным в текст первого хрониста, была; однако сколько-нибудь значительных изменений Трубицкий не сделал. Такой вывод напрашивается хотя бы потому, что у Трубицкого часты латин-

ские выражения, типичные для XVIII в., тогда как у Сурты их нет.

Если Сурта действительно начал писать свою хронику в середине XVII в., то он умер глубоким стариком, в возрасте около 80 лет. Ю. Трубицкий умер в 1747 г., пережив Сурту на 46 лет. Даже если он тоже дожил примерно до 80 лет, то и тогда разница в возрасте обоих хронистов должна быть весьма заметной, т. е. их личное знакомство едва ли было тесным. При всем том из текста Ю. Трубицкого следует, что он начал писать свою часть хроники как продолжение того, что создал Сурта.

Как отмечено, значительная часть рукописи, написанная Ю. Трубицким, утеряна. Запись за 1709 г. обрывается на описании событий, происходивших 5 марта («Марта 5 дня Хмара, полковник гетмана Сапеги, находился со своими хоругвями в Копысе и Копыском районе»). Оставшаяся часть листа чистая (л. 86 об.), а затем с нового листа без заголовка помещена запись за конец 1744 г. («и право на епископию Белорусской диоцезии на имя его милости отца Иеронима Волчанского...»), после чего следует заголовок: «1745 г.» (л. 86 об.—87). Из этого можно сделать вывод, что часть хроники была утрачена уже тогда, когда ее переписывали, т. е. придавали ей тот вид, который она имеет сейчас.

То, что тексты, оставленные Суртой и Ю. Трубицким (включая и выписки из книг, посвященных истории Дании и Швеции), были переписаны А. Трубицким, не вызывает сомнений.

«Титульный лист» А. Трубицкого датирован 30 июля 1747 г., та же дата стоит в конце рукописи. Значит ли это, что А. Трубицкий в этот день окончил переписывание оставленных его отцом материалов? Очень сомнительно. Ведь в том же году Ю. Трубицкий умер, и, надо полагать, его сын не сразу после смерти отца засел за переписку доставшегося ему текста. Кроме того, у А. Трубицкого не оказалось большей части рукописи. Едва ли можно предполагать, что Ю. Трубицкий перед смертью (а он писал почти до самой смерти) исключил или уничтожил ту часть рукописи, в которой были описаны события 1709—1744 гг. Гораздо правдоподобнее предположение, что А. Трубицкий начал работать над хроникой спустя какое-то время после смерти отца, когда часть рукописи погибла (была уничтожена?). Что касается даты 30 июля 1747 г., то возможно, что это был день смерти Ю. Трубицкого.

Переписав рукопись, А. Трубицкий отделил от хроники материал, не имевший отношения к Могилеву, и начал на другой бумаге делать записи как прямое продолжение текста своего отца. Записи А. Трубицкого охватывают период с 1748 по 1788 г. Год последней записи (1788) может означать, что это было незадолго до смерти А. Трубицкого. На оставшихся листах кто-то продолжал делать записи за период с 1788 по 1810 г., а затем их делал Михаил Трубицкий.

Записи А. Трубицкого кратки и малосущественны. Они касаются приезда в Могилев первого русского губернатора — П. Б. Пассека, разных метеорологических событий и пр. Широка интересов автора явно резко снижена по сравнению с предыдущим.

Согласно записи, сделанной И. Трубническим в 1864 г., его отец, М. Трубницкий, умер в 1857 г. в возрасте 84 лет. Значит, он родился в 1773 г., и, следовательно, к концу жизни А. Трубницкого его сыну М. Трубницкому было примерно 15—18 лет. В таком возрасте продолжать составлять хронику он, надо полагать, не мог. Вероятнее всего, в то же время, т. е. в конце 80-х годов XVIII в., рукопись хроники исчезла из дома Трубницких. Где она находилась около 30 лет, мы не знаем. Известно лишь, что первые записи М. Трубницкого датированы 1812 г.

Ф. Г. Елеонский, редактор т. II «Археографического сборника документов», писал в 1867 г., что «летопись Трубницкого, по слухам, ходила в Могилеве по рукам несколько лет назад, но у кого она находится теперь, неизвестно... В настоящее время род Трубницких угас»⁴⁷. Из записи И. М. Трубницкого мы знаем, что в 1867 г. полный список рукописи находился у него и что в 1872 г. рукопись уже числилась в Публичной библиотеке в Петербурге. Когда же она «ходила по рукам», и притом какой это был список — полный или сокращенный?

Из предисловия к переводу хроники на русский язык, написанному Гортынским, следует, что он в 1822 г. получил сокращенный список от М. А. Трубницкого. Значит, к этому времени у Трубницкого имелся как полный список, так и сокращенный, причем, вероятнее всего, сокращенный список был именно им и создан. Если в 1822 г. М. Трубницкий уже сделал сокращенный список, то полный у него был за несколько лет до того, возможно с 1812 г., так как с этого года имеются его собственноручные записи, хотя возможно и несколько лет спустя, так как 1812 год был очень беспокойным, едва ли благоприятствовавшим работе над хроникой.

Начальная часть хроники, поступившей к А. Трубницкому, находилась в таком плохом состоянии, что он хотя и мог прочитывать ее, но с трудом, поэтому первые 18 листов переписал полностью, а из ряда последующих переписал только верхние части листов. Очевидно, в то время рукопись была разорвана, по крайней мере, на две части; во всяком случае, лицевая сторона л. 52 сильно выгорела и вообще имеет потрепанный вид, что могло получиться, если начиная с этого листа часть рукописи существовала отдельно.

Что представляет собой труд могилевских летописцев, на основании каких источников он создан, что летописцы старались осветить в первую очередь, каким было их мировоззрение, каков культурный уровень и т. д.?

В своем предисловии Сурта сообщал, что его работа написана отчасти по рассказам старых людей, которым он доверял, отчасти по личным наблюдениям, а также по разным документам. Заканчивая предисловие, он написал, что его работа не предназначена для печати (с. 239). Своей главной задачей Сурта считал прославление родного города. (В Могилеве много ученых людей, город набожный, торговый, в нем много ремесленников, он украшен церквями, а внутри церкви

⁴⁷ АСД, т. II, с. X.

украшены жертвователями, в них ежедневно совершается греко-русская служба и пр.; с. 240.) Будучи зачинателем могилевского летописания, Сурта в начальной части хроники нередко обращается к рассказам стариков. Уже отмечалось, что под 1595 г. сообщается, будто «старые люди» часто вспоминают Наливайку, Лободу и Мазепу (!) (с. 240). От старых же людей Сурта слышал, что казенных руководителей восстания 1610 г. похоронили на Ильинской горе, хотя в письменных источниках место захоронения не указано (с. 240). «Некоторые» говорили, что казенные были люди «посполитые» (т. е. среднего достатка.— *Н. У.*), но в актах (документах, хранившихся в магистратском архиве) об этом не было сказано (с. 240). От «старых людей» Сурте также стало известно, что, когда православные церкви были закрыты (за то, что жители Могилева не пустили к себе в 1619 г. униатского архиепископа Иосафата Кунцевича.— *Н. У.*), пасхальная служба происходила в плетневом шалаше по Виленскому тракту и присутствовавших на службе разогнали униаты и «жолнеры» (солдаты), а поп Зара, служивший в шалаше, с того времени пропал неизвестно куда (с. 241). Старые же люди сообщили составителю хроники, что в 1633 г., когда православные церкви были открыты, паром, который перевозил народ, направлявшийся в церковь в пасхальную ночь, затонул со всеми, кто на нем был, и что в этом, «говорят», были повинны униаты (с. 241). «Старые люди» называли наемных немецких солдат людьми своевольными (с. 241). Сообщения этого источника (старых людей) обрываются на событиях 1633 г. Значит, Сурта записал от стариков не очень много, хотя, возможно, не всегда отмечал, из какого источника извлечено то или другое сведение.

В ряде случаев составитель записал то, чему сам был свидетелем. Так, со ссылкой на себя он сообщает, что деревянная часовня (каплица) в 1655 г. стояла там, где теперь архиерейский сад, и что сейчас от нее не осталось и следа (с. 242). Со ссылкой на собственные наблюдения сказано о пожаре, начавшемся в доме Гаврилы Прекста (с. 244). В 1681 г. «сам видел», как в Комаровичах молнией убило 113 голов скота (с. 245); в 1690 г. поймал в Могилеве саранчу и дал ее описание (с. 247); «сам видел», как в 1700 г. украинские казаки вели пленных и везли захваченную в Прибалтике добычу (с. 251); в 1700 г. видел одновременно три солнца (с. 252).

Первая ссылка на собственные наблюдения сделана за 1655 г. и, может быть, свидетельствует о том, что Сурта начал создавать хронику спустя после этого не очень много времени, т. е. примерно с 60-х годов XVII в.

В хронике имеются сообщения, о которых не сказано, что они написаны по собственным наблюдениям автора, но из характера известий видно, что они созданы по личным впечатлениям. Так, в 1686 г. происходило невиданное нашествие на Могилев рысей (с. 246). За 1661 г. есть запись, что убитых русских похоронили на Самусевой горе, где стоит крест (с. 243). В 1664 г. в городе начался пожар от дома Саввы Тихенькина, «где сейчас каменница за важицею» (с. 244). Это сообщение, вероятнее всего, сделано «самовидцем», однако, учитывая следующую запись (о доме, разобранном в 1740 г.), можно предполо-

жить, что она в какой-то мере дополнена другим автором (Ю. Трубицким²). Возможно, по личным наблюдениям составлена запись за 1681 г. о комете, появившейся «на римское рождество» (с. 245). При описании страшной грозы в Могилеве в 1694 г. (с. 247) не сказано, что составитель был свидетелем этого, но из характера описаний (градины падали размером в орех и пр.) ясно, что записал очевидец или записано со слов очевидца. В сообщении о неурожае 1695 г. и последовавшем затем голоде чувствуется рука современника (с. 248). В 1696 г. в связи с бескорольем избирались так называемые каптуровые суды; отмечается, что в Оршанском повете было избрано 16 таких судей, фамилий которых Сурта, экономя место, не отметил (с. 249); здесь, вероятнее всего, хронист опирался на документ. В 1700 г. в Могилеве сделали над Братской церковью крышу; строил ее монах, имени которого Сурта не назвал (с. 251); здесь тоже чувствуется рука современника.

Кроме записей, сделанных по собственным наблюдениям и рассказам очевидцев, у Сурты имеются данные, полученные им явно из вторых и третьих рук. Иногда такие записи имеют анекдотический характер. Малодостоверные сведения касаются в особенности России конца XVI — начала XVII в. Например, по сообщению Сурты, после смерти Ивана IV (умершего в 1584 г.) царем в России стал Шуйский, «которых поколение царствует сейчас», но «мужское племя Шуйских вымерло, и в эти годы господствует только племя женщин» (с. 241)⁴⁸. Сигизмунд III, сообщает хроника, «добыл» в 1611 г. Смоленск у «великого князя московского Ивана Васильевича», «добывал» его семь лет, но при этом же сказано, что Иван Васильевич умер в 1584 г. (с. 241). Очевидно, Сурта считал, что было двое Иванов Васильевичей, один из которых умер в 1584 г., а второй правил позже. Анекдотический характер имеют записи о неудаче русских под Ригой в 1655 г. (с. 242), заметка об изображении русских итальянским художником в 1660 г. (с. 242), сообщение о ссоре князя Любомирского с польской королевой за 1666 г. (с. 244). Весьма путаные сведения содержатся в хронике о походах князя В. В. Голицына в Крым, причем Голицын, согласно данным Сурты, после походов был закован в кандалы и сослан в места «в сто раз хуже тех, куда ранее сослали „Поповича“» (Самойловича. — *Н. У.*). Это было сделано потому, что Голицын получил от крымского хана бочонок с золотом, из-за чего и не разгромил войска хана (с. 247). Походы под Азов Петра I были результатом обязательства, принятого Россией в отношении Речи Посполитой (с. 248). В 1697 г. Петр I послал за границу «наглавнейших бояр», а вернув-

⁴⁸ Это место хроники чрезвычайно путанное. Как известно, Шуйский (Василий Иванович) был царем в 1606—1610 гг. В 20-е годы XVII в. род Шуйских угас. Единственной женщиной, «господствовавшей в России» в XVII в., была Софья Алексеевна, с «племенем Шуйских», однако, ничем не связанная, притом ее под понятие «племя» подвести нельзя. «Племя женщин» управляло страной с 1730 по 1796 г. (с перерывом в 1762—1763 гг., когда императором был Петр III). Предположить, что текст Сурты был изменен кем-то в XVIII в., когда правительство страны возглавляли женщины, едва ли возможно, так как правительницы, согласно тексту, должны быть родней Шуйских, в XVIII в. основательно забытых. Более вероятно кажется, что напутал сам Сурта.

шись из заграничного путешествия, установил в русских городах магдебургское право. В том же году он казнил «наиглавнейших бояр» — Соковиина, Цыклера и др. (с. 250). Под Нарвой погибло 70 тыс. русских, и шведы захватили там 700 орудий (с. 251).

В ряде случаев Сурта ссылался на архивные материалы. Говоря о том, что король Стефан Баторий дал в 1576 г. (1) Могилеву «разные права», он отмечает, что эти документы хранятся в городском архиве (с. 240). Кто хочет знать, где похоронены казненные в 1610 г. руководители восстания, пусть читает «декрет от 23 июля 1610 года в Могилевской магдебургии» (с. 240). Говоря, что в Москве в 1681 г. были убиты «наизначнейшие бояре», он не перечисляет их имен не потому, что не знает, а из-за экономии места (с. 246), из чего следует, что он располагал соответствующими документами.

Несколько ссылок сделано Суртой на рукописные и печатные хроники и летописи. Так, говоря об избрании на престол в 1574 г. Генриха Валуа («Француза») и его скором бегстве из Польши, Сурта замечает, что если кто-то хочет знать об этом больше, то пусть перечитывает хроники, не указывая, однако, какие именно (с. 240). Из летописцев и других источников Сурте не удалось выяснить, когда были закрыты в Могилеве православные церкви в связи с тем, что могилевцы не пустили к себе униатского архиепископа Иосафата Кунцевича (с. 241). Эта запись датирована 1633 г. (Кунцевича не пустили в Могилев в 1619 г., а в 1623 г. он был убит в Витебске.— *Н. У.*). Очень кратко сказав о восстании 1648 г. на Украине, Сурта отсылает читателей к работам хронистов, опять без указания, к каким именно. Зато, говоря о разделении мира между сыновьями Ноя, Сурта ссылается на хронику Стрыйковского и Киевский Синописис (с. 240).

Таким образом, сведения, содержащиеся в части хроники, которая написана Суртой, неравноценны. Более всего достоверны (очевидно, безусловно достоверны) данные, изложенные по архивным материалам и собственным наблюдениям автора. Несравненно меньшее значение имеют известия, записанные по рассказам, в частности это касается известий о происходившем в России. Из личных наблюдений наиболее ценные касаются событий, происходивших в Могилеве во время войны 1654—1667 гг. Из текста, написанного Суртой и Ю. Трубицким и сохранившегося до наших дней, Сурте принадлежит примерно треть, но так как из записей Ю. Трубицкого утеряна весьма значительная часть, то, очевидно, раздел, написанный Суртой, составлял не более четверти общего текста обоих хронистов (остальных разделов рукописи не касаемся).

Ю. Трубицкий, начиная работу над своей частью, написал вступление, очень похожее на то, которое в свое время оставил Сурта. «Все, что будет написано, дорогой читатель,— сообщал Ю. Трубицкий,— частично заимствовано из других летописей, частично по рассказам „годных“ людей, частично же записал то, что видел своими глазами» (с. 252). Поскольку история Могилева изложена Суртой до середины 1701 г., то Ю. Трубицкий только в отдельных случаях обращается к событиям до 1701 г. Очевидно, его указание на использование рассказов старых людей следует понимать так, что о событиях начала XVIII в.

он писал спустя много лет, примерно в 30—40-е годы, иначе ссылка на летописи и рассказы других лиц не имеет смысла.

Ю. Трубицкий начал писать свою часть как продолжение повествования Сурты — о борьбе Сапег с их противниками и о мероприятиях Петра I в связи с происходившей войной. Однако, даже не заполнив до конца первого листа, он переходит к совершенно иному материалу — к изображению обстановки в Речи Посполитой в целом, сделав при этом соответствующее вступление: «Здесь, отступив от событий, происходивших в королевском городе Могилеве, изложу кратко о военных действиях в Польше и Литве по книгам одного историка» (с. 253). И действительно, дальше он говорит главным образом об интригах примаса Польши М. Радзеевского при избрании после смерти Яна Собесского короля, о борьбе между Сапегами и Огинскими, о начале Северной войны и поражении Августа II, об избрании королем Станислава Лещинского. Все это изложено очень кратко и заканчивается известием о смерти Радзеевского. Далее следуют стихи, высмеивающие как Радзеевского, так и короля Августа II, после чего помещено описание военных и политических событий (включая пространный рассказ на основании литературных данных о Мазепе) за 1705—1707 гг. Этот раздел сменяется «Карнавалом» — ярким сатирическим произведением, рисующим обстановку в Польше, и в заключение следует «Коляция», т. е. ужин, в которой тоже говорится о Польше начала XVIII в. в том же обличительном духе. Все это заимствовано, по словам летописца, из книги, посвященной жизни короля Станислава Лещинского. К этой книге Ю. Трубицкий отсылает читателя, не указав, однако, ее автора и не приведя названия (с. 258). Трубицкий и далее перебивает известия, относящиеся к Могилеву, сообщениями о ходе Северной войны, о поражении Левенгаупта, о Мазепе, о поражении шведской армии под Полтавой и бегстве Карла XII в Бендеры, а оттуда в Швецию. Книга, из которой Ю. Трубицкий заимствовал сообщение о последнем походе Карла XII с юга обратно в Швецию, названа определенно: «Fosculi historiarum». Это заимствование является едва ли не самым неудачным во всей работе Ю. Трубицкого (в ней сказано, что Карл XII был убит под стенами маленького немецкого городка, еще не дойдя до Швеции). После этого Трубицкий опять возвращается к описанию событий, происходивших в Могилеве и Старом Быхове, «где происходила заваруха не меньшая, чем в Польше» (с. 258). Особенно много внимания в начале уделено Старому Быхову: захват Быхова, бывшего владения Сапег, сторонником России Бонча-Синицким, переход Синицкого на сторону шведов и его выступление против русских, осада русскими Быхова и капитуляция Синицкого, отправка братьев Синицких в Сибирь и др. Все это описано очень подробно, что можно объяснить лишь использованием какого-то документа, фиксировавшего события в Быхове в некоторых случаях по дням и часам. При всей детализации описания обстановки в Быхове внимание хрониста приковано главным образом к Могилеву, к тем тяготам, которые выпали на долю этого города в связи как с авантюрой Синицкого, так и с ходом Северной войны. Синицкий числился пока сторонником русских и был «опекуном» Могилева, распо-

ряжался там, как в своем личном владении, и грабил город не меньше, чем неприятельская армия. В дополнение к грабегам Синицкого город осуществлял разного рода поставки по приказу как Августа II, так и русских войск. Вместе с тем Ю. Трубицкий как человек религиозный не оставлял без внимания церковные дела. Так, например, им подробно описаны смерть белорусского епископа Серапиона Полоховского и назначение на его место князя Сильвестра Четвертинского.

Весьма существенны данные хронистов о вооружении жителей Могилева. Население Могилева имело огнестрельное и холодное оружие, а также артиллерию и в общем представляло собой настолько внушительную силу, что в 1654 г. гетман Радзивилл со своей армией так и не был допущен в город, а в 1661 г. населением же был уничтожен русский гарнизон.

Личное оружие горожан едва ли находилось полностью на учете, но орудия, стоявшие на валах, должны быть известны каждому жителю города, и тем не менее Ю. Трубицкий, говоря о том, сколько орудий было взято Синицким из Могилева во время осады им Быхова, а также после овладения этим городом русскими, сообщает об этом приблизительно («штук 15»; с. 267). Среди орудий, забранных Синицким, выделялась своими размерами «Голландка», для выстрела из которой требовались три камня⁴⁹ пороха. Подчеркивая размеры этой «арматы», он отмечает, что подобной не было ни в Великой Польше, ни в Литве. Остальные орудия были взяты русскими 3 августа 1707 г., причем русские забрали 18 разных крупных гербов, т. е. с особыми названиями каждое («Змей», например), и семь полковых, а всего 25 (с. 268). Из Олейной браны были также взяты в 1707 г. хранившиеся в тайнике порох, ядра и несколько сот «свиней» свинца (с. 268). Таким образом, в начале XVIII в. у могилевцев находилось не менее 40 разного калибра орудий и большой запас пороха и свинца. В 1708 г. Могилев был сожжен. Вообще, как все деревянные города того времени, он горел бесчисленное количество раз, но этот пожар остался в памяти горожан как исключительно тяжелый. Трубицкий, написав заголовок «1708», создал полное трагизма вступление к этому разделу: «О город, город Могилев. Первый летописец, не имея сведений, почему город назван Могилев, объяснил, что это был Могучий Лев, но военный 1708 год заострил на тебя клыки и зубы, содрал с тебя прекрасную львиную шкуру и облек в черную грубую мешковину, с этого времени не можешь ты называться Могучим Львом, а разве что могилей имуществва твоих жителей» (с. 269).

Часть, написанная Ю. Трубицким, создана с широким привлечением документов магистратского архива, по рассказам очевидцев и личным наблюдениям. В ряде случаев сведения всех этих источников информации переплетаются, и выделить каждый источник можно, вероятно, только в результате специального исследования.

Будучи «регентом» магистратской канцелярии, Трубицкий находился в курсе дел всего города, и наиболее основательная часть его труда написана главным образом по материалам канцелярии. По

⁴⁹ «Камень» равен примерно 14 кг.

архивным данным указано, сколько город выдал продуктов, фуража, разных товаров (кожи, железа, леса и др.), а также денег русским и шведским войскам в 1701—1709 гг. Бесконечные требования обо всем этом к городу поступали и от «опекуна» Могилева Синицкого. В отдельные годы поставки были так велики, а записи Ю. Трубицкого так часты, что все это могло быть зафиксировано хронистом не сразу, а спустя какое-то время и только по архивным данным. Например, за 1706 г. есть записи в январе, 20 и 25 февраля, 10 апреля, 5, 15, 21, 24 и 30 мая, 8, 15, 16, 21 и 29 июня, 7, 9, 12, 14, 17, 22 июля, 2 и 18 сентября, 10 октября и 10 ноября. Правда, за 1706 г. записей сделано больше всего, но не намного меньше их и за 1708 г.

14 марта 1708 г. Ю. Трубицкий после детального перечисления того, что город дал русскому командованию, пишет: «Любезный читатель, все, что было истребовано [от города.— *Н. У.*], отсылаю к городскому списку, который найдешь в ратушном архиве, где, прочитывая, должен будешь заливаться слезами и удивляться, как город Могилев мог поднять такие тяжести» (с. 270).

Многое из того, что написано Ю. Трубицким, основано, вероятнее всего, на рассказах очевидцев, хотя возможно, что хронисту пришлось получать сведения не прямо от тех, кто был непосредственным свидетелем, а в передаче от вторых и третьих лиц.

Прямо со ссылкой на рассказ униатского монаха Пафнутия передано, при каких обстоятельствах Петр I казнил в Полоцке несколько униатских монахов (с. 271). По слухам или на основании рассказа очевидца записано сообщение (в самой общей форме), как шведы ограбили Вильно и убили тамошнего бурмистра Мороза. То же по рассказам, переданным от участников события, должно быть, описано, как Петр I, будучи на банкете в Минске у ксендза Панцержинского, выругал его за то, что тот, имея мало средств, задает пиры, требующие больших расходов, а затем приказал выдать ксендзу столько денег, чтобы было достаточно для оплаты расходов на угощение (с. 263—264). Потому же, очевидно, источнику описано, как после поражения под Лесной бежали остатки отряда Левенгаупта, направляясь в свою сторону, и как их истребляли крестьяне и шляхта (с. 276). Одно из самых ценных известий, записанных по слухам, относится к Ващиле. «Что сказал ранее о Ващиле,— писал Ю. Трубицкий,— здесь добавлю, что известно из людской реляции, что упомянутый Ващило, как только императрица великороссийская прибыла в Киев, он, находясь в Стародубе, будучи под московской стражей, в оковах, с этим светом попросился. Над его телом стала московская стража с обнаженными палашиями и стояла две недели, пока не пришел из Глухова указ от старших малороссийских судей, чтобы его погребли. И так ему было учинено торжественное погребение» (с. 280). На основании рассказа очевидца сделана запись о Карле XII: «Здесь делаю отступление от Могилева (т. е. от дел, касающихся исключительно Могилева.— *Н. У.*) и доложу кратко о шведском короле. Из-за отсутствия данных называть дни не могу, однако что слышал, то кратко в этой летописи изложу, сохранив для летописцев более доскональных». И далее говорится о походе шведского короля на Украину (с. 277). О том, что слухи, при-

ходившие с Украины о войне, были недостоверными, говорят записи Ю. Трубицкого, касающиеся Семена Палея.

Трубицкий был человеком образованным, но верил как в пророчества, так и в то, что бог внимательно следил за жизнью Могилева, причем это внимание выражалось преимущественно в том, что по велению бога происходили все пожары; бог был неповинен лишь в пожаре 1708 г.

Очень много известий записано Трубицким по личным наблюдениям, но так как эти известия относятся к началу XVIII в., то можно предполагать, что Трубицкий вел в то время что-то вроде дневника, откуда и переносил записи в общую рукопись, когда систематизировал свои материалы. Так, видимо, по личным наблюдениям описана Трубицким казнь четырех русских солдат в Могилеве 27 июля 1707 г. с замечанием, что приговор читали «московским языком» (с. 268). Летом 1708 г. в городе появилось бесчисленное количество лягушек (с. 272). По личным наблюдениям или по рассказам очевидцев описано, как забежал в Могилев медведь (с. 274). Масса сведений о ценах на разные продукты и вообще товары могла быть написана как по источникам, так и по личным наблюдениям (с. 273). По личным наблюдениям, очевидно, написано, что во время пожара образ «Брамы Богоматери сгорел, так как отпала штукатурка» (значит, это была фреска). Безусловно, по собственным воспоминаниям написано, что зима 1708/09 гг. была долгой и холодной. По своим наблюдениям (воспоминаниям?), дополненным рассказами жителей города, сделано описание сожжения города в 1708 г. (с. 274—275).

Часть хроники, написанная Ю. Трубицким, по полноте данных и манере изложения превосходит всю остальную хронику. Для Могилева это прежде всего очень подробно перечисление поборов, взимаемых с жителей города в 1701—1709 гг., хотя то, что было отобрано у жителей сверх официально сданного через магистрат, как и все, что погибло во время пожара в 1708 г., у Трубицкого осталось неучтенным. Затем хроника содержит перечень воинских частей и отчасти описание их внешнего вида и вооружения обеих воюющих сторон, которые проходили через Могилев. Большую ценность представляют данные о ценах на разные продукты, зафиксированные в хронике, а перечисление мер веса, которыми пользовались в то время могилевцы, является существенным источником для изучения метрологии. Относительно немного сведений имеется по топографии города, но при бедности таких данных и это представляет большой интерес. Трубицкий упоминает несколько имен и фамилий могилевских художников и архитекторов или их профессию, которые в других источниках не встречаются. В общем, его часть выделяется по сравнению не только с частями, сделанными его сыном, внуком и правнуком, но и Суртой, и поэтому утверждение Александра и Михаила Трубицких, что хроника целиком написана им, имеет какое-то объяснение.

Принадлежа пусть и не к самой неимущей части населения и не будучи богатым, Ю. Трубицкий не раз выражал сочувствие бедноте. Так, говоря о том, как солдаты забирали у населения стройматериалы,

годные для сооружения моста на Днепре, он отмечает, что «богатым за бревна платили, а бедных кривдили» (с. 260). Сам Трубницкий был православным, очень внимательно следившим за событиями, связанными с церковной жизнью Могилева.

Характер известий, находящихся в хронике после 1746 г., в начале ничем не отличается от тех, которые помещены в части, написанной Ю. Трубницким, т. е. о пожарах в городе (1748 г.), очень много записей, касающихся религиозной жизни (смерть белорусского епископа Иеронима Волчанского, назначение на тот же пост Георгия Кониского и его торжественная встреча в 1755 г.). Затем смерть короля Августа III (1763 г.). Избрание королем Станислава Понятовского (1764 г.). Торжества по поводу избрания нового короля (1764 г.). Появление кометы (1769 г.). Присяга Екатерине II и наследнику Павлу I (1772 г.), приезд наместника З. Чернышева (1774 г.), приезд в Могилев Екатерины II и Иосифа II (1780 г.) и в последующие годы мелкие заметки о приезде начальствующих лиц. Даже о таком событии, как война 1812 г., сказано примерно то же, что было в учебниках, и лишь заметка М. Трубницкого о том, что происходило с ним персонально (он встретил войну в Вильно), дает немного нового.

В общем же, между текстом Ю. Трубницкого 1746 г. и началом текста М. Трубницкого 1812 г. записи имеются за 1748, 1754, 1755—1757, 1759—1761, 1763—1767, 1772, 1774, 1778, 1780—1782, 1788, 1796, 1801, 1802, 1806—1808, 1810—1812 гг. За последующие годы хроника не отметила такие важнейшие события, как восстания 1831 и 1863 гг. (В 1863 г. студенты Горы-Горечского земледельческого института, находившегося в Могилевской губ., подняли восстание, захватили Горки, но вскоре были разгромлены.) Ничем не отмечены и события 1848—1849 гг., составители хроники явно остерегались писать обо всем этом, и хроника постепенно угасала.

Уже отмечалось, что Виленский список намного меньше Ленинградского, в связи с чем возникает вопрос, не представляет ли собой Ленинградский—основной список, а Виленский его сокращенный вариант, или, наоборот, не является ли Виленский первоначальным, который впоследствии был расширен. Наиболее вероятным кажется, что основным должен быть Ленинградский. Приводим в хронологическом порядке список мест, исключенных из Ленинградского списка при составлении Виленского (см. с. 196—198).

Значит, из Ленинградского списка исключили все, что было вписано туда из печатных источников. Таким образом отпали описание землетрясения в Неаполе (№ 28), все, что было написано Ю. Трубницким в начале его работы о положении в Польше в начале XVIII в. (№ 51), о смерти Карла XII, биографические данные о Мазепе. Исключены также записи, имеющие фантастический характер (превращение человека в собаку, рождение мальчика с золотым зубом), и вообще рассказы, основанные на слухах (№ 18, 21, 22, 69 и др.). Из Ленинградского списка исключены известия о войне между Россией и Речью Посполитой (№ 5), о событиях в Москве (№ 24, 44), о Крымских (№ 30) и Азовских походах (№ 36, 37), о битве при Лесной (№ 60) и о Полтавской битве (№ 64). Очевидно, учитывалась в первую очередь поли-

№ п/п	Год	Содержание	Листы
1	1526	Общие данные о Могилеве. Отсутствует ссылка на Стрыйковского	3 об.—4
2	1576	Сообщение, что Киев в то время был во владении Стефана Батория	4 об.
3	1582	При Стефане Батории «римляне» отменили русский календарь	4 об.
4	1605	Мир с Россией на 14 лет	5
5	1611	Война с Россией. Захват Сигизмундом III Смоленска	6
6	1613	Чеканка Сигизмундом III польской монеты в Москве	6
7	1630	Мор в Могилеве	6 об.
8	1632— 1633	Смоленская война	6 об.
9	1648	Восстание на Украине под руководством Богдана Хмельницкого	7 об.
10	1654	Постройка патриархом Никоном в Валдае монастыря, куда были переведены монахи Кутеинского монастыря, а также перевезены алтарь и часы	8
11	1655	Похороны гетмана Золотаренко в Корсуне; пожар церкви	8
12	1655	Сообщение о месте, где раньше в Могилеве была деревянная часовня	8 об.
13	1655	Неудача русских под Ригой	8 об.
14	1659	Неудача русских под Брестом	9 об.
15	1659	Разгром армии Долгорукого	19 об.
16	1659	Разгром армии Хованского	20 об.
17	1665	Перемирие в Андрусове	22
18	1666	Ссора князя Любомирского с польской королевой	22
19	1667	Неприятности, произошедшие с митрополитом Тукальским в Вильно	22 об.
20	1668	Отречение короля Яна-Казимира от престола	22 об.
21	1670	Победа польских войск под Хотинном	23
22	1674	Рождение в Вильно мальчика с золотым зубом	23 об.
23	1676	Проезд через Могилев александрийского патриарха Паисия	23 об.
24	1681	В Москве убиты «наизначнейшие бояре»	24
25	1682	Умер гетман Великого княжества Литовского Пац	24 об.
26	1683	Турки взорвали часть Чигирина. Пожар на Свиинской ярмарке	24 об.
27	1684	Победа польских войск под Веной. В Москву для заключения мира приехала делегация Речи Посполитой	24 об.
28	1688	Выписка из книги о землетрясении в Неаполе	25 об.
29	1688	В Быхове сожгли десять колдунов	25 об.
30	1688	Походы в Крым Голицина	26
31	1690	Пожар в Шклове	26 об.

№ п/п	Год	Содержание	Листы
32	1692	Разгром турок под Веней. Рассказ, как около Москвы поп убил женщину и ребенка	26 об.
33	1692	Морская англо-голландская война	27
34	1692	Семен Палей создал в Фастове крепость	27 об.
35	1694	Небывалый град в Могилеве	27 об.
36	1695	Первый Азовский поход	28—29 об.
37	1696	Умер царь Иван Алексеевич. Второй Азовский поход	30 об.
38	1696	В Константинополе турки казнили патриарха	31
39	1696	Сожжение безбожника Преборовского	31
40	1696	Характеристика Яна Собесского	31 об.
41	1696	Избрание каптуровых судей	31 об.
42	1696	Пожар в Полоцке. Сараяча	32
43	1697	Отправка из Москвы за границу бояр	32 об.
44	1697	Казнь в Москве «наглавнейших бояр» (Соковнина, Цыклера и др.)	32 об.
45	1698	Избрание королем Августа Саксонского. Начало войны Салег со шляхтой	32
46	1699	Мор в Черикове	34
47	1699	Немец обращен в свинью	34 об.
48	1700	Начало Северной войны. Август у Риги, Петр у Ревеля	34 об.
49	1700	Казакi взяли «под шведом» ряд городов. В России отменили старый календарный стиль. Разгром Салег под Олькениками	35
50	1701	Закончена постройка каменной церкви в Шклове. Около Старого Быхова разбиты сторонники Салег. Еще о борьбе салегинцев с их противниками	36
51	1701— 1707	Положение в Польше, изложенное по печатным источникам	38—47
52	1703	Смерть белорусского епископа Полоховского	48 об.
53	1703	Поборцы для сбора податей	50
54	1703	Указ Петра носить немецкое платье и брить бороды	50 об.
55	1706	Меншиков с дивизией стоял в Гомеле	53 об.
56	1706	Рассказ, как Петр был на банкете в Мянске у ксензда	57 об.
57	1707	Борьба коменданта Быхова Свинцкого с русскими	58 об.
58	1707	Еще о Быкове	63
59	1708	Лирическое вступление Ю. Грубницкого к 1708 г.	70
60	1708	Неофициальные известия о происхождении Меншикова	70 об.
61	1708	Битва у Лесной	81 об.
62	1708	Слухи, как крестьяне нашли яму, насыпанную зерном и зааленную трупами шведов	82
63	1709	Взятие русскими Батурина	82 об.

№ п/п	Год	Содержание	Листы
64	1709	Часть известий о Полтавской битве	82 об.— 85 об.
65	1745	Конец сообщения о епископе Иерониме Волчанском	87
66	1745	Сообщение о Ващиле	89
67	1745	Сообщение о нежинском архимандрите, бежавшем за границу, похитив монастырскую казну	89
68	1745	Еще о Иерониме Волчанском	90
69	1745	Рассказ, как помещик был превращен в собаку	90 об.

тическая направленность исключаемых мест. Гораздо менее понятен мотив ряда других исключений. Так, например, в Виленском списке отсутствуют сообщения о море в Могилеве (№ 7), о том, где находилась раньше часовня в Могилеве (№ 12), о сожжении в Быхове колдунов (№ 29), о пожаре в Шклове (№ 31), о небывалом граде в Могилеве (№ 35), о избрании каптуровых судей (№ 41), о пожаре в Полоцке (№ 42), о море в Черикове (№ 46) и некоторые другие. Отсутствует также ряд сообщений о польских делах: отречение Яна-Казимира от престола (№ 20), победа польских войск под Хотиним (№ 21), смерть гетмана Паца (№ 25), поход турок к Чигирину (№ 26), победа над турками под Веной (№ 32), характеристика Яна Собесского (№ 40), избрание на престол Августа Саксонского (№ 45), нет данных о конце Ващилы (№ 66). Трудный сам по себе вопрос, для чего создан сокращенный список, делается еще более сложным в свете тех данных, которые приводит о нем Гортынский. Данные эти таковы. В 1822 г. для Гортынского, занимавшего тогда пост переводчика в Главном суде Могилева, с хроники, находившейся у М. А. Трубицкого, снимают «буквально верную копию»⁵⁰. В 1825 г. Н. П. Румянцев предлагает Гортынскому напечатать эту рукопись, но Гортынский отказывается, так как хотел что-то «поисправить»⁵¹.

Гортынский принадлежал к тем культурным провинциалам (вероятнее всего, он окончил университет), кого Румянцев привлекал к разысканию архивных материалов. Очевидно, контакт между Румянцевым и Гортынским установился в 1825 г., когда Гортынский по заданию своего шефа отправился в Мстиславль для обследования тамошних архивохранилищ. В том же году Гортынский, А. М. Дорошкевич и И. Сыщенко знакомилась (опять по заданию Румянцева) с нумизматическими коллекциями, собранными около Полоцка и Орши⁵².

⁵⁰ Хроника белорусского города Могилева, с. 5.

⁵¹ Там же.

⁵² Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981, с. 74—75, 92—93. Козлов называет Гортынского Горатынским. Думаю, более правильно «Гортынский», поскольку, печатая перевод хроники, он называл себя так.

Если хроника была списана с оригинала, хранившегося у М. А. Трубицкого, то это можно было сделать только с согласия владельца. Если же Гортынскому была дана сокращенная копия, то это тоже можно было сделать с согласия Трубицкого. Из полного списка при снятии копии исключили наименее существенные разделы, но вместе с тем был исключен и весьма важный: в копии нет начала, свидетельствующего о том, что писал его Т. Р. Сурта, нет и того места из раздела Ю. Трубицкого, где сказано, что предыдущий раздел написал Т. Р. Сурта. Такое изъятие наводит на мысль, что М. А. Трубицкий дал Гортынскому копию, в которой участие Сурты скрывалось, но полный сохранил у себя, не переделывая его. Очевидно, это было причиной того, что Трубицкий до самой смерти хранил полный экземпляр и никогда не показывал его Гортынскому. Видимо, до Гортынского доходили слухи, что Трубицкий продолжает хронику, но что тот писал, Гортынский не знал. Гортынский не знал и того, что И. М. Трубицкий после смерти отца перечитывал хронику и делал в рукописи разные пометы, последняя из которых датирована 1867 г. Неизвестным остался Гортынскому и тот факт, что в 1872 г. хроника уже находилась в Петербурге в Публичной библиотеке⁵⁵.

Вторично Гортынский обращается к хронике в 1876 г., когда из Трубицких уже никого не было в живых. Такой длительный перерыв Гортынский объясняет занятостью. Чем занимался Гортынский между 1822 и 1876 гг.? В 1822 г. он переводчик суда⁵⁶, в 1851 г. занимает должность прокурора Витебской губ., коллежский советник, в 1856 г. губернский прокурор Псковской губ., статский советник⁵⁷. В последующие годы (1857—1859) в справочниках, содержащих сведения о «чиновных особах», Гортынский не числится⁵⁸. Вполне возможно, что в 1857 г. он уже вышел в отставку (кстати, в качестве переводчика он называет себя статским советником — чин, присвоенный ему в бытность прокурором). Значит, можно думать, что до 1876 г., когда Гортынский подписал свое предисловие, он не был занятым человеком. К этому следует добавить, что значительная часть хроники в 40—60-е годы была переведена на русский язык и напечатана⁵⁹, что весьма

⁵⁵ За сообщение о времени поступления рукописи в Библиотеку выражаю глубокую благодарность бывшей заведующей Рукописным отделом Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина И. Н. Курбатовой и сотруднице отдела С. Я. Вяловой.

⁵⁶ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето... 1822. СПб., 1822, ч. II, с. 340.

⁵⁷ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1856 год. СПб., 1856, с. 13.

⁵⁸ Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1857. СПб., 1857. Ч. I, 2. Нет и в адрес-календаре на 1858—1859 гг. СПб., 1859.

⁵⁹ В «Записках» игумена Ореста три раза сделаны подстрочные примечания, что такое-то место в его произведении заимствовано из хроники Трубицкого, причем два раза указаны номера «Могилевских губернских ведомостей», где будто бы напечатаны эти отрывки (с. I, IX, XII). В действительности в тех номерах «Ведомостей», которые указаны в «Записках» (№ 13 за 1847 г. и № 3 за 1858 г.), ничего подобного нет. Редактор неофициальной части «Могилевских губернских ведомостей» Е. Р. Романов издал «Указатель к неофициальной части „Могилевских губернских ведомостей“. С 1839 по 1898 г.» (Могилев, 1899). В некоторых случаях Романов от-

сильно облегчало работу переводчика. В общем, все сходится на том, что объяснение занятостью не может быть принято.

Следующий вопрос, связанный с публикацией перевода, заключается в том, был ли он сделан именно с Виленской рукописи? Если начать с обратного, т. е. с тех мест перевода, которые не полностью совпадают с рукописью, то увидим, что такие места есть. Вместе с тем в оригинале и переводе встречаются одинаковые ошибки (вора Айзика, и по рукописи и по переводу, повесили в «Гродне»; примечание в переводе, что это, видимо, «Гродно», с. 33). За то, что перевод осуществлен с Виленского списка, говорит и инструкция переписчику, помещенная на л. 1 об.⁵⁸ Сделана эта надпись, видимо, когда Гортынский отдавал переписать «ветхий оригинал» 1822 года в 1876 г.: «Прошу отдать для переписывания на хорошей бумаге, аккуратно, того же формата, что и здесь (т. е. в подлиннике.— *Н. У.*), читабельным и красивым почерком без особых хвостов и закорючек. При переписывании надлежит не пропускать знаки, сделанные голубым карандашом,— они показывают конец строки». (Эти знаки сохранились в Виленской рукописи.— *Н. У.*) Далее сказано, что следует оставить широкие поля и что если какое-либо слово будет трудно прочитать, то оставить чистое место, чтобы дописать позже (л. 1 об.). Поля в рукописи действительно широкие, а множество поправок, сделанных не тем почерком, каким переписан список, говорит за то, что рукопись кто-то правил. Учитывая это, есть основание считать, что перевод сделан с Виленского списка или с рукописи, идентичной Виленской⁵⁹. Вообще, оригинал и перевод не могли совпадать полностью еще и по той причине, что Гортынский, не довольствуясь сведениями, находившимися в рукописи, внес в свою работу добавления, заимствованные им из других источников, как из печатных, так и рукописных, отмечая, откуда им взято то или иное известие. Это, однако, не исключает возможности помещения данных, которые будто бы были приведены из рукописи, тогда как на самом деле они заимствованы из других источников.

Источниками, из которых Гортынский заимствовал данные по истории Могилева, прежде всего являются документы, хранившиеся в могилевских хранилищах, затем труды М. О. Без-Корниловича⁶⁰, О. В. Турчиновича⁶¹, Повесть временных лет и некоторые другие источники.

метил, что в номере помещен отрывок из «Хроник Трубицкого» или из «Ореста», но иногда это не оговорено. Всего, по данным Романова, отрывки помещены в следующих номерах: 1841 г., № 12, 13, 15; 1842 г., № 10, 11, 17, 18; 1846 г., № 3—7, 11, 13; 1847 г., № 3; 1858 г., № 39, 40, 61, 64, 65, 72, 73; 1860 г., № 13—17, 24, по номерам, указанных в «Записках», нет.

⁵⁸ В Виленском списке на л. 1 находится заглавие: «Хроника Могилева Трубицкого, регента Могилевской магдебургии», на л. 1 об. инструкция переписчику, на л. 2 заголовков пространный.

⁵⁹ Сделав перевод, Гортынский передал как копию, снятую с подлинника, так и перевод (очевидно, вторые экземпляры) в библиотеку Могилевской духовной семинарии (Хроника белорусского города Могилева, с. 3).

⁶⁰ *Без-Корнилович М. О.* Исторические сведения о примечательнейших местах Белоруссии, с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб., 1825.

⁶¹ *Турчинович О. В.* Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857.

Кроме того, Гортынский, считая, что сведения о Могилеве, которые находились в рукописи, неточны или устарели, дал в конце своей работы «Краткое историко-топографическое описание» Могилева, основанное на материалах перечисленных источников (с. 92—109), а также список грамот, пожалованных верховной властью Могилеву (с. 133—142). При изучении перевода необходимо учитывать все эти особенности работы Гортынского.

В переводе без отметки, что оно заимствовано из другого источника, приведено сообщение, что Могилев с волостью в 1503 г. был передан в пожизненное владение великой княгине Елене Ивановне (с. 13) и что в 1514 г. то же владение передано в держание (во временное пользование.— *Н. У.*) Юрию Деспот-Зеновичу (с. 13).

В то же время в рукописи есть пространная запись за 1526 г. о происхождении города Могилева, о получении им разных привилегий, тогда как в переводе об этом сказано в двух строках (с. 13). Подобное сокращение может быть объяснено тем, что переводчик в конце книги уделил данному вопросу много внимания. В переводе опущено сообщение оригинала о избрании на престол Речи Посполитой Генриха Валуа («Француза»). Запись о нападении на Могилев Наливайко в 1595 г. в книге изложена значительно короче, чем в рукописи; также и о «бунте» (волнениях ремесленников) 1610 г. В рукописи в записи за 1616 г. Сигизмунд III назван «скупцом»; в книге этого нет (с. 16). В рукописи сказано, что автор (в данном случае Т. Р. Сурта.— *Н. У.*) слышал о разгоне православных, присутствовавших в пасхальную ночь в шалаше, от стариков; в книге сообщения, от кого поступили сведения, нет (с. 18). За 1648 г. отсутствует сообщение рукописи о смерти короля Владислава IV (1648 год в переводе вообще опущен). В рукописи сказано, что в 1655 г. Алексей Михайлович делал подарки Кутейнскому монастырю за то, что его архимандрит советовал жителям Могилева не сопротивляться русским, чего нет в переводе, но в переводе сказано, что с этого года Могилев присоединен к России, а этого нет в рукописи (с. 21). В переводе опущено сообщение о сдаче Быхова русским. За тот же 1665 г. опущено сообщение рукописи, что русские стояли около Могилева на Виленском поле (с. 27).

В ряде случаев перевод неточно передает текст оригинала. В рукописи сообщается, что в 1695 г. во время голода «в Русские края пришло несколько тысяч людей с женами и детьми» за хлебом, из-за чего хлеб подорожал (л. 20 об.). В переводе это звучит так: цены поднялись потому, что «из Литвы в сей стране» скупали хлеб (с. 32). В рукописи сказано, что события происходили «около Слуцка, Минска и на литовском пограничье» (л. 20 об.), а в переводе — «в литовских странах» (с. 32). За 1706 г. в рукописи имеется запись о посылке шпиона к Слуцку и Минску (л. 31), а в переводе — к Луцку и Минску (с. 43). За тот же год, по сообщению рукописи, Синицкий прибыл в Могилев с пятью хоругвями (л. 35), в переводе — с шестью (с. 47). В переводе опущена следующая деталь, имеющаяся в рукописи: в 1704 г. комета показалась, когда гнали с пастбища скот (л. 28 об.).

Перевод изобилует анахронизмами и неверными выражениями (вместо «в том же году» сказано «сего же года») и т. д. Слово «дыван»,

что значит «ковер», переведено словом «софа», т. е. диван. Термин «дым» (хозяйство) переведено словом «дом» и т. д. (л. 35 об., 36 об., 41). В рукописи написано, что богоматерь была написана «на муре» (на штукатурке.— *Н. У.*), т. е. что это была фреска, тогда как в переводе сказано «на стене» (л. 57 об.).

В общем, Гортынский не только осуществил перевод сильно сокращенного текста хроники, но и передал этот текст неточно. В результате хроника была почти сто лет известна читателям в искаженном виде.

Все указанные недочеты в переводе текста, может быть, не так существенны, как ошибки в переводе заглавия. Начнем с того, что и в рукописи заглавия очень неясны, тем более что их три. Одно на титульном листе, краткое: «Хроника Могилева Трубицкого, регента Могилевской магдебургии». Второе на л. 2, гораздо более пространное: «Хроника города на Белой Руси Могилева. Собрана и писана рукой Александра Трубицкого, регента Могилевской магдебургии во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX в. продолжена его сыном губернским секретарем Михаилом Трубицким. Настоящая рукопись с хроники упорядочена и сверена с оригиналом Николаем Гортынским, статским советником в Могилеве в 1876 г.» Наконец, на л. 6, непосредственно перед текстом хроники (на предыдущих листах изложено как бы вступление, в котором говорится, что собой представляет Могилев сейчас и лишь отчасти в прошлом), еще одно заглавие: «Выписки из рукописной хроники пана Трубицкого, касающейся событий, происходивших в городе Могилеве».

Поскольку, по данным Гортынского, хроника была переписана для него в 1822 г., а события, излагавшиеся в ней, заканчивались 1812 г., то непонятно, каким образом в число составителей этой хроники (см. заглавие на л. 2) попал М. Трубицкий, который только начал писать свой раздел с 1812 г. Ведь в Виленском списке о 1812 г. имеется лишь краткая запись, что началась война и что губернатор граф Толстой запретил жителям уезжать из города. Ввиду того что в Ленинградском списке имеется гораздо более пространная запись, ясно, что краткую писал не М. Трубицкий, т. е. вообще текста, писанного М. Трубицким, в Виленском списке вопреки заголовку нет.

Недоумение вызывает и другое место этого заголовка: «Хроника... Собрана и писана *рукой* Александра Трубицкого». В переводе слово «рукой» опущено и заголовок книги такой: «Хроника белорусского города Могилева. Собранная и писанная Александром Трубицким, регентом Могилевской магдебургии во второй половине XVIII в., а в первой половине XIX в. продолженная его сыном губернским секретарем Михаилом Трубицким. Переведена с польского подлинника Николаем Гортынским». В предисловии к своему труду (с. 5) Гортынский называет М. Трубицкого «потомком писателя», т. е., согласно предисловию переводчика, хроника была написана А. Трубицким, которому Гортынский, кстати, присвоил титул «регента Могилевского магистрата». Иначе говоря, он присвоил Александру звание, которым обладал Юрий Трубицкий, чего, надо полагать, никак не мог сделать Михаил Трубицкий. Гортынский, зная лишь о существовании А. Трубицкого, ничего не знал о его отце Юрии и имел очень

смутные представления о Сурте. Учитывая это, а также приписку на титульном листе, что копию упорядочил и сверил с оригиналом Н. Гортынский, можно почти с уверенностью сказать, что весь заголовок там составлен переводчиком. В заголовке же, находящемся непосредственно перед текстом и написанном, вероятнее всего, Михаилом Трубницким, сказано, что это «выписки» из хроники, написанной «паном Трубницким» (читай: Юрием Трубницким), т. е. что это часть произведения, написанная Юрием Трубницким.

Из сказанного следует, что хроника, которая почти сто лет числится произведением Александра и Михаила Трубницких, в действительности написана Т. Р. Суртой, Ю. Трубницким и лишь в небольшой мере А. и М. Трубницкими и еще кем-то, кто остался неизвестным (одна запись принадлежит И. Трубницкому). Александр и Михаил Трубницкие, хотя и очень много сделавшие, чтобы уберечь хронику от гибели, тем не менее являются в этом деле персонажами второстепенными.

В хронике главное внимание уделено обстановке в Могилеве или в местностях, находящихся вблизи этого города; как ни в каком другом источнике, здесь подробно изложено выступление коменданта Старого Быхова Синицкого против России и его разгром. Вместе с тем и Сурта и Ю. Трубницкий часто обращались к событиям, происходившим в России и Польше, причем Сурта уделял больше внимания России, порой сильно искажая факты, тогда как Трубницкий больше всего интересовался положением в Польше, а также на Украине (в связи с походом Карла XII на Украину). Наиболее существенные данные у обоих составителей относятся к обстановке в Могилеве и ближайших окрестностях в 1648—1667 и 1700—1708 гг. Кроме того, и Сурта, и Трубницкий немало писали о «знамениях», монстрах, неурожаях в связи с резким отклонением в погодных условиях и т. д.

«Записки» игумена Ореста

Второй летописью или хроникой, почти целиком посвященной событиям в Могилеве, являются так называемые «Записки игумена Ореста». К жанру «Записок», т. е. работ типа мемуаров или дневников, произведение игумена Ореста совершенно не подходит хотя бы потому, что в нем описываются события, происходившие на протяжении почти 500 лет. Название «Записки» появилось в результате недоразумения, но так и закрепилось за ним, хотя на самом деле это летопись города Могилева. В дальнейшем произведение игумена Ореста именуется «Записки», как принято в литературе.

«Записки» являются едва ли не последним по времени опытом создания истории одного города и последним опытом создания хроники в Белоруссии вообще. В данном произведении в хронологическом порядке изложены события, о которых составитель смог найти в разных источниках какие-либо сведения. Как и полагается средневековой работе, составитель не называет своих источников, не подвергает их критическому анализу, не пытается установить общую схему хода событий. Его отношение к описываемым событиям выражено предельно сдержанно, оценки им составитель почти никогда не дает,

его симпатии и антипатии почти никак не выражаются, но одно правило прослеживается всегда — не ощущается религиозной и национальной нетерпимости.

Заимствовав едва ли не большую часть своих данных из хроники Сурты — Трубницких, игумен тем не менее приводит в своей работе немало фактов, которые неизвестны по другим источникам. В этом в большой мере и заключается значение его труда как исторического источника.

Основная часть «Записок» напечатана в т. II «Археографического сборника документов» в 1867 г.⁶² В издании «Археографический сборник» редакторы томов не указывались, но так как предисловия кем-то подписывались, то можно считать, что их авторы были составителями и редакторами томов. Вероятнее всего, редактором т. II был автор предисловия Ф. Г. Елеонский, преподаватель Литовской (православной) духовной семинарии в Вильно. Изучив рукопись, он отобрал и опубликовал наиболее существенную ее часть, отметив в примечаниях, из каких изданий игумен Орест заимствовал то или иное место, а если документ не был ранее напечатан, то сообщалось, где он находится (в библиотеке Могилевской семинарии, в архиве Могилевского магистрата). В некоторых случаях документы из рукописи были исключены, так как были настолько испорчены переписчиками, что их невозможно было правильно прочитать. В целом в т. II «Археографического сборника» помещена примерно половина текста рукописи.

М. О. Коялович, профессор Петербургской духовной академии, уроженец Западной Белоруссии, крайний националист, очень внимательно следивший за изданием материалов, касающихся Белоруссии, в своей рецензии на вышедшие т. I—IV «Археографического сборника» заявил, что, по его мнению, «Записки» игумена Ореста должны быть опубликованы полностью⁶³. Прочитав рецензию, лица, ведавшие изданием дальнейших томов «Археографического сборника», решили напечатать все, что было ранее опущено. Исключенный из «Записок» материал увидел свет в 1871 г.⁶⁴

Авторы предисловия к т. V «Археографического сборника» О. В. Щербинский и А. П. Демьянович признали, что Елеонский, исключив при публикации ряд мест, допустил несомненную ошибку, которую они и исправляли. По мнению редакторов, наиболее существенными являются восемь исключенных отрывков: 1) о происхождении названия «Белоруссия»; 2) о Головчинском сражении и вообще о войне со шведами; 3) жалоба православных жителей Речи Посполитой Петру I на католиков и последствия этой жалобы; 4) список членов Могилевского братства и настоятелей Могилевского Братского

⁶² «Записки» напечатаны в виде Приложения с отдельной нумерацией страниц (с. I—SI).

⁶³ ЖМНП, 1868, № 10, с. 224.

⁶⁴ АСД. Вильна, 1871, т. V. Отрывки из «Записок» помещены здесь не в виде Приложения, и нумерация страниц всего тома общая (с. 71—130), но набраны они шрифтом более мелкого кегля, чем остальной текст. Редакторы ошиблись, отметив, что рецензия М. О. Кояловича напечатана в 1870 г., в то время как она вышла в свет в 1868 г.

монастыря со времени его основания; 5) о характере архиепископа Анастасия Братановского, тексты его духовного завещания и стихов на его кончину; 6) формулярный список могилевского архиепископа Варлаама Шишацкого и указания на законы, на основании которых он был лишен сана; 7) изгнание иезуитов из России; 8) нашествие французов в 1812 г. и встреча их в Вильно⁶⁵.

Ответы на вопросы о том, кто такой был игумен Орест, что собой представляют его «Записки», почему его труд носит название, не соответствующее содержанию, в какой-то мере дают рукописи «Записок». В настоящее время известны два их списка. Полный список находится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе (F. 19. 323)⁶⁶, а сокращенный — в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (F. IV. 498).

При очень большом объеме сборника, в котором помещен полный список (почти тысяча страниц), «Записки» представляют собой собрание разнообразных материалов (документов и собственно «Записок»), написанных на разных языках (старобелорусском, польском, латинском; один документ дан на греческом с переводом на русский). Лично игуменом из этой массы материала была написана лишь очень небольшая часть. Полный список представляет собой рукопись в лист, бумага плотная, шероховатая, чернила и почерки разные. Переплет картонный. На корешке переплета наклейка с цифрами «300». На обороте переплета наклейка с надписью: «Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки, № 300». Затем «300» зачеркнуто и написано «323».

На нумерованной четвертушке листа в самом начале рукописи синим жирным карандашом (таким карандашом на разных листах рукописи сделаны многочисленные пометы; судя по содержанию, их автором был Елеонский) написано: «Сборник документов и исторические записки игумена Ореста. Приобретено после покойного профессора Могилевской семинарии Соколова». Тем же почерком и тем же карандашом в верхнем углу л. I написано: «Соколов умер 1866». Одно время С. И. Соколов был редактором «Могилевских губернских ведомостей»⁶⁷. От момента поступления рукописи к Елеонскому (1866 г.) до выхода в свет т. II «Археографического сборника» (1867 г.) прошло менее двух лет.

В начале рукописи находится предисловие одного из настоятелей Могилевского Братского монастыря, фамилия и имя которого остались неизвестными (с. VIII). Это предисловие помещено в т. II «Археографического сборника» в подстрочном примечании.

Автор предисловия к т. II отметил, что «собранные акты, документы и записки разделены на два разряда». В первом разряде находятся документы экономические, т. е. такие, которые касаются материаль-

⁶⁵ АСД, т. V, с. XI.

⁶⁶ О том, что в Виленской публичной библиотеке хранится никем не заверенная копия «Записок», сообщал Е. Р. Романов (*Романов Е. Р.* Первоисточники для истории Могилевского края. Одесса, 1916, вып. 1, с. III).

⁶⁷ *Улащик Н. Н.* Указ. соч., с. 155.

ной части, главным образом образом земельных владений монастыря. Этим документам, сказано далее, «сделана настолько подробная опись, что она может в случае чего заменить сам документ». Они находились в особом портфеле. В подстрочном примечании к этому месту сказано, что местонахождение портфеля в настоящее время неизвестно. В таком же портфеле находились и документы второго разряда — исторические. Из них, как считал автор предисловия, «важнее всего историко-хронологические записки игумена Ореста, которому они возвращены по принадлежности» (с. X). Значит, оригинал был отослан игумену⁶⁸. При таком положении возникают вопросы, в какой мере имеющаяся сейчас рукопись совпадает с оригиналом и по Вильнюсскому ли списку печатался текст? Первый вопрос при отсутствии оригинала решить невозможно, а чтобы ответить на второй, обратимся опять к рукописи.

В конце ее, на с. 967 (листы рукописи пронумерованы с обеих сторон) — запись: «В сем сборнике пронумерованных страниц девятьсот шестьдесят семь (967). Завед. Рукоп. отд. Гильтебрандт». В действительности страниц в рукописи больше, так как в начале (с. 3—6) находится предисловие, а на с. 9—19 оглавление.

Елеонский отметил, что в рукописи 967 страниц, т. е. не сообщил, как и Гильтебрандт, о наличии страниц с особой нумерацией в начале. В первой части (с. 1—152) рукописи, пишет Елеонский, находятся исторические документы, а во второй (с. 199—205, 526—546) — «собственно записки в двух видах: сначала идут „разные записки“, неизвестно кем составленные, а потом более обширные записки игумена Ореста» (с. VIII). Елеонский заявляет что «собственные записки» игумена «составлены главным образом на основании документов, напечатанных в „Белорусском архиве“⁶⁹, летописи Могилева — Трубицкого, „Унии“ — Бантыш-Каменского⁷⁰ и отчасти на основании наблюдений самого игумена Ореста как очевидца» (с. IX—X). В конце рукописи помещены статистические данные о Могилеве на 1836 г. и исторические известия о Могилевской епархии до 1845 г. (с. XI).

На полях рукописи имеется много помет и поправок, как правило, они сделаны карандашом. Видимо, переписчик рукописи был привычен к правилам передачи текста на польском языке и поэтому писал со строчной буквы такие слова, как «бурмистры», «райцы», «лавники» и пр. Во всех этих случаях строчная буква заменена на прописную. В фамилии «Козіол» буквы «іо» были заменены на «ё» (в польском языке звук «ё» передается буквами «іо»; с. 225). Редактор часто исправлял букву «е» на «ять» (ѣ). Нередко буквенное обозначение года переделано на цифровое, а в конце слов, если после согласной отсутствует

⁶⁸ В 1916 г. Романов писал, что оригинал «Записок» был увезен из Могилева в Рязань одним из могилевских епископов, уроженцем Рязани, вместе с массой других источников (очевидно, тоже касавшихся Могилевщины). В Рязани после смерти епископа его собрание было распродано родственниками в «мелочные лавки», т. е. для использования в качестве оберточной бумаги (Романов Е. Р. Указ. соч., с. III).

⁶⁹ Имеется в виду издание «Белорусский архив древних грамот» (М., 1824).

⁷⁰ Имеется в виду работа Н. Н. Бантыш-Каменского «Историческое известия о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших в продолжение оной, через два века приключений» (М., 1805; 2-е изд. Вильна, 1866).

знак «ъ», он добавлен. Иногда карандашом исправлены неправильно написанные слова, которые переписчику были непонятны. Так, в рукописи было написано «Петакгорский митрополит», исправлено на «Пятигорский» (с. 28), в рукописи было написано «государскую обору», исправлено на «господарскую» (с. 37). Слова, написанные сокращенно под титлом («стога», «мца»), редактор исправлял на полные («святого», «месяца»).

Передко слова или выражения вычеркнуты карандашом (например, очень резкие выражения Петра I). В отдельных местах дано пояснение, почему это сделано; в других на поле есть помета, что вычеркнутое следует печатать. Так случилось, например, с сообщением о Синицком, где вычеркнуты слова о его поведении после победы над сторонниками Сапег, а затем на поле написано «печатать» (с. 311). На той же странице имеется помета: «Справиться, где напечатано» — и ответ: «Бантыш-Каменский, Вильна 1866, с. 137». Иногда редактор исправлял белорусские слова на русские. Так, на с. 390 было слово «бервенья», исправлено на «бревна». Иногда на полях отмечалось, каким шрифтом следует набирать те или иные слова. Так, на с. 543 текст подчеркнут карандашом и на поле сделана помета «курсив»; в случаях, если встречался императорский титул, отмечалось, что следует набирать «обычным шрифтом» (видимо, корпусом). В общем, видны следы редакторской работы.

Судя по этим пометам, редактор готовил к печати текст по Вильнюсскому списку, но набор прямо по нему не осуществлялся. Громадную рукопись, материал из которой брался лишь частями, отправлять в типографию было неудобно. Очевидно, те места, которые редактор отмечал для печати, переписывались начисто и отправлялись в набор.

Редактор отметил, что собственно записки игумена находятся на с. 199—205 и 526—546 рукописи и что подобное раздробление произошло вследствие ошибки переписчика.

Нужно сказать, что Елеонский умело отбирал материал для публикации, так как исключенное им, а затем напечатанное в т. V «Археологического сборника» по значимости далеко уступает тому, что помещено в т. II.

В т. II помещены данные по истории Могилева и Могилевского края от времен легендарных до 1844 г. Датированные (не всегда верно) события начинаются с 1395 г., но содержат лишь относительно верные сообщения (в 1395 г. «литовский князь Александр-Витовт Кестутьевич с помощью огнестрельного оружия завоевал Витебск, Оршу, Мстиславль»; с. II). Гораздо более полные и достоверные записи следуют с 1578 г., после того как король Стефан Баторий пожаловал Могилеву привилей на большое магдебургское право. Для начала XVII в. пространные записи приведены о таких событиях, как восстание могилевских ремесленников в 1610 г., протест могилевцев в 1619 г. против приезда униатского архиепископа Кунцевича (с. III, VI—IX). Кратко и враждебно в отношении казаков описано нападение на город отрядов Матюши и Наливайко в 1595 г. (с. V). Почти мимоходом сказано о начале восстания под руководством Богдана Хмельницкого

на Украине в 1648 г., и ничего не говорится о распространении этого движения в Белоруссии (с. XI). Вместе с тем достаточно внимания уделено войне между Речью Посполитой и Русским государством в 1654—1667 гг.: разгрому армии Я. Радзивилла, приходу в Могилев К. Поклонского и истреблению им евреев, приходу русских и т. д. (с. XII—XXV). В дальнейшем больше всего места отведено Северной войне и обстановке в связи с этим в Могилеве (с. XXXIII—LXVI).

Очень красочно игумен описывает обстановку в Могилеве и губернии в 1812 г.: приход французов, отношение к этому различных слоев населения города, порядки, введенные оккупантами, и, наконец, их уход (с. LXXIX—LXXXVII). Важнейшим местом «Записок» о 1812 г. является сообщение о волнениях крестьян, не только отказавшихся выполнять повинности в пользу архиерейского дома и помещиков, но и полностью разгромивших принадлежавший архиерею Барсуковский фольварк (расхитили имевшееся там зерно, скот, птицу, а также водку и растительное масло) (с. LXXXIV—LXXXV).

Помещики и архиерей просили власти (разгромлен, видимо, был не один фольварк) прислать воинские команды, чтобы держать крестьян в повиновении, что едва ли было удовлетворено. Очень много внимания в «Записках» уделено архиепископу (православному могилевскому архиерею) Варлааму Шишацкому, присягнувшему Наполеону (с. LXXXVIII—XLVII).

«Записки» заканчиваются списком «братчиков» (членов братства), пожертвовавших Братскому монастырю дома, земли и пр. (с. XCIX—CI).

Печатаемая «Записки», Елеонский исключил те места, которые, по его мнению, казались неинтересными, кратко отмечая в подстрочных примечаниях, что было исключено и почему⁷¹. Так, говоря о Головчинском сражении, вернее о том, как русские войска двинулись

⁷¹ В числе прочего Елеонский вычеркнул пространную выписку о происхождении названия Белоруссия из работы польского автора XVI в. Шимона Старовольского. Эта работа написана на латинском языке и на том же языке напечатана в т. V «Археографического сборника» (с. 74—75). В рукописи она имеется и в оригинале и в переводе на русский. Ввиду того, что это место представляет несомненный интерес, даем часть его в переводе на русский язык: «Россия, смежная и подвластная Великому князю Литовскому, называется Белою частью потому, что жители белый цвет имеют и белую одежду в древние времена употребляли... частично от того, что долго под белым снегом [находится земля]... Но и природа там вообще белая — волки, медведи и зайцы белые, тоже и лисицы и домашние животные белые... Белоруссия есть страна весьма плодородная, изобилующая всеми вещами, к пище принадлежащими: рожью, пшеницей, ячменем, овсом, гречихой, горохом, коноплей, ярицей, просом, медом, хмелем, воском, скотом, рыбами, птицами, зверем... земля здесь прилежно обрабатывается, и поля везде или по натуральному плодородию, или по аккуратнейшему обрабатыванию довольно урожайны, а также она изобилует плодами и овощами садовыми и огородными и лугами, сады плодородные имеет, в коих груш, яблок, слив, вишен довольно бывает, и скота всякого довольно в Белоруссии находится, а наиболее птиц диких и зверей лесных. В Белоруссии древнейший город Полоцк при реке Двине» (с. 533—534 рукописи). Если бы не упоминание о Полоцке, то можно было бы подумать, что все это сказано о какой-то неведомой стране, где белые медведи бродят в яблоневых садах. В целом же это свидетельствует о том, насколько туманными были представления о Белоруссии даже польских авторов XVI в.

из Могилева навстречу шведам к Головчину, Елеонский опустил часть текста, сделав такое примечание: «Затем следует рассказ о Головчинском сражении, не заключающий в себе никаких новых подробностей сравнительно со сведениями, сообщаемыми об этом событии Устряловым⁷² и Голиковым⁷³, и поэтому опущенный нами»⁷⁴.

Далее было исключено место, в котором перечислялось, сколько печеного хлеба давала в 1708 г. каждая сотня (район) Могилева, причем в подстрочном примечании выражалось сомнение в достоверности приводимых в рукописи данных⁷⁵. Исключен без всяких объяснений рассказ о разгроме Левенгаупта под Лесной, об угнетении православных католиками⁷⁶, о первом разделе Речи Посполитой, о польском восстании под руководством Костюшки, об архиепископе Анастасии Братановском и ряд других.

Восполняя пропуски, редакторы т. V «Археографического сборника» напечатали в этом томе фантастические данные о начальной истории Белорусского Поднепровья (с. 71—72)⁷⁷, о количестве хлеба, выдаваемого Могилевом шведам (с. 80), о разгроме Левенгаупта (с. 81—82), о падении Меншикова (с. 89—90), о празднованиях в Могилеве в связи с избранием на престол Станислава-Августа (с. 92—95), о польском восстании под руководством Костюшко (с. 97), о Анастасии Братановском (с. 98—104), еще раз о Варлааме Шишацком (с. 104—111).

После нескольких мелких замечок следует произведение, озаглавленное «Разные записки, касающиеся до Белорусской епархии и здешнего благочестия» (с. 120—124). В сущности, это еще одна хроника, в которой рассказывается о событиях, касающихся главным образом церковной жизни Могилева с 1526 по 1754 г. В подстрочном примечании к этой части редакторы отметили, что она составлена неизвестно кем в Спасском монастыре около 1755 г. Большая часть «Разных записок» приходится на годы, за которые ни в хронике Сурты — Трубицкого, ни у игумена Ореста ничего нет. Это дает основание предполагать, что данное произведение оригинальное и что, следовательно, в Могилеве жил и работал еще один летописец, кроме названных ранее. Поскольку записи даны за 128 лет, то они сделаны не по памяти (или не все по памяти); их автор располагал разными документами, тем более что в записи за 1594 г. говорится о «тестamente» (завещании)

⁷² Имеется в виду работа Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (СПб., 1863. Т. IV).

⁷³ Имеется в виду работа И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (М., 1837. Т. II).

⁷⁴ АСД. т. II, с. LV.

⁷⁵ Там же, с. LVII.

⁷⁶ Материалы об угнетении православных католиками перепечатаны из работы Н. Н. Бантыш-Каменского «Исторические известия о возникшей в Польше унии». Еще больше из той же работы Н. Н. Бантыш-Каменского перепечатано в т. V «Археографического сборника» (с. 78, 84—88).

⁷⁷ В самом начале «Записок», помещенных в т. V «Археографического сборника», есть ряд подстрочных примечаний, сделанных игуменом Орестом, в которых он дает ссылки на «Историю Малой России» (ч. I, гл. 1, с. 3). Работа под таким названием написана Д. Н. Бантыш-Каменским и вышла без указания автора в Москве в 1822 г. в трех томах и в 1830 г. в четырех томах, но в обоих изданиях сообщений, на которые ссылается игумен Орест, нет.

пана Ильинского, т. е. называется один из ранних источников летописца ⁷⁸. О том, в какой мере эта хроника имела «духовный» характер, говорит то, что из 49 записей только 7 не относятся к церковно-религиозным делам, среди них такие, как сообщение о даровании Могилеву магдебургского права, о том, как были отбиты от города войска Я. Радзивилла, об истреблении Поклонским евреев и др.

Вслед за «Запиской» приведен список киевских митрополитов (Петр Могила, Иосиф Горбацкий), могилевских архиереев, архимандритов (не полностью), затем «светских чиновных особ» — могилевских войтов, бурмистров, райцев, а затем дан синодик настоятелей Могилевского Братского монастыря. Заканчивается эта публикация сообщением старосты Могилевского Братского монастыря Фомы Оздобного о пожаре в Могилеве в 1810 г. (с. 125—130).

В Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде находится краткий список «Записок», представляющий собой цельное произведение (F. IV. 498). Это рукопись в четвертку, писанная четким почерком середины XIX в. Всех листов 71. На последнем листе рукописи запись: «В сей рукописи нумерованных листов семьдесят один (71). Хр. Лопарев. 8 октября 1915 г.» Х. Лопарев в то время был сотрудником Отдела рукописей, дата «1915» не обязательно означает, что рукопись поступила в библиотеку именно в том году; может быть, это произошло и значительно раньше.

В подстрочном примечании на первых трех листах помещены краткие сведения об игумене Оресте, представляющие собой некоторые добавления к данным, которые находятся в конце записи могилевского настоятеля и которые помещены в т. II «Археографического сборника». Эта небольшая рукопись была предназначена для печати. Ряд страниц в ней с описанием «бунта» в Могилеве в 1610 г. перечеркнут карандашом, а на л. 1 имеется запись: «Запрещена 3-го декабря 1854 г. (Журн. № 49-й)». Поскольку в 1854 г. игумен Орест уже умер, а оригинал рукописи, вероятнее всего, находился у Соколова, то можно думать, что именно Соколов и пытался напечатать часть «Записок».

↑ Рукопись, поступившая в Петербург, первоначально была озаглавлена «Историко-хронологические записки игумена Ореста», т. е. так же, как об этом сообщал настоятель. Однако кто-то исправил это заглавие на другое: «Исторические записки игумена Ореста». Первое заглавие (очевидно, автора) вполне соответствовало содержанию, второе, хотя и не отражало смысла так четко, как первое, тоже соответствовало содержанию, но после того как было отброшено и слово «исторические», заглавие потеряло смысл. Кто это сделал, остается неизвестным.

Мотивы запрета публикации неясны. Возможно, цензора напугало описание «бунта», тем более что продолжалась Крымская война. Во всяком случае, через 13 лет весь текст был напечатан, притом по благословению такого реакционера, как соратник М. Н. Муравьева И. П. Корнилов.

⁷⁸ АСД, т. V, с. 121.

Начало рукописи, а также текста, помещенного в т. II «Археографического сборника», такое: «Лех (король польский, персонаж легендарный.— Н. У.) правил в 551 году», а заканчивается рукопись описанием обстановки в Могилеве в 1660 г.

Несмотря на то что от смерти игумена Ореста (1850 г.) до появления его работы в печати (1867 г.) прошло только 17 лет, данные о его жизни, опубликованные редактором Елеонским, предельно скупы и важнейшие факты его биографии неясны. Согласно формулярному списку, который был использован Елеонским, игумен Орест учился в Могилевской духовной семинарии. В 1803 г. он стал монахом, после чего до 1818 г. занимал в Могилевском архиерейском доме должности казначея, ризничего и эконома. Затем короткое время был игуменом монастырей Шкловского Воскресенского и Пустынского (г. Шклов расположен на Днепре недалеко от Могилева, Пустынский монастырь находится около Мстиславля). В 1820—1824 гг. Орест работал преподавателем в разных учебных заведениях Полоцка. В 1827 г. он переведен в Могилевский Братский монастырь. Умер в Оршанском Богоявленском монастыре в 1850 г. Далее Елеонский сообщает то, что он услышал от жителей Могилева: в 1812 г. Орест вместе с могилевским архиепископом Варлаамом Шишацким присягнул Наполеону, в результате чего Шишацкий был лишен сана архиепископа и сослан в один из монастырей, а Орест в 1827 г. был заключен в Могилевский Братский монастырь «под строгий надзор на 10 лет». Елеонский предполагал, что игумен в это время, т. е. после 1827 г., и написал свой труд⁷⁹.

Кроме того, Елеонский отметил, что Орест был по своему времени человек образованный, отлично знавший языки греческий и латинский, и что посещавшие его люди утверждали, будто «стены его кельи были исписаны греческими и латинскими стихами», причем некоторые из них сочинил сам Орест⁸⁰.

Настоятель Могилевского Братского монастыря сообщил, что игумен Орест «воспитывался некогда в школах иезуитских и проходил довольно учебных должностей в разных местах Белоруссии»⁸¹. Ни Елеонский, ни настоятель не сообщили, однако, в каком году родился игумен, какого был происхождения и какую имел фамилию. Неизвестным остается и то, где он находился в 1818—1820 и 1824—1827 гг.

Сообщая биографические данные об Оресте, Елеонский не отметил некоторые детали, имеющиеся в рукописи, но опущенные при публикации. Так, в печатном тексте сказано, что «священно- и церковнослужители, участвовавшие в таком же преступлении», хотя и подлежат наказанию, но, учитывая, что они действовали по примеру архиепископов, «оставить всех их в прежних званиях, предоставляя Синоду для очищения совести их сделать своеобразное тому» (с. XCV—XCVI). В рукописи же об этом сказано более определенно: вместе с Варлаамом Шишацким присягу Наполеону принесли четыре члена Могилевской консистории, в том числе и «Могилевского архиепископского дома казначей, крестовый иеромонах Орест», отреченный за это от

⁷⁹ АСД, т. II, с. X—XI.

⁸⁰ Там же, с. XI.

⁸¹ Там же, с. X.

должности ⁸². Разница, конечно, невелика, но она наводит на размышления относительно возможных расхождений и в других местах. Ничего не сказал Елеонский и о том, что, по данным настоятеля, Орест учился в иезуитской школе и что, вероятнее всего, раньше был униатом.

Располагая такими скудными сведениями относительно автора «Записок», видим в нем прежде всего человека для своего времени высокообразованного, старавшегося по возможности полнее представить историю родного ему края. Как лицо духовное, он прежде всего интересовался вопросами религии, не проявляя фанатизма. Более широкие вопросы — относительно жизни всей Белоруссии и тем более России — его интересовали мало; во всяком случае, в своей работе он уделил этому очень мало внимания. Как и Сурта, Орест из событий, связанных с национально-освободительной войной украинского и белорусского народов в середине XVII в., отметил лишь те, которые непосредственно касались Могилева. Как и другие авторы могилевских летописей и хроник Могилевского края, он отзывается о нападениях на Могилев Матюши и Наливайко крайне враждебно.

Если Орест стал монахом в 1803 г., то в это время ему было (весьма приблизительно, конечно) около 25 лет. Значит, его убеждения складывались в основном в конце XVIII в., когда Могилевщина уже находилась в составе России.

При всех неясностях относительно биографий составителей могилевских хроник и летописей, при краткости, а иногда и неверности содержащихся в них данных нужно сказать, что ни один город Белоруссии не имеет такого богатого историографического наследия, как Могилев.

* * *

Согласно утверждению Елеонского, «Записки» составлены главным образом на основании документов, помещенных в «Белорусском архиве», летописи Сурты — Трубицкого (Елеонский считал хронику Сурты — Трубицкого произведением одного Трубицкого без указания его имени), «Унии» Н. Н. Бангъш-Каменского и отчасти исходя из наблюдений самого автора. «Белорусский архив» — издание, вышедшее в 1824 г., — действительно был использован составителем «Записок», однако далеко не в такой мере, чтобы считаться основным источником (тем более что хронологически «Записки» охватывают период гораздо более широкий, чем «Белорусский архив»). Елеонский отметил, что именуемому были использованы документы, помещенные в «Белорусском архиве» под № 11, 12, 14—21, 23, 27, 30, 32—35, 40 и 42, всего 19 номеров; перечисленные документы охватывают период с 1561 по 1672 г.

Из примечаний Елеонского следует, что составитель «Записок» будто бы переписывал или, во всяком случае, пересказывал грамоты, содержащиеся в «Белорусском архиве» («Сия грамота писана на рус-

⁸² Рукописный отдел Библиотеки Академии наук Литовской ССР, F.19.323, с. 834. Обращает на себя внимание тот факт, что от начала следствия (1813 г.) до вынесения приговора Синодом (1827 г.) прошло 14 лет.

ском старинном языке, напечатана в „Белорусском архиве“ под № 12», — пишет Елеонский). На самом же деле игумен Орест использовал материалы «Белорусского архива» иначе и, надо сказать, разумнее, чем это изобразил Елеонский: он переписывал в свои «Записки» только заголовки отобранных из «Белорусского архива» документов, лишь изредка прибавляя к заголовку отдельные слова от себя. Приводим в качестве примера два заголовка из «Белорусского архива» и «тексты» документов, помещенных в «Записках»:

«Белорусский архив»

«Грамота жалованная (подтвердительная) Сигизмунда III могилевскому духовенству: о беспощадном медоварении во время храмовых праздников, на основании прежних королевских привилегий, кои вместе с другими актами истреблены огнем при вторжении в Могилев казаков под предводительством Наливайки» (№ 27, с. 73).

«Грамота Сигизмунда, подтверждающая постановление могилевских граждан о посольстве, или об избрании ими по праву магдебургскому двенадцати особ из своего сословия для распоряджения общественною казною совместно с радюю, или магистратом» (№ 23, с. 59).

Следовательно, хотя игумен действительно заимствовал немало данных из «Белорусского архива», но это было не переписывание находившихся там документов, а передача их сути.

Елеонский, публикуя «Записки» игумена Ореста, знал о хронике Сурты — Трубицких только по слухам и лишь отчасти по тем отрывкам, которые были напечатаны в «Могилевских губернских ведомостях». Игумен брал из «Белорусского архива» те сведения, которые представляли для него наибольший интерес, а вместе с тем помещал в свой труд немало материалов из других источников.

Игумен читал хронику Сурты — Трубицких, и не только те отрывки, которые печатались в «Могилевских губернских ведомостях», а, возможно, весь текст, причем в записи за 1681 г. он отметил, что сведения о страшной грозе, при которой было убито перуном (молнией) много скота, взяты им из «летописца» Трубицкого: «Сие происшествие случилось при бытности и в глазах летописца Трубицкого и других могилевских жителей»⁸³. Как отмечалось выше, это происшествие произошло на глазах не у Трубицкого, а у Сурты, что может служить показателем того, что игумен тоже не держал в руках полного списка хроники, а лишь сокращенный, иначе он, наверное, не написал бы,

«Записки» игумена Ореста

«1596 года дана привилегия жалованная подтвердительная Сигизмундом III могилевскому духовенству о беспощадном медоварении во время храмовых праздников, на основании прежних королевских привилегий, кои вместе с другими актами истреблены огнем при вторжении в Могилев казаков под предводительством Наливайки. Сия привилегия дана по прошению Могилевской Спасской церкви протопопа Козьмы Романовича и всего могилевского духовенства» (с. V). В подстрочном примечании к документу Елеонский указал, что список его хранится в Могилевской семинарии.

«1589 года дана Сигизмундом III привилегия, подтверждающая постановление могилевских граждан о посольстве, то есть об избрании ими по праву магдебургскому двенадцати особ из своего сословия для распоряджения общественною суммою совместно с радюю, то есть магистратом. Оные 12 особ именовались посполитыми мещанами» (с. V).

⁸³ АСД, т. II, с. XXV.

что это взято им из хроники Трубицкого. Вместе с тем ясно, что хроника была ему известна. Основным доказательством этого служит то, что у игумена, как и в хронике, существует перерыв с 1709 по 1744 г. В хронике последняя запись за 1709 г. датирована 5 февраля, и говорится там о посылке делегации могилевцев в Воронеж к царю Петру, а затем следует запись за конец 1744 г.

В «Археографическом сборнике» начало сообщения, датированное 5 февраля, дословно совпадает с текстом хроники, но далее в хронике помещено сообщение о посылке в Воронеж представителей Оршанского повета, с которыми ездил белорусский епископ князь Четвертинский, а затем о том, что через Могилев проходил отряд смоленской шляхты. В «Записках» есть краткое сообщение об отправке послов в Воронеж (однако указания, что ездил и Четвертинский, нет), заканчивающееся известием, что послы получили от Петра грамоту, разрешающую «вновь строится». Затем помещено известие о второй грамоте, полученной также от Петра, к гетману Скоропадскому о свободном пропуске могилевцев на Украину (с. LXV). Следующее известие «Записок» относится к 15 июля 1740 г. (о закладке епископом Волчанским в Могилеве церкви св. Спаса) и несколько записей о разных происшествиях в Могилеве в 1745 г., но сообщения о конце Ващилы нет (с. LXVI—LXVII).

Такое совпадение (отсутствие сообщений за более чем 30 лет) не может быть случайностью. Вместе с тем местами в «Записках» отсутствуют сообщения, которые имеются в хронике, и наоборот. Очевидно, кроме материалов хроники, игумен использовал еще ряд источников, возможно устных сообщений, не говоря о том, что изложил собственные наблюдения. Как лицо духовное, притом интересующееся почти исключительно делами Могилева, игумен включал в свои «Записки» прежде всего данные, которые касались церковных дел (будучи много лет работником Могилевского архиерейского дома, он должен был хорошо знать церковные дела по своему служебному положению). Это не значит, правда, что его «Записки» посвящены главным образом религиозным вопросам, просто он уделял им больше внимания, чем Сурта — Трубицкие. Вместе с тем в «Записках» отсутствуют данные, которые в большом количестве находятся в тексте Юрия Трубицкого и касаются событий, происходивших за пределами Могилева, — в Польше, России. Нет в них и насмешливых замечаний в адрес русских, которые имеются в хронике. О некоторых расхождениях между хроникой и «Записками» свидетельствуют приводимые ниже примеры:

Хроника Сурты — Трубицкого

«Записки» игумена Ореста

1633 г. По данным Сурты, могилевцы утверждали, что православные церкви закрыты «по зависти униатов».

1654 г. Могилев сдался русским потому, что не мог выдержать осады.

1655 г. Сообщение о смерти гетмана Золотаренко.

То же, но слов «по зависти униатов» нет (с. X).

Причины сдачи опущены, но добавлено, что война началась из-за того, что правительство Речи Посполитой не хотело уничтожить унию (с. XII).

Нет.

1655 г. Константин Поклонский, черниговский попович, истребивший моголевских евреев, был заурядным разбойником.

1659 г. Ряд сообщений о войне с русскими и извещение об их разгроме под Ляховичами.

1661 г. Ротмистр Сурий неожиданно наехал на свадьбу русского князя Мещерского и захватил его в плен.

1665—1666 гг. Заключение Андрусовского перемирия. Рассказ о польской королеве.

1670 г. Описание разных чудес и непонятных происшествий.

1684 г. Турки под Веной.

1692 г. Поход польских войск под Сучаву. Война Франции с Турцией.

1695 г. Поход Петра I под Азов.

1696 г. Поход Петра I под Азов; его письмо патриарху.

Евреи были истреблены за их коварство (с. XIII—XIV).

Нет.

Сурий был приглашен на свадьбу Мещерским и захватил жениха в плен коварством (с. XX).

Нет.

То же с исключением некоторых деталей (с. XXIV).

Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет в «Записках» и ряда сообщений о начале Северной войны, которые имеются в хронике. Вместе с тем в хронике нет сообщений, имеющих в «Записках» за 1672 г., о полученных православными жителями Могилева привилегиях на постройку церквей и о прибытии в Могилев иезуитов⁸⁴. В некоторых случаях «Записки» уточняют данные, имеющиеся в хронике. Например, в хронике сказано, что в 1700 г., когда был хороший урожай, мерка ржи в Могилеве «продаваема была по 50 грошей»⁸⁵, в «Записках» же, кроме того, отмечено, что мерка была «могилевской мерь»⁸⁶, в другом случае, когда цены в хронике указаны в злотых⁸⁷, в «Записках» пояснено, сколько это означало в переводе на русские деньги⁸⁸; в хронике сказано, что через Могилев проходили 12 хоругвей (вооруженных отрядов)⁸⁹, а в «Записках» добавлено, что хоругви состояли из шляхты⁹⁰.

Третьим источником «Записок», согласно Елеонскому, являлось исследование Н. Н. Бантыш-Каменского об уни. Эта работа, содержащая главным образом материалы об угнетении православных униатами и католиками, использована игуменом в небольшой степени. Больше всего таких документов помещено в т. V, и так как это просто перепечатка, притом не всегда высококачественная, то исключение их Елеонским было вполне оправдано. Выписки из работы Н. Н. Бантыш-Каменского только увеличивают размер публикации, притом за счет неправильно перепечатанных текстов из «Унии».

Безусловно, кроме названных рукописных и печатных источников, игумен пользовался еще какими-то, вероятно, из архивов монастырей и магистрата. Всего явственнее это проявляется, когда он перечисляет

⁸⁴ Там же, с. XXIV—XXV.

⁸⁵ ПСРЛ, т. XXXV, с. 252.

⁸⁶ АСД, т. II, с. XXXIV.

⁸⁷ ПСРЛ, т. XXXV, с. 262.

⁸⁸ АСД, т. II, с. XLII.

⁸⁹ ПСРЛ, т. XXXV, с. 253.

⁹⁰ АСД, т. II, с. XXXV.

фамилии могилевских мещан, ставших в результате избиения русского гарнизона помещиками и дворянами. Список этих фамилий, очевидно, дан не по преданиям, а на основании письменного источника.

Наконец, последний источник — личные наблюдения. Много прожив, игумен много видел, однако его личные наблюдения отражены в «Записках» слабо; вероятнее всего, они касаются только событий 1812 г., но и записи за 1812 г. небогаты по содержанию. Из 18 страниц, которые находятся в т. II «Археографического сборника» и касаются 1812 г., больше всего места отведено делу архиепископа Шишацкого.

Если учесть дополнения, помещенные в т. V «Археографического сборника», то оказывается, что ненапечатанным из рукописи осталось совсем немного, и притом самое несущественное. Что касается точности передач и текста, то можно сказать, что расхождения между «полной» рукописью и печатным текстом имеются, но они очень немногочисленны и появились или в результате стилистической правки редактора, или, что кажется более вероятным, вследствие плохо проведенной корректуры (почти все виленские археографические издания той поры пестрят опечатками). Вместе с тем в «Археографическом сборнике» нет некоторых мелких сообщений, которые есть в Ленинградском списке. Так, в «Археографическом сборнике» отсутствуют предание о происхождении названия «Могилев» от разбойника «Могила» (л. 12—13 рукописи), ссылка на «Историю» Н. М. Карамзина, где сказано, что князь Свидригайло Любартович, властвуя в Витебске, овладел Оршей и Мстиславлем (л. 15). (Кстати, князя Свидригайло Любартовича вообще не было; очевидно, здесь имелся в виду Свидригайло Ольгердович.)

В т. II «Археографического сборника» сказано, что король Казимир построил шесть церквей «в память спасения от утопления супруги своей Елены» (с. II). В действительности же у Казимира Ягайловича звали Елизаветой. В этом месте в «Археографическом сборнике» поставлен вопросительный знак⁹¹. В рукописи имени королевы нет (л. 15). В рукописи сказано, что «с 1447 г. по присоединении (здесь, согласно рукописи, следует, что Казимир в 1447 г. присоединил Белоруссию и Литву к Польше.— Н. У.) польские короли начали титуловаться литовскими князьями, хотя же после сего и были в Литовском княжестве особые князья, но они были в зависимости от польских королей» (л. 16). В «Археографическом сборнике» этого нет. Возможно, редактор, видя, насколько в рукописи перепутаны данные, исключил их. В «Археографическом сборнике» отмечено, что грамота под № 11, помещенная в «Белорусском архиве», написана на русском старинном языке» (с. III). В рукописи же сказано, что она написана на «латинском и русском языках» (л. 21 об.). В «Археографическом сборнике» указывается, что униатская Полоцкая епископия по приказу Николая I превращена в православную в 1839 г. (с. V), а по рукописи это произошло в 1833 г. (л. 28). В «Археографическом сборнике»

⁹¹ Елена, дочь великого князя Ивана III Васильевича, была женой литовского великого князя Александра Казимировича.

напечатано, что в 1619 г., когда в Могилев ехал Кунцевич, «на валах вокруг города и вежах расставили народ с оружием» (с. VII). В рукописи же об этом сказано: «и на вежах расставили народ с ратными» (л. 36), т. е. текст там искажен.

В рукописи местами ощущается воздействие польского правописания при передаче фамилий, тогда как в «Археографическом сборнике» этого нет. Уже упоминалось, что фамилия «Козёл» в рукописи написана как «Козиол»; в «Археографическом сборнике» — «Ярмоло Местцев» (с. VIII), а в рукописи — «Месціов» (л. 37).

Учитывая, что игумен Орест учился у иезуитов, т. е. в то время, когда польское влияние в Белоруссии было неизмеримо более сильным, чем в 60-е годы XIX в. (когда печатался «Археографический сборник»), можно думать, что воздействие польского языка в рукописи было более явственным и что редактор, готовя к печати текст «Записок», постарался это воздействие по возможности уменьшить. Поэтому есть основание предполагать, что особенности написания, которые имеются в Ленинградском списке, ближе к оригиналу, чем напечатанный текст. Однако правка редактора не была настолько значительной, чтобы сколько-нибудь заметно изменить оригинал.

Написанные в конце 20-х и в 30-х годах XIX в. «Записки» представляют собой не историческое исследование, а хронику, вернее летопись. Здесь преобладает интерес составителя к церковно-религиозным вопросам, но, будучи игуменом православного монастыря, он (вопреки правилам своего времени) проявил себя очень терпимым к другим религиям; во всяком случае, резких выпадов против инаковерующих у него нет.

Таким образом, игумен Орест был последним летописцем Белоруссии⁹². Его труд имеет значение и как исторический источник, и как показатель состояния культуры и общественной мысли, и политических настроений, но не как историческое исследование. Кстати, вышедший вскоре после смерти игумена (в 1857 г.) первый опыт создания истории Белоруссии, который написан Турчиновичем⁹³, в научном отношении стоит не на много выше «Записок». Если к этому прибавить, что почти до самой революции трудов, специально посвященных истории Белоруссии, вышло считанное количество, то печальное состояние исторической науки Белоруссии видно более чем отчетливо.

В начале этой главы упоминалось не о двух могилевских хрониках, а о трех, причем третья названа анонимной⁹⁴. Нет сомнения, что это отдельное произведение, включенное в «Записки» чисто механически. Добавим, что чуть ли не почасовая информация об осаде русскими войсками Старого Быхова служит основанием для предположения, что в Быхове жил свой «летописец», делавший очень краткие записи. Итак, можно сказать, что в Могилеве — Быхове в XVIII в. работали четыре летописца (если считать всех Трубницких как одно лицо).

⁹² Некоторые из записей Трубницких сделаны после смерти игумена Ореста, но это были случайные добавления к труду, созданному значительно раньше. Поэтому мы называем игумена Ореста последним летописцем Белоруссии.

⁹³ Турчинович О. В. Указ. соч.

⁹⁴ АСД, т. V, с. 217—230.

Витебская летопись Панцырного и Аверки

Витебск в письменных источниках (в Витебской летописи) впервые упоминается под 947 г.⁹⁵, вторично — под 1021 г. В 1021 г. это был уже значительный населенный пункт, который киевский князь Ярослав Владимирович уступил полоцкому князю Брячиславу Изяславичу⁹⁶. С 1101 г. Витебск становится центром удельного княжества и в нем правят потомки Брячислава Изяславича. В 1320 г. Витебск с княжеством был отдан в виде вена за витебской княжной Марией Ярославной сыну литовского великого князя великому князю Ольгерду. С того времени и до 1772 г. Витебск находился в составе Великого княжества Литовского, позже Речи Посполитой в качестве великокняжеского, потом королевского города. В 1506 г. Витебск стал центром воеводства. В 1597 г. он получил магдебургское право, которого был лишен в 1623 г. в связи с убийством униатского архиепископа Иосафата Кунцевича; в 1635 г. магдебургское право городу было возвращено. Находясь недалеко от границы с Россией, город часто страдал от военных действий, особенно значительный урон был нанесен ему во время войны 1654—1667 гг. и еще больше в Северную войну, когда его жители осуществляли бесконечные поставки на армию; в 1708 г. Витебск был сожжен почти целиком.

Расположенный на Западной Двине, т. е. на большой торговой дороге к Балтийскому морю, Витебск относительно быстро оправлялся от разорений, однако он никогда не занимал выдающегося положения ни в экономике, ни в культуре. Во второй половине XVIII в. — в период, когда Витебская летопись приобрела тот вид, который имеет сейчас, — в Витебске насчитывалось несколько больше 10 тыс. жителей и он был вторым по численности населения городом Белоруссии. Примерно столько же жителей было в нем и в середине XVII в.⁹⁷

Несмотря на древность этого города и на то, что он длительное время был столицей удельного княжества, никаких признаков ведения летописания до второй половины XVII в. не обнаружено. Лишь краткие записи Чарновских, включенные в Витебскую летопись, возможно, были сделаны в первой половине XVII в. Летопись же Панцырного и Аверки создавалась примерно с середины XVII в. и была закончена в 1768 г.

Летопись Панцырного и Аверки хранится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

⁹⁵ В летописи Панцырного и Аверки говорится об основании Витебска киевской княгиней Ольгой в 974 г. (ПСРЛ, т. XXXII, с. 193), но так как эта княгиня умерла в 969 г., то Б. А. Рыбаков и Л. В. Алексеев предложили считать, что посещение произошло в 947 г., т. е. что переписчик по ошибке переставил цифры (*Рыбаков Б. А., Алексеев Л. В. Калі быў заснаваны Віцебск. — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, Мінск, 1971, № 2, с. 12*). В данном случае придерживаемся мнения указанных авторов.

⁹⁶ Это сообщение есть в Воскресенской летописи (ПСРЛ, т. VII, с. 328), Тверском сборнике (ПСРЛ, т. XV, с. 143), Московском своде конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV, с. 374).

⁹⁷ *Гісторыя Беларускай ССР, т. 1, с. 374.*

в Ленинграде (Q. IV. 105). Рукопись в четвертку, бумага рыхлая, белая, с сильным желтоватым оттенком, боковые поля узкие, нижних и верхних полей нет. Переплет картонный, корешок кожаный, всех листов 39. На верхней части л. 39 об. запись той же рукой, какой писана вся рукопись: «Rok. 1775», затем еще раз: «1775» и потом два раза: «1776». В нижней части л. 39 запись: «В сей книге тридцать девять листов. Библиотекарь И. Бычков». Летопись написана на польском языке с примесью белорусского. Почерк везде одинаковый, буквы крупные, чернила светло-коричневые.

Рукопись состоит из трех частей. Автором первой был Михаил Панцырный; второй — Ян Чарновский, использовавший записи своего деда, имя которого не указано; третью часть писали Гавриил Кириллович Аверко и его сын Стефан Гаврилович Аверко. Последний как бы смонтировал труды своих предшественников — летом 1768 г. он переписал все в одну тетрадь и дописал конец.

Судя по тому, что С. Г. Аверко писал себя и своего отца с отчеством, часто ссылаясь на «русский календарь», а в то же время Иосафата Куицевича называл «благенным», оба принадлежали к униатам. М. Панцырный, возможно, был православным. Все они, хотя и называли свой край Белой Русью и не были католиками, писали по-польски и читали книги главным образом на польском языке.

Летопись издана в переводе на русский язык А. П. Сапуновым в 1883 г.⁹⁸, в оригинале (на польском языке) напечатана Киевской археографической комиссией в 1888 г.⁹⁹ Киевская комиссия отметила, что С. Аверко включил в свою летопись краткие выписки из работ Меховского, Кромера, Длугоша, Бельского и других польских хронистов. Редакция не оговорила своих правил публикации, но явно, хотя и не совсем последовательно, переделывала текст применительно к польской графике XIX в., ставя почти везде, где это требовалось, знаки смягчения над буквами и, с, ц (ń, ś, ć) и носовое а (ą) вместо «ои» в оригинале. Полностью в оригинале летопись напечатана в т. XXII ПСРЛ (с. 193—205).

Впервые в печати о существовании Витебской летописи сообщил в 1859 г. Константин Тышкевич¹⁰⁰. В то время один из списков летописи находился в библиотеке графов Тышкевичей в Логойске (имение Тышкевичей, расположенное недалеко от Минска). Тышкевич писал, что сообщение о приезде Петра I в Витебск по дороге в Биржи на свидание с польским королем Августом II, а также о его приезде в Витебск на обратном пути, когда Петр направлялся в Смоленск, было помещено на л. 11 его рукописи. В списке, находящемся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, это сообщение

⁹⁸ Летопись г. Витебска, списанная с рукописи М. Панцырного, 1760 г., Степаном Аверкою, с собственными и отца его прибавлениями. — В кн.: Витебская старина / Составил и издал А. Сапунов. Витебск, 1883. т. 1, с. 455—475.

⁹⁹ Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1888, с. 213—236. В предисловии о Витебской летописи на с. XLVI—XLVIII.

¹⁰⁰ *Tyszkiewicz K. Wiadomość historyczna o zamkach horodyszczach i okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1859, s. 162.*

помещено на л. 14 об. Значит, в Ленинграде хранится не тот список, который был в Логойске.

Сапунов, очевидно, готовя к печати т. I «Витебской старины», в начале 80-х годов XIX в. запросил Тышкевича, имеется ли у него (у какого-то другого Тышкевича, так как К. Тышкевич к тому времени умер) рукопись, и получил отрицательный ответ¹⁰¹.

Специальных работ, посвященных летописи Панцырного и Аверки, нет, но Сапунов, издавая летопись, сделал палеографическое описание рукописи.

В летописи очень определенно сказано, какую часть писал тот или иной составитель, давая таким образом возможность уяснить, что собой представляли эти лица, так как данные, имеющиеся в самой летописи, слишком краткие.

По инвентарю 1641 г., одна из рыночных лавок в Витебске принадлежала Захару Павловичу Чарновскому, ему же принадлежали два дома на Богородицкой улице¹⁰². По инвентарю 1667 г., на Узгорском предместье города был дом Петра Чарновского, а на Подвинской улице — дом Дмитрия Аверко¹⁰³. Располагая только такими данными, даже имея в дополнение свидетельство С. Г. Аверки, что все авторы летописи были витебскими мещанами, трудно судить, что они собой представляли хотя бы в материальном отношении (тем более неясно, были ли они в какой-то связи с теми, кто писал), но ясно, что это был народ зажиточный. Что касается Стефана Гавриловича Аверки, то о нем прямо сказано, что в 1764 г. он как житель Узгорской сотни должен был явиться на парад с собственным огнестрельным оружием¹⁰⁴. Это тоже указывает на его принадлежность к зажиточной части населения.

Из людей, участвовавших в создании летописи, больше всего сделал М. Панцырный. Его часть летописи не только больше по объему, чем все последующие, вместе взятые (занимает 22 рукописных листа из общего объема в 39 листов), но и богаче по содержанию. Параллельно с Панцырным записи вел Ян Чарновский, продолжая записи, начатые его дедом. Записи Чарновских охватывают 1601—1733 гг. Они предельно краткие и касаются исключительно Витебска. Записи за 1704—1757 гг. сделаны Гаврилом Кирилловичем Аверко, они очень немногочисленны и тоже касаются исключительно Витебска (включая появление кометы, которую видели в Витебске в 1704 г.), все остальное принадлежит Стефану Гавриловичу Аверке. С. Г. Аверко отмечает, что он переписал текст Панцырного в 1760 г. «слово в слово»; очевидно, то же было и с текстами других авторов. Аверко отмечает, что он переписал из книг как Панцырного, так и Чарновского. Однако если текст Панцырного действительно мог занимать книгу, хотя бы и небольшую, то текст Чарновского вмещается в 2,5 листа небольшого формата, т. е. назван книгой никак быть не может.

¹⁰¹ Витебская старина, т. I, с. 640.

¹⁰² Там же, с. 358.

¹⁰³ Там же, с. 372.

¹⁰⁴ ИЮМ. Витебск, 1889, т. XIX, с. 187.

М. Панцырный аттестован С. Г. Аверко как витебский помещик, о Яне Чарновском сказано «пан», что было обычной формой вежливости. Очевидно, Чарновский тоже был помещиком, притом ничем не выдающимся, поскольку о нем больше ничего не говорится. Что касается Гавриила Кирилловича Аверки, то он занимал высокий пост: был бурмистром и «вицелантвойтом» города, т. е. вторым (после войта) лицом в магистрате. Стефан Аверко, очевидно, не занимал такого поста, так как об этом ничего не сказано.

Судя по тому, что записи М. Панцырного закончены в 1709 г., можно думать, что он умер или в указанном году, или вскоре. Ян Чарновский, переживший его, вел свои записи совершенно независимо от него. Одновременно с Я. Чарновским вел записи и Г. К. Аверко; по характеру они очень напоминают тексты Чарновского, однако по содержанию не совпадают. Каким образом и когда тексты, написанные предшественниками, попали к С. Г. Аверко, неизвестно, так как, хотя Аверко отметил, что летопись Панцырного он переписал в январе 1760 г., но у кого была эта летопись в течение предыдущих 50 лет, не сообщается.

Часть летописи, написанная М. Панцырным, по своему характеру больше всего «летописная», т. е. события излагаются в ней в хронологической последовательности, и если этот порядок нарушается, то очень редко (вслед за 1323 г. следует 1307 г., после 1452 г. идет 1439 г., за 1453 г. следует 1332 г.). Годовая запись, как правило, начинается с типически летописного «в лето» (Roku), и хотя события и у Панцырного редко даны в развернутом виде, но в общем не так кратко, как у других витебских летописцев.

В центре внимания Панцырного находится Витебск. Правда, он часто включает в свою летопись сообщения о событиях, происходивших далеко от этого города и имеющих к нему весьма отдаленное отношение, но подобные сообщения занимают совсем мало места. Период, когда витебские известия получили явный перевес над всеми другими, у Панцырного начинается с 1562 г. (сообщение о казаке Шугалее, который совершил много зла в Польше и Белой Руси).

Летопись М. Панцырного начинается с сообщения об основании Витебска киевской княгиней Ольгой в 974 г. В этой записи сказано, что Ольга, разгромив ятвягов и печенегов, переправилась через Западную Двину и заночевала на берегу этой реки. Место ночевки ей настолько понравилось, что она заложила там деревянный замок и назвала его от реки Витьбы Витебском, затем построила в Высоком замке каменную церковь святого Михаила, а в Нижнем — церковь Благовещения. Прожив в построенном городе два года, княгиня уехала в Киев.

В этой записи сразу бросаются в глаза те места, которые говорят о недостоверности летописи. Прежде всего, Ольги в 974 г. уже не было в живых (она умерла в 969 г.). Если принять предположение Б. А. Рыбакова и Л. В. Алексеева, что в дате имеется ошибка, т. е. что следует читать не 974, а 947, то окажется, что в том году Ольга еще не была христианкой, а следовательно, не могла строить церкви, тем более каменные; каменные строения на Руси того времени вообще не были известны. Наиболее невероятным показан путь княгини, которым она прибыла в Витебск, вернее, в место, где был заложен этот город:

Ольга оказалась в Витебске, возвращаясь в Киев из похода против ятвягов и печенегов.

Согласно Повести временных лет княгиня Ольга в 6455, т. е. в 947 г. ставила погосты по Мсте и по Луге, а по Днепру перевесница¹⁰⁵. Значит, учитывая предположение Б. А. Рыбакова и Л. В. Алексева относительно ошибки в дате, Ольга была на месте, где был заложен Витебск, в том же году, в каком она находилась далее к северу, в Новгородской земле. Л. В. Алексеев предполагает, что поездка 947 г. была предпринята Ольгой для учреждения новых центров обложения, а так как на прямом пути из Киева в Новгород находилась Смоленская земля, в которой пункты сбора дани уже имелись, то Ольга двинулась с целью ставить погосты западнее этой земли и таким путем прошла по Западной Двине в той части, где сейчас находится Витебск¹⁰⁶. Если предположение Л. В. Алексева, представляющееся перспективным, получит подтверждение, то сообщение Витебской летописи уточнит не только маршрут княгини Ольги 947 г., но и масштаб ее деятельности в целом.

Ясно, что М. Панцырный пользовался каким-то поздним источником, содержащим путанные данные относительно первых этапов существования Витебска. Учитывая ошибки того же рода в дальнейшем, можно думать, что подобные просчеты произошли вследствие неумения Панцырного читать буквы-цифры славянского алфавита, а также переводить даты «от сотворения мира» на даты «от рождества Христова».

Начав с сообщения об основании Витебска, Панцырный, видимо, не знал, как продолжить свою работу, и обратился к теме, всегда важной для летописца-христианина, — к христианизации народов, вернее, их правителей. Поэтому сообщения за 965—990 гг. посвящены крещению польского короля Мешко (в летописи: Мечислава), венгерского короля Гейзы, княгини Ольги и князя Владимира Киевского.

Польский князь Мешко, а за ним и вся Польша крестились в 965 г., в 980 г. крестился венгерский король Гейза, а за ним вся Венгрия, в 956 г. крестилась в Константинополе Ольга, а в 980 г. — Владимир в Корсуне. Конец сообщения о крещении Владимира неясен — сам ли Владимир крестился на следующий год вторично уже в Киеве, или он крестил там только киевлян. Под 895 г. сообщается, что по благословению папы Адриана Кирилл и Мефодий перевели греческие книги на славянский язык и что тогда же состоялась в Риме первая церковная служба на славянском языке. Однако в записях, непосредственно следующих за этой, сказано (со ссылкой на «русские хроники»), что книги были переведены на славянский язык в 896 г., а рассчитывая по-русски — в 6400 г. Значит, в этом случае Панцырный пользовался двумя источниками и, не сумев согласовать их, привел две даты, хотя и совсем близкие, причем перевод даты от «сотворения мира» на «христианское» летосчисление он произвел путем вычитания 5504 лет.

После сообщения о крещении Владимира и времени перевода греческих книг на славянский язык следует заголовок: «Из русских хро-

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 48—49.

¹⁰⁶ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с. 106.

ник». Под этой рубрикой числится только пять сообщений, причем лишь первые три были действительно взяты из русских летописей; они содержат сообщения о переводе книг на славянский язык (о чем уже упоминалось), затем под 1114 г. сообщается о смерти Владимира, «внука витебской княжны», и под 1162 г. — о пятидневном обратном течении Волхова.

Все три указанных события были датированы в русских летописях, безусловно, «от сотворения мира», а перевод на современное летосчисление произвел, вероятно всего, сам Панцырный, причем в обоих случаях он ошибся на 99 лет: Владимир умер в 1015 г., а в летописях Лаврентьевской и Ипатьевской сообщение о том, что Волхов пять дней тек «вспять», дано под 6571 г., т. е. под 1063 г.¹⁰⁷ Едва ли Панцырный имел эти летописи. Скорее можно предположить, что он пользовался какими-то краткими, притом случайными, выписками из них, иначе он заимствовал бы не три сообщения, а больше.

Что касается последующих двух известий, будто бы тоже основанных на «русских хрониках», то здесь явная ошибка, так как они касаются походов В. В. Голицына на Крым и датированы 1695 и 1697 гг., тогда как в действительности походы происходили в 1687 и 1689 гг. Вместе с тем важно отметить, что как Панцырный, так и Сурта проявили очень большой интерес к походам Голицына на Крым и завоеванию Азова Петром I. Все это происходило в эпоху напряженнейшей борьбы Речи Посполитой с Турцией и, естественно, сильно интересовало всех обитателей Восточной Европы и тем более летописцев. Походы Голицына происходили лет за 20 ранее предполагаемой смерти Панцырного, возможно в то время, когда Панцырный делал свои записи, но прочитать об этом «в русских хрониках» он не мог. Вероятнее всего, витебский летописец знал о походах по слухам (о Голицыне, например, сказано, что он получил от татар выкуп — несколько бочонков «шелегов»).

Следующий раздел озаглавлен: «Переписано из других хроник» (очевидно, это надо понимать так, что не из русских летописей). Действительно, в разделе, излагающем события за 1171—1543 гг., автор постоянно перескакивает от страны к стране, от события к событию. Из этого можно заключить, что он использовал самые разные источники, не пытаясь даже свести их в какую-то систему.

Раздел начинается с записи о том, что княжна Евфросиния построила в 1171 г. в Полоцке каменную церковь святого Спаса; далее (1179 г.) — что польский король Болеслав убил епископа Станислава; следующее (1199 г.) — что крестоносцы отбили у турок Иерусалим; затем (1213 г.) — что император Фридрих Барбаросса утвердил ордена Доминиканцев и Францисканцев¹⁰⁸. За 1211 г. — запись о появлении кометы, которую было видно 18 дней. Автор считал, что комета предсказывала скорый приход татар. Вслед за сообщением о комете идет запись за 1323 г., в которой сообщается об основании Вильно великим князем

¹⁰⁷ ПСРЛ, т. 1, стб. 163; т. 11, стб. 152.

¹⁰⁸ И здесь почти все даты сдвинуты на сотню лет. Так, король Болеслав умер в 1081 г., Иерусалим взят крестоносцами в 1099 г., орден Доминиканцев утвержден в 1216 г., а Фридрих Барбаросса умер (утонул) в 1190 г.

Гедимином. Эта запись местами отличается от известий, имеющихся в других белорусско-литовских летописях. Первое сообщение: волк, который выл на Турьей горе, у Панцyrного не железный, как обычно, а только чрезвычайно большой. Однако самое существенное касается волхва Лиздейко, который так удачно разъяснил князю сон. В летописи сказано, что Гедимин не только щедро одарил волхва (в некоторых летописях Лиздейко назван «наивысшим литовским попом»), но и назвал его Радзивиллом. Важность последнего заключается в том, что это одно из очень редких указаний на то, что Панцyrный пользовался одной из белорусско-литовских летописей, притом такой, которая нам сейчас неизвестна. Учитывая то место из «Литовской и Жмонтской Кройники», где сказано, что Новогрудок завоевал князь Ердивил или Радивил¹⁶⁹, можно сказать, что Радзивиллы старались использовать летописи для прославления своего рода, «доделывая» недостающую им и так необходимую древность рода. Вместе с тем запись показывает, что поиски составителей летописей и места, где летописи составлялись, должны вестись в собраниях Радзивиллов.

Следующее сообщение из истории Литвы и Белоруссии ошибочно, и ошибка тем более недопустима, что касается как раз Витебска. Под 1332 г. записано, что литовский великий князь Ольгерд в том году женился на тверской княжне Марии или Ульяне и что тверской князь дал Ольгерду в приданое Витебск. В заключение сказано, что Ульяна родила Ольгерду 12 сыновей и в 1345 г. построила в Витебске каменную церковь святого Духа. Подобной путаницы не содержит ни одна из известных летописей или хроник. (Ольгерд женился в 1320 г. на витебской княжне Марии Ярославне, за которой получил Витебск и все Витебское княжество; от нее у Ольгерда было шесть сыновей. После ее смерти Ольгерд женился вторично на тверской княжне Ульяне, которая тоже родила шесть сыновей, среди них Ягайло.)

Прочие сообщения летописи, касающиеся истории Великого княжества Литовского или отдельных его мест, тоже обычно путанные. Так, под 1415 г. следует сообщение о сожжении «за измену» митрополита Герасима и витебского старосты Цетивко. Митрополит Герасим был действительно сожжен, но не в 1415 г., а в 1433 г., причем летописи обычно осуждают князя Свидригайла, по чьему приказу был казнен митрополит, тогда как у Панцyrного это объясняется изменой (объяснение, между прочим, совершенно правдоподобное). Кроме того, в других летописях нет упоминания о «витебском старосте». За известием о сожжении следует сообщение о казни Ольгердом пяти православных монахов, причем не указано, ни где, ни когда была совершена казнь. Поскольку легенда обычно указывает трех мучеников, то и в этом летописи Панцyrного не сходится с остальными. Фантастично и сообщение за 1510 г., что царь Иван Васильевич «вымуровал», т. е. построил каменные стены, вокруг Смоленска. Реальные сообщения о том, что в 1387 г. Ягайло был крещен (но не сказано, как обычно, что он «принял крещение старого Рима») и что произошло объединение Польши с Литвой.

¹⁶⁹ ПСРЛ, т. XXXII, с. 17—19.

Вот, в общем, и все, что содержится в летописи по истории Витебска и Великого княжества Литовского с 1211 по 1562 г. Все остальное действительно переписано из «разных хроник» и временами страдает большим количеством ошибок. За 1307 и 1376 гг. сообщается об Авиньонском пленении пап и их возвращении в Рим, за 1452 г. — о взятии турками Константинополя, за 1439 г. — о поездке во Флоренцию и о возвращении оттуда митрополита Исидора, о выступлении Мартина Лютера в 1523 г. и о захвате турками Венгрии. Весьма любопытно сообщение за 1495 г., в котором сказано, что португальский король Эммануил послал в Индию двух знающих астрономов (лиц «беглых в звездной науке»), послал морем на восход солнца Христофора Колумба. «Впервые с помощью их разума, — сообщает летописец, — была найдена дорога в подземные края». В представлении Панцирного Христофор и Колумб — это два разных лица, притом нашедшие дорогу в «подземные края», т. е. на противоположную сторону земного шара. Далее, хотя нет сообщения, что источник сведений летописца изменяется, характер известий становится совершенно иным: ошибки в хронологии делаются редкими и события, заносимые в летопись, перестают быть случайными. С этого года события помещены последовательно, год за годом; известия, заносимые в летопись, если и не относятся исключительно к Витебску, то в нее вписывается то, что очень близко касается его. Так, за 1563 г. сообщается, что царь Иван Васильевич взял Полоцк. В 1577 г. седмиградский воевода Стефан Баторий стал королем польским. В 1601 г. был страшный голод. В 1602 г. казаки во главе со своим предводителем Дубиной истребили витеблян («вырезали Витебск») за измену. В 1604 г. того же Дубину и 12 его старших помощников казнили в Витебске, на Заручайских Волотовках, причем троих посадили на кол.

Вообще, с начала XVII в. в летописи идут часто такие сообщения, которых в других источниках нет. За 1605 г., например, записано, что под Феллин (Фелич) ходил отряд витеблян в числе 500 человек под командованием витебского мещанина Мартина Лытки. Этот отряд захватил город, за что в 1606 г. Лытке было присвоено звание шляхтича, дана денежная награда и пожалована фамилия «Фелинский».

Не отражено в других источниках и выступление витеблян в 1614 г., когда их отряд был разбит русскими под Глазомичами, но в 1635 г. витебляне взяли реванш: под деревней Кашевичи они разгромили отряд русских, за что Витебску было возвращено магдебургское право.

Военные действия, происходившие в XVII в. между Речью Посполитой и Русским государством, отражены в летописи в виде предельно кратких сообщений. За 1609 г. сообщается, что король Сигизмунд III подступил к Смоленску и на следующий год взял его (в действительности это произошло в 1611 г. — *Н. У.*). В 1633 г. русские напали на Полоцк и полностью сожгли его, а в 1635 г. войска Шейна и «Прозора» (Прозоровского) были отбиты от Смоленска. В 1654 г. царь Алексей Михайлович занял все города в Литве и в Белой Руси, а в 1665 г. армия Хованского была разбита около Витебска. Отмечено также заключение мирных договоров между Россией и Речью Посполитой в 1619 и 1667 гг.

Как и Сурта, Панцирный называет Лжедмитрия царем, о котором

сказано только, что он в 1606 г. женился на «Сандомирянке Мнишек». Далее сообщается, что поляки, приехавшие в Москву вслед за «царем», после убийства «Дмитрия» были изгнаны из Москвы с позором.

В промежутке между военными известиями передаются разные сообщения из витебской жизни: «Благословенный Иосафат» (Иосафат Кунцевич), отобрав у православных в Полоцке в 1620 г. собор святой Софии, приказал отремонтировать его, а за 1623 г. следует сообщение, что витебские мещане убили «благословенного», за что были покараны. В 1614 и 1629 гг. сгорели оба витебских замка, а в 1629 г. сгорела еще и соборная церковь, причем погибли очень большие богатства, однако, что именно сгорело, не сказано. В 1680 г. город сгорел целиком, сгорели четыре церкви, ратуша и лавки. Летописец также отмечал (в особенности это касается периода с 1677 по 1700 г.) разные неблагоприятные природные обстоятельства. Весной 1686 г. Западная Двина разлилась так широко, что затопила и снесла много домов. В 1694 г. выпал сильный град. В 1695 г. мороз побил урожай (но не сказано, когда случились заморозки), вследствие чего сильно поднялись цены на продукты. В том же году в мае выпал глубокий снег. В 1697 г. была сильная буря в Смоленске, в 1698 г. то же самое было в Витебске.

Среди этих чисто местных известий летопись сообщает о походах Петра на Азов, причем в 1695 г. после неудачной осады Петр будто бы возвращался в Москву через Витебск. За 1696 г. сообщается, что Азов взят. Летопись отмечает также избрания на престол и смерть королей польских.

Однако едва ли не самые интересные данные летописи касаются начала XVIII в. и, в частности, той обстановки, которая сложилась в связи с так называемой «домовой» или «сапежинской» войной, т. е. борьбой Сапег со шляхтой и поддерживавшими шляхту несколькими магнатскими фамилиями, но эти сведения местами путанные. Говоря о междоусобной войне, летопись отмечала лишь основные этапы, игнорируя детали, так как летописец знал об этом, вероятнее всего, по слухам. Война началась в 1700 г., когда Сапега, сын гетмана Великого княжества Литовского, сторонника шведов, разбил под Ошмянами войска Речи Посполитой, после чего в Вильно были расстреляны несколько князей Вишневецких, попавших в плен. Однако в битве под Олькениками (недалеко от Вильно) в ноябре 1700 г. Сапег были разбиты силами Речи Посполитой, причем захваченного в плен сына Сапег шляхта изрубила на месте. (В действительности против Сапег выступали не части Речи Посполитой, а отряды шляхты, поддержанные силами князей Вишневецких и Огинских.) 8 июля 1701 г., сообщает летопись, войска Речи Посполитой совместно с отрядами панов Потеев (противников Сапег.— *Н. У.*) разбили около Дубровно крестьянскую армию, причем было «побито» 18 700 человек (из текста неясно, было ли столько всех крестьян, участвовавших в битве, или столько было из них убито). В обоих случаях цифра настолько большая, что вызывает сомнение.

Еще более невероятно сообщение летописи, что в 1701 г. казаки «с нашим Юревичем» побили шведов в Головчине под Могилевом. Как известно, в 1701 г. шведов, да еще на востоке Белоруссии, не было.

Битва под Головчином произошла между русскими и шведами только в 1708 г.

Реально эти события совсем недавно осветил белорусский историк А. П. Грицкевич¹¹⁰.

В Белорусском Поднепровье позиции Сапег были очень сильны: они владели там сильнейшей крепостью Белоруссии — Старым Быховом, им принадлежал ряд крупных имений, в их пользовании находилась Могилевская экономия (огромное государственное имение). Для борьбы с враждебной к ним шляхтой Сапег создали вооруженные отряды из крестьян и казаков (можно думать, что среди казаков было много «показаковавших» крестьян.— *Н. У.*), среди крестьян же было много бояр, земян, выбранцев, т. е. тех, кто был обязан нести в пользу феодала воинскую повинность, иначе говоря умевших обращаться с оружием.

Выступления этих отрядов произошли в Оршанском повете, Дубровенском графстве и ближайших к ним местах, позже распространились на район Головчина и Старого Быхова. Движение приобрело очень широкий размах: в нем приняла участие десятки тысяч крестьян, земян, выбранцев и других; оно было направлено против шляхты. Командовали этими силами Юревич и Бильдюкевич (очевидно, администраторы во владениях Сапег).

Борьба была очень упорной и велась с переменным успехом. В битве у Дубровно крестьяне потерпели поражение, потеряв убитыми 700 человек. В новой битве у того же Дубровно противник истребил еще 3 тыс. крестьян и тех, кто шел с ними. Однако в декабре 1701 г. крестьянские отряды окружили под Головчином 18 хоругвей шляхты и разгромили их. В конце концов Юревич потерпел поражение под Быховом, и на этом, кажется, массовое движение крестьян прекратилось.

Следовательно, у Головчина были разбиты не шведы, а шляхта, в битвах у Дубровно крестьяне потеряли не 18 700 человек, а 3700 (цифра тоже условная). Юревич представлен летописцем не предводителем крестьян, а противником шведов, и вообще, о том, что движение носило антифеодалный характер, летопись не говорит. Кстати, и Могилевская хроника (Ю. Трубицкий), уделившая много внимания борьбе сторонников и противников Сапег, о характере борьбы умалчивает.

О ходе Северной войны сообщалось, что в июле 1700 г. король Август II разгромил шведов и занял Кокенгауз, шведы были разбиты под Ригой казаками, но под Дерптом русские понесли поражение вследствие измены немца Адама Адамовича (!). Сверх того, летопись извещала, что витебская шляхта собралась на посполитое разрушение у Черей, через Витебск прошло 17 тыс. русского войска на стругах (Западной Двиной), к Орше прибыл русский полковник и витебляне встречали русские войска, которым дали «десять стосов хлеба».

19 февраля 1701 г. в Витебске был царь Петр, откуда поехал в Биржи, а 14 марта того же года вторично был в Витебске на обратном

¹¹⁰ *Грицкевич А. П.* Князі Сапегі і сяляне. Аб сялянскім руху у Беларусі у пачатку XVIII ст.— Літаратура і мастацтва, Мінск, 1982, № 4, с. 16.

пути из Бирж. В мае полковник Каменецкий провез на стругах массу пороха и около тысячи солдат. 24 июня саксонцы, взорвав замок, ушли из Кокенгауза, а с ними ушли и русские части; в ноябре шведы отобрали у русских Дюнамюнде.

Относительно пространно, во всяком случае гораздо больше, чем обычно, сказано об экономических санкциях, предпринятых королем Августом II в отношении витеблян. Первоначально сообщается, что королевский комиссар Рыбинский приехал в Витебск, чтобы собрать с витеблян те суммы, которые они должны были рижанам. В мае тот же комиссар приехал вторично в сопровождении тысячи саксонских рейтаров. Очевидно, пребывание этого отряда было для города очень тяжелым, так как летописец в этом случае отрешается от своего беспристрастного стиля и сообщает, как тяжело было жителям переносить грабежи и своеволие саксонцев. Рыбинский забрал у витебских купцов 64 тыс. талеров деньгами в счет уплаты долгов рижским купцам, а кроме того, нагрузил 40 стругов пенькой и 15 коноплей (видимо, семенами конопли). Стоимость всего этого летописец исчислил в сумме около 100 тыс. талеров. Взамен взятого король освободил витеблян от всяких податей на семь лет.

За 1702 г. сообщения связаны почти исключительно с войной, причем война идет где-то далеко от Витебска и сообщения о ней краткие и глухие: в 1702 г. шведский король занял Вильно, где шведы перебили массу горожан, в Кракове шведы сожгли дворец, а Торунь вообще был уничтожен.

За 1703 г. летописец сообщает главным образом о движении русских воинских частей в районе Витебска. Через Витебск прошел отряд полковника Протопопова с 20 тыс. человек, второй отряд русских в 70 тыс. человек прошел через Оршу. Вскоре через Витебск прошел обоз в 1500 возов с порохом и ядрами, затем 8 тыс. (!) орудий, провезли лопаты и бердыши. В дополнение к этим тревожным вестям прибавилось знамение: 26 марта были видны одновременно три солнца.

За 1704 г. имеется сообщение о взятии Нарвы русскими. В том же году в Витебске была видна комета, через Витебск опять проходили русские части, а также пан Богдан Корсак с двумя полковниками проводили три полка смоленской шляхты.

За 1705 г. все записи касаются только движения русских воинских частей: в январе пришли части под командованием Б. П. Шереметева и разместились по мещанским домам, в мае крупные части двигались к Полоцку, на стругах везли военное снаряжение, генерал Баур захватил у шведов ряд городов в Прибалтике, в Витебске был царь Петр.

За 1706 г. сообщается, что царь Петр повел армию из Могилева в Белую церковь и что русские оставили Гродно, потопив при отступлении в Немане орудия, ядра и порох.

За 1707 г. летописец сделал 10 записей, за 1708 г. — 11 записей. За 1707 г. краткие записи о событиях в Быхове — об измене русским Синицкого и его разгроме, но это очень подробно изложено в хронике Ю. Трубницкого, и Панцырный ничего к его сообщениям не прибавил. Почти все остальные сведения касаются поборов денежных сумм и продуктов, выданных городом. Несмотря на то что король Август II

освободил город от всяких податей на семь лет, в 1707 г. войска Великого княжества Литовского истребовали от города много и денег и продуктов, значительными были поставки на русскую армию, но 12 июля 1708 г. все русские части ушли из Витебска и прибыли в Череву.

Наиболее трагическое сообщение приходится на 28 сентября 1708 г., когда отряд казаков и калмыков под командованием капитана Соловьева сжег город. А. П. Сапунов объясняет это тем, что витебские жители тайно поддерживали короля Станислава Лещинского и шведов¹¹¹. Далее опять следует сообщение о разных поборах.

Заключительные записи М. Панцырного датированы январем 1709 г. За этот год сделаны две записи, касающиеся солнца: 7 января были видны на западе три солнца, а 19 января — на небе два столба, а в середине солнце.

Часть летописи, написанная Чарновским, очень невелика по объему. Все содержащиеся в ней записи предельно кратки, и почти все касаются непосредственно событий, происходивших в Витебске. Хронологически эти записи относятся к 1601—1733 гг. Все известия, содержащиеся в части, которая написана Чарновским (за исключением 1733), имеются у Панцырного, но у Чарновского они еще короче, в них отсутствуют некоторые детали, сообщаемые Панцырным. Вместе с тем у Чарновского даты событий нередко сдвинуты на год, таким образом показывая, что он пользовался не тем календарным стилем, которым пользовался Панцырный. (Витебск, по летописи, был занят русскими войсками не в 1654 г., а в 1653 г.) В общем же, при крайне незначительном объеме части, написанной Чарновским, такие ошибки тоже малочисленны. Кроме известных, касающихся непосредственно Витебска, Чарновский сообщал, что в 1606 г. был «рокош», но даже не сказано, где он был. В 1607 г. к Москве шел «царь Димитрий» (очевидно, второй самозванец).

Последний раздел летописи принадлежит Аверкам, отцу и сыну. С 1710 по 1757 г. записи сделаны Гавриилом Кирилловичем Аверко, все остальное Стефаном Гавриловичем Аверко (он умер в 1759 г.). Записи Гавриила Аверки размещаются на одном листе (л. 24 об. — 25) и охватывают период с 1704 г. по 1757 г. За это время летописец сделал 11 записей. Можно предположить, что старший Аверко делал записи по своим наблюдениям или по своим воспоминаниям только начиная с 1736 г., так как лишь с этого времени записи более или менее постоянны, тем более что за весь предыдущий период имеются только два сообщения: за 1704 и 1710 гг., причем 1704 г. вклинился между 1736 и 1752 гг. Из 11 сообщений Гавриила Аверки пять касаются пожаров в Витебске, два — постройки церквей, два — эпидемий и эпизоотий, одно — о появившейся комете. Самым удивительным в части Гавриила Аверки является то, что в ней нет ни слова о Северной войне.

Стефан Аверко, закончив переписывание текстов, доставшихся ему от предшественников, сделал такое вступление к части, которую написал сам: «До сего времени история писана благородным его милости паном Гавриилом Кирилловичем Аверко, витебским бурмистром и

¹¹¹ Витебская старина, т. 1, с. 581.

ландвойтом. Переписана его сыном Стефаном Гавриловичем Аверко в году господнем 1768 в месяце июле 13 дня по русскому календарю. А здесь опять наступает история, выписанная из разных читанных Стефаном Гавриловичем Аверко, который, прочитав, как в какой книге напечатано, так и вписал здесь в 1768 году». Однако С. Г. Аверко после выписок из работ разных авторов в самом конце летописи поместил списки членов магистрата, избранных после получения Витебском магдебургского права, затем список воевод, а также список умерших виднейших жителей города. Этому разделу тоже предшествует небольшое введение: «Здесь ниже находятся иные дела. Здесь вписаны имена и фамилии тех, кто был избран впервые после получения Витебском магдебургии в 1597 г. 17 марта».

И в самом деле, в заключительной части перечислены члены магистрата, включая войта, ландвойта, бурмистров, райцев и лавников, избранных в 1597 г. Далее следует указание, сколько и кому должен Витебск, и затем перечислены витебские воеводы начиная с 1516 г. Аверко отмечает, что он вписал в свою летопись всех воевод, о ком смог собрать данные, но о пяти у него сведений не оказалось. Среди перечисленных в летописи многие умершие носили фамилию Аверко.

В общем, только этот раздел работы С. Г. Аверко и представляет интерес, тогда как выписки из сочинений разных авторов даже не приведены ни в какую систему (начинаются эти записи с 1211 г., за которым следует 1515 г., потом 1416 г., за ним 1240 г., потом 1150 г. и т. д.).

Выписки сделаны из работ Длугоша, Кромера, Бельского, Гербурта, Валовского, Пясецкого, Приемского, Каховского, Квяткевича, Кояловича, Шатца. Этот список вызывает недоумение: в нем нет некоторых произведений, знакомство с которыми, казалось бы, было необходимым. Прежде всего это касается хроники М. Стрыйковского, некоторые известия которого о Витебске основаны на личных впечатлениях. Затем нет упоминания о работе Гваньини, прожившего в Витебске много лет и уделившего в своих работах этому городу какое-то внимание. Кроме упомянутой легенды о Лиздейко, никаких намеков на знакомство с белорусско-литовскими летописями нет. Не заметно также, чтобы кто-либо из авторов читал Синопис или украинские летописи.

Записи С. Г. Аверко о составе магистрата, витебских воеводах, датах смерти видных витебских мещан, вероятнее всего, основаны на документах магистратского архива, записи Чарновского и в особенности Панцырного базируются в самой основной части на личных наблюдениях или на рассказах очевидцев. Как обычно в то время, цифровые данные, приводимые в летописи, мало достоверны, говоря точнее, они сильно преувеличены. Вместе с тем в части, написанной Панцырным, содержатся уникальные данные из истории Витебска за XVII—XVIII вв.

* * *

Витебская летопись явилась результатом труда ряда лиц, витеблян по месту жительства, мещан по социальному положению. Все они были для своего времени людьми образованными, начитанными, знавшими

(возможно, не все) латинский, польский и русский языки, все они старались изложить историю своего города или хотя бы какой-то ее части, но значимость труда каждого была различной. Едва ли не меньше всех сделал С. Г. Аверко, главной заслугой которого является сведение воедино работ предшественников. Наибольшее значение имеет часть, написанная М. Панцырным.

Слуцкие хроники и летописи

Третьим белорусским городом, в котором велись летописи и хроники, в том числе городские, был Слуцк. Слуцк впервые упоминается в летописи под 1116 г., когда его захватил минский князь Глеб Всеславич у Владимира Мономаха¹¹². С 1160 г. Слуцк стал столицей удельного княжества¹¹³; в 20—30-е годы XIV в. он вошел в состав Великого княжества Литовского, но и городом и княжеством еще долго владели потомки Слуцких князей (Юриковичи Туровской линии, последний князь из них — Юрий упоминается в 1387 г.)¹¹⁴. В 1395 г. литовский великий князь Витовт передал города Копыль, находящийся недалеко от Слуцка, а затем Слуцк с княжеством князю Владимиру Ольгердовичу, старшему сыну Ольгерда Гедиминовича, выведя его из Киева. Сын Владимира Александр (Олелько) стал родоначальником новой княжеской Слуцкой династии — Олельковичей — Слуцких. Во владении Олельковичей Слуцк находился до 1612 г., когда перешел к Радзивиллам, которым с некоторыми перерывами он принадлежал до 1832 г. С 1832 по 1846 г. Слуцком владел князь Витгенштейн, у которого город выкупило государство.

Уже в XIII—XIV вв. Слуцк был известен как значительный центр ремесла и торговли. Магдебургское право, полученное городом в 1441 г., служит показателем его высокого развития. Будучи владением крупнейших феодалов Белоруссии, Слуцк стал экономическим, политическим и культурным центром князей Олельковичей — Слуцких. После перехода к Радзивиллам Слуцк утратил первенствующее политическое, а отчасти и культурное значение в пользу «столицы» Радзивиллов — Несвижа, продолжая оставаться важнейшим экономическим и военным центром Радзивиллов.

С 1581 г. в Слуцке существовали при дворе Олельковичей школа и типография, в 1586 г. были открыты братская школа и типография, в 1617 г. создана гимназия (кальвинская), первая в Белоруссии средняя школа. В XVI в. ряд молодых людей из Слуцка (очевидно, после окончания гимназии) обучались в университетах Кенигсберга и Ингольштадта¹¹⁵. У владельцев города и в Троицком монастыре, расположенном на южной окраине Слуцка, имелась масса рукописей и печатных книг.

Однако Слуцк не смог сохранить свои культурные богатства. А. Ельский, помещик Минской губ. и автор статей по различным вопро-

¹¹² ПСРЛ, т. II, стб. 282.

¹¹³ Грицкевич А. П. Слуцк: Историко-экономический очерк. 2-е изд. Минск, 1970, с. 5—6.

¹¹⁴ Там же, с. 11.

¹¹⁵ Там же, с. 11—12.

сам истории и культуры Белоруссии, в 1890 г. писал, что в Слуцке почти не осталось рукописей, так как они сгорели в 1655 г., а рукописи, сохранившиеся от пожара, после 1863 г. были вывезены в Вильно. Ксендз Антон Мошинский сообщил Ельскому, что ранее в Слуцке были богатые собрания (однако конкретно, что там было и куда девалось, не сказано; очевидно, ксендз тоже знал об этом в самых общих чертах), а сейчас ничего нет. Вместе с тем в Слуцке в 1882 г. имелось очень богатое собрание чрезвычайно редких книг. При евангелическом соборе находилась библиотека, в которой были собраны издания, напечатанные в Любче, Ракове, Слуцке, Несвиже, Остроге, Бресте, Заблудове, Евье, Улите, Супрасли, Книшине, Луцке, Минске, Вильно, Кейданах, Почаеве и других местах. Были там и документы слуцкого магистрата за 1655 г., материалы о сожжении атеиста Лыщинского и пр. Ю. Бергель, собравший эту редкостную коллекцию книг, умер в 1885 г. в Варшаве, и его библиотеку купил краковский букинист Игель¹¹⁶.

Относительно летописи, получившей название Слуцкой (иначе Уваровской) и напечатанной в т. XVII и XXXV ПСРЛ, сказано выше. Здесь же речь будет идти о хронике, которая озаглавлена «Из диариуша города Слуцка» («Из дневника города Слуцка»), в которой содержится описание двукратной неудачной осады города русскими войсками в сентябре 1655 г. Это произведение написано на польском языке и находится в составе одной из «Тэк» (громадные рукописные книги, в которых помещены документы по истории как Польши, так и Речи Посполитой в целом. «Тэки» были сделаны по заказу историографа Польши Адама Нарушевича во второй половине XVIII в.). «Тэка», содержащая слуцкий «Диариуш», находится в библиотеке Чарторыйских в Кракове (Специальный отдел, № 148, л. 529—534).

В период, о котором говорится в «Диариуше», Слуцк принадлежал Богуславу Радзивиллу и, видимо, в то время, когда с него делалась копия для Нарушевича, оригинал хранился в Слуцке или в Несвиже, где находились архив Радзивиллов и их библиотека.

«Диариуш» начинается с перечисления мер, которые были приняты магистратом для обеспечения населения продуктами в ожидании начала осады. Очевидно, этому разделу предшествовал другой, в котором сообщалось, откуда или хотя бы с какой стороны пришли русские войска.

Буквально «Диариуш» начинается так: «Во время осады русскими происходила городская сессия (заседание магистрата.— *Н. У.*), на которой было постановлено продавать провиант нужному (т. е. своему.— *Н. У.*) населению таким образом: на день 8 корцев ржи¹¹⁷,

¹¹⁶ *Jęski A.* Wzmianka o bibliotece s. p. Juliana Blergiela pastorza w Stucku.— *Biblioteka Warszawska*, 1890, N 1, s. 26—27; N 2, s. 222—223, 226.

¹¹⁷ Корец — мера сыпучих мер. По изысканиям К. В. Скурата, корец равнялся примерно 101 литру (*Скурат К. У.* Даунія беларускія меры. Мінск, 1974, с. 62—64). Однако в данном случае корец не мог содержать 101 литр, так как сделать дневной нормой на семью 800 литров ржи явно было невозможно. Еще в середине XVII в. в Белоруссии, как и во всем Великом княжестве Литовском, размеры были индивидуальны. Исходя из текста хроники, нельзя определить, какого размера был корец в Слуцке, но нужно думать, что он не превышал одного литра.

предупреждая при этом, что продавать хлеб следует только слущким мещанам, но ни в коем случае ни наехавшим в город шляхтичам и их челяди, ни солдатам, ни копылянам (жителям города Копыля, которые тоже укрылись в Слуцке.— *Н. У.*), ни крестьянам, ни евреям, так как все они должны были иметь собственные запасы».

Город в то время (как, впрочем, и позже) был расположен на обоих берегах реки Случи и делился на Старый город (на правом берегу), в котором находились Верхний и Нижний замки, и Новый город (на левом берегу); кроме того, на правом берегу, к востоку от города, находился православный Троицкий монастырь.

Перед приходом русских губернатор города приказал насыпать вокруг него вал. Его насыпали днем и ночью, и к приходу войск А. Н. Трубецкого укрепление было готово. 2 сентября (по н. ст.) четыре полка русской армии с большим количеством артиллерии под командованием князя Трубецкого подошли с южной стороны к Слуцку, к Троицкому монастырю. Защитники города встретили русских орудийной пальбой, на что русские ответили огнем из ружей. Русская армия выжгла окрестные селения и ночью «подняла крик», но на приступ не пошла. 3 сентября русские начали артиллерийский обстрел, на что город отвечал огнем из своих орудий. Когда рассвело, горожане увидели, что русское войско окружило Слуцк со всех сторон; сам Трубецкой в это время находился в деревне Мысливщине. Эта кампания закончилась 6 сентября, когда русская армия, сняв осаду, двинулась к Несвижу, который и был взят.

Вторично армия Трубецкого совместно с отрядом казаков в 5 тыс. человек во главе с В. Н. Золотаренко (братом наказного атамана) вторично подошла к Слуцку. Перестрелка из орудий и на этот раз не отличалась интенсивностью. Трубецкой предложил жителям и командованию сдаться, но, получив отказ, не рискнул на более энергичные меры. 30 сентября русская армия двинулась к деревне Козловичи. Несколько городских хоругвей выступило вслед уходящим русским частям. Однако они не решились завязать бой.

«Диариуш» создан вскоре после прекращения военных действий, писал его, вероятнее всего, кто-то из слущких мещан. Так как автор «Диариуша» пользовался новым календарем, то можно предположить, что он был католиком. В общем же, среди массы документов, которые имеются о войне 1654—1667 гг., слущкий «Диариуш» дает краткое, но отчетливое представление об одном из эпизодов многолетней войны на территории Белоруссии между Россией и Речью Посполитой в середине XVII в.

* * *

В 1867 г. П. А. Гильтебрандт и А. Л. Миротворцев, работая в архиве Радзивиллов в Несвиже, обнаружили «маленький отрывок из Слуцкой летописи начала XV в. в латинской транскрипции XVIII в.» Вот этот отрывок: «И зараз кнегия град около града заложила и низина ровнаты ся и подвышаты ся почела и в коротком часе великое мнозство людзи славных, годных, можных, верных и зычливых мирян намножило ся на мешканье, и тиснути ся почали взглядом покою от неприся-

телев наступавших. Тая ж кнегиня церковь соборную Пресвятое Богородицы на Высоком городе названы дытынец зачавшы и скончыла року 1409»¹¹⁸⁻¹¹⁹.

Оба археографа, обнаружив белорусский текст, написанный латиницей, переписали его и напечатали гражданским русским шрифтом, не оговорив, как обычно, по каким правилам это было сделано. При двойной переделке шрифтов текст Гильтебрандта и Миротворцева должен несколько отличаться от оригинала, но можно думать, что отступления не получились столь значительными, чтобы разнища между оригиналом и изданным в 1867 г. текстом была существенной. При чтении приведенного отрывка в глаза бросается слово «людзи». В оригинале (кириллицей) оно не могло быть так написано, поскольку «дзеканье» для белорусской письменности XV—XVI вв. неизвестно. Впрочем, возможно, что в том отрывке, который читали Гильтебрандт и Миротворцев, было написано иначе, слово же «людзи» получилось в результате опечатки. Затем, едва ли в оригинале было написано «ровнаты», «подвышаты». Очевидно, в рукописи на конце этих слов в латинской транскрипции стояла буква «у», которая в белорусской письменности XVIII в., писанной латиницей, читалась и как «ы», и как «и». Следовательно, эти слова, вероятнее всего, следовало читать как «ровнати», «подвышати».

Гильтебрандт и Миротворцев, очевидно учитывая дату, показывающую, что строительство случкого детинца было окончено в 1409 г., принимают эту дату. То же делает и исследователь истории Слуцка А. П. Грицкевич¹²⁰. Однако анализ текста заставляет усомниться в этой дате, т. е. что запись была осуществлена в 1409 г. В отрывке сообщается, что в Слуцке был заложен «град около града». Следовательно, к тому времени, когда началось описанное в летописи строительство «града», один «град» уже существовал. Вероятнее всего, это было историческое ядро города — «Высокий город», в котором позже построили соборную церковь Пресвятой Богородицы. Поскольку в Слуцке в XVI в. имелись Верхний и Нижний замки, притом это были самые древние части Слуцка, сообщение летописи не вызывает сомнений. Соответствует действительности и сообщение, что при постройке «града при граде» (очевидно, Нижнего замка) пришлось «низина ровнаты и подвышаты», так как Слуцк расположен на ровной низкой местности и его укрепления построены на искусственно насыпанных возвышениях. Для Белоруссии это не было исключением: Радошковичский, Лидский, Борисовский¹²¹ и ряд других замков были построены точно так же. Значит, и эта часть отрывка не вызывает сомнения.

Однако даты, приведенные здесь, сомнительны. В 1409 г. (когда строили «град») Слуцк принадлежал Владимиру Ольгердовичу (год смерти этого князя неизвестен) или его сыну Александру — Олельку только в течение 14 лет. Олелько в 1409 г. был, очевидно, еще подросток

¹¹⁸⁻¹¹⁹ АСД. Вильна, 1867, т. I, с. VII.

¹²⁰ Грицкевич А. П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. Минск, 1975, с. 203.

¹²¹ Чаптуря В. А. История архитектуры Белоруссии: Дookтябрьский период. Минск, 1969, с. 31, 35 и др.

ком, так как женился (на дочери великого князя московского Василия Дмитриевича Анастасии) в 1417 г.¹²², что, следовательно, произошло уже после постройки как «града», так и церкви. Княгиня, которая организовала строительство замка и церкви, была, очевидно, вдовой (иначе, почему распорядился в городе не князь, а княгиня!), притом женщиной властной, умевшей защитить свои владения. Поскольку Александр Владимирович (Олелько) в 1409 г. еще не был женат, то княгиней, руководившей строительными работами в Слуцке, могла быть только его мать.

Если же обратимся не к началу XV в., а к началу XVI в., то увидим, что данные летописи во многом увязываются с обстановкой того времени. В начале XVI в. Слуцком и княжеством управляла вдова Семена Михайловича Слуцкого, умершего в 1503 г., — Анастасия, дочь князя Мстиславского. Это она сумела организовать оборону города как против татар, часто нападавших в начале XVI в. на Слуцк, так и против князя Михаила Глинского, пытавшегося взять город в 1508 г.

Поэтому утверждение летописи, что в Слуцк устремлялось «множество» людей «можных» (богатых, сильных), «взглядом покою от неприятелей наступавших», полностью согласуется с предыдущей частью.

Вместе с тем некоторые места не согласуются со всем сказанным. Так, в Слуцке в начале XVI в. не только были оба замка (Верхний и Нижний), но город перекинулся и на другую сторону реки Случи, и поэтому считать, что «град» был построен при княгине Анастасии и по ее распоряжению, нет оснований.

В летописи, написанной на языке, на котором писаны белорусско-литовские летописи XVI в., встречаются архаизмы, ведущие, может быть, даже не в начало XV в., а в более ранний период. В особенности это касается терминов, обозначающих укрепленную и наиболее старую часть города. В Слуцкой летописи эта часть называется или «дытынец» (детинец), или «град». В летописях примерно с середины XV в. твердо установились термины «замок» для детинца и «место» для собственно города, той части, которая в русских источниках называется «посад», слово «град» если и встречается, то в виде исключения.

Летопись сообщает также о постройке в том же 1409 г. церкви Пресвятой Богородицы. Ряд авторов утверждает, что такая церковь была построена именно в 1409 г., однако все эти сообщения основаны на том же приведенном выше отрывке¹²³. Детализируя это сообщение, архимандрит Николай отметил, что «замковая Успенская церковь в память победы над татарами» была построена в 1409 г. князьями Олельковичами¹²⁴. Это уже почти фантастическое сообщение хотя бы потому, что в 1409 г. князей Олельковичей не существовало, так как их родона-

¹²² *Boniecki A.* Początek rodów w Wielkiem księstwie Litewskim w XV—XVI wieku. Warszawa, 1887, s. 316.

¹²³ Тр. Минского губернского статистического комитета: Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. Минск, 1870, вып. 1, с. 233.

¹²⁴ *Николай*, архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии. СПб., 1864, с. 188. Эта же версия повторена затем Д. З. Щендриком и А. П. Сапуновым (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1905, т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия, с. 528).

чальник князь Александр — Олелько (как уже указывалось) еще не был женат и не имел детей, которые и начали называться Олельковичами. Кроме того, о победе над татарами в начале XV в. у Слуцка (а именно в честь этой победы должна быть построена церковь) неизвестно. Зато о наличии замковой церкви в начале XVI в. имеются вполне определенные данные. В хронике Быховца сказано, что в 1502 г. князь Семен Михайлович Слуцкий прибыл в свой «град». Взглянув из замка, из церкви святого Юрия, за речку Случь, князь увидел татар, скакавших по улицам «места»¹²⁸. «Замок» — это и есть «дытынец» Слуцкой летописи. Если князь Семен смотрел из церкви святого Юрия, то, значит, в 1502 г. в замке должны были находиться по крайней мере две церкви (святого Юрия и Богородицы).

В целом представляется, что в Слуцке (возможно, как раз при церкви Богородицы) в начале XV в., а может быть и гораздо раньше, были сделаны записи о событиях, которые затем, в начале XVI в., были включены в летопись, отчасти сохранив архангелский язык более ранней эпохи, а вместе с тем перенеся обстановку начала XVI в. на сто лет назад. Возможно, и то, что в летописи при ее переписывании вместо «1509» было поставлено «1409».

Из-за краткости сохранившегося текста нельзя определить, был ли это отрывок из летописи, посвященной специально городу Слуцку, что представляется сомнительным, или это фрагмент произведения, излагавший в основном историю князей Слуцких, что кажется гораздо более вероятным. Однако, поскольку имеющийся текст касается лишь города, отнесем эту летопись к городским.

При всех неясностях очевидно, что Слуцк в течение длительного времени был городом, где составлялись летописи или «Диариуши», и, пожалуй, можно не сомневаться, что исторических произведений, в которых излагалась история города и княжества, было гораздо больше, чем мы знаем сейчас. Двести лет Слуцк был столицей одного из самых крупных, богатых и культурных княжеств Белоруссии, в котором была собрана масса культурных ценностей, владельцы которых до самого конца (последняя княжна Слуцкая, жена Радзивилла, умерла в 1617 г.) оставались православными и числились покровителями «русской» веры и народности.

Городские хроники и летописи составляют для Белоруссии специальный вид летописания; это один из видов культурного наследия, оставленного белорусскому народу его предками-горожанами.

¹²⁸ ПСРЛ, т. XXXII, с. 169.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Белорусско-литовское летописание велось с перерывами в течение трехсот лет — с середины XIII в. до середины XVI в. Спустя сто лет после прекращения общегосударственного летописания в разных городах Белоруссии начали составлять хроники, посвященные главным образом событиям в этих городах.

В т. XXXII и XXXV «Полного собрания русских летописей» помещены 17 известных сейчас памятников летописного характера. Напечатанные в т. XXXV ПСРЛ летописи очень близки между собой, однако в каждой из них имеется что-либо, отсутствующее в остальных. Учитывая это, все они напечатаны отдельно полностью.

Если учесть, что у Стрыйковского было 15 летописей, ни одна из которых до нас не дошла, то мы имеем данные о 32 летописях. Это, конечно, лишь остатки той богатой литературы, которая имела в свое время. Наличие школьной сети в стране и относительно высокий процент грамотного населения в городах позволяет предположить, что интересующихся летописями в XVI в., да и ранее было немало. Записи на полях Радзивилловской летописи говорят о том, что она побывала в пользовании лиц весьма среднего достатка, а ведь иллюстрированная летопись стоила гораздо больше обычной.

Во всех странах мира старинные, часто обветшавшие, рукописи если не истреблялись преднамеренно, то гибли от недосмотра. В этом отношении Белоруссия и Литва не составляли исключения. Однако здесь неблагоприятные условия имели исключительные размеры. Из всех районов СССР на территории Белоруссии и Литвы войны были особенно частыми и губительными. Следовательно, здесь истребление культурных ценностей (не говоря о прочем) происходило особенно интенсивно. Свой «вклад» в это дело внесли религиозные раздоры и колонизация верхушки населения. Примерно с середины XVII в. письменность и в Белоруссии, и в Литве стала переходить на польский язык, т. е. на латиницу. К середине XVIII в. этот процесс зашел так далеко, что когда нужно было переписать какой-либо старинный документ, писанный на старобелорусском языке кириллицей, его переписывали на том же языке, но латиницей. Написанное кириллицей становилось непонятным, и ценность таких рукописей снижалась.

Центрами, где собирались как рукописи, так и печатные книги, были монастыри. На примере Супрасльского монастыря видно, насколько богаты там были собрания, и едва ли этот монастырь был исключением. Гораздо более вероятно, что мы знаем о нем больше потому, что в свое время были опубликованы его инвентари. Велики были

собрания рукописей и книг у магнатов; крупнейшим из них было собрание Радзивиллов в Несвиже.

Общепризнанным является положение, что главным центром белорусско-литовского летописания был Смоленск (естественно, в то время, когда он находился в составе Великого княжества Литовского). Вопрос о том, велось ли летописание в Новогрудке, является дискуссионным. Однако предположение, что летописание эпохи Миндовга — Войшелка велось именно там, можно принять как вполне правдоподобное.

Вопрос о существовании полоцкого летописания находится за пределами нашего исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСД—Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной России
- ЖМНП—Журнал Министерства народного просвещения
- ИОРЯС—Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
- ИЮМ—Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской
- ЛЗАК—Летопись занятий Археографической комиссии
- ПСРЛ—Полное собрание русских летописей
- РИБ—Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею
- ЧОИДР—Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

- Август, имп. римский 94
 Август II, кор. польский и вел. кн. литовский 178, 191, 192, 197, 198, 219, 227, 228
 Август III, кор. польский и вел. кн. литовский 195
 Аверки, мещане витебские, авторы одной из витебских летописей 4, 229
 Аверко Гавриил Кириллович, мещанин, один из авторов витебской летописи 219—221, 229
 Аверко Дмитрий, мещанин витебский 220
 Аверко Стефан Гаврилович, один из авторов витебской летописи 220, 221, 229—231
 Авижонис (К. Avizōpis K.), историк литовский 24, 25
 Авраамка, монах, переписчик летописи 18, 51
 Адам, библ. 66
 Адамович Адам, виновник поражения русских под Дерптом (ошибочно) 227
 Адриан (Andrian), папа римский 222
 Адриан, патриарх всея Руси 181
 Адриан, патриарх константинопольский 181
 Айзик, вор 200
 Акгимонт см. Ольгимонт
 Аксинья, ж. кн. Одицца Федора см. Одинец Ксения
 Александр Витовт см. Витовт
 Александр Казимирович, вел. кн. литовский и кор. польский 53, 64, 76, 84, 107, 114, 216
 Александр Корнатович, кн. новогрудский, с. кн. подольского Корната-Михаила 119, 121
 Александр Македонский, полководец и гос. деятель 76
 Александр-Олелько, кн. Слуцкий см. Слуцкий
 Александр-Олелько, кн. Алексеев Л. В., археолог 218, 221, 222
 Алексей Михайлович, царь 201, 225
 Алкридов род см. Ольгердов род
 Альник, автор рифмованной ливонской хроники 10
 Амартол Георгий, хронист византийский 40
 Амонт см. Шварн
 Амурат, султан 62
 Анастасия, д. вел. кн. московского Василия Дмитриевича, ж. Александра, кн. Олелько-Слуцкого 235
 Анастасия, д. кн. Мстиславского, ж. кн. Семена Михайловича Слуцкого 235
 Андрей, кн. киевский 115
 Андрей (Андрих, Генрих), магистр ливонский 97—99, 103
 Андрей, кн. полоцкий и псковский, с. вел. кн. литовского Ольгерда 66, 73
 Андрей Юродивый, автор «Житий» 37
 Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. владимиро-суздальский 47
 Анна, ж. вел. кн. литовского Ольгерда (ошибочно) 112
 Антиох, царь сирийский 56, 117, 146
 Антонович В. Б., историк 16, 17
 Анцелот, герой средневековой повести 55
 Аполлон см. Палемон
 Арвид см. Ердвил
 Аркридов род см. Ольгердов род
 Арнаутов В. А., историк 54
 Аттила, предводитель гуннов 54, 55, 70, 93, 94, 117, 130
 Афет, библ. 53
 Ахмат-Гирей (Сахматкирей), хан татарский, крымский царевич, с. Менгли-Гирея 108, 109
 Ач-Гирей, хан перекопский 125
 Бабич Константин, кн. ЗГ
 Бакланов Д., владелец Красноярского списка хроники 78

* Принятые сокращения: архиеп.— архиепископ, архим.— архимандрит, библ.— библейский, вел. кн.— великий князь, ВКЛ— Великое княжество Литовское, ген.— генерал, гос.— государственный, гр.— граф, д.— дочь, еп.— епископ, ж.— жена, иг.— игумен, имп.— император, кнг.— княгиня, кнж.— княжна, кн.— князь, кн-я— князя, кор.— король, королева, легенд.— легендарный, летоп.— летопись, митр.— митрополит, м-рь— монастырь, св.— святой, святая, с.— сын, ц.— церковь. Составитель указателей В. Г. Шерстобитова.

- Балаклай (Бала, Булаклай), полководец татарский 151, 165—167
- Бантыш-Каменский Д. Н., историк, с. Бантыш-Каменского Н. Н. 209
- Бантыш-Каменский Н. Н., историк 206, 207, 209, 212, 215
- Барбаросса см. Фридрих Барбаросса
- Барвинский Б. (Барвинські Б.), историк 55
- Баторий Стефан см. Стефан Баторий
- Батура Р. К. (Batura R.), историк 3, 20, 164, 165
- Батый (Бату), хан татарский 53, 62, 113, 135, 153, 158, 165, 166, 169
- Баур, ген. шведский 228
- Бевст, ген. короля польского Августа II 184
- Без-Корнилович М. О., историк 200
- Белокуров С. А., историк, археолог 44, 48
- Белый Петр Иванович см. Монтигардович Петр Янович
- Бельский Иоаким (Bielski I.), хронист польский 136
- Бельский Мартин (Bielski M.), хронист польский 19, 25, 83, 92, 102, 108, 112, 113, 136, 219, 230
- Бельский Семен Иванович, кн. 123
- Бергель Ю. (Bergel Julian), кальвинистский пастор в г. Слуцке 232
- Бильдокевич, шляхтич, предводитель отряда сторонников Сапеги 227
- Бирута, ж. вел. кн. литовского Кейстута 60, 84, 119, 120, 127
- Бобровский М. К., филолог 38, 40—44
- Бобровский П. О., ген., автор работ о Гродненской губ. 34, 35, 38, 40, 42, 43
- Бова, герой средневековой повести 55
- Бодянский О. М., филолог-славист 3, 15, 16, 22, 55
- Болеслав Студливый, кор. польский 126, 223
- Болховитинов см. Евгений, митр.
- Бонецкий А. (Boniecki A.), автор работ по генеалогии шляхетских фамилий ВКЛ 30, 67, 235
- Бонча-Синицкие см. Синицкие-Бонча
- Бонча-Синицкий см. Синицкий-Бонча
- Борис, легенд. кн. полоцкий, с. кн. Гинвила 72
- Борис, кн., с. вел. кн. Ольгерда (очевидно, назван вместо Дмитрия) 66
- Борис Александрович, вел. кн. тверской 127
- Борк, легенд. кн. литовский, с. кн. Палемона 133, 139, 147, 148
- Братановский Анастасий, архиеп. могилевский 205, 209
- Брике Ш. (Briquet S.), автор работ о филигранях 52
- Брюкнер А. (Brückner A.), историк, филолог 55, 56
- Брчислав Изяславич, кн. полоцкий 218
- Буганов В. И., историк 8, 75
- Будилович А. С., филолог 44
- Булаклай см. Балаклай
- Булевичи, кн. литовские 145
- Бурундай, полководец татарский 164, 165
- Буслаев Ф. И., филолог 78
- Бутав, кн., с. вел. кн. Ольгерда 66
- Быховец Александр, помещик, владелец рукописи 6, 11, 67, 68
- Быховец Иосиф, философ 67
- Бычков А. Ф., археолог 51, 58
- Бычков И. А., археолог, библиограф 219
- Бычкова М. Е., историк 8
- Бялобрежский Михаил, польский писатель 39
- Вайтович (Вайтовіч) Н. Т., филолог 81
- Ваповский Бернард, хронист польский 82, 83, 91, 105, 106, 108, 113, 115, 117, 119, 129, 230
- Варвара Радзивилл см. Радзивилл Варвара
- Василевскене И. (Vasilevskienė I.), историк 59
- Василевские, мещане могилевские 185
- Василий см. Лаврыш
- Василий, кн. галицкий и владимирский 85
- Василий I Дмитриевич, кн. московский 49, 235
- Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский 51, 57, 127
- Василий III Иванович, вел. кн. московский, 53, 66, 127
- Василий Иванович Шуйский см. Шуйский Василий Иванович
- Васильев Иван, пономарь 62
- Василько Романович, кн. владими́ро-волинский 96, 100, 165
- Вахевич Б. А., историк 23, 61, 62
- Ваццло, один из предводителей восстания в г. Кричеве 185, 193, 198, 214
- Вергилий, поэт римский 138
- Веремита Касьян Римлянин, писатель 37
- Верто Р. (Vertote R), аббат, историк французский 183
- Вигунт (Викгунт) Александр, кн., с. вел. кн. Ольгерда 66
- Видимонт, дядя Бируты, ж. вел. кн. Кейстута 127
- Викинт, кн. литовский 145
- Викинт (Вьконт, Неман, Немонос), легенд. кн. жемайтский, с. кн. жемайтского Монтида 96, 112, 116, 140—142, 144, 145, 152, 154
- Виликанл, легенд. кн. литовский 145
- Вилли (Вилюз), легенд. кн. литовский 135, 136
- Вильгельм, принц австрийский, жених кор. польской Ядвиги 124

- Висимот см. Вишимут
- Витвицкая А. В. (Витвицкая О.), историк 54
- Витгенштейн П. Н., кн. 231
- Витень (Витенес), вел. кн. литовский 84, 114, 118, 119, 144, 146, 157, 160
- Витовт Кейстутевич, вел. кн. литовский, с. вел. кн. литовского Кейстута 17, 18, 21, 27, 49, 50, 60, 64, 74, 82, 84, 112, 114, 117, 118, 120—122, 124, 125, 127, 131, 207, 231
- Вишимут (Висимот), кн. литовский 145
- Вишневецкая, кнж., ж. Ходкевича Григория 33
- Вишневецкие, кн-я 226
- Вишневецкий Иеремия, кн. 78
- Вишневецкий Михаил, кор. польский и вел. кн. литовский 52
- Винок-Коялович см. Коялович-Винок
- Владимир Андреевич, кн. старичий 63
- Владимир Васильевич, кн. владими́ро-волинский 73
- Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. киевский 231
- Владимир Данилович, кн. галицко-волинский 166
- Владимир Ольгердович, кн., с. вел. кн. литовского Ольгерда 121, 231, 234
- Владимир I Святославич, вел. кн. киевский 85, 222, 223
- Владислав IV, кор. польский и вел. кн. литовский 55, 77, 79, 201
- Войдло, слуга вел. кн. литовского Ягайло 127
- Войшелк (Войшвилек), вел. кн. литовский, с. вел. кн. литовского Миндого 19, 72, 84, 95, 100—103, 128, 129, 132, 142, 143, 145, 146, 158, 159, 168, 238
- Вол, шляхтич 84
- Волкайтис-Куликаускаене Р. К., историк 149
- Волович Юрий, пан 118
- Волчанский Иероним, еп. белорусский 184, 186, 195, 198, 214
- Вольфф И. (Wolff I.), историк польский 89, 161
- Востоков А. Х., языковед 41
- Вульгата, переводчик Библии на латинский язык 37
- Вислоух Северин (Wystouch S.), историк польский 175
- Вылова С. Я., филолог 199
- Гапон, мещанин могилевский, работник могилевского магистрата 181
- Гастольд (Гастольдус) см. Гаштольд
- Гаштольд, воевода подольский 84
- Гаштольд, легенд. спутник Палемона, родоначальник рода Гаштольдов 73, 115, 116, 119, 160
- Гаштольд Альбрехт Мартинович, воевода новогрудский 161
- Гаштольд Андрей, воевода виленский 161
- Гаштольд Войтех 59
- Гаштольд (Гаштольдович) Мартин 161
- Гаштольд Станислав Альбрехтович, воевода новогрудский 161
- Гаштольд Ян (Иван), воевода виленский 105, 106, 161
- Гваньини А., автор историко-географических работ 25, 76, 181, 230
- Гвидон, герой средневековой повести 54, 55
- Гедмин, вел. кн. литовский 11, 16—18, 27, 51, 57, 73, 78, 82, 114, 119, 121, 123, 126, 129—131, 143, 161, 163, 224
- Гедминовичи 150
- Гедройц Мельхиор, еп. жемайтский 114
- Гедрус, легенд. кн. литовский, с. кн. Романа 144, 157
- Гейза, кор. венгерский 222
- Гектор, один из легенд. спутников Палемона 159
- Генрик, маршалок магистрата Ливонского ордена 119
- Генрих см. Андрей, магистр ливонский
- Генрих Валуа («Француз»), кор. польский и вел. кн. литовский 190, 201
- Генрих Латвийский, автор хроники 10
- Георгий см. Борис, легенд. кн. полоцкий
- Герасим, еп. смоленский, потом митр. 21, 23, 27, 224
- Герберштейн Сигизмунд, имперский дипломат, путешественник 113, 127
- Гербурт, хронист 106, 115, 117, 230
- Гермонт, легенд. кн. литовский, с. кн. Свидригайло 144
- Гилигин, легенд. кн. литовский, с. кн. Гермонта 144
- Гильдебранд П. А., археограф 206, 233, 234
- Гимбут, легенд. кн. жемайтский, с. кн. Купоса 139, 140, 145, 148, 152
- Гинил (Борис, Георгий), легенд. кн. полоцкий, с. кн. Мингайло 72, 123, 142, 150, 163
- Гирус (Кирус), легенд. кн. литовский и жемайтский, муж Пяты 103, 133, 139, 141, 160
- Глеб, кн. 168
- Глеб см. Глеб Всеславич
- Глеб, кн. смоленский 165
- Глеб Всеславич, кн. минский 170, 231
- Глеб Роговолодович, кн. полоцкий, с. кн. Роговолода-Василя 142
- Глебович Николай Юрьевич, староста дрогичинский 118
- Глебович Петр, воевода новогрудский, наместник кривеский 161
- Глинский Михаил, кн., руководитель восстания 1508 г. 64, 70, 235

- Говорский К. А., историк, археолог 33
- Голенченко Г. Я., историк 175
- Голков И. И., историк 209
- Голыцын В. И., кн. 189, 196, 222
- Гольдовские, кн-я, ветвь кн-зей Одинцевичей 30
- Гольца (Гольшас), легенд. кн. литовский, с. кн. Романа, родоначальник князей Гольшанских 144, 157
- Гольшанские, кн-я 160—162
- Гольшанский Андрей Альгимунтович, кн. 115
- Гольшанский Михаил Иванович, кн. 21, 60
- Гольшанский Павел, еп. виленский, кн. 74
- Гольшанский Семен Юрьевич, кн., воевода новогрудский, староста луцкий 161
- Гольшанский Юрий Семенович, кн. 105, 106
- Горбачий Иосиф, митр. киевский 210
- Гортянский Н. Г., переводчик Могилевской хроники 6, 179, 180, 183, 184, 187, 198—203
- Гостомысл, легенд. с. м.
- Грависсус, Грависсус с. Гровж
- Грекул Ф. А., историк 8
- Григорий, архим. галицкий 100
- Григорий, св. 65, 100
- Григорий Богослов, один из «отцов церкви» 35
- Григорий Двоеслов 35—36
- Григорий Иванович, переписчик Супрасльской летописи 29
- Гришкевич А. П., историк 227, 231, 234
- Гровж (Грависсус, Грависсус, Гровжис, Кгровж, Кгровжс), легенд. родоначальник Мошвинов 116, 133, 134 160, 162
- Грумль с. Крумпь
- Грушевский М. С. (Грушевский М. С.), историк 17
- Гук, работник могилевского магистрата 181
- Гуревич Ф. Д., археолог 163
- Давид Мстиславич, кн. луцкий 167
- Давят, кн. литовский 145
- Далматов Н. см. Николай, архим.
- Даниил, иг., автор «Хожения в святой град Иерусалим» 57
- Даниил Романович, кн. галицко-волинский 96, 100—102, 145, 158, 165, 167, 168
- Данилович И. Н. (Dąbrowski I.), историк 4, 5, 9—16, 18, 19, 22, 29, 34, 39, 42—45, 67, 68
- Дарспрунг см. Довспрунг
- Дашкевич Н. П., историк украинский 17
- Дашко Федорович, кн. 64
- Демьянович А. П., археолог 204
- Деспот-Зенович Юрий, кн. 201
- Детрил Каролус, полководец прусский 119
- Дионисий Ареопagit, еп. первый афинский 35
- Длугош Ян (Dlugossis J.), хронист польский 19, 25, 50, 82—84, 102, 105, 106, 111, 113, 115, 117, 120—122, 124, 128, 135, 169, 171, 172, 219
- Дмитриева Р. П., составитель библиографии по летописанию, литературовед 4
- Дмитрий, кн. друцкий 117
- Дмитрий, кн. киевский (?) 112, 134
- Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 63, 127
- Добкевич Христофор, владелец рукописи—летописи, получившей название Ольшэвской 59
- Добрынский Ф. Н., историк 34, 37, 46
- Довгирд (Долгирд, Долгирд), воевода виленский 45
- Довгирд, наместник Витовта в подольских замках 122, 125
- Довмонт, кн. литовский, позднее кн. псковский 100, 126, 146
- Довмонт, кн. утянский 111
- Довмонт Романович, легенд., с. кн. Романа 144, 157
- Довнар-Запольский М. В., историк 80, 179, 180
- Довойна, шляхтич 104
- Довойна Станислав Станиславович, воевода полоцкий 162
- Довойны, магнаты 134, 153
- Довспрунг, кн. литовский 134, 145
- Довспрунг (Дарспрунг, Доспрунгус), легенд. кн. литовский 133, 134, 139, 141, 142, 148, 149, 159, 160
- Долгирд см. Довгирд
- Долгов В. С., археолог 62
- Долгорукий, кн. 196
- Дорогостайские, магнаты 171
- Дорошкевич А. М., историк 198
- Доспрунгус см. Довспрунг
- Драгун Ю. И., историк 27
- Друцкие, кн-я 30, 108
- Друцкий Семен Дмитриевич, кн. 116
- Дубина, предводитель отряда казаков 225
- Дубровицкий Иван, кн. 63
- Дюсбург Петр, хронист 82, 83, 111, 119, 128, 169
- Евгений, митр. (Болховитинов) 53
- Евдокья, ж. вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского 63
- Евреннов П., владелец рукописи 66
- Евфимия, св. великомученица 36
- Евфросиния, кнж. 223
- Едвид см. Ердвилл
- Ежи см. Юрий Лингвиевич
- Ейкша см. Ейкшис
- Ейкшис (Ейкша, Ейкшис, Екшис, Ечькшис, Кекшевич, Ликшис, Эвксос, Эйсус), ле-

- генд. родоначальник Довойной 133
- Ейкшис см. Ейкшис
- Екатерина II, имп. 195
- Екшис см. Ейкшис
- Елена Ивановна, кнж., ж. вел. кн. литовского Александра Казимировича 53, 76, 201, 216
- Елеонский Ф. Г., археограф, историк 7, 187, 204—209, 211—213, 215
- Елизавета (Елена), ж. вел. кн. литовского Казимира Ягайловича 216
- Ельский А. (Jelski A.), помещик, автор работ по истории Белоруссии 231, 232
- Ердвил (Арвид, Едвид, Кримунт, Радвил, Скилмонт, Скиримонт, Скирмонд, Скирмонт, Скирмунт, Эрдвил), легенд. кн. литовский, с. вел. кн. жемайтского Монтила, родоначальник вел. кн. новгородских 71, 96—97, 104, 112, 115, 116, 126, 133, 134, 140—142, 144, 145, 150—156, 158, 159, 224
- Ечькшис см. Ейкшис
- Живибунд (Живибуд, Живинбид, Зивибунт), легенд. кн. литовский 141, 154, 155, 160, 169, 170
- Живибуд см. Живибунд
- Живинбуд, кн. литовский 145
- Жигимунд см. Сигизмунд III Ваза
- Жидимонт см. Сигизмунд Кейстутевич
- Жикимонт см. Сигизмунд Кейстутевич
- Жилко Дмитрий, кн. 108
- Жилос И., историк 24, 25
- Журовский В., архим. 40
- Жучкевич В. А., географ 30, 31
- Забережинский Ян Юрьевич, наместник полоцкий, воевода новгородский 64
- Замойский, гр., владелец библиотеки 42
- Замыцкий Константин (Семечко), кн. 109
- Зара, поп. могиловский 188
- Заславские, кн-я, владельцы рукописи в с. Великая Берестовица 11, 68, 87, 88, 91, 93, 129
- Зенович Криштоф Юрьевич, воевода брестский 89
- Зенович Николай Богуславович, староста минский и каштелян полоцкий 89
- Зенович Николай Юрьевич, подкоморий ошмянский 118
- Зенович Станислав Юрьевич, подкоморий вилькомирский, позже каштелян новгородский 88—89
- Зенович Ян Юрьевич, каштелян витебский 89
- Зеновичи, феодалы 89
- Зивибунт см. Живибунд
- Зигфрид, магистр ливонский 127
- Золотаренко В., брат наказного атамана 233
- Золотаренко И., полковник украинский, потом наказной атаман 196, 214
- Зубрецкий (Зубревич), кн. 71
- Иван Алексеевич, царь, с. царя Алексея Михайловича 197
- Иван I Данилович Калита, вел. кн. московский 85
- Иван III Васильевич, вел. кн. московский 66, 109, 110, 122, 216
- Иван IV Васильевич Грозный, царь 52, 63, 189, 224, 225
- Иван Якимович см. Якимович Иван
- Игель, книжник краковский 233
- Игровжис см. Гровж
- Изяслав, кн. новгородский 158
- Изяслав, кн. свислочский 168
- Иисус Навин, библия 36
- Иисус Христос, библия 57, 157, 159
- Иконников В. С., историк 179, 180
- Ильинский, житель г. Могилева 210
- Ильинский А. Г., историк 85
- Иоани Богослов, библия, один из «отцов церкви» 37
- Ионинас И. (Jonas I.), историк 24, 25
- Иосафат Куцевич, архиепископ униатский 45, 188, 190, 207, 216, 218, 219, 226
- Иосиф, митр. киевский 225
- Иосиф II, имп. Священной Римской империи 195
- Иосиф Флавий, древнееврейский историк 76
- Ирод, царь Иудеи 117, 146
- Истра см. Спера
- Кадлубек Винцент, хронист польский 102, 109, 171
- Казакевич А. Н., историк 4
- Казимир Ягайлович, вел. кн. литовский и кор. польский 21, 31, 36, 59, 105, 106, 117, 119, 120, 124, 125, 128, 129, 216
- Кайдан (Койдан, Кадан, Кайду), полководец татарский 113, 165, 166
- Каманин И. М. (Каманин I), историк 54
- Каменецкий, полковник 228
- Кампей (Кампаниус, Кампаниосс) см. Струмпос
- Караболь, шляхтич 113
- Карамзин Н. М., историк 169, 216
- Карл XII, кор. шведский 185, 191, 193, 193, 203
- Капл Детрил см. Детрил Каролус
- Карский Е. Ф., филолог, языковед 3, 55—57
- Карсюк Иван, житель г. Слуцка 132
- Каховский, хронист 233

- Качей (Качибей), хан татарский 52
- Квяткевич, хронист 230
- Кгровж, Кгровжс см. Гровж
- Кгрумпь см. Крумпь
- Кезгайло Михаил, воевода виленский и канцлер ВКЛ 105, 106
- Кезгайло Ян, староста жемайтский, каштелян виленский 105, 106
- Кейстут, вел. кн. литовский 18, 19, 49, 60, 82, 84, 119, 127, 131
- Кекшевич см. Ейкшис
- Кернус, легенд. кн. литовский, с. кн. Куноса 114, 139, 141, 142, 148, 149, 152
- Кидан, полководец татарский 155
- Кимбарь Сергей, архим. Супрасльского м-ря 35, 36
- Киприан, митр. 63
- Кирей, царевич крымский 62
- Кирилл, просветитель славянский 222
- Кирилл Иерусалимский 35
- Кирус см. Гирус
- Кишка Леон, митр. униатский 34
- Кишка Станислав Петрович, гетман ВКЛ 107
- Клепиков С. А., автор работ о филигранях 176
- Климашевский Ипполит, учитель гимназии, первый опубликовал отрывок хроники Быховца 67—69
- Кмита Филон, староста оршанский 33
- Козлов В. П., историк 198
- Козьма Индикоплов, купец византийский, автор «Христианской топографии» 37, 38
- Козьма Романович см. Романович Козьма
- Койдан см. Кайдан
- Колена Гавриил, архим. Супрасльского м-ря 38
- Коллигин, легенд. кн. литовский, с. Скирмонта 156, 157
- Колумб Христофор, мореплаватель 225
- Коломны 114, 115
- Компан, легенд. спутник Палемона 160
- Кондрат (Конрад), кн. мазовецкий 145
- Конисский Георгий, архиеп. белорусский 195
- Конос см. Кунос
- Константин V, имп. византийский 62
- Константин Кориатович, кн. 73, 121, 124
- Копанев А. И., историк 48
- Копинский Исаия, митр. киевский 78
- Копитар, славист 41
- Копыцкий З. Ю., историк 173, 174
- Корецкий В. И., историк 8
- Кориат-Михаил, кн. подольский, с. вел. кн. Ольгерда 119, 161
- Кориатовичи, потомки кн. Кориата 113, 122
- Корибут-Дмитрий (Курибут), кн., с. вел. кн. Ольгерда 66, 121, 122, 161
- Коригайло (Корикгал), кн., с. вел. кн. Ольгерда 66
- Корнилов И. П., попечитель Виленского учебного округа 210
- Корсак Богдан, предводитель отряда смоленской шляхты 228
- Коршунов А. Ф., археограф 81
- Костомаров Н. И., историк 3, 15, 16
- Костюшко Тадеуш, руководитель восстания 209
- Кохановский Ян, поэт польский средневековый 37
- Коялович М. О., историк 43, 44, 204, 230
- Коялович-Винок Альберт (Kojalowicz-Wiuk A.), историк 19, 140, 152
- Крапивин П. С. (Krapivin), филолог 85
- Красинский, гр., владелец библиотеки в Варшаве 54, 55, 58
- Крашевский И. (Kraszewski J.), писатель 10, 12, 15
- Криве-Кривейто, легенд. еп. литовский, глава языческого литовского духовенства, 127, 128
- Кримунт см. Ердивил
- Кромер Мартин (Kromer G.), хронист польский 19, 25, 82—84, 91, 102, 105, 108, 110—113, 115, 117, 119, 120, 122, 124, 126, 128, 143, 219, 230
- Крумпь (Грумпь, Евксюс, Кгрумпь, Кунль, Кумль), легенд., один из вассалов кн. Ердивила 134
- Крыжановский С., историк польский 79
- Куковойт (Куковойтис), легенд. кн. литовский, с. Живибунда 71, 103, 114, 134, 141, 154
- Кукушкина М. В., историк 48
- Кулиш П. А., этнограф, историк 79, 80
- Кулов Стефан, владелец рукописи 77
- Кумль см. Крумпь
- Кунос (Конос), легенд. кн. литовский, с. Палемона 133, 139, 141, 145, 147—149
- Кунцевич Иосафат см. Иосафат Кунцевич
- Курбатова И. Н. 199
- Курбский Андрей Михайлович, кн. 52
- Курдас, полководец татарский 167
- Курибут см. Корибут-Дмитрий
- Кучковичи, бояре 47
- Лавраш см. Лаврыш
- Лаврентий, с. кн. Тройдена 114
- Лаврыш (Василий, Лавраш, Лаврентий, Рымонт), кн. литовский 114, 126, 146, 157
- Лазутка С. А. (Lazutka S.), историк 59
- Ламанский В. И., филолог 85
- Ланквин см. Лингвений
- Ластовский В. У. (Lastowski V.), филолог 46
- Лауцявичюс Э. (Lau-

- ciavičius E.), автор работ о филигранях 52, 72, 176
- Лев, кн. владимирский 117
- Лев Данилович, кн. галицко-волынский 101, 102, 146, 165, 166
- Левенгаупт, ген. шведский 191, 193, 209
- Ледневич Павел, мещанин могилевский, работник могилевского магистрата 181
- Лелевель И. (Lelevel I.), историк польский 169, 170
- Леонид, архим. 49, 50
- Лех, легенд. кор. польский 77, 241
- Лжедмитрий II, самозванец 79, 225, 229
- Лиздейко, легенд., глава литовского языческого духовенства 120, 126, 127, 229, 230
- Ликшис см. Ейкшис
- Лимонов Ю. А., историк 82
- Лингвений (Ланквин), кн. мстиславский, с. вел. кн. литовского Олгерда 66
- Линде С. Б., филолог польский 44
- Линиченко И. И., историк украинский 62
- Литавор Хрелтович см. Хрелтович Ян Литавор
- Литаон, легенд. кн. литовский 136
- Лихачев Д. С., филолог, литературовед 51
- Лихачев Н. П., историк 44, 47, 48, 56
- Лобода Григорий, гетман запорожский 184, 188
- Лопарев Хр., сотрудник Публичной библиотеки в СПб. 210
- Луцкевич Иван, организатор белорусского музея в г. Вильно 179
- Лытка Мартин, мещанин витебский 225
- Лыщинский, атеист 182, 232
- Любавский М. К., историк 30
- Любард (Любарт, Люборт), кн. карачевский, с. вел. кн. литовского Гедимина 66, 119, 155, 167
- Любомирский, кн. 189, 196
- Лютер Мартин, основатель немецкого протестантизма 225
- Магмет, султан 52, 62
- Магмет Муранн 62
- Мазепа Иван Степанович, гетман Украинны 184, 185, 188, 191, 195
- Малиновский А. Ф., архивист, историк 53
- Мальцев А. Н., историк 80
- Мамоничи, виленские издатели 39
- Мануил, импер. византийский 62
- Марий, полководец римский 135
- Марина Мишке (Сандомирянка), ж. Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, д. воеводы сандомирского 226
- Мария Богородица, библ. 55, 57
- Мария Магдалина, библ. 65
- Мария Тверская, вторая ж. вел. кн. Олгерда (ошибочно) 112, 224
- Мария Ярославна, княж. витебская, первая ж. вел. кн. литовского Олгерда 112, 218, 229
- Марко, королева, герой средневековой повести 54
- Марков Василий, священник, владелец рукописи 62
- Марколыт Немец, «пан» львовский 102
- Мартинович Увар, мещанин могилевский, сборщик налогов 181
- Маскевич (Маскович) Богдан 118
- Матяш, кор. венгерский 125
- Матюша, предводитель отряда казаков 207, 212
- Махмет, с. султана Амурата 62
- Махмет-Гирей, хан крымский 86, 110
- Мейер Л. (Meyer L.), историк 10
- Мейерберг А., дипломат австрийский, автор мемуаров 174
- Мелешко Иван, феодал 46
- Мелхиседек 62
- Менгли-Гирей, хан переконский 109
- Менгу Темир, хан 165
- Мендольф см. Миндовг
- Меншиков А. Д., ген. 197, 209
- Мефодий, просветитель славянский 222
- Мехержинский М. (Mehcerżyński M.), переводчик хроники Длугоша 82, 135
- Меховский Матвей (Miechowita M.), польский ученый 25, 82, 83, 91, 102, 105, 106, 108, 110, 111, 113—115, 117, 119—124, 126, 128, 135, 136, 143, 169—171, 219
- Мешко (Мечислав), кор. польский 222
- Мещерский, кн. 215
- Мингайло (Михайло), легенд., вел. кн. новогрудский и полоцкий, с. Ердвилла — Скирмонта 142, 145, 155, 171
- Миндовг (Мендольф, Миндауг, Миндов), вел. кн. литовский 11, 13, 19, 72, 78, 84, 94—103, 117, 128, 129, 142, 143, 145, 146, 158, 159, 168, 171, 238
- Миротворцев А. П., археограф 233, 234
- Михаил см. Михаил Сигизмундович
- Михаил Борисович, вел. кн. тверской 128
- Михаил Сигизмундович (Михаил, Михайлушка), кн., с. вел. кн. Сигизмунда Кейстутевича 31, 47, 128, 129
- Михаил Федорович Романов, царь 66
- Михаил Черниговский, кн. 29
- Михайло см. Мингайло
- Михайлушка см. Михаил Сигизмундович
- Мишке Марина см. Марина Мишке

- Могила, легенд. (от него название г. Могилев) 216
- Могила Петр, митр. киевский 210
- Модест, архим. 33, 34, 39
- Можайский Семен Иванович, кн. 107, 122
- Молесворт Роберт (Molesworth Robert), историк английский 183, 184
- Молчановский Н., историк украинский 16
- Монивид, с. легендарного Гривжа 133
- Монивид (Монивидович) Войтех Янович, воевода новгородский 161, 162
- Монивид (Монивидович) Иван, воевода трокский позже виленский 162
- Монивиды, магнатский род 134
- Монтивид (Монтивид) Гимбутович, легенд. кн. жемайтский, с. Гимбута 112, 126, 134, 135, 140—142, 145, 152, 153
- Монтигирдович Петр Янович, воевода трокский 108
- Монтигирдович Петраш, воевода новгородский 161
- Монтовтович Михаил, каштелян трокский, воевода новгородский 161
- Мороз, бурмистр г. Вильно 193
- Мошинский Антон, ксендз в г. Слуцке 232
- Мстислав, кн. луцкий и пинский 156
- Мстислав Давыдович, кн. смоленский 152
- Мстислав Данилович, кн. галицко-волинский 126, 166
- Мстиславский, кн. 235
- Муравьев М. Н., ген.-губернатор виленский 210
- Муравьева Л. Л., историк 8
- Мурад-Кирей, царевич крымский 62
- Муханов П. А., археограф 71
- Наливайко Северин, руководитель крестьянско-казацкого восстания 188, 201, 207, 212, 213
- Наполеон I Бонапарт, имп. французский 208, 211
- Нарбут Винцент, помещик 68
- Нарбут Теодор (Narbutt T.), историк и археолог литовский 8, 9, 11, 13, 15, 67—71, 74, 104, 170—172
- Наримунт (Норимонт), кн. пинский, с. вел. кн. Ольгерда 66, 111, 126,
- Наримунт Романович, легенд. кн., с. кн. Романа 144, 157
- Нарушевич Адам, историк польский 232
- Неман см. Викинт
- Немира Федор, пан 118
- Немирович Николай, магнат 105, 106
- Немонос см. Викинт
- Нерон, имп. римский 56, 70, 93, 113, 117, 128, 130, 145, 146
- Нестан, наместник кн. Федора 114
- Никифоров Н. П., собиратель рукописей, житель г. Городца 45, 46, 48
- Николай, архим. 47, 235
- Николай (Далматов Н.), архим. Супрасльского м-ря, историк 34, 38—40, 42
- Николай I Павлович, имп. 216
- Никон, патриарх 196
- Новосильцев Н. Н., гос. деятель 44
- Ногай, хан татарский 166
- Ной, библи. 62, 190
- Норимонт см. Наримунт
- Оболенский М. А., кн., археолог 14, 36, 38, 53, 54
- Оветригайло см. Свидригайло
- Овидий Публий Назон, поэт древнеримский 39
- Огнские, кн-я 5, 191, 226
- Огоновский Е., историк 16, 17
- Одинец Александр, кн. 29
- Одинец Григорий, кн., с. кн. Одицца Александра 29, 31
- Одинец Иван, кн., родоначальник кн. Одиццевичей 29
- Одинец Ксения (Аксинья), ж. кн. Одицца Федора 29
- Одинец Федор, кн. 29
- Одиневич Андрей Семенович, кн., городничий минский 32
- Одиневич Богдан Федорович, кн. 30
- Одиневич Василий, кн., дворянин великокняжеский 32
- Одиневич Григорий, кн., дворянин великокняжеский 32
- Одиневич Дмитрий Федорович (Гольцовский), кн. 30
- Одиневич Екатерина, кнг., ж. кн. Семена Ивановича 29
- Одиневич Иван, кн., боярин смоленский 30, 31
- Одиневич Семен Богданович, кн., городничий гродненский 30, 32
- Одиневич Семен Иванович, кн. 16, 17, 31, 32
- Одиневич Семен Иванович, кн. 29
- Одиневич Федор, кн. 29, 30
- Одиневичи, кн-я 29—32, 45, 88
- Одоевские, кн-я 85, 127
- Оздобный Фома, староста Могилевского Братского м-ря 210
- Олег Иванович, вел. кн. рязанский 118
- Олег, с. кн. Романа Брянского 165
- Оленько (Александр), кн. родоначальник династии князей Ольельковичей-Слуцких 132, 231, 234—236
- Ольельковичи - Слуцкие, кн-я см. Слуцкие
- Оловяшка Калликст, архидиакон 182
- Ольга, кнг. киевская 218, 221, 222
- Ольгерд, вел. кн. литов-

- ский 18, 20, 27, 50, 52, 65, 73, 77, 84, 112, 114, 122, 127, 218, 224, 231
- Ольгердов род 66
- Ольгимонт (Акгимонт), легенд. кн. новгородский, с. кн. Скиргайло 142, 145
- Онашевич И., историк 5
- Орест, иг., автор одной из могилевских хроник 4, 7, 182, 183, 203—206, 209—213, 217
- Осемятин (Осемьянович) 123
- Осемятч Василий Иванович 122
- Осемятч Семен, кн. 107
- Оскин см. Остик
- Остафий, воевода 101
- Остик (Остикович) Григорий Станиславович 118
- Остик Стефан Григорьевич 118
- Острожский Константин Иванович, гетман ВКЛ 53, 64, 108, 118, 171
- Павел, еп. каменецкий 122
- Павел, еп., ректор духовной семинарии г. Риги 44
- Павел I, имп. 195
- Паевакий Л., священник 46
- Пансий, патриарх александрийский 196
- Палей Семен, предводитель казаков 184, 194, 197
- Палемон (Аполлон, Полемон), легенд. кн. 6, 63, 70, 72, 76, 90, 92, 94, 102, 111, 113, 114, 117, 126, 128, 130, 132—134, 136, 138, 139, 141, 143—145, 147, 148, 159, 162, 163, 169—171
- Палеолог, имп. византийский [Константин] 127
- Павержинский, ксендз в г. Минске 193
- Пандырный, один из авторов Витебской летописи 4, 219—225, 228—231
- Парасковия (Пракседа), легенд. княж. полоцкая 52, 84, 123, 126, 142
- Паскевич И. Ф., ген.-фельдмаршал, наместник Царства Польского 44
- Пассек Б., губернатор Могилева 186
- Пафнутий, монах 193
- Пац, вел. гетман ВКЛ 196, 198
- Пац (Пацевич) Юрий, воевода новгородский 161
- Пацы, магнаты 171
- Пашуто В. Т., историк 3, 10, 29, 103, 145, 163, 164
- Пелюш, кн., с. Тройната 119
- Пересветов Иван Семенович, публицист XVI в. 62
- Петр I Алексеевич, имп. 89, 174, 180, 181, 184, 189, 191, 193, 197, 204, 207, 214, 215, 219, 223, 226—228
- Петр III Федорович, имп. 189
- Петрыка, маршалок смоленский 63
- Пимен, митр. 63
- Писимонт, кн. туровский, с. вел. кн. Ольгерда, 155, 167
- Пичета В. И., историк 24
- Подкова Иван, гетман, запорожский казак, господарь молдавский 77
- Покловский Константин, полковник 208, 210, 215
- Покровская В. Ф., историк 48
- Полемон см. Палемон
- Полоховский Серапион, еп. белорусский 192, 197
- Полоцкий Михаил (ошибочно) см. Гольшанский Михаил Иванович
- Полубинский, кн. 171
- Поляк Ян, командир отряда 106
- Помпей Гней, полководец римский 135, 136
- Понятовский Станислав Август см. Станислав Август
- Попов А. Н., историк 15, 16, 18, 19, 50
- Попович см. Самойлович
- Потен, магнаты 226
- Поля, легенд. кн. 103, 114, 139, 141
- Пракседа см. Парасковия
- Преборовский, атеист 197
- Прекст Гаврило, владелец дома в г. Могилеве 185, 188
- Прешпор, легенд. спутник Палемона 159
- Приемский, хронист 230
- Приселков М. Д., историк 26
- Прозоровский Д. И., археолог 52
- Прозоровский Д. И. (Прозор), кн. 225
- Пронские, кн-я 171
- Протопопов, полковник 161, 228
- Прохаска Антони (Prochaska A.), историк 17, 18, 50
- Пташицкий С. (Ptaszycki S.), историк, археолог 52, 55, 58—60, 74
- Птолемей Клавдий, ученый александрийский 136
- Публий Либон, ученый римский 111, 169
- Пярчик, владелец Радзивилловской летописи 88
- Пясекский, хронист польский 230
- Радзеёвский, примас Польши 191
- Радзивил Богуслав, кн. 89, 232
- Радзивилл Варвара, ж. кор. польского и вел. кн. литовского Сигизмунда II Августа 55, 66, 71
- Радзивилл Януш, кн., гетман ВКЛ 38, 88, 89, 192, 208, 210, 236
- Радзивиллы, кн-я 6, 32, 89, 171, 224, 231—233, 238
- Радзивил, участник похода Ягайло на Польшу 104
- Радзивил Монтевилович см. Ердзивил Монтевилович
- Радивил (Радзивилевич) Николай, воевода ново-

- грудский, вел. земский маршалок 105, 106, 161
- Радзивил (Родивиллович) Олена Николаевна, кн. ж. кн. Семена Юрьевича Слуцкого 49
- Рачинские, гр., владельцы библиотеки г. Познани 54
- Рачинский А. В., собиратель рукописей 44, 51
- Роголод-Василь, кн. полоцкий, с. кн. Бориса-Георгия 142
- Рогов А. И., историк 5, 8, 11, 42, 83, 92
- Роман, кн. брянский 165
- Роман, легенд. кн., с. кн. Гилигина, племянник Трабуса 103, 144
- Роман см. Ромултус
- Роман Данилович, кн. новогрудский, 168
- Романов Е. Р., этнограф, археолог, историк 80, 199, 200, 205, 206
- Романович Козьма, протопоп могилевской Спасской церкви 213
- Ромултус (Роман), легенд. кн. литовский, с. Трабуса 103
- Рудольф, магистр прусский 127
- Румянцев Н. П., канцлер 198
- Русшовичи, кн-я 145
- Рыбаков Б. А., историк 218, 221, 222
- Рыбский, комиссар кор. польского Августа II 228
- Рымонт см. Лаврыш
- Рымольт, легенд. кн. новогрудский, с. Ольгимонта 12, 13, 84, 94, 95, 117, 126, 132, 142, 143, 145, 151, 154—156, 166
- Рытвянский (Рутвянский) шляхтич 84, 117
- Рюриковичи Туровской линии 231
- Савельева Е. А., филолог 183, 184
- Самойлович (Попович), гетман украинский 189
- Сапега (Сопега) Казимир Ян, кн., гетман польский, затем великий 126, 227
- Сапега Лев, канцлер и вел. гетман ВКЛ 46, 186
- Сапегы, кн-я, крупные феодалы 5; 191, 197, 207, 226, 227
- Сапунов А. П., историк, археолог 7, 219, 220, 229, 235
- Сафонович, автор хроники 14
- Сахаров И. П., владелец Слуцкой летописи 49
- Свентоград см. Свинторог
- Свидзвинский Константин, собиратель рукописей 55
- Свидригайло (Овстригайло, Швидригайло, Швинтрыгайло), с. вел. кн. литовского Ольгерда, одно время вел. кн. литовский 18, 19, 21, 27, 30, 31, 47, 57, 60, 64, 66, 85, 118, 124, 125, 216, 224
- Свинторог (Свентоград, Швинторог) Утенусович, легенд., вел. кн. новогрудский 131, 143, 144, 146, 156, 160
- Святослав Всеволодович, кн. киевский 167
- Святослав Иванович, кн. смоленский 26, 27, 64, 73, 74, 118
- Северьянов Н. С. 38
- Семен Михайлович, кн. друцкий 167
- Семечко см. Замыцкий Константин
- Семячич Василий Иванович, кн. 107
- Сенека, философ римский, политический деятель 39
- Сивилла, пророчица 57
- Сигизмунд I Казимирович, кор. польский и вел. кн. литовский 36, 55, 59, 64—66, 108
- Сигизмунд II Август, кор. польский и вел. кн. литовский 22, 36, 53, 55, 64, 71, 144, 162, 163
- Сигизмунд III (Жигимунд) Ваза, кор. польский и вел. кн. литовский 76, 89, 189, 196, 201, 213, 225
- Сигизмунд (Жидимонт, Жикимонт) Кейстутевич, вел. кн. литовский 18, 19, 21, 27, 30, 31, 47, 55, 64, 67, 68, 85, 125, 146
- Сигизмунды, кор. польские и вел. кн-я литовские 5, 13, 15
- Симеон, св. 49
- Симон, еп. Кафы 128
- Синицкие-Бонча, шляхтичи могилевские 191
- Синицкий-Бонча, шляхтич могилевский 191—193, 197, 201, 203, 207, 228
- Скарга Петр, иезуит 39
- Скилмонт см. Ердивил
- Скиргайло (Скригайло), кн., с. вел. кн. Ольгерда 51, 66, 74, 117, 121, 122, 167
- Скиргайло, легенд. кн. новогрудский, с. Шварно-Ямонта 142, 145
- Скирмонт, Скирмонт, Скирмунт см. Ердивил
- Скоропадский Иван Ильич, гетман украинский 214
- Скригайло см. Скиргайло
- Скурат К. У., историк 232
- Слуцкая Елена Николаевна, кн. ж. кн. Юрия Семеновича Слуцкого 49
- Слуцкая Софья, кн. ж. кн. Радзивилла 236
- Слуцкие, кн-я, владельцы Слуцкого княжества 5, 6, 33, 88, 231, 236
- Слуцкий Александр-Олелько, кн. 231, 234—236
- Слуцкий-Олелькович Семен Александрович, кн. 49, 120
- Слуцкий-Олелькович Семен Михайлович, кн. 235, 236
- Слуцкий - Олелькович Юрий Семенович, кн. 33, 49
- Смолька С. (Smolka S.), историк польский 16—18
- Соболь Спиридон, типограф 175
- Соковини, боярин 190, 197

- Соколинская, книж., ж. кн. Одинцевича 30
- Соколинские, книж. 30
- Соколов С. И., редактор «Могилевских губ. ведомостей», профессор Могилевской семинарии 68, 205, 210
- Соловьев, капитан 229
- Соловьев А. В., историк 85
- Соломон, царь, библиограф 57
- Солтан, митр. униатский 35
- Солтан, феодал 46
- Солтан Александрович, воевода новогрудский 161
- Сопега см. Сапега
- Сорока Фурс, возный Гродненского повета 88
- Сосновский М., священник униатский, профессор Виленского университета 16, 43
- Софоний, архиеп. 57
- Софья Алексеевна, царица 189
- Софья Витовтовна, ж. вел. кн. Василия Дмитриевича 49
- Спера (Истра), легенд. кн. литовский, с. Палемона 133, 139, 147—149
- Срезневский И. И., филолог 48, 96
- Станислав, еп. католический польский 223
- Станислав, кн. киевский 117
- Станислав Лещинский, кор. польский 191, 229
- Станислав-Август, кор. польский 195, 209
- Станислав Петрович см. Книшка Станислав Петрович
- Старовольский Ш., писатель польский 39, 208
- Стефан Баторий, кор. польский и вел. кн. литовский 76, 80, 190, 196, 207, 225
- Стефан Великий, господарь молдавский 106—108, 120, 122
- Стрельбицкий, помещик гродненский 42
- Струмпюс (Кампей, Кампаниус, Кампаниос), легенд. родоначальник
- Гаштольд 115, 116, 134
- Стрыйковский Матей (Stryjkowski M.), хронист польский 10, 15, 19, 22, 25, 66, 68, 70, 76, 82—95, 98—130, 133, 135, 136, 138, 139, 141—144, 147, 148, 150—155, 160, 162, 168—171, 181, 196, 230, 237.
- Студит Федор см. Федор Студит
- Сулла, военный и гос. деятель римский 135
- Сурин, ротмистр 215
- Сурта Т. Р., один из авторов Могилевской хроники 4, 6, 7, 173, 177—191, 194, 199, 201, 203, 204, 209, 212—214, 223, 225
- Сушицкий Ф. П. (Сушицкий Ф.), историк 22, 23, 25, 66
- Сыщенко, краевед 198
- Табор Войцех, еп. виленский 84, 110
- Татищев В. Н., историк 169
- Таудал, персонаж средневековой повести 57
- Тевтевил см. Товтивил
- Тенчинский (Точинский), гр., подкоморий краковский 107
- Тит, имп. римский 62
- Тихенькин Савва, житель г. Могилева 188
- Тихомиров И. А., историк 3, 16, 18, 19, 82, 83
- Ткачев (Ткачоу) М. А., историк 163
- Товтивил (Тевтевил) кн. полоцкий, племянник вел. кн. литовского Миндовга 19, 95—99, 145
- Толстой, губернатор г. Могилева 202
- Толстой П. А., автор мемуаров 174
- Тохтамыш, хан татарский 53, 125
- Точинский см. Тенчинский
- Трабус, кн. литовский, с. Скирмонта 103, 104, 144, 156, 157
- Тристан, герой средневековой повести 55
- Тройден Ромунтович, кн. ятвяжский, дойновский с. кн. Романа 114, 116, 117, 126, 130, 131, 146, 157, 158
- Тройнат, кн. жемайтский 119, 142, 145, 167
- Тромони К. Я., автор книги о филлигранях 71
- Трубецкой, кн. 233
- Трубицкие, семья, в четырех поколениях писавшая Могилевскую хронику 4, 7, 173, 184, 187, 199, 204, 214, 217
- Трубицкий Александр Юрьевич, один из авторов Могилевской хроники 6, 177—179, 182, 184, 186, 187, 194, 200, 202, 203
- Трубицкий Григорий см. Трубицкий Юрий
- Трубицкий Иван Михайлович, губернский секретарь 178, 184, 187, 199, 203
- Трубицкий Михаил Александрович, один из авторов Могилевской хроники 6, 176—179, 182, 186, 187, 194, 195, 197—199, 202, 203
- Трубицкий Юрий, один из авторов Могилевской хроники, 6, 177—180, 182—186, 189—194, 195, 197—199, 202, 203, 206, 209, 212—214, 227, 228
- Тукальский, митр. 196
- Турчинович О. В., историк 200, 217
- Тышкевич К. (Tyszkiewicz K.), гр. 219, 220
- Тышкевичи, графы 171, 219
- Уваров, гр., владелец рукописи 60
- Уваров С. С., гр., министр народного просвещения, археолог, президент Академии наук 16, 44
- Улашинский, владелец рукописи 60
- Ульяна, книж. тверская,

- вторая ж. вел. кн. Ольгерда 112, 224
- Урсула, легенд. принцесса британская 111
- Успенский, учитель, владелец Слуцкой летописи 49
- Успенский Василий Андреевич, пономарь Покровской ц. 62
- Устрялов Н. Ф., историк 209
- Утенус, легенд. кн. 131, 134, 143, 156, 160
- Федор Иванович, царь 66
- Федор Кориатович, кн. подольский 114, 122, 161
- Федор Студит, византийский церковный деятель 36
- Филиппович И. И. (Філіповіч І. І.), краевед 178, 180, 184
- Флоря Б. Н., историк 8, 172
- Фома, апостол, библ. 29
- Фома, монах киевский 51
- Фридрих, кн. поморский 124
- Фридрих Барбаросса, имп. Священной Римской империи 223
- Фриц, кор. датский и шведский 197
- Халецкий Михаил, посол кн. Александра 108, 109
- Хлебцевич, учитель в с. Жировицах 46
- Хмельницкий Богдан, гетман украинский 196, 207
- Хованский А. И., кн., воевода русский 196, 225
- Ходкевич А. И., староста гродненский 12
- Ходкевич Александр Иванович, основатель Супрасльского монастыря, воевода новогрудский 32, 35
- Ходкевич Григорий Александрович, подкоморий литовский, позже вел. гетман 32, 33
- Ходкевич Иван Александрович, с. кн. Ходкевича А. И. 32
- Ходкевич Иван Федорович, маршалок королевский, наместник витебский, воевода киевский 32
- Ходкевич Иероним Александрович, каштелян виленский 32
- Ходкевич София Григорьевна, ж. Кмиты Филона, д. Ходкевича Григория Александровича 33
- Ходкевич Юрий Александрович, стольник, трокский каштелян, посол ВКЛ в Москву 32, 33
- Ходкевич Ян-Карл, вел. гетман и воевода виленский 33
- Ходкевичи, магнатский род в ВКЛ 5, 29, 32, 33
- Ходко, Ходор, Федор Юрьевич, родоначальник Ходкевичей 32
- Ходыницкий К. (Chodyński K.), историк польский 68, 172
- Хоминские, помещики 6
- Хоминский Александр (Chomiński A.), помещик, владелец рукописи 58
- Хоминский Франциск, последний воевода мстиславский 59
- Хорошкевич А. Л., историк 8
- Хрептович Литавор, маршалок королевский, воевода новогрудский 118
- Хрептович Ян Литавор, воевода новогрудский 161
- Христиан, еп. прусский 10
- Цезарь см. Юлий Цезарь
- Цетивко, староста витебский 224
- Цицерон Марк Туллий, писатель римский и гос. политический деятель и мыслитель 39
- Цыклер, полковник стрелецкий 190, 197
- Цыпля Кристоф, владелец Радзивилловской летописи 89
- Чагин Александр Васильевич, владелец рукописи 78
- Чантурия В. К., историк архитектуры 234
- Чарновские, один из авторов витебской летописи 218, 220
- Чарновский З. П., мещанин витебский, один из авторов Витебской летописи 226
- Чарновский П. 26
- Чарновский Ян, мещанин витебский, один из авторов Витебской летописи 219—221, 229, 230
- Чарторьские (Черторыцкие), кн-я 30, 31, 232
- Чемерицкий (Чамрыцкі) В. А., историк, филолог 3, 8, 25—27, 64, 172
- Чернашев Захар, наместник, губернатор белорусский 195
- Черторыцкие см. Чарторьские
- Четвертинский Сильвестр кн., архиеп. белорусский 192, 214
- Шайшадин Хозя, летописец турецкий 62
- Шалуга Ромуальд (Saluga R.), историк 68
- Шараневич И. (Szaraniewicz I), историк польский 16, 17, 20
- Шаскольский И. П., историк 184
- Шатц 230
- Шахмат-Гирей, хан татарский 120
- Шахматов А. А., филолог, языковед 3, 23, 24, 26, 43—45, 59, 64, 88
- Швари Данилович, кн. новогрудский, галицкий и вел. кн. литовский 101, 142, 146, 154, 168
- Швари (Шкварно, Амонт, Ямонт), легенд. кн. новогрудский, с. кн. Мингайло 142
- Швинтрыгайло см. Свидригайло
- Шени М., воевода русский 225
- Щереметев Б. П., ген.-фельдмаршал 228
- Шнищак Варлаам, ар-

- хнеп. могилевский 205, 208, 209, 211, 216
- Шкварно см. Швари
- Шлёцер А., историк 9, 10, 12, 14, 15
- Шпилевский П., этнограф, писатель белорусский 166
- Шугалей, предводитель отряда казаков 221
- Шуйские, кн-я 189
- Шуйский Василий Иванович, царь 189
- Щапов Я. Н., историк 75
- Щендрик Д. З., историк 235
- Щербаков С. А., историк 164
- Щербинский О. В., учитель Виленской гимназии, археолог 204
- Эвксюз (Эйксюз) см. Ейкшис
- Эйхвальд, профессор 41
- Эмануэл, кор. португальский 225
- Эрдивил см. Ердивил
- Юлиан, герба Урсени, легенд. спутник Палемона 159
- Юлий Цезарь, имп. римский 135, 136
- Юревич, полковник Сапеги 226, 227
- Юрий, кн. случкий 231
- Юрий Кориатович, кн. 121, 123, 124
- Юрий Лингвеневиц (Ежи), кн. 71
- Юрий Львович, кн. галицко-волынский, с. кн. Льва Даниловича 101, 102
- Юрий Святославич, кн. смоленский 117, 118
- Юхо Я., историк права 85
- Ючас М. А (Jučas M.), историк 25, 72, 74, 149
- Явнутый, кн., с. вел. кн. Гедимина 82
- Ягайло (Якгайло) вел. кн. литовский и кор. польский, с. вел. кн. литовского Ольгерда 18—20, 49, 66, 73, 82, 104, 105, 112, 115, 120, 121, 124, 125, 127, 131, 135, 148, 224
- Ягеллоны 144, 160
- Ядвига, кор. польская, ж. кор. Ягайло 84, 124
- Якимович Иван 118
- Якубовский Ян (Jakubowski J.), историк польский 19—22, 171
- Ямонт см. Швари
- Ян-Альбрехт, кор. польский 106—108, 122
- Ян-Казимир, кор. польский и вел. кн. литовский 52, 196, 198
- Ян III Собесский, кор. польский и вел. кн. литовский 52, 184, 191, 197, 198
- Ярополк Владимирович, кн. 170
- Ярослав Владимирович, кн. киевский 218
- Ярошевич И. (Jaroszewicz J.), историк 171
- Ярошевский, «регент» Могилевского магистрата 182
- Ясас Р., историк 25
- Яцек, подскарбий ВКЛ 37
- Ящич Иван 118

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Азов**, г. 189, 215, 233, 226
Албания 62, 63
Амстердам, г. 65, 183
Англия 137, 138
Андрусово, г. 196
Астрахань, г. 62—63
Атлантический океан 137
Аукштайтня, вост. Литва 164
Африка 138
- Бавария** 41
Балтийское море (Венедикское море, Море-Окиян) 86, 87, 93, 137, 138, 149, 218
Баркулабово, с. в Могилевской обл. 79, 81
Барсуковское, имен. около г. Могилева 208
Батурич, г. на Украине 197
Белая церковь, г. 228
Белзские вол. 121
Белоруссия 4, 5, 7, 9, 11, 14, 20, 21, 24, 25, 27, 30, 33, 42, 46, 49, 54, 78, 79, 83, 85, 87, 139, 151, 158, 163—165, 167, 173, 175, 182, 185, 203, 204, 208, 211, 212, 216—218, 224, 226, 227, 231—234, 236, 237
Белоруссия вост. 29—32, 67, 86, 89, 90
Белоруссия зап. 32, 49, 90, 139, 155, 165, 166, 204
Белоруссия сев. 73, 89
Белоруссия центр. 32, 49, 90
- Белоруссия юго-западная** 133, 153, 155
Белоруссия южн. 89
Белорусское Подвинежье 86
Белорусское Поднепровье 86, 175, 209, 227
Белорусское Полесье 169
Белосток, г. (в ПНР) 29, 44
Белостокское в-во (в ПНР) 29, 86
Бельничский р-н Могилевской обл. 31
Бельск, г. (в ПНР) 121, 139, 153, 155
Бендеры, г. на р. Днестр 191
Березина, р., приток р. Днепр 86, 168
Берестейские вол. 121
Берестовица Великая (Великая Берестовица), с. недалеко от г. Бреста 11, 87, 91, 93, 100
Берестье, г. см. Брест
Берладь, с. в Винницкой обл. УССР 123
Биржи (Биржай), г. в Литве 219, 227, 228
Бокута, г. в Подолии 112, 113
Болонья, г. в Италии 89
Борисов, г. на р. Березина 60
Брабантский замок 234
Брабант, истор. обл. в Сев.-Зап. Европе 138
Бранск, г. в Подляшье 153, 155
Браславль, г. в Витебской обл. 87, 139, 149, 152
- Брацлав**, г. в Подолии, Винницкая обл. УССР 108
Брест (Берестье), г. 79, 80, 105, 109, 112, 121, 139, 150, 151, 153, 155, 165, 166, 173, 196, 232
Брестская обл. 11, 87
Бронница (Бронница), г. 62
Бронницкий округ (в Московской обл.) 62
Брянск, г. 122, 123, 154
ВССР см. Белоруссия
Буг, р. 139
Быхов, г. см. Быхов Старый
Быхов Старый, г. на р. Днепр в Могилевской обл. 67, 79, 80, 182, 191, 192, 196—198, 201, 203, 217, 227, 228
- Вака**, р., приток р. Валия 122
Валдай, г. 196
Варшава, г. 37, 42, 54, 55, 59, 232
Вашюлы, с. (в совр. Румынии) 123
Вгровск см. Угровск
Ведрошь, р. (в совр. Смоленской обл.) 21, 118
Ведрошь, сел. 21, 118
Великая Берестовица см. Берестовица Великая
Великий Новгород см. Новгород Великий
Великое кн-во Литовское см. Литовское Великое кн-во

* Принятые сокращения: в-во — воеводство, вол. — волость, вост. — восточный, г. — город, гос-во — государство, губ. — губерния, д. — деревня, зап. — западный, имен. — именование, истор. — история, кн-во — княжество, обл. — область, оз. — озеро, пов. — повет, ПНР — Польская Народная Республика, р-н — район, р. — река, сев. — север, сел. — селение, совр. — современный, у. — уезд, центр. — центральный, южн. — южный.

- Великое ки-во Литовское, Жемайтское, Новгородское и Русское см. Литовское Великое ки-во
 Веля см. Вилия
 Вена, г. 41, 196, 197, 215
 Венгрия (Венгерское паństwo) 118, 122, 124, 166—167, 222, 225
 Вenedикое море см. Балтийское море
 Венеция, г. 70, 83, 93, 94
 Византия 63
 Виленская губ. 58, 157
 Виленский тракт 188
 Виленский у. 157
 Виленское место см. Вильно (Вильнюс)
 Вилевское поле, у г. Могилева 201
 Вилия (Веля), р., приток р. Неман 87, 134, 135, 138, 140, 141, 148—152, 155—157, 159, 170
 Вилькомир, г. в Литве (совр.— Укмерге) 64, 133, 139, 141, 148
 Вильно (Вильнюс), г. 39, 40, 43, 51, 55, 64, 65, 104, 105, 109, 110, 120, 125, 126, 135, 136, 141, 148, 155—158, 160, 161, 179, 182, 193, 195, 196, 204, 205, 223, 226, 228, 239
 гора Турова 224
 замок Низкий (Нижний), он же Кривой город 120
 Вилия, приток р. Вилия 135, 157
 Висла, р. 104, 124, 170
 Вислица, р. 105
 Витебск, г. 79, 86, 89, 97, 118, 173, 190, 207, 216, 218—222, 224—230
 замки: Высокий 221
 Нижний 221
 Заручайские Волотки, р.-и Витебска 225
 Богородицкая улица 220
 Подвинская улица 220
 Узгорская сотня 220
 Узгорское предместье 220
 Витебская губ. 199
 Витебская обл. 30, 31, 165
 Витебское ки-во 224
 Витьба, р. 221
 Владимир Волынский г. 102, 119
 Владимирщина 85
 Возвягль, с. на Волыни 168
 Волковийские вол. 121
 Волковыск, г. в Гродненской обл. 96, 121, 153, 158, 165, 168
 Волковысская земля 153
 Волхов, р. 223
 Волынь, истор. обл. на Украине 17, 53, 84, 86, 95, 102, 117, 121, 150, 151, 167, 169
 Воронеж, г. 214
 Ворскла, р. 18, 64
 Вроцлав, г. 106
 Гадес см. Кадис
 Галиция, истор. обл. на Украине 86
 Галич, г. в зап. Украине 100, 101
 Гальшое см. Гольшаны
 Гданск, г. (в ПНР) 37
 Гедройцы, с. в Литве 157
 Германия 175
 Глазомичи, д. в Витебской обл. 225
 Глухов, г. в Сумской обл. 193
 Головичино, с. в Могилевской обл. 209, 226, 227
 Голтва, р. 63
 Гольцово, имен. в вост. Белоруссии 30
 Гольшаны (Гальшос), с. в Гродненской обл. 157, 165
 Гомель, г. 123, 197
 Горки, г. в Могилевской обл. 195
 Городенский (Гродненский) пов. 88
 Городец, г. на р. Волга 45, 48
 Городно, г. см. Гродно
 Городокский р.-и Витебской обл. 30
 Гровжышки, с. в Гродненской обл. 115, 116, 157
 Гродко см. Гродно
 Гродненская губ. 41, 42, 67
 Гродненская земля 153
 Гродненская обл. 85, 157
 Гродненский пов. см. Городенский пов.
 Гродно (Городно, Гродко), г. 32, 100, 112, 121, 133, 139, 150—152, 155, 165, 166, 173, 200, 228
 Грудок (Гродек), урочище около г. Заблудова 34
 Далмация, истор. обл. в Югославии 41
 Дания (Датское гос-во, Датское королевство, Дунское королевство) 137, 176—178, 180, 183, 184, 186
 Двина Западная, р. 87, 138, 139, 149, 151, 152, 159, 208, 218, 221, 222, 226, 227
 Девялтово (Девялтва, Делтува, Дяволта), истор. обл. в Литве 141, 145, 157, 162
 Девялтовское ки-во 141
 Делтува см. Девялтово
 Дерпт (Юрьев, совр.— Тарту), р. 47, 227
 Дзержинск см. Койдано-во
 Дитва, р., приток р. Неман 170
 Днепр, р. 51, 63, 67, 110, 155, 195, 211, 222
 Днестр, р. 107
 Докудово (Недокудово, Кудово), д. в Гродненской обл. 122
 Дорогичин, г. в Брестской обл. 121, 139, 150, 151, 153, 155
 Дорогичинские вол. 121
 Друцк, г. (совр.— сел. в Могилевской обл.) 29, 86, 134, 139, 151, 170
 Друцкое ки-во 150
 Дубисса, р., приток р. Неман 83, 92, 134, 138, 139, 147, 152
 Дубровенское графство (в совр. Могилевской обл.) 227
 Дубровно, г. в Могилевской обл. 226, 227
 Дунское королевство см. Дания
 Дюнамонде г. 228
 Дяволта см. Девялтово

- Европа 93, 135
 Европа Восточная 85, 223
 Европа Западная 76
 Европа Центральная 165
 Евье, с. в Литве 232
 Ейшишки, с. в Литве 115, 116
- Жаславль** см. Заславль
Жемайтя (Жемонтская земля, Жемойть, Жмудь, Побережная земля, Поморье, Самогития, зап. Литва) 11, 58, 84, 86, 87, 92, 111, 114, 116, 130, 138—144, 147—157, 159, 162, 166, 170
Жемайтское великое кн-во 156
Жемонтская земля см. Жемайтя
Жемойть см. Жемайтя
Жировица, с. в Гродненской обл. 41, 45, 46
Жмудь см. Жемайтя
Жосли, оз. в Литве 139
- Заблудов**, г. (в ПНР) 34, 232
Завилейская (Завельская) земля, территория в Литве к сев. от р. Вилля 149
Завихост, г. (в ПНР) 104, 124, 129
Заволжская орда см. Орда Заволжская
Заславль (Жаславль), г. на Волыни 49, 117, 118
Зеландия, обл. в Нидерландах 138
Зельва, р., приток Немана 165
Зунд (Кисага, Шума), пролив 93, 135, 137, 138
- Иерусалим**, г. 57, 62, 223
Ильза, г. 101
Ингольдштадт, г. 231
Индия 225
Испания 139
Италия 6, 11, 18, 41, 58, 83, 91—93, 111, 113—115, 122, 126, 128, 134—138, 168, 170, 171
- Кадис (Гадес)**, г. в Испании 138
Каменец, г. в Брестской обл. 121
Каменец Подольский, г. 45, 49, 64, 112, 113, 122, 125
Каменецкие вол. 121
Карачев, г. 139, 151, 154, 155
Каунас см. Ковно
Кафа, г. в Крыму 128
Кашевичи, д. в Витебской обл. 225
Кейданы (совр.— Кедайняй), г. в Литве 232
Кёнигсберг, г. 88, 89, 231
Керново (Кярнаве), г. в Литве 23, 119, 134, 139, 141, 143, 144, 149, 156, 157
Киев, г. 17, 32, 76, 85, 108, 109, 112, 122, 128, 139, 193, 196, 221, 222, 231
Киевская губ. 79
Киевское кн-во 121
Киевщина 31, 150
Кисага см. Зунд
Клайпеда, г. 93
Клецк, г. в Минской обл. 21, 70
Кнышин, г. в Белостокском в-ве (в ПНР) 232
Кобрин, г. в Брестской обл. 158
Ковно (Куносово), совр.— Каунас) 119, 134, 138, 139, 147, 152, 160
Колоновичи, д. около г. Слуцка в Белоруссии 233
Койданово (Крутогорье), совр.— Дзержинск), г. в Минской обл. 139, 151, 154, 155, 158, 166, 167
Кокенгауз, г. 227, 228
Коломыя, г. в Иваново-Франковской обл. 106
Комаровичи, д. в Могилевской обл. 188
Константинополь (Царьград), г. 62, 74, 100, 197, 222, 225
Копаль, г. в Минской обл. 231, 233
Копысский р-н 186
Копысь, г. в Могилевской обл. 186
Корабль, д. в Виленской губ. 157
Корабль, р. 157
Корабы, д. в Ошмянском у. Виленской губ. 157
- Корленское море** см. Куршский залив
Корсунь, г. 196, 222
Краков, г. 7, 52, 59, 75, 89, 105, 109, 128, 228, 232
Красноярск, г. 75, 78
Кременец, г. в Тернопольской обл. 49, 121
Кричев, г. на р. Сож в Могилевской обл. 175
Кричевское староство 185
Крутогорье см. Койданово
Крым 189, 196, 223
Кулово см. Докудово
Куносово см. Ковно
Курляндское море см. Куршский залив
Куршский залив (Корленское море, Прусское или Курляндское море, Немновое или Малое море) 93, 137, 138, 147
Куявская земля, обл. Польши 166
Кярнаве см. Керново
- Лаврышево**, с. в Гродненской обл. 168
Латвания см. Литовское Великое кн-во
Лейден, г. 89
Ленинград см. Петербург
Лесная, д. в Могилевской обл. 193, 195, 197, 209
Ливония 111
Ляда, г. в Гродненской обл. 110
Лядский замок 234
Листава (Листаука), р., приток р. Вилля 179
Литалия см. Литовское Великое кн-во
Литва см. Литовское Великое кн-во
Литва Завилейская 84, 148, 170
Литва западная см. Жемайтя
Литва Повилейская (Повильская) 84, 152
Литва Понеманская 152
Литвания см. Литовское Великое кн-во
Литовская земля см. Литовское Великое кн-во
Литовская и Русская земля см. Литовское Великое кн-во

- Литовско-Полоцкое кн-во 171
- Литовско-русское гос-во см. Литовское Великое кн-во
- Литовское Великое кн-во (Латования, Литалия, Литва, Литования, Литовская земля, Литовская и Русская земля, Литовско-русское гос-во, Литовское гос-во, Литовское, Жемайтское, Новгородское и Русское Великое кн-во) 3—12, 14—18, 20—28, 31—34, 38, 42, 43, 48—51, 53, 58—61, 65, 67—70, 72—74, 76, 77, 79, 82—84, 86, 87, 89—93, 95, 96, 100, 101, 103, 105, 106, 108, 110, 111, 113, 115, 116, 118, 120—122, 124—126, 128—130, 132, 134—139, 141—143, 145—154, 156—160, 162—175, 179, 182, 191, 192, 196, 201, 205, 209, 212, 216, 218, 224—226, 229, 231, 232, 237, 238
- Литовское гос-во см. Литовское Великое кн-во
- Литовское, Жемайтское, Новгородское и Русское Великое кн-во см. Литовское Великое кн-во
- Лойойск, г. в Минской обл. 219, 220
- Лоев, г. в Гомельской обл. 110
- Лондон, г. 183, 184
- Луга, р. 222
- Лузитания см. Португалия
- Лукомль, г. в Витебской обл. 89
- Луцк, г. 85, 117, 119, 121, 127, 129, 201 (ошибочно), 232
- Лысая гора (в ПНР) 105
- Львов, г. 55, 85, 146
- Любляна, г. (в Югославии, столица Словении) 42
- Любча, с. на р. Неман в Гродненской обл. 232
- Ляхович, с. в Брестской обл. 215
- Мазовия, истор. обл. в Польше, 91, 158
- Малое море см. Куршский залив
- Межиземское море см. Северное море
- Мельник, г. (в ПНР) 112, 121, 139, 150, 151, 153, 155, 165
- Мельницкие вол. 121
- Меречь, замок в Литве 153
- Меречь, р., приток р. Неман 153
- Минья, р., приток р. Неман 138, 147, 149
- Минск г. 24, 79, 81, 86, 151, 170, 173, 193, 197, 201, 219, 232
- Троицкая гора 47
- Кафедральный собор 47
- Минская губ. 231
- Минская обл. 58
- Минское кн-во 170
- Митва, р., приток р. Неман 138
- Могилев, г. 79, 90, 173—175, 177, 179—196, 198, 200—203, 206—207, 226, 228
- Ильинская гора 188
- Самусева гора 188
- Олейная брама (ворота) 192
- Кармелитский костел 185
- Могилевская губ. 195
- Могилевская обл. 31, 67, 79
- Могилевский край 207, 212
- Могилевцам, имен. в Гродненской обл. 6, 67
- Могилевщина 206, 212
- Могильно, с. на р. Неман Минской обл. 12, 117, 126, 129, 132, 139, 143, 151, 154, 155, 158, 166, 170
- Мозырь, г. на р. Припять 139, 150, 151, 154, 155
- Молдавия 107, 108, 122, 124
- Монастыри:
- Богоявленский Оршанский в г. Орше 211
- Братский в г. Могилеве 204—205, 208, 210, 211
- Вознесенский в г. Минске 47
- Воскресенский Шкловский 211
- Жировицкий в Гродненской обл. 41, 45, 46
- Кутейнский около г. Могилева 175, 196, 201
- Лаврышевский в Гродненской обл. 168
- Пустынский около г. Метиславля 211
- Святого Владимира в г. Владимире Волынском 102
- Свитуховский в г. Минске 46, 47
- Святотроицкий Виленский 47
- Спасский в г. Могилеве 209
- Супрасльский близ г. Белостока 14, 29, 32—34, 36—38, 40—42, 44, 53, 232, 237
- Троицкий Виленский 46
- Троицкий в г. Слуцке 231, 233
- Моравия см. Муравское панство
- Море-Окиян см. Балтийское море
- Москва, г. 18, 20, 24, 27, 29—31, 33, 48, 53, 65, 77, 79, 84, 109, 122, 127, 174, 190, 195, 196, 197, 209, 226, 229
- Московия см. Россия
- Мста, р. 222
- Мстибов см. Мстибогов
- Мстибовская земля 153
- Мстибогов (Мстибов), с. в Гродненской обл. 121, 153
- Мстиславль, г. в Могилевской обл. 26, 64, 90, 118, 175, 198, 207, 211, 216
- Муравское панство (Моравия) 166
- Муром, г. 57, 127
- Мысливщина, д. у г. Слуцка в Минской обл. 233
- Нальшанская земля, истор. обл. в Литве 165, 167
- Нарва, г. 190, 228
- Неаполь, г. 196, 198

- Невяжа (Нвяжис), р., приток р. Неман 86, 87, 138, 141, 147, 148, 152
- Недокудово см. Докудово
- Неман, р. 85—87, 92, 93, 100, 101, 134, 137—140, 147, 149—154, 159, 165, 166, 168, 228
- Немное или Малое море см. Куршский залив
- Несвиж г. Минской обл. 6, 231—233, 238
- Новгород Великий (Великий Новгород), г. 49, 66, 78, 127
- Новгород Северский, г. 108, 109, 122
- Новгородок см. Новогрудок
- Новгородская земля 222
- Новгородское кн-во (Новгородское Великое кн-во) 134
- Новогрудок (Новгородок), г. в Гродненской обл. Белоруссии 12, 21, 49, 78, 86, 95, 96, 100, 101, 103, 112, 115, 129, 132—135, 139, 140, 142—144, 150—159, 161—163, 165—171, 224, 238
- Новогрудская земля 151, 153
- Новогрудское Великое кн-во (Новгородское Великое кн-во) 101, 112, 126, 132, 134, 140, 142, 150—153, 155—159, 163, 165, 167, 168, 172
- Новогрудское воеводство 89
- Нвяжис см. Невьяжа
- Одоев, г. Орловской обл. 85
- Окуневка, р., приток р. Припять 134, 138, 154, 155, 159, 167
- Олоск (Олеско?), г. Львовской обл. 119
- Олькеники, с. около г. Вильно 197, 226
- Ольшево, имен. в Виленской губ. (в совр. Минской обл.) 6, 58
- Опатов, г. (в ПНР) 105
- Орда Заволжская 125, 166
- Орда Перекопская 125
- Орловская обл. 85
- Орша, г. 65, 73, 90, 181, 198, 207, 216, 227, 228
- Оршанский пов. 189, 214, 227
- Острая гора см. Святая гора
- Островляны, имен. в Витебской обл. 30
- Острог, г. в Ровенской обл. УССР 108, 232
- Ошмяна, р., приток р. Вилия 30, 31, 115
- Ошмянский у. 157
- Ошмяны, г. в Гродненской обл. 30, 31, 226
- Падуга, г. 89
- Паланга, г. 60, 119, 120
- Париж, г. 41, 89, 183
- Перекоп 109, 125
- Перекопская орда см. Орда Перекопская
- Перемышль, г. (в ПНР) 124, 125
- Песочинская десятина, с. в Бронницком округе (в Московской обл.) 62
- Петербург (Ленинград), г. 40, 42—44, 47, 51, 55, 75, 89, 176, 179, 183, 187, 199, 205, 210, 218, 220
- Пинск, г. 101, 139, 146, 150, 151, 155, 158, 168
- Плоцк, г. (в ПНР) 50
- ПНР см. Польша
- Побережная земля см. Жемайтия
- Подвинье 31
- Подвинье Белорусское см. Белорусское Подвинье
- Подлясье, истор. обл. в Польше 86, 150, 153, 155, 169
- Поднепровье 17, 67
- Подолля (Подолье, Подольская земля), истор. обл. на Украине 16, 18, 21, 27, 44, 45, 52, 84, 112—114, 119—125, 167
- Познань, г. 54
- Полесье 150, 155
- Полесье вост. 151
- Полонина, местность в зап. Украине 101
- Полоцк, г. 44, 51, 60, 79, 83, 85, 86, 90, 97—99, 111, 116, 139, 140, 142, 150—152, 163, 171, 173, 193, 197, 198, 208, 211, 223, 225, 226, 228
- Полоцкая земля 90, 150
- Полоцкий пов. 30
- Полоцкое кн-во 142, 151
- Полтава, г. 184, 191
- Польская земля см. Польша
- Польское королевство см. Польша
- Польша (Великая Польша, Польская земля, ПНР, Польское королевство, Царство Польское) 21, 29, 38, 44, 50, 54, 67, 75—77, 79, 85, 86, 90, 91, 99, 104, 109, 113, 122, 124, 125, 166, 175—178, 185, 189—192, 195, 197, 198, 201, 203, 204, 208, 209, 214, 216, 218, 221—226, 232, 233
- Поморье см. Жемайтия
- Понеманье 152
- Португалия (Лузитания) 138
- Посожье 175
- Почаев, г. в Тернопольской обл. УССР 232
- Прибалтика, 188, 228
- Припять, р. 138, 139, 155
- Прихабы, с. в Рассонском р-не Витебской обл. 31
- Прихабы, с. в Сенненском р-не Витебской обл. 31
- Пропойск (совр. Славгород), г. в Могилевской обл. 175
- Пружанский у. в Гродненской губ. 42
- Пруссия 54, 89, 123, 169
- Прусское или Курляндское море см. Куршский залив
- Псков, г. 70, 127, 144
- Псковская губ. 199
- Путивль (Путவில்), г. в Сумской обл. 154
- Пумонт, истор. обл. в Италии 115
- Радом, г. (в ПНР) 109
- Радошковичский замок, в Минской обл. 234
- Раков, г. в Минской обл. 232
- Рассонский р-н в Витебской обл. 31
- Ревель (соврем. — Таллин), г. 196

- Репухово, д. 29
 Рига, г. 44, 98, 189, 196, 197, 227
 Рим, г. 19, 41, 52, 63, 72, 76, 93, 94, 99, 111, 117, 122, 123, 130, 133, 137, 145, 159, 162, 163, 222, 224, 225
 Ромово, с. (легенд.) 111, 128
 Рославль, г. в Смоленской обл. 118
 Российская империя см. Россия
 Россия (Московия, Российская империя, Русская земля, Русская сторона, Русские края, Русское гос-во, Русь) 14, 20, 21, 24, 26, 33, 38, 47, 49, 51, 65, 66, 75, 79, 84—87, 90, 96, 97, 108, 109, 112, 113, 116, 126, 135, 150—153, 170, 172, 175, 189—191, 195—197, 201, 203, 205, 208, 212, 214, 218, 221, 225, 233, 237
 Русская земля см. Россия
 Русская сторона см. Россия
 Русские края см. Россия
 Русское гос-во см. Россия
 Русь см. Россия
 Русь Белая 84—86, 127, 202, 208, 219, 221, 225
 Русь Западная 83
 Русь Киевская 26
 Русь Литовская (Белорусия и Украина) 21, 26
 Русь Малая см. Украина
 Русь Московская 26, 85
 Русь Северо-Восточная 85
 Русь Черная, обл. верхнего и среднего Немана 84—86
 Русь Южная 18
 Рыльский, г. 122
 Рязанская земля 62
 Рязань, г. 118, 206
 Саксония 41
 Саксония Нижняя 170
 Самогития см. Жемайтис
 Сандомир, г. 105, 109
 замок 105
 Свенцянский у. Виленской губ. 58
 Свислочь, г. в Гродненской обл. 158, 168
 Свислочь, г. в Минской обл. 168
 Свислочь, р., приток р. Березина 47, 168
 Свислочь, р., приток р. Неман 168
 Святая (Острая) гора 100, 101
 Святая (Шаянтоя), р., приток р. Вилия 133, 138, 139, 147—149, 159
 Северное (Межземское) море 93, 137, 138
 Северщина 108
 Сенненский р-н в Витебской обл., 31
 Сервачь (Сырьвачь), р., приток р. Неман 165
 Сибирь 78, 191
 Силезия см. Шлянская земля
 Скала, г. в Тернопольской обл. 112, 113
 Скандинавия 180
 Славгород см. Пропойск
 Слободино, с. Бронницкой округи 62
 Слоним, г. в Гродненской обл. 96, 158, 168
 Слонимский у. 67
 Слуцк, г. 21, 49, 89, 110, 132, 165, 201, 231—236
 Высокий город (Детинец) 234
 Новый город 233
 Старый город 233
 замки: Верхний 233—235
 Нижний 233—235
 Слуцкое кн-во 49, 235
 Случь, р., приток р. Припять 233, 235, 236
 Смоленск, г. 17, 18, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 32, 51, 53, 63, 65, 79, 84, 85, 96, 108, 115, 117, 118, 177, 189, 196, 219, 224—226, 238
 Смоленская земля 222
 Смоленщина 30, 31
 Смоленщина зап. 32
 Смотричь, г. в Хмельницкой обл. 112
 Сочава см. Сучава
 Спера, замок 148
 Спера, оз. в Литве 139, 147, 148
 Средиземное море 137, 138
 Стародуб, г. в Брянской обл. 63, 121, 122, 150, 151, 154, 155, 193
 Супрасль, г. см. Супрасльский м-рь
 Супрасль р. 34
 Сураж, г. (в ПНР) 121, 139, 155
 Суражские вол. 124
 Сучава (Сочава), г. (в Румынии), 123, 215
 Сырьвачь см. Сервачь
 Таллин см. Ревель
 Тарту см. Дерпт
 Тверское кн-во 107
 Твиремень, г. в Литве 145
 Тибр, р. 137
 Тобольск, г. 97
 Торунь, г. 228
 Троки, г. см. Троки Новые
 Троки Новые, г. 31, 156
 Троки Старые, г. 121, 139, 156, 159
 Туров, с. в Минской обл. 139, 150, 151, 155, 165, 173
 Турция 76, 215, 223
 Турья гора см. Вильно,
 Турова гора
 Тькотин, г. (в ПНР) 37
 Тюменская обл. 75, 97
 Угровск (Вгроск), г. на Волыни 101, 102
 Укмерге см. Вилькомир
 Украина (Русь Малая) 16, 17, 20, 79, 85, 86, 164, 169, 190, 193—194, 196, 203, 206, 214
 Украина сев. 151
 Уманский у. 79
 Упита, с. в Литве 232
 Утяны, с. в Литве 157
 Фастов, г. в Киевской обл. 197
 Фелич см. Феллин
 Феллин (Фелич), г. в Эстонии 225
 Фландрия, истор. обл. в Сев.-Зап. Европе 138
 Флоренция, г. 225
 Франция 137, 138, 184, 215
 Хойншиц, г. (в ПНР) 84, 99, 106, 117, 125, 128
 Холм, г. 101
 Хотин, г. 196, 198

- Царство Польское см. Польша
- Царьград см. Константинополь
- Церкви:
- Благовещения в Супрасльском м-ре 34
 - Благовещения в г. Витебске 221
 - Братская в г. Могилеве 189
 - Жировицкая в с. Жировицах Гродненской обл. 46
 - Михаила Великого в м-ре Святого Владимира в г. Владимире Волынском 109
 - Покрова Пречистые Богородицы в с. Слободиве 62
 - Пресвятой Богородицы в г. Слуцке 234—236
 - Святого Духа в г. Витебске 224
 - Святого Михаила в г. Витебске 221
 - Святого Николая в г. Могилеве 182
 - Святого Спаса в г. Могилеве 214
 - Святого Спаса в г. Полоцке 223
 - Святого Юрия в г. Слуцке 236
 - Святой Софии в г. Полоцке 225
 - Спасская в г. Могилеве 213
 - Успенская в г. Слуцке 235
 - Червоны городок, г. на Подолии 112
 - Черей, г. в Могилевской обл. 227, 229
 - Чериков, г. в Могилевской обл. 175, 197, 198
 - Чернигов, г. 14, 108, 112, 122, 134, 139, 150, 151, 154, 155
 - Черповоды, имен. в Уманском у. Киевской губ. 79
 - Чехия 41
 - Чигирин, г. в Черкасской обл. 196, 198
 - Шавры, имен. в Лидском у. Виленской губ. (совр. Гродненская обл.) 67, 68
 - Швеция (Шведское королевство) 176—178, 180, 183, 186, 191
 - Шаяитойа см. Святая Шерешева, местечко в Пружанском у. Гродненской губ. 42, 43
 - Ширвинта, р., приток р. Святая 138, 147—149, 159
 - Шклов, г. в Могилевской обл. 79, 196, 197, 211
 - Шльонская земля — Силезия, обл. Польши 166
 - Шотландия 137
 - Шума см. Зунд
 - Юра, р., приток р. Неман 92, 138, 147, 159
 - Юрборк (Юрбург) (совр.— Юрбаркас), г. в Литве 134, 138, 139, 147, 148
 - Юрьев см. Дерпт
 - Ярославль, г. 176
 - Ясельда, р., приток р. Припять 72, 126, 138, 151, 154, 159
 - Ятвяжская земля (Ятвягия) 126, 165

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава первая	
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	9
Глава вторая	
НАХОДКИ И ПУБЛИКАЦИИ ЛЕТОПИСЕЙ	29
♦ Супрасльская летопись	29
♦ Никифоровская летопись	45
♦ Слуцкая (Уваровская) летопись	48
♦ <i>Origo regis Jagyelo et Witholdi ducum Lithuaniae</i>	50
♦ Виленьская летопись	51
♦ Летопись Археологического общества	51
♦ Вольнская краткая летопись	52
♦ Летопись Рачинского	54
♦ Летопись Краснянского	55
♦ Ольшевская летопись	58
♦ Румяшевская летопись	61
♦ Ефремовская летопись	65
♦ Хроника Быховца	66
♦ Хроника Литовская и Жмойтская	74
♦ Баркулабовская летопись	79
Глава третья	
ЛЕТОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ МАЦЕЙ СТРЫЙКОВСКОГО	82
Общий обзор использованных Стрыйковским летописей	82
Географо-политическая терминология Стрыйковского	84
Летописи, которыми пользовался Стрыйковский	87
Цитирование Стрыйковским летописных текстов (передача «собственных слов летописцев»)	91
Система ссылок Стрыйковского на летописи	100
Ссылки на все или несколько летописей	110
Глава четвертая	
ЛЕГЕНДАРНАЯ ЧАСТЬ ЛЕТОПИСЕЙ И ХРОНИК	130
Общие положения	130
Первые варианты легенды	135
Географические представления летописцев	136
Генеалогия великих князей литовских	139

Образование государственной территории Великого княжества Литовского	147
Значение легенды	158
Легендарная часть летописей в литературе	169
Глава пятая	
ГОРОДСКИЕ ХРОНИКИ И ЛЕТОПИСИ	173
Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Трубицких	173
«Записки» игумена Ореста	203
Витебская летопись Пандярного и Аверки	218
Слуцкие хроники и летописи	231
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	237
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	239
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	240
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	253

Николай Николаевич Улащик

Введение в изучение

БЕЛОРУССКО-
ЛИТОВСКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
АН СССР

Редактор издательства С. А. Левина
Художник Н. А. Игнатьев
Художественный редактор Н. И. Власик
Технический редактор В. Д. Прилепская
Корректоры Д. Ф. Арапова, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 28473

Сдано в набор 27.09.84.

Подписано к печати 10.12.84.

Т-23205. Формат 60×90¹/₄.

Бумага книжно-журнальная импортная

Гарнитура литературная

Печать высокая

Усл. печ. л. 16,5. Усл. кр. отт. 16,5 Уч.-над. л. 20,3

Тираж 1950 экз. Тип. зак. 3690

Цена 3 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

Набрано в МПО «Первая Образцовая типография»
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

113054, Москва, Валуевая, 28

Отпечатано во 2-й типографии издательства «Наука»
421099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6. Зак. 1192

Издательство «НАУКА»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ. Т. 36

Сибирские летописи, ч. 1/ Ин-т истории СССР,
Ин-т истории, философии и филологии АН СССР,
Сибирское отделение АН СССР.—
М., 1985.— 50 л.— В пер.

Очередной том «Полного собрания русских летописей» включает памятники сибирского летописания XVII в., связанные с официальной тобольской летописью, которая создана в 1636 г. Саввой Есиповым. Впервые в полном виде, по шести редакциям, публикуется Сибирский летописный свод («Описание о городах и острогах Сибири»), а также многочисленные варианты древнейшего летописания Сибири.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.

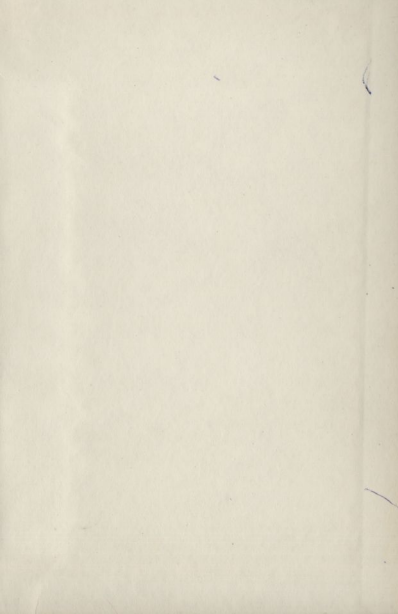
Сборник статей.

1984 г./ Ин-т истории СССР.— М., 1985.— 20 л.— В пер.

В сборник включены статьи о применении картографического метода в источниковедении, некоторых вопросах анализа договоров нефтепромышленных фирм конца XIX — начала XX в., о законодательных источниках по истории документирования сословной принадлежности в VIII — начале XX в., о формировании термина исторический источник.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192, МОСКВА, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345, ЛЕНИНГРАД, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшей магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091	АЛМА-АТА, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);	196034	ЛЕНИНГРАД, В/О, 9 линия, 16;
370005	БАКУ, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);	220010	МИНСК, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
320093	ДНЕПРОПЕТРОВСК, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);	103069	МОСКВА, ул. Горького, 19а;
734001	ДУШАНБЕ, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);	117312	МОСКВА, ул. Вавилова, 55/7;
375002	ЕРЕВАН, ул. Туманяна, 31;	630076	НОВОСИБИРСК, Красный проспект, 51;
664033	ИРКУТСК, ул. Лермонтова, 289;	630090	НОВОСИБИРСК, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
42 043	КАЗАНЬ, ул. Достоевского, 53;	142292	ПУЩИНО, Московская обл., МР, «В», 1;
252030	КИЕВ, ул. Ленина, 42;	620151	СВЕРДЛОВСК, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
252030	КИЕВ, ул. Пирогова, 2;	700029	ТАШКЕНТ, ул. Ленина, 73;
252142	КИЕВ, проспект Вернадского, 79;	700100	ТАШКЕНТ, ул. Шота Руставели, 43;
252030	КИЕВ, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);	700187	ТАШКЕНТ, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
277012	КИШИНЕВ, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);	634050	ТОМСК, наб. река Ушайки, 18;
343933	КРАМАТОРСК, Донецкой обл., ул. Марата, 1;	450059	УФА, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
660049	КРАСНОЯРСК, проспект Мира, 84;	450025	УФА, ул. Коммунистическая, 49;
443002	КУЙБЫШЕВ, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);	720001	ФРУНЗЕ, бульвар Держинского, 42 («Книга — почтой»);
191104	ЛЕНИНГРАД, Литейный проспект, 57;	310078	ХАРЬКОВ, ул. Чернышевского, 8 («Книга — почтой»);
199164	ЛЕНИНГРАД, Таможенный пер., 2;		

Sp. 100.